

Moiz
gek

*Май 20
век*

**ЕГОР
ГАЙДАР**

**ДНИ
ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД**



ВАГРИУС

**ЕГОР
ГАЙДАР**

ДНИ

ПОРАЖЕНИЙ И ПОБЕД

ББК 63.3(2)

Г 12

*Охраняется законом РФ
об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части
запрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки
нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

*В книге использованы
фотографии РИА-Новости,
ИТАР-ТАСС, агентства
«НГ-ФОТО»*

4700000000

Г
С82(03)-96

Без объявл.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-7027-0354-5

© Издательство «ВАГРИУС», 1996
© Е. Гайдар, автор, 1996
© Е. Вельчинский, В. Крючков,
дизайн серии, 1996

...Но пораженья от победы
Ты сам не должен отличать.

Борис Пастернак

ОТ АВТОРА

Эту книгу я начал писать в конце января 1996. Коммунисты только что триумфально выиграли выборы, рейтинг Ельцина, казалось, полностью утратившего связь с избирателями, опустился почти до нуля. Возможности предотвратить победу Зюганова — более чем призрачны.

В том, что ждет меня при победе коммунистов, иллюзий не возникало, достаточно было просмотреть любую из близких к ним газет: имя мое входило в каждый, сколь угодно краткий список главных врагов народа. Был убежден, что на этот раз коммунистический эксперимент не затянется, но экономику они развалят быстро, а значит, враги народа, на которых можно свалить вину за это, потребуются незамедлительно. Твердо решил, что из страны в любом случае не уеду, не могу доставить коммунистам такого удовольствия. А книгу начал писать. Ведь потом, после того, как все это рухнет, страна вновь окажется в хаосе между неработающим рынком и неисполняющимися приказами, подобном тому, в каком уже была в 1991. Кому-то вновь придется брать на себя ответственность, пытаться создать базу устойчивого развития России на основе рынка и частной собственности. Тогда пригодится опыт наших побед и поражений.

Наверное, если бы знал, когда садился за книгу, как повернутся события на протяжении следующих месяцев, написал бы иначе или вовсе не начал бы —

странновато работать над мемуарами в сорок лет. Сейчас, летом 1996, после победы Ельцина на выборах, перечитав рукопись, решил все-таки ее опубликовать. За время работы успел убедиться, каким количеством мифов, укоренившихся в публицистике, в общественном сознании, даже в школьных учебниках, успели обрести последние пять драматических лет российской истории.

Знаю об этих годах не понаслышке и больше многих. Думаю, имею право поделиться своим видением происходившего. В предыдущей книге «Государство и эволюция» (1994 г.) я попытался показать связь социализма с экономической историей России, причины его упадка и крушения. Теперь же решил сосредоточить внимание на бурных событиях начала 90-х годов.

На мой взгляд, то, чему мы в это время стали свидетелями, было революцией, сопоставимой по своему влиянию на исторический процесс с Великой Французской революцией, Русской революцией 1917 года, Китайской — 1949 года. Страна пережила крах основных экономических и политических институтов, радикальные изменения социально-экономического строя, доминирующей идеологии.

Слово «революция» звучит романтично. Но она всегда трагедия для страны, для миллионов людей, это огромные жертвы, социальные и психологические перегрузки. Сама революция — жесткий приговор элитам старого режима, расплата за их неспособность своевременно провести необходимые реформы, обеспечить эволюционное развитие событий. Когда сейчас перелистываю работы по истории великих революций прошлого, в глаза бросаются очевидные параллели с тем, что произошло у нас. Развертывание финансового кризиса во Франции в конце 80-х годов XVIII века, при всем очевидном различии уровней экономического развития, поразительно напоминает историю развала советских финансов. Пережив продовольственный кризис зимы 1991—1992 годов, куда лучше понимаешь,

что происходило со снабжением российских городов в 1917—1921 годах.

Распространенной ошибкой при обсуждении проблем новейшей российской истории является смешение ключевых вопросов, решавшихся на ее отдельных этапах. Разумеется, не претендуя на истину в последней инстанции, выскажу свое мнение о том, как мне видится периодизация происходившего.

1985—1991 годы — обостряющийся кризис социализма. Главная проблема — сумеет ли коммунистическая элита справиться с этим кризисом, направить развитие по эволюционному пути, предотвратить социальный взрыв.

Август 1991 — октябрь 1993 — революционное крушение старого режима и борьба за стабилизацию институтов нового. Главная проблема — удастся ли предотвратить продовольственную катастрофу и полномасштабную гражданскую войну, сформировать дееспособные политические и экономические институты гражданского общества.

Октябрь 1993 — июль 1996 — стабилизация послереволюционного режима. Главная проблема — удастся ли остановить неизбежную и мощную волну контрреформации, порожденную тяготами пережитых лет, не допустить радикальной ломки сформированных рыночных и демократических институтов.

Июль 1996 года и далее — восстановление экономического роста на рыночной и частной основе. Главный вопрос — какой капитализм мы получим: бюрократический, коррумпированный, где острое социальное неравенство порождает волны социально-политической нестабильности, или цивилизованный капитализм, подконтрольный обществу. Именно этот выбор, как мне кажется, будет стержневым в российской политике на ближайшие годы.

Разумеется, этапы, которые я обозначил, не разделены жестко. И все же выделить стержневые вопросы,

на мой взгляд, важно, — без этого трудно понять логику происходящего.

Эта книга не претендует на политико-экономический анализ постсоциалистической трансформации, детальное изучение стратегий реформ, примененных в различных странах, их результатов. Здесь мне хотелось рассказать, как видел все происходившее молодой ученый из интеллигентной московской семьи, волею судьбы втянутый в круговерть новейшей российской истории. Надеюсь, что это поможет лучше понять, о чем я и мои коллеги-единомышленники думали, чего опасались и на что надеялись, когда разрабатывали и проводили в жизнь стратегию и тактику рыночных реформ в России.

Глава 1 ДЕТСТВО

*Дедушку вашего знаем. А вы кто такой? · Два Аркадия
Гайдара · Павел Бажов · Куба · Югославия · В роли
бухгалтера · Летние каникулы · Дочь любимого писателя ·
Странное слово «инфляция» · Вторжение в Чехословакию ·
Конец детства*

Первый вопрос, который мне задали на Верховном Совете РСФСР сразу после назначения вице-премьером российского правительства, если не ошибаюсь, звучал так: «Ну, дедушку-то вашего все знают. А вы что делать собираетесь?» Бесконечное количество раз потом приходилось выслушивать упреки коммунистов в том, что отрекся-де от того, за что воевал и погиб дед Аркадий Петрович Гайдар, за что боролся мой отец Тимур Гайдар. Не могу не признать: история страны действительно причудливо переплелась с нашей семейной историей. Аркадий Гайдар для меня с детства существовал как бы в двух образах. Один был неотъемлемой частью коммунистических святцев: отряд имени Аркадия Гайдара, дружина имени Аркадия Гайдара, школа имени Аркадия Гайдара, пионерлагерь имени Аркадия Гайдара. Аркадий Гайдар в 17 лет командовал полком. «Тимур и его команда».

И был другой Аркадий Гайдар, тот, которого я знал по рассказам отца, бабушки, по многим любимым книгам.

Первый был такой коммунистический святой, рыцарь без страха, упрека и сомнений. Второй — храбрый, талантливый, несчастный человек, судьба которого отмечена трагедией революции и гражданской войны.

Сыну школьного учителя из Арзамаса было 13 лет, когда развалился царский режим в России и наступило жестокое и смутное время.

В разодранной надвое России логика жизни, происхождения толкнула его на сторону красных. Он крепко поверил в то, что коммунистическая идея — светлое будущее человечества. В 14 лет он ушел воевать, в 14 лет был впервые ранен. Через шесть лет, тяжело больной, контуженный, в чине командира полка уволен из Красной Армии.

Звучит очень романтично — в 17 лет командовал полком. Но при этом надо понимать, что такое гражданская война, какая страшная судьба, какая огромная тяжесть за всем этим стоит, сколько убитых тобой или по твоему приказу, — пусть даже во имя дела, которое тебе кажется правым, — твоих же соотечественников. Отец вспоминал, что дед всегда отказывался рассказывать что-либо о гражданской войне. Иногда, если очень настаивали, мог запеть какую-нибудь военную песню. В его поздних дневниках есть запись: «Сняты мне убитые мною в юности на войне люди». С таким детством и юностью немудрено стать мизантропом. А он стал писать поразительно светлые, талантливые книжки.

Иногда кажется, что действительно взрослость, ответственность пришли к нему слишком рано. У него просто не хватило времени наиграться. Пожалуй, больше всех из его книг люблю «Школу». А когда совсем недавно впервые посетил его родной Арзамас, понял и полюбил ее еще больше. К книгам деда не могу относиться отстраненно. В «Военной тайне» хорошо вижу его отношения с отцом, в «Голубой чашке» узнаю очень энергичный, но нелегкий характер бабушки. А наименее близка мне, наверное, книга «Тимур и его команда», уж больно правильный там Тимур.

Думаю, что дед всю жизнь, до своей гибели в 1941 году, продолжал верить в ту же коммунистическую идею, за которую ушел сражаться в четырнадцать лет. Но с течением времени ему все труднее было ассоциировать эту идею с картинами реального советского мира. Отец говорит, что для деда тяжелейшей траге-

дией был арест ведущих военачальников гражданской войны, у которых он служил: Тухачевского, Блюхера. Он не мог поверить в их измену и одновременно в то, что обвинение ложно. Придумывал для себя самые фантастические объяснения. Примечательно, что ни в его прозе, ни даже в его журналистских публикациях и выступлениях по радио — никогда ни разу не упоминался Сталин. Не знаю, было ли это осознанно. Но ясно, что Сталин был внутренне чужд светлой картине мира, за который Аркадий Гайдар готов был бороться.

Мироощущение деда было пронизано ожиданием приближающейся новой страшной войны. И потому свой долг писателя он видел в том, чтобы готовить юных читателей к предстоящим тяжелым испытаниям. Предстоит суровая схватка, все силы нужны на борьбу с врагом. Сейчас не до того, чтобы копаться в собственных, пусть даже очень серьезных сомнениях. И все-таки ближе к войне зазор между тем, во что он верил и что видел перед собой, становился все более очевидным.

Отец говорит, что ему казалось: война для деда в каком-то смысле была выходом. Она устраняла психологическую внутреннюю раздвоенность, вновь четко и определенно разделяла мир на друзей и смертельных врагов, требовала ясных решений, личного мужества, готовности умереть за дело, в которое веришь, не мучаясь сомнениями, а правое ли это дело.

Дед погиб в октябре 41-го в партизанском отряде в бою с немецкими национал-социалистами, которых в России было принято называть фашистами. Никак не могу понять, какое право имеют нынешние идейные наследники нацистов претендовать на моральное наследство Аркадия Петровича. И честно говоря, не могу представить себе деда после войны, в удушающей обстановке показного патриотизма, нарастающего антисемитизма, погромных литературных и музыкальных идеологических кампаний.

У моего отца, Тимура Гайдара, было своеобразное детство: одновременно и интересное, и сиротское.

С одной стороны, знаменитый, талантливый, неистощимый на выдумки отец, интеллигентная московская предвоенная компания, друзья, знакомые по писательскому Коктебелю, среди ближайших друзей братья Шиловские, сыновья генерала Шиловского и Елены Сергеевны Булгаковой. Уютный дом Михаила Булгакова и Елены Сергеевны, как мне кажется, для него навсегда остался образцом.

А с другой стороны, ранний развод родителей, арест отчима, потом мамы.

Когда началась война, отцу было четырнадцать. Как и другие подростки, он стремится попасть на фронт. Работа на военном заводе, с шестнадцати лет — военно-морское училище, служба на Балтике на подводных лодках.

В это время молодой, еще очень наивный лейтенант Тимур Гайдар пишет письмо в теоретический орган партии, журнал «Большевик», с просьбой разъяснить ему причины расхождений между последними выступлениями Сталина и азбукой марксизма. Видимо, письмо попало в руки храброго и честного человека, может быть, помогла фамилия... Как бы то ни было, к счастью для лейтенанта, обошлось без последствий.

В 1952 году слушатель факультета журналистики Военно-политической академии Тимур Гайдар встретил Ариадну Бажову — преподавателя истории в Уральском университете, дочь известного писателя Павла Петровича Бажова. Ночью перед свадьбой он поведал ей, что считает Сталина предателем дела Ленина и социализма, но убежден, что святое это дело все равно победит. Мама поплакала, представила себе грядущую тяжелую судьбу, однако, хоть и была правоверной комсомолкой, замуж за старшего лейтенанта все-таки пошла и, насколько я знаю, ни разу об этом не пожалела.

Павел Петрович Бажов по судьбе, характеру во

многим полная противоположность Аркадию Петровичу. Если от Гайдара в семье осталась страсть к приключениям, то от Павла Петровича — спокойная рассудительность и основательность. Мальчишка из семьи уральских горнорабочих как-то подошел к учителю и попросил что-нибудь почитать. Тот дал ему первый том Пушкина и сказал: выучишь наизусть, придешь за вторым. Когда Павел Бажов выучил наизусть все тома собрания сочинений, учитель решил, что парень он толковый и заслуживает покровительства.

Потом была Духовная семинария, учительская работа и на многие годы — страстное увлечение собиранием уральского фольклора.

В гражданскую войну Бажов, как и Аркадий Петрович, воевал на стороне красных. Потом была семья, семеро детей, учительство, журналистика. В 38-м году его исключили из партии и вызвали в НКВД. Бабушка, Валентина Александровна, собрала чемоданчик, и дед отправился по хорошо известному в Свердловске адресу. Однако к этому времени черед репрессий докатилась до самого НКВД, и в страшной системе начались сбои. Просидев несколько часов в приемной, Павел Петрович так и не дождался аудиенции. К счастью, не пошел узнавать по начальству, почему его вызывали и не принимают, тихо вышел, вернулся в свой дом на Чапаева, 11 и после этого больше года никуда из него не выходил. Большая семья жила на учительскую зарплату бабушкиной сестры Натальи Александровны, а дед работал в огороде и колдовал над своим любимым детищем — накопленной за десятилетия огромной картотекой уральского фольклора.

Спустя год с небольшим он прочитал бабушке и маме свои первые сказы. Полоса репрессий к этому времени пошла на убыль, деда восстановили в партии, вскоре он стал автором знаменитой книги «Малахитовая шкатулка».

...Калейдоскоп моих первых детских воспоминаний. Самое впечатляющее — это, конечно, Куба. Я попал

туда в 1962 году, в канун Карибского кризиса, мне было шесть лет. Отец работал корреспондентом «Правды», оказался на Кубе еще во время событий на Плайя-Хирон, потом привез туда нас с мамой. Поразительно яркие воспоминания о революционной Кубе: еще работающая, не развалившаяся американская туристская цивилизация вместе с неподдельным веселым революционным энтузиазмом победителей, многолюдные митинги, песни, карнавалы...

Окно моей комнаты в отеле «Риомар» выходит прямо на Мексиканский залив, внизу плавательный бассейн, рядом с ним — артиллерийская батарея. Здание, в котором жили дипломаты и специалисты из Восточной Европы, периодически обстреливают. Наша батарея стреляет в ответ. Из окна виден лозунг в желтом неоне: «Родина — или смерть!», и в голубом: «Мы победим!». Уборщица ставит в угол автомат и берет швабру.

Прямо по траверсу — всегда американский разведывательный корабль. В разгар Карибского кризиса на горизонте дымное марево от судов 7-го Флота. У нас дома друзья отца, советские военные из группы войск, переброшенных на Кубу. Они иногда берут меня с собой в казармы, дают лазить по танкам и бронетранспортерам. У нас дома в гостях Рауль Кастро, Эрнесто Че Гевара. Отец ездит с Че Геварой стрелять по мишеням из пистолета.

Куба с ее молодой революцией страшно интересна для левых всего мира. В Гаване много журналистов из соцстран. Чехословацкое телеграфное агентство представляет хороший приятель отца, Ярослав Боучек. Они часто о чем-то спорят, я не понимаю. Зато очень дружу с его детьми — Петром и Ярославом, моими ровесниками.

С Брайаном Поллитом, английским экономистом, сыном одного из основателей Британской компартии, и его женой Пенни едем вместе в большое путешествие по Кубе на их «ландровере». На севере Ориенте, в

одном из самых диких мест, мощная машина намертво застревает в болоте. В этом районе неспокойно. Отец и Брайан берут пистолет, идут искать подмогу. Второй пистолет оставляют мне, доверяя охранять женщин: маму и Пенни. Все строго в семейных традициях, убежден, и дед не смог бы отказаться от такой возможности воспитания в сыне храбрости. Часа через два они возвращаются, нашли негритянскую деревушку. Жители пригнали волов, вытаскиваем машину, потом спим в хижине за плотным марлевым покрывалом, страшно много комаров, прекрасно это помню.

...Вообще в нашей семье трусость, даже намек на нее, считались самым страшным пороком. Отец прыгает с вышки бассейна, предлагает и мне сделать то же самое. Это приглашение не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Однако прыгаю, больно шлепаюсь животом о воду, но делаю вид, что получаю немислимое наслаждение.

Там же, на Кубе, первое знакомство с экономическими проблемами. В Гаване снабжение неважное, у нас дома на завтрак традиционный омлет из яичного порошка, слава Богу, бабушка прислала его целый ящик с аэрофлотовским экипажем. Фрукты в магазине по карточкам. А в ста километрах от Гаваны они лежат гниющими горами. Перевезти их оттуда и продать здесь нельзя, это называется словом «спекуляция». Почему так, понять не могу. И никто объяснить этого не может.

Идет время, вижу, что отец в разговорах с кубинскими друзьями все чаще начинает раздражаться, все время говорит о каком-то НЭПе. Возвращаясь домой, ругает идею экспорта революции. И это тоже пока далеко за пределами моего разумения. Я твердо убежден: Советский Союз, лидирующий в космосе, приходящий на помощь борющимся против империализма народам — оплот мира и справедливости. Моя страна — самая лучшая страна в мире, за ней будущее, мы стоим за правое дело и в нелегкой борьбе его отстоим.

Простой, веселый, романтический мир. Главное, не трусь, храбро бейся с врагами — и победа не заставит себя ждать.

Возвращаемся в Москву осенью 1964-го. У нас открытый дом, много гостей, приходят друзья отца: писатели, поэты, журналисты, военные. Часто бывают Ярослав Смеляков, Даниил Гранин, Юрий Левитанский, Давид Самойлов, Егор Яковлев, Григорий Поженян, Яков Аким, Лен Карпинский. Мне разрешают оставаться в комнате, слушать взрослый разговор, но ни в коем случае в него не вступать. Бурные споры о хозрасчете, рынке, рыночном социализме, необходимости экономических реформ, политических свобод.

Снят Хрущев. Объявлена косыгинская экономическая реформа. Отец и гости ее приветствуют, она, по их словам, дает надежду на лучшее. Никто не ставит под сомнение социализм, речь идет о сталинских деформациях и их исправлении. Постепенно кое-что из сказанного начинаю понимать.

В 66-м вместе с отцом и мамой уезжаем в Югославию. Отца назначают туда корреспондентом «Правды». Поразительно интересное по тем временам место. Югославия — единственная страна с социалистической рыночной экономикой. В 65-м здесь существенно демократизирован политический режим, идут экономические реформы, вводится рабочее самоуправление. Страна поражает невиданным по советским масштабам богатством магазинов, открытостью общественных дискуссий, публичным обсуждением проблем, которое совершенно немыслимо у нас. Белград — небольшой, но на редкость уютный, интересный город. В советской школе, где я учусь, ребята из Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, ГДР, Кубы, Монголии. Настоящий интернациональный детский клуб, где мы живо интересуемся делами друг друга, тем, что происходит в наших странах. Впервые начинаю внимательно следить за экономическими новостями, вникать в те проблемы, с которыми столкнулись югославские реформы.

Югославия — шахматная страна, и шахматы надолго заняли важное место в моей жизни. Играть я начал с шести лет, а жизнь в этой стране предоставила мне возможность лично познакомиться с ведущими шахматистами того времени. В доме у нас бывали Спасский, Петросян, Смыслов, Бронштейн, Тайманов, Таль. Мне довелось наблюдать, как они между собой играют блиц. Суэтин и Тайманов снисходили до того, что играли и со мной, мальчишкой. В Югославии я играл в составе юношеской команды общества «Рад». Увлечение шахматами закончилось на втором курсе института, когда я понял, что они отвлекают от более серьезного увлечения — экономики.

Есть такой феномен — гиперюношеская память. Это необычно развитая память в юношеском возрасте. Что-то подобное было у Павла Петровича. Сегодня вижу эту особенность у моего младшего сына. Павлу абсолютно безразлично, что запоминать — номера телефонов в телефонной книге, таблицу умножения или сводки урожайности зерновых, оказавшиеся на моем столе. Видимо, это же было и у меня. Я довольно быстро заметил, что мне не составляет труда запомнить содержание просмотренного статистического ежегодника Югославии или случайно попавшегося учебника. На редкость удобное свойство для учебы в школе и институте. Потом, когда к двадцати годам эта способность начинает ослабевать, чувствуешь себя как без рук, будто в компьютере отказала оперативная память.

Отец, которому по наследству от деда досталась некоторая финансовая безалаберность, всегда тяготился отчетностью и бухгалтерией. Заметив, как легко мне дается все, что связано с цифрами, он повесил на меня, десятилетнего мальчишку, составление ежемесячного финансового отчета корпункта. Не исключено, что и это повлияло в какой-то степени на мой выбор будущей профессии.

Однако тогда я еще буквально бредил морем и был убежден, что мне уготована морская служба, судьба

флотского офицера. Интереснее этого, считал я, нет ничего на свете.

Летом на школьные каникулы меня обычно отправляли либо к бабушке Валентине Александровне в Свердловск, в дом Павла Петровича, либо к другой бабушке, Лии Лазаревне, которая снимала дачу под Звенигородом в деревне Дунино. Места исключительно красивые. Недаром Михаил Михайлович Пришвин, знаток и ценитель Подмосковья, выбрал себе для жилья именно эту деревню. Наша избушка как раз соседствовала с его дачей.

В бажовском доме в Свердловске все дышало уютом, видно было, что здесь жила большая дружная семья. Теперь семья разъехалась, остались лишь двое — бабушка и мой любимый старший брат Никита, которому контрабандой от родителей поставляю кубинские сигареты. В жизни мне пришлось сменить несчетное количество квартир, но, пожалуй, самое глубокое чувство дома навсегда осталось от маленького деревянного строения на улице Чапаева, окруженного садом, который посадил мой дед.

А в Дунино было очень весело, там большая, шумная детская компания, хорошие друзья, многие из которых потом останутся на годы. Там и моя первая детская любовь, девочка Маша с огромными загадочными глазами. Популярность братьев Стругацких в это время была немислимая. Маша, дочка Аркадия Натановича, стеснялась этой славы и скрывала от нас свои родственные связи. Позднее, года через три нашей дружбы, я искренне изумился, узнав, что ее отец — один из моих самых любимых писателей. Между прочим, мои пылкие чувства в то время ее ни в малой мере не занимали. Если я и интересовал ее, так это только как своеобразный феномен, которому можно было задать самый неожиданный вопрос и получить точный ответ, ну скажем, об урожае риса в Китае в 1965 году или о производстве стали в Люксембурге в 1967 году.

Потом, годы спустя, мы как бы вновь познакоми-

лись, имея за плечами каждый свою судьбу, не слишком удачные браки, детей. Маша вышла за меня замуж, у нас, наверное, самая счастливая семья из всех, что мне приходилось видеть в жизни. Только в последние годы Маша иногда грустит, говорит, что, выходя замуж за надежного внука Павла Петровича Бажова, совершенно не ждала от меня приключений в стиле Аркадия Гайдара.

С Аркадием Натановичем Стругацким мы впоследствии подружились. По-моему, он уважал меня не как Машиного мужа, а просто как интересного ему человека, после одной из моих статей, в которой его привлек нестандартный подход к нашей экономике. Он же поражал меня парадоксальным сочетанием такого политического инфантилизма с богатейшей интуицией, выходявшей далеко за границы возможного, способностью прогнозировать ситуацию далеко вперед. В 70-е годы среди поклонников таланта братьев Стругацких существовала легенда, что на самом деле они инопланетяне, посланные в нашу цивилизацию. Должен сказать, что при общении с Аркадием Натановичем эта идея никогда меня окончательно не покидала. Впрочем, я несколько забегаю вперед.

А тогда Стругацкие действительно были для меня намного больше, чем просто писатели. «Понедельник начинается в субботу», «Трудно быть богом», «Обитаемый остров», многое-многое другое. Книги их во многом формировали мир, нормы поведения, цель в жизни. Смешно, но я действительно точно помню, что твердо решил разобраться в вопросах экономики и причинах инфляции, прочитав завершающую часть «Обитаемого острова». Там Странник говорит Максиму: «Ты понимаешь, что в стране инфляция? Ты вообще понимаешь, что такое инфляция?» Захотелось не быть дурнем и разобраться. Тогда впервые начал искать специальные книжки по экономике.

Летом 1968 года я был в Дунино. По газетам следил за тем, как развиваются события в Чехословакии.

Утром 21 августа услышал о письме безымянной группы членов чехословацкого руководства и об «интернациональной помощи», которую оказывают Чехословакии войска Варшавского договора. Откровенная ложь официальной версии, аморальность происходящего бросались в глаза даже мальчишке. Что за чушь? Ну какие там войска ФРГ готовятся вторгнуться в Чехословакию? И что это за правда, которую навязывают народу с помощью танков?

Уютный привычный мир моего детства, где было все так хорошо и понятно, где была прекрасная добрая идея, красивая страна, ясные цели, вдруг дал трещину и начал рушиться. Детство неожиданно кончилось.

Глава 2

В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ

Знакомство с марксизмом · Адам Смит в подарок · В мире запретной литературы · Кто виноват? И что делать? · Московский Университет · В лабиринтах социалистической экономики · «Рыночный социализм»? · Институт системных исследований · Готовых рецептов нет · Только радикальная реформа!

Осень 68-го. Снова Югославия. Белград встречает хмуро. В Сербии традиционно доброе отношение к русским, здесь их любят, пожалуй, больше, чем где бы то ни было в мире, может быть, за исключением Черногории. Сейчас, после пражских событий, настроение настороженное. Опасаются, что за вторжением в Прагу наступит очередь Югославии.

Мне хочется разобраться в том, что же произошло, в чем причины крушения уютного, светлого мира и справедливой идеи? Бросаюсь к книжкам. Именно тогда открываю для себя мир оригинального марксизма. Для многих моих современников знакомство с марксизмом прошло скучно, через школьное обществоведение, банальные, заезженные цитатки, поразительно унылые курсы исторического и диалектического материализма, нудную зубрежку.

Мне довелось открыть марксизм для себя по-другому — самостоятельно, следуя осознанному желанию разобраться в происходящем. Я помню, каким огромным событием стало знакомство с ним: «Коммунистический манифест», первый том «Капитала», «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и, особенно, — том за томом работы Г. Плеханова.

Приобретенные ранее разрозненные знания по истории, от Момзена до Ключевского, приобрели вдруг внутреннюю гармонию, сложились в единую, логичную, убедительную картину мирового развития.

В Югославии круг разрешенного чтения был существенно шире, чем в Советском Союзе. Роясь в книгах Бернштейна, Гароди, Шика, постепенно продельваю путь, естественный для горячего энтузиаста марксистской методологии, пытающегося применить его к социалистическим реалиям. Бюрократия, как новый класс, вставшая над обществом, корни ее могущества в присвоении государственной собственности, противоречия между огосударствленной бюрократической собственностью и потребностями развития производительных сил, отсутствие стимулов к труду, инновациям — все это вырисовывается как важнейший экономический антагонизм бюрократического социализма.

Прочитанный «Новый класс» Милована Джиласа очень хорошо ложится на это формирующееся мировоззрение, подводит к осознанию необходимости покончить с монополией бюрократии на собственность. И перейти от бюрократического государственного социализма к социализму рыночному, базирующемуся на рабочем самоуправлении, широких правах трудовых коллективов, рыночных механизмах, конкуренции. А поскольку бюрократия по доброй воле собственность не отдаст, предстоит тяжелая борьба за нее. Борьба эта будет нелегкой, но успешной: ведь бюрократический социализм, это очевидно, не эффективен, он сковывает инициативу и самостоятельность людей, их свободу, а следовательно — и рост производительных сил. Все в точности по Марксу.

Но то, что кажется логичным в теории, на практике выглядит по-иному. Мне повезло, что я оказался в Югославии, ведь именно Югославия — полигон рабочего самоуправления и рыночного социализма. Хочу разобраться в перипетиях экономической реформы и понимаю бесконечную ограниченность собственных экономических знаний. Пытаюсь поправить дело. Старший брат Никита дарит книжку, ставшую любимой на десятилетия, двухтомник Адама Смита 1938

года, изданный в мягком переплете. Здесь другая — либеральная и тоже целостная картина мира.

Достаю изданный в 1963 году небольшим тиражом базовый университетский учебник экономики, очень популярный в эти годы в Америке, да, пожалуй, и по всему миру — «Экономику» П. Самуэльсона. Убеждает прагматичный анализ и изложение закономерностей действия рыночных механизмов. И хотя остаюсь ортодоксальным марксистом в понимании закономерностей общественного развития, впервые закрадываются сомнения, а состоятельна ли микроэкономическая база «Капитала»? Или трудовая теория стоимости? Уж больно архаичны они в сравнении даже с упрощенным миром учебника Самуэльсона.

В Москве мне повезло: попадаю в школу № 152, лучшую из всех, в которых довелось учиться. Здесь необычно приятная, либеральная атмосфера. Литературу преподает Ирина Данииловна Войнович, моя любимая учительница, жена прекрасного писателя Владимира Войновича. Скучный, казенный курс русской литературы у нее становится живым, ярким. Сокращая до минимума время, отведенное учебным планом на изучение романа «Мать» Горького или «Любови Яровой» Тренева, Ирина Данииловна посвящает нас в российскую поэзию серебряного века, вместе с нами обсуждает прозу М. Булгакова, ведет диспуты по произведениям А. Солженицына. В классе очень много интересных ребят. Мои ближайшие друзья — Витя Васильев и Юра Заполь. У нас тесная, дружная компания. У каждого есть свои сильные стороны. Виктор, впоследствии российский математик с мировым именем, показал мне, как надо шелкать задачи математических олимпиад. Юра Заполь, во время реформ ставший одним из крупнейших предпринимателей рекламного бизнеса, тогда поражал меня способностью играть в шахматы «вслепую».

Вместе обсуждаем традиционные русские вопросы — кто виноват, что делать? В оценке брежневской

действительности, идиотизма происходящего разногласий нет. Вопрос: можно ли что-нибудь изменить, если можно, то как? Идти в народ, клеить листовки, разворачивать пропаганду, готовить покушения на Брежнева и Андропова? Убедительных ответов нет. Постепенно приходит понимание, что советское общество при всем его видимом несовершенстве, при всем ханжестве идеологии, при очевидных экономических глупостях административной экономики, на редкость устойчивая система, никакими булавочными уколами ее не поколебать.

В 1973 поступаю на экономический факультет Московского государственного университета. Учиться и легко, и сложно. Стержень обучения, его основа — марксистская экономическая ортодоксия. К концу обучения студент-отличник должен знать близко к тексту три тома «Капитала», уметь жонглировать цитатами. Это, разумеется, не отменяет необходимости знать десятки других работ Маркса, Энгельса, Ленина, партийных документов. Суть задачи образования — подготовить специалистов, которые мастерски могут обосновать любые меняющиеся решения партии ссылками на авторитет основоположников марксизма-ленинизма. Учиться просто, потому что базовые работы я хорошо знаю. Цитаты отскакивают у меня от зубов, как «дважды два — четыре».

И вместе с тем все больше накапливается чувство дискомфорта, неудовлетворенности: искусство софистики, игра тезисами, идеологическая «гибкость» не дают ощущения состоятельности изучаемой науки. Спасает университетская библиотека, она открывает огромные возможности для самообразования. Рикардо, Милль, Бем-Баверк, Джевонс, Маршалл, Пигу, Кейнс, Шумпетер, Гэлбрейт; Фридман и многие, многие другие. Знакомство с первоисточниками не слишком поощряется, но и не возбраняется.

Постепенно к чувству удовлетворенности от прибывающих знаний примешивается сложное чувство осо-

знания краха прежних, казалось бы прочно устоявшихся убеждений, по швам трещит каркас сформировавшегося юношеского мировоззрения. Именно в это время выявляется несовершенство всей конструкции «Капитала», становится ясно, что в марксизме интересны не конкретные экономические рассуждения, а сама логика социально-исторического процесса. В этой области работы Маркса остаются убедительными.

Труднее принять другое. Когда начинаешь детально разбираться во внутренних несущих конструкциях рыночного социализма, понимаешь — работать все это по-настоящему эффективно не может. Как заставить предприятия, действующие в условиях рабочего самоуправления, создавать новые рабочие места? Как обеспечить перераспределение капитала в пользу быстро растущих хозяйственных звеньев? Как решать вопросы резкой дифференциации заработной платы на предприятиях? Эти проблемы накладываются на известные мне югославские реалии, за которыми продолжаю внимательно следить. И становится очевидным, что экономика Югославии обрекает страну на безработицу и ускоряющуюся инфляцию. И уж никак не годится на роль образца счастливого будущего.

В результате оказываюсь в интеллектуальном тупике. Государственный социализм создает экономическую базу для всевластия бюрократии, рыночный — все более очевидно демонстрирует свою неэффективность.

Постепенно приходит убеждение, что готового теоретического ответа на все эти проблемы просто не существует. И значит, надо лезть вглубь, разбираться в деталях, в том, как на практике работает социалистическое хозяйство, изучать экономику предприятий, реальные механизмы их взаимодействия с партнерами, трудовым коллективом, вышестоящим начальством.

Остро не хватает практических знаний. Хотя с жизнью на практике знаком совсем неплохо. Я рано женился. Наверное, потому, что с детства вел семейный

бюджет, не мог себе позволить брать у родителей деньги. Наша молодая студенческая семья жила скромно. С друзьями Аркадием Вилитенко, Сергеем Богдановым, Рубеном Саакяном, Сашей Пагоным ходили разгружать вагоны. Потом начал переводить с английского для ИНИОНа. После одного из семинаров доцент, впоследствии профессор кафедры экономики промышленности, Виталий Исаевич Кошкин позвонил мне к себе, сказал, что хочет быть моим научным руководителем, предложил специализироваться по кафедре экономики промышленности и тут же зачислил на хоздоговор, который кафедра выполняла по заказу Министерства электротехнической промышленности. Кафедра давала возможность работать с конкретной экономической информацией, да и деньги были в высшей степени не лишними, поэтому предложение с удовольствием принял.

Виталий Исаевич стал моим руководителем по дипломной работе, потом кандидатской. Мы написали с ним вместе много статей, пару книжек. В. И. Кошкин человек совершенно неумной энергии, иногда мешающей ему в научной работе. У Виталия Исаевича есть свойство, не так уж часто встречающееся у преподавателей, — ему действительно интересны студенты, он любит с ними работать, умеет отслеживать толковых ребят, вовлекать их в круг своих научных поисков. Позже, в 1992 году, он создал и возглавил «Высшую школу приватизации». Несмотря на разногласия по различным конкретным экономическим вопросам, мы с ним навсегда остались друзьями.

Итак, специализируюсь по кафедре экономики промышленности. Дипломная работа — «Показатели оценки деятельности в хозрасчете предприятий (на примере электротехнической промышленности)».

Сходными темами продолжаю заниматься и в аспирантуре. Все в большей мере проникаюсь убеждением, что иерархическая экономика, подменившая рынок бюрократическими связями, обладает своими специфи-

ческими закономерностями, ничего общего не имеющими с банальными законами политэкономии социализма, как, впрочем, и с предельно упрощенными моделями командной экономики, которыми оперирует экономическая советология.

В 80-м году досрочно защищаю кандидатскую диссертацию. К этому времени точно знаю, что буду делать дальше. Хороший знакомый отца, профессор-экономист Валентин Терехов, с которым немало спорили о проблемах экономических реформ при социализме, давно зовет к себе в Международный научно-исследовательский институт проблем управления, созданный совместно с Чехословакией, ГДР, Польшей, Венгрией, Болгарией, Кубой, он там заместитель директора. Это как раз то, что мне надо, ведь я специализируюсь по теме сравнительного исследования хозяйственных механизмов.

Получаю из института заявку на распределение. И тут меня ждет, пожалуй, первая в жизни заковыка, связанная с фамилией. Нужно формальное утверждение Государственного комитета по науке и технике. Если бы речь шла об Иванове или Сидорове — оно чистая формальность, младшие научные сотрудники — не главная проблема комитета. А тут Гайдар. Раз Гайдар — значит, по блату. Если по блату — то почему не как принято, не через начальство, без звонка по вертушке?.. Разумеется, безработица мне не грозит, у меня немало других предложений, зовут в Институт экономики Академии наук, предлагают сектор в одном из отраслевых институтов, но все это не соответствует тому, на что настроился и чем собираюсь заниматься.

Впрочем, нет худа без добра. С подачи того же Валентина Федоровича Терехова поступаю во Всесоюзный научно-исследовательский институт системных исследований (ВНИИСИ), там тоже предполагается развернуть работы по анализу экономических реформ в соцстранах. Так я оказался в коллективе, работа в котором стала для меня важным жизненным этапом.

Этот институт был создан в 1977 году заместителем председателя Государственного комитета по науке и технике Джерменом Гвишиани, который и стал его директором. По идее институт должен был представлять собой советский аналог «Рэнд корпорейшен»: объединив способных экономистов, математиков, системщиков, философов, специалистов по организационным структурам, развернуть серьезные теоретические исследования и решать самые сложные задачи государственного масштаба. Место Джермена Гвишиани, зятя Косыгина, в формальной и неформальной иерархии советского общества того времени обеспечивало институту хорошие связи, а следовательно, и относительную идеологическую автономию.

Если экономический факультет МГУ, на котором мне довелось до этого учиться и работать, проходил по ведомству, возглавляемому серым кардиналом политбюро Михаилом Суловым и находился под самым жестким идеологическим контролем, то здесь господствовало влияние тех, кто отвечал за экономику, реальные хозяйственные процессы, кто вынужден был постоянно сталкиваться с трудно разрешимыми проблемами социалистической экономики. А потому мы имели право на гораздо большее свободомыслие.

Показательный штрих: на экономическом факультете МГУ идет кампания по увольнению заведующего кафедрой математических методов анализа экономики Станислава Шаталина — за идеологическую неблагонадежность его лекций, за пристрастие к «вульгарно-экономическим» теориям Запада. Здесь же, в институте, он успешно руководит ведущим экономическим отделом, на него замыкаются исследования, связанные с анализом уровня жизни, структурой советской экономики, долгосрочным прогнозированием.

Нашу институтскую лабораторию возглавляет профессор Вадим Павлюченко. Поначалу он встретил меня недоверчиво, тоже принял за блатника. Потом, прочитав мою первую записку о подавленной инфля-

ции в Польше, начал смотреть совсем другими глазами. И с тех пор, вплоть до его гибели в автокатастрофе в 84-м году, мы оставались близкими друзьями и единомышленниками.

Вспоминаю работу в институте с самыми добрыми чувствами. Постепенно здесь сложился интересный коллектив. В нашей лаборатории работали Владимир Герасимович, Олег Ананьин, Петр Авен, Вячеслав Широин, Марина Одинцова. Основная сфера исследований — закономерности развития социалистического хозяйственного механизма, сравнительный анализ экономических реформ социалистических стран.

Во ВНИИСИ исчезла привычная по экономическому факультету двойственность — жесткое разделение того, что можно обсуждать открыто, и того, о чем можно думать, но ни в коем случае не высказывать вслух в официальной обстановке научного семинара. Здесь можно обойтись без «кукиша в кармане», обсуждать самые острые теоретические проблемы без оглядки на идеологическую «чистоту» суждений.

Такая же атмосфера царилла и на семинарах родственного нам Центрального экономико-математического института. Когда я впервые попал на такой семинар, руководимый Николаем Петраковым, с трудами которого был давно знаком, появилось ощущение, что вот-вот собравшихся потащат в кутузку. Но именно такое деидеологизированное открытое обсуждение, жесткая постановка вопросов и высвечивали по-настоящему масштаб тех проблем, с которыми столкнулась социалистическая экономика.

Попытаюсь вкратце описать их так, как виделись они мне в то время. Беспрецедентные масштабы изъятия ресурсов из сельского хозяйства, жесточайшая эксплуатация загнанного в колхозы закрепощенного крестьянства позволили обеспечить масштабные государственные капиталовложения и в сжатые сроки сформировать индустриальную структуру, во многом

скопированную по образцам ушедших далеко вперед капиталистических экономик.

Но в результате экономика превратилась в заложницу села. И как только масштабные ресурсы аграрного сектора оказались исчерпанными, наступил кризис социалистического роста. Особенно наглядно он проявился в начале шестидесятых годов, когда доля сельского населения опустилась ниже 50-процентной отметки. Тяжелый кризис сельского производства заставил направлять инвестиционные ресурсы на сей раз уже туда, а долгосрочные аграрные проблемы открыли дорогу первым масштабным закупкам зерна, поставившим впоследствии страну в зависимость от зернового импорта. В этой ситуации проявились неизбежные и очень болезненные побочные эффекты социалистической индустриализации: бюрократизация хозяйственной жизни, структурная негибкость, неспособность перераспределять ресурсы в пользу наиболее динамичных хозяйственных звеньев. Сложившиеся в ходе индустриализации предприятия и целые отрасли продолжали существовать и даже расти практически вне всякой связи с эффективностью их работы. По сути, они уподобились пробуксовывающей машине: колеса крутятся, а движения вперед нет.

Постепенно выявляются все новые и новые структурные пороки социалистической экономики. Нет механизма постоянного генерирования и отбора эффективных инноваций, нет действенных стимулов к полноценному труду, к повышению качества продукции, научно-техническому прогрессу. Основные ресурсы концентрируются в оборонном секторе, лишь здесь существует реальная конкуренция с потенциальным противником.

Становится все более очевидным, что социалистическая индустриализация по природе влияния на экономическое развитие подобна допингу в спорте: позволяет на какой-то отрезок времени форсировать темпы

роста, но ценой разрушения саморегулирующих функций организма.

Кризис социалистического накопления, порожденный исчерпанием ресурсов обескровленной российской деревни, сглаживается на какой-то срок открытием богатейших нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Именно они создали иллюзию благоденствия и стабильности брежневской эпохи и позволили на какое-то время отложить решение проблем коренной реорганизации социально-экономической структуры. Но с начала восьмидесятых стало очевидно, что эта кислородная подушка иссякает. Наиболее богатые месторождения вступают в фазу падения добычи и требуют новых, все более масштабных капитальных вложений. Доля топливно-энергетического сектора в структуре инвестиций постоянно возрастает, а за счет чего ее наращивать, не ясно. Изуродованная социальная структура деревни как сквозь песок пропускает капитальные вложения, направляемые в этот сектор, их задача минимальна, а по многим направлениям — просто нулевая. Мало-мальски удовлетворительное продовольственное снабжение Москвы, Ленинграда, закрытых городов поддерживается, в первую очередь, за счет импортных продуктов.

Все более отстает от лучших мировых образцов машиностроение, доля его в экспорте на конвертируемую валюту составляет лишь три процента. Растет износ основных фондов на транспорте. Далеки от современного мирового уровня нефтехимия, химия, усугубляется технологическая архаичность металлургии. Долгосрочные прогнозы говорят о неизбежном падении темпов экономического роста, напрашивается вывод, что эти темпы в недалекой перспективе снизятся до нулевой отметки, а то и до отрицательных величин.

Становится совершенно очевидным, что, не запустив рыночные механизмы, принципиальных проблем советской экономики не решить: без глубоких рыночных реформ кризис ее будет углубляться и раньше или

позже, но неизбежно перейдет в острую форму. Очевидно и то, что поворот на последовательно рыночный путь развития — невозможен по политическим мотивам. Как выйти из порочного круга?

Убеждаюсь, что в данной ситуации простых решений нет. Видимо, единственно возможный осмысленный путь — попытаться сформировать предпосылки постепенного эволюционного поворота экономики на западный путь развития. И сделать это до того, как социалистическая экономика войдет в фазу саморазрушения. Иными словами, цель-минимум состоит в том, чтобы с наименьшим ущербом выйти из социалистического эксперимента, подталкивая власть в направлении постепенных рыночно ориентированных либеральных реформ, осуществляемых в рамках системы и вместе с тем создающих условия для радикальной системной трансформации.

Экономические реформы в Китае — безусловный образец для подражания, но, кажется, ту точку исторического развития, с которой они начаты, мы прошли уже в конце пятидесятых. В начале восьмидесятых так мягко свернуть на этот путь невозможно. Слишком далеко зашел склероз экономики. А значит, и процесс реформ пойдет существенно сложнее, чем в Китае. Очень интересна Венгрия с ее упорядоченными реформами, постепенно создающими базу рыночного развития. Но окажется ли советская политическая элита достаточно гибкой, чтобы свернуть на такой путь? Или ее косность, консерватизм проложат дорогу экономическому развалу, катастрофическому крушению режима, полномасштабной антикоммунистической революции в начиненной ядерным оружием империи?

Именно эти вопросы были для меня главными к тому времени, когда жизнь заставила прикоснуться на практике к самым серьезным альтернативам экономической политики советского государства.

Глава 3 ВАРИАНТЫ И ПРОГНОЗЫ

*Комиссия для отчета · Борьба против «табу» ·
«Коммунист» разбушевался · Донос · История с
«Шевроном» · Михаил Горбачев · Странный Борис
Ельцин · Программа «500 дней» · Григорий Явлинский ·
Институт экономической политики · Прогнозы грядущей
катастрофы*

К концу 70-х — началу 80-х годов советской политической элите все в большей мере становилось ясно: что-то с системой управления нужно делать и, вместе с тем, ничего серьезного сделать невозможно. Несколько лет готовившаяся вторая попытка косыгинских реформ была зафиксирована в июньском (1979 года) Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании хозяйственного механизма», после чего тихо скончалась в начале 80-х, почти никак не сказавшись на функционировании бюрократической экономики.

К моменту смерти Брежнева пакет нововведений в системе управления был практически пуст. Единственно существенное, что там еще лежало — административная реформа цен. Но каждый раз, подходя к ней, партийное руководство останавливалось в страхе перед лавиной массового недовольства. Между тем крах геронтократического политбюро, череда похорон, получившая в народе название «гонки на лафетах», создали своеобразный политический вакуум, требовавший новых идей.

Более молодое поколение партийного и хозяйственного руководства, возглавляемое М. Горбачевым, хотело разобраться с тем, что происходит в экономике. Одним из шагов в этом направлении стало создание Комиссии политбюро ЦК КПСС по совершенствованию системы управления. Ее формальным руководителем был ветхий председатель Совета Министров Тихо-

нов, но реальным мотором — динамичный, имевший в то время репутацию одного из наиболее энергичных лидеров хозяйственной номенклатуры, Николай Рыжков, недавно назначенный секретарем ЦК КПСС по экономике. При комиссии были образованы два органа: рабочая группа, куда входили ключевые заместители руководителей Госплана, Министерства финансов, Министерства труда, Госкомитета по науке и технике, Госкомитета цен, Госкомстата, и научная секция, объединявшая директоров ведущих экономических институтов. Руководство научной секцией было возложено на директора нашего института академика Д. Гвишиани.

Часть представителей более консервативного крыла хозяйственного аппарата и партийных руководителей рассматривала все это как способ выпустить пар, создать видимость бурной деятельности. Но для лидеров новой генерации это был способ аккумулировать накопленный интеллектуальный потенциал, выработать документы, которые можно было бы использовать, когда верховная власть будет в их руках и свобода маневра резко расширится. Впоследствии Горбачев неоднократно вспоминал о десятках документов, подготовленных к моменту его назначения генеральным секретарем. Работа Комиссии политбюро по совершенствованию управления как раз и была одним из направлений формирования этого пакета.

Ключевой вопрос в любой бюрократической организации, будь то комиссия или комитет: а кто станет конкретным исполнителем? Есть колоссальное количество начальников, сановников, академиков, но они ведь, как правило, сами не пашут, их ампула — давать указания. Поскольку же руководство научной секцией было, как уже говорилось, возложено на Джермена Гвишиани, то исполнение легло на отделы, возглавлявшиеся Борисом Мильнером и Станиславом Шаталиным, и, в первую очередь, на нашу лабораторию.

Указание политбюро ЦК КПСС по тем временам была волшебным словом, открывавшим любые двери.

А потому наши возможности получать реальную информацию о состоянии народного хозяйства и протекающих в нем процессах резко расширились. Мы как бы стали причастны к властной элите, разумеется, в качестве ее научного, обслуживающего аппарата.

Хорошо помню свое первое знакомство с управленческими традициями и практикой поздней социалистической эпохи. В самом начале 1985-го с группой чиновников, направленной ЦК КПСС и Советом Министров СССР, выехал в Минск для проверки хода так называемого крупномасштабного экономического эксперимента в министерстве легкой промышленности Белоруссии. Комиссия начинала работу в 8 утра. Сменявшие друг друга представители ЦК компартии и Совета министров Белоруссии начинали произносить тосты еще за завтраком, и эта веселая жизнь продолжалась до ужина, когда уже просто грех не выпить на сон грядущий. Впрочем, надо признать, что к моим попыткам получить какие-либо данные по эксперименту белорусские хозяева относились вполне снисходительно: ну понятно, парень из науки, надо же ему хоть что-нибудь писать в отчете.

Наряду со всей этой, в чем-то даже любопытной суетой, шла и работа, в высшей степени важная. Пожалуй, наиболее серьезным документом, вышедшим из научной секции Комиссии, стала «Концепция совершенствования хозяйственного механизма предприятия», подготовленная по заданию Рыжкова. В довольно большом, 120-страничном документе обозначались основные направления возможной экономической реформы в масштабах Союза. К работе над ним, помимо сотрудников нашей лаборатории, привлекли молодую команду ленинградских экономистов, в которую входили Анатолий Чубайс, Сергей Васильев, Сергей Игнатьев, Юрий Ярмагаев и другие. Для них сам факт привлечения к работе по линии Комиссии политбюро был своеобразной индульгенцией, защищающей от возмож-

ных серьезных неприятностей, ведь Ленинград в те годы славился идеологической кондовостью.

Речь в названном документе шла о достаточно осторожной экономической реформе, важнейшей предпосылкой которой было ужесточение финансовой и денежной политики. Предполагалось отказаться от директивных плановых заданий, ввести стимулы, связанные с прибылью, сохранить строгое нормативное регулирование заработной платы, постепенно либерализовать цены по мере стабилизации положения на отдельных рынках, осуществить осторожные меры по либерализации внешнеэкономической деятельности, создать рядом с государственным частнопредпринимательский и кооперативный сектора экономики.

За основу многих предлагаемых решений были взяты наработки венгерской реформы 68-го года и ее последующих модификаций, — приспособленные, естественно, к советской специфике. Мы отдавали себе отчет в том, что предлагаемая модель ни в коей мере не может рассматриваться в качестве идеала, но считали важным осуществить хотя бы эти осторожные шаги в направлении рынка, создания эталонов негосударственной экономики как предпосылки для последующей эволюции системы, мягкого выхода из социализма.

Наиболее серьезные внутренние дискуссии вызывал выбор тактики реформы. Меры по финансовой стабилизации (на тогдашнем птичьем языке — «повышение сбалансированности народного хозяйства»), по нашему мнению, необходимо было осуществить в первую очередь. Слишком свежи были в памяти попытки польских реформ 70-х годов, когда финансовая дестабилизация быстро подорвала эффективность всех введенных рыночных механизмов.

Социализм, если взглянуть на него с точки зрения рыночной экономики, — это наиболее развитая система регулирования подавленной инфляции, аналог военной экономики, система, приспособленная к управлению в условиях дефицита и несбалансированных

цен. Именно поэтому мы полагали, что, если хочешь добиться хотя бы мало-мальски упорядоченного выхода из социализма, необходимо сделать акцент на финансовую стабильность, поддерживать которую социализм в его устойчивом виде, как правило, оказывался способным. Конкретным подтверждением чему служили относительно успешные рыночные преобразования в ходе югославских реформ 50-х, венгерских — 60-х и китайских — 70-х — 80-х годов. Путь к успеху во всех случаях лежал через сохранение достаточно жесткого контроля за важнейшими денежными и финансовыми параметрами.

Возвращаюсь к нашей комиссии. Сочетание высокого идеологического ее прикрытия и авторитетного начальства, не склонного вникать в детали, позволило нам быть достаточно свободными в своих разработках, использовать идеи и терминологию, употребление которых в открытой печати того времени привело бы к немедленным идеологическим репрессалиям, закрытию соответствующих изданий, кадровым перестановкам. За куда меньшее Центральный экономико-математический институт прошел через идеологическую экзекуцию и реорганизацию.

Надо сказать, что наработки Комиссии отражали достаточно широкий консенсус в либеральной научной среде. При обсуждении концепция получила почти единодушную поддержку академической элиты. Пожалуй, только директор наиболее идеологизированного Института экономики Академии наук Н. Капустин критиковал ее за излишний радикализм.

Зато при обсуждении концепции на вышестоящем партийном и государственном уровне нас ждали серьезные разочарования. Выступления на рабочей группе представителей ведомств напоминали традиционную идеологическую проработку. Если принять предложенный документ, возмущался один из представителей ЦК, придется признать, что мы скатимся на путь раз-

вития товарно-денежных отношений, разве это допустимо?

Джермен Гвишиани, вернувшийся от Рыжкова, подтвердил: политическое руководство страны не готово к столь радикальным преобразованиям. И значит, надо оставить бесплодные мечтания и заниматься дальше развитием экономического эксперимента на уровне рутины.

В отвратительном настроении заехал к отцу (он лежал в военном госпитале), рассказал о последних новостях, под дождем поехал домой. Включил телевизор — выступление Горбачева на совещании по научно-техническому прогрессу. Во многом — наши слова, наши предложения, записки, которые мы писали, демонстрируемая готовность уходить от догм, идеологических ограничений. Пусть далеко не все из того, что говорится, точно, но идеологически область допустимых уступок явно расширяется. Появилась надежда пробиться через слои высокой бюрократии и достучаться до верхней власти, объяснить реальное положение, реальные альтернативы, возможные пути осуществления новой экономической политики.

Вообще, время раннего Горбачева было временем надежд и сомнений. И в Советском Союзе, и на Западе гадали, на самом ли деле нам предстоят серьезные изменения, или это очередная кампания, каких было немало, — поговорят немножко, может быть, на время откроют идеологическую форточку, а потом пересажуют тех, кто неосмотрительно воспользовался свежим воздухом? Один из самых характерных образцов интеллигентского народного творчества этого периода:

Теперь у нас эпоха гласности,
Товарищ, верь, пройдет она,
А Комитет госбезопасности
Запомнит наши имена.

У нас в институте тоже постоянные споры и все о том же: в какой мере серьезны намерения нового ру-

ководства? Большая часть моих друзей, знакомых, единомышленников настроена скорее скептически. Бюрократия могуча и консервативна. Поговорят, поговорят и все вернется на круги своя. Где вы видите реальные изменения? Конечно, хотят задурить голову Западу, очередной раз надуть, может быть, под сурдинку выбить уступки, улучшить условия доступа к западным технологиям, но этим все и ограничится. Не пойдут они на глубокие преобразования, которые могут пошатнуть основы их тотального контроля над экономикой. Зачем рубить сук, на котором сидишь?

Я отстаиваю иную позицию, хотя остаюсь в явном меньшинстве. Мне кажется, что очевидная архаичность экономической системы, само столь видимое отставание от уходящего вперед Запада должны стимулировать радикальные изменения, во всяком случае со стороны более динамичной и инициативной молодой части руководства. Потом, честно говоря, мне просто симпатичен Горбачев, он кажется мне искренним в своем желании добиться перемен и сознающим, насколько эфемерно относительное благополучие, основанное на нефтяных доходах. Да, я замечаю, конечно, многочисленные его неточности в оценке событий. И вместе с тем на фоне мрачной архаики предшествовавших поколений руководителей он подкупает своим динамизмом, готовностью к общению с людьми, открытостью. А главное — дела. В это время выходят книги, которые десятилетиями лежали под спудом. С интересом ожидается каждый новый номер толстого журнала. И это после унылой апатии конца 70-х — начала 80-х.

У Аркадия Стругацкого и его брата Бориса скопился целый ворох не опубликованных в России произведений. Что-то из этого выходило за границей, что-то мы читали в рукописях. Аркадий Натанович уже не надеется увидеть их изданными в России. Я убеждаю его в том, что теперь это возможно. И действительно, плотина прорывается. Публикуются «Гадкие лебеди», «Улитка на склоне», «Сказка о тройке», «Град обречен-

ный», «Хромая судьба». Ничего больше не надо пробивать. Журналы, издательства сами бьются за право получить залежавшиеся рукописи. Спрос не только на художественную литературу, но и на бывшие под цензурным запретом эссе по правовым и экономическим проблемам.

Многое из того, что печатается, действительно хорошо, интересно, талантливо. И все же возникают ассоциации со спящей царевной, заснувшей где-то в 60-е годы и пробудившейся от сна в середине 80-х. Круг идей, представлений об обществе во многом повторяет зады 60-х. В одну реку невозможно войти дважды. То, что было справедливо и интересно тогда, уже не отвечает реалиям конца 80-х. Особенно это бросается в глаза при чтении экономической публицистики. Модель экономического мира, которая там доминирует, явно устарела и выглядит наивно. Но это так, кстати. Главное, что снимаются запреты, и это обнадеживает.

Мы пытаемся достучаться до Горбачева, пишем ему записки по ключевым вопросам экономической политики, передаем их ему через академиков Станислава Шаталина, Александра Анчишкина. Какие-то следы своих предложений обнаруживаем потом в его выступлениях. Но чем дальше, тем больше овладевает ощущение опасного расхождения его добрых намерений с конкретной экономической политикой.

К моменту прихода Горбачева денежно-финансовая сфера не свободна от серьезных диспропорций, и вместе с тем темпы роста денежной массы устойчиво низкие, бюджет с учетом кассовых остатков традиционно сводится к превышениям доходов над расходами. Горбачев декларирует готовность снять идеологические ограничения на запуск рыночных механизмов. Легализованы такие слова, как «реформа», «рынок». Готовится решение по стимулированию кооперативного сектора, индивидуально-трудоустройственной деятельности. И в то же время в области экономической политики принимаются решения, подрывающие сами основы финансовой

стабильности. Опаснейшая антиалкогольная кампания, попытка резко увеличить темпы роста капитальных вложений накладываются на падение нефтяных доходов и сокращение доли товаров народного потребления в импорте. Государственный бюджет получает сразу несколько мощных пробоин.

Несущая конструкция относительной денежной стабильности социалистической системы деформируется, начинает быстро разваливаться. Все идет в направлении, противоположном тому, которое мы отстаивали в своих предложениях и записках, я — в последних книгах и статьях. Вместо упорядоченной подготовки запуска рыночных механизмов входим в тяжелый финансовый кризис, резко усиливающий инфляционные тенденции в народном хозяйстве. И одновременно демонтируются механизмы, позволявшие регулировать подавленную инфляцию. Для специалистов понятно: экономическая политика приобретает опасное сходство с ситуацией в Польше накануне острейшего кризиса 1979—1981 годов, приведшего там к объявлению военного положения.

В конце августа 86-го года компания молодых экономистов проводит семинар на Змеиной горке под Ленинградом. Там, вместе со мной, Анатолий Чубайс, Сергей Васильев, Петр Авен, Сергей Игнатъев, Вячеслав Широнин, Олег Ананьин, Константин Кагаловский, Георгий Трофимов, Юрий Ярмагаев. В общей сложности человек 30 экономистов-рыночников. В более узком кругу обсуждаем самые идеологически опасные вопросы. Например, пути формирования рынка капитала, обеспечение прав собственности.

Все мы остро испытываем чувство открывшейся свободы, простора для научных исследований, для реального изучения процессов, происходящих в экономике. Можно отказаться от эвфемизмов и недоговорок, описывать протекающие процессы принятыми в мировой экономической литературе терминами. Все согласны с необходимостью упорядоченных

реформ, готовящих советскую экономику к постепенному восстановлению рыночных механизмов и частнособственнических отношений. И вместе с тем осознаем, что это будет в высшей степени не простым делом. Закончив работу, жжем костры, поем песни, шутим. На завершающем семинаре-капустнике я изложил два возможных сценария развития кризиса.

Первый назывался «На гребне». В нем определялось, кто будет играть какую роль в реформировании экономики. Надо сказать, что я точно определил ключевое место Чубайса в этом процессе. Второй вариант назывался «В складке». В нем определялись сроки заключения и размеры пайки, которые предстоит получать участникам семинара. Настроение, однако, было веселое.

В 1986 и 1987 годах идет интенсивная борьба за снятие идеологических табу, обсуждение новых тем, введение в открытый оборот запретных терминов. Цензоры, ведущие научно-экономические журналы и издательства, хватаются за голову, им непонятно, что можно, а что нельзя.

Мощным тараном, крушащим идеологические стены, неожиданно становится обновленный журнал «Коммунист», традиционная цитадель ортодоксии. Возглавлять его поставлен старый знакомый Горбачева — академик Иван Фролов. Он обновляет редколлегию, на должность первого заместителя главного редактора приглашает известного экономиста, долгие годы опального Отто Лациса. После назначения Лацис выступает у нас в институте, делится своим видением перспектив экономического развития, не исключает возможности острых идеологических баталий. Чуть позже звонит мне, просит зайти.

С удовлетворением подумал: видимо, хочет заказать статью. Это здорово, ведь я сознаю, что наши записки и опусы в профессиональных изданиях никак не могут исправить ту опасную цепь ошибок, которые дестабилизируют народное хозяйство, денежную, финансовую

систему, уже частично привели к растущему дефициту на потребительском рынке. Создается впечатление, что власть просто не понимает происходящего, не отдает себе отчета в последствиях непродуманных решений. В этих условиях возможность высказаться по стратегическим вопросам со страниц такого влиятельного издания, как «Коммунист», — редкая удача.

Я не ошибся, Лацис действительно заказал мне статью, суть которой состояла в критике стратегии ускорения, ее практического воплощения. А затем неожиданно предложил возглавить экономический отдел журнала. Идея показалась и рискованной, и очень интересной. С одной стороны, ну какой из меня журналист или публицист! Мой привычный жанр — статьи для издания тиражом до 500 экземпляров, сугубо профессиональные и малопонятные для не посвященных в тонкости экономики. Потом, у меня уже запланирована новая книга, работа над ней требует времени. И вообще, нигде не чувствую себя так уютно, как в библиотеке, абсолютно не жажду избыточного общения с людьми. Сложилась научная репутация, наверное, скоро буду самым молодым доктором экономических наук в стране. Зачем же выбиваться из привычной колеи, пускаться в авантюры.

Но с другой стороны, — страстное желание использовать открывающуюся беспрецедентную возможность, ввязаться в схватку по самым принципиальным идеологическим и экономико-политическим вопросам. Ведь очевидно, что трибуна «Коммуниста», главного теоретического официоза, — мощнейшее оружие. Поколебавшись несколько дней, принял приглашение Лациса и никогда после не пожалел об этом. Хотя сознаю, что, наверное, именно в тот день на годы закрыл для себя дорогу в спокойную академическую жизнь.

«Коммунист» 87—89 годов — очень интересное явление. Там работали и люди, оказавшиеся впоследствии среди национал-социалистов или в коммунистической фракции Государственной Думы, и те, кому

было суждено проводить либеральные реформы. Были здесь и заслуженные, проверенные партийные аппаратчики, и бывшие полудиссиденты, и молодежь, мобилизованная из академической науки.

Почти одновременно со мной в журнал пришел Игорь Дедков, один из самых авторитетных литературных критиков России того времени. Молодой журналист Сергей Колесников неожиданно был назначен заместителем главного редактора. Впоследствии долгие годы он был советником и руководителем информационной службы Виктора Черномырдина.

К себе в отдел я пригласил коллег-единомышленников: Виктора Ярошенко, Алексея Улюкаева, Николая Головнина, с которыми и потом немало пришлось поработать вместе. Журнал жил в атмосфере интенсивной внутренней дискуссии по принципиальным вопросам политики и идеологии, зеркально отражавшей противоречия в высшем партийном руководстве между ортодоксами, ориентировавшимися на Егора Лигачева, и либералами, группировавшимися вокруг Александра Яковлева. Журнал все более склонялся на сторону последнего. Заседания редколлегии, собиравшиеся еженедельно за огромным зеленым столом главного редактора, проходили интересно, интеллектуально насыщено.

Для того, чтобы оценить все возможности и риск работы руководителя экономического отдела в теоретическом журнале партии, надо сказать несколько слов о том, как был устроен механизм идеологического контроля ЦК КПСС. Традиционно человек, назначавшийся на такую должность, должен иметь за плечами серьезную школу партийного опыта, где главным правилом служит принцип сапера: ошибаешься один раз. Дело в том, что ответственная должность в партийном журнале давала право свободного выбора решений, и заведующий отделом не был обязан консультироваться с чиновниками из ЦК насчет того, что можно, а чего нельзя, он сам себе был цензором. Но это и налагало на него огромную личную ответственность, чреватую

большими неприятностями: одна ошибка могла стоить всей дальнейшей карьеры.

Именно в силу этого ответственные работники «Коммуниста», журнала, впаянного в ткань высшей партийной иерархии, были, как правило, крайне осторожны. Но это был не мой случай, и пришел я в журнал не для того, чтобы оглядываться на Старую площадь. Мне было в высшей степени наплевать на возможность сохранения начальственного кресла и тем более — дальнейшей партийной карьеры, меня это место занимало исключительно с точки зрения возможности отстаивать свои собственные суждения, независимо от сохраняющихся еще цензурных идеологических ограничений. И потому в своей работе я сразу начал активно вводить в оборот до тех пор закрытые понятия, информацию, сведения, отсутствие которых в открытой печати парализовало целые направления экономических исследований.

На страницах «Коммуниста» появились ранее немыслимые применительно к социализму термины: инфляция, безработица, бедность, социальное расслоение, бюджетный дефицит. Первые реалистичные оценки военных расходов. А главное — квалифицированный разговор о том, что происходит в народном хозяйстве страны. Пытаемся объяснить правящей элите пагубность избранного ею курса. Именно в этом — содержание общеэкономических статей, моих ежегодных обзоров, которые начинаю публиковать в «Коммунисте». Доказываю опасность попыток форсирования экономического роста за счет увеличения нормы накопления, пагубность формирующихся финансовых диспропорций, ведущих к развалу потребительского рынка. Указываю на опасность стремительно растущего внешнего долга.

Периодически раздаются звонки со Старой площади. Что вы делаете?! Разве эта проблема подлежит открытому обсуждению? Парировать подобное, как правило, не сложно. Переспрашиваю: разве вы еще не

знаете? И чиновник, точно не знающий, какова последняя партийная установка, тушуетя и оставляет в покое.

Случались, конечно, и серьезные конфликты. Первый из них — почти сразу после моего прихода в журнал. Он был связан со знаменитой артелью золотодобытчиков «Печора», возглавляемой Вадимом Тумановым, человеком сложной, противоречивой судьбы, ярким и очень интересным. Артели золотодобытчиков оставались рыночным островком в море социалистического хозяйства. Академик А. Аганбегян традиционно приводил их в своих выступлениях в пример того, как можно работать. Думаю, не случайно в этот период борьбы вокруг выбора стратегического курса решили нанести удар именно по золотодобытчикам, чтобы другим неповадно было.

Проверка прокуратуры ничего криминального не выявила. Тем не менее серия погромных статей в газете ЦК КПСС «Социалистическая индустрия», казалось, предрешала будущее «Печоры». Ознакомившись с документами, мы, в свою очередь, направили на место специалистов. Организовали собственное журналистское расследование и пришли к твердому убеждению, что обвинение в адрес «Печоры» не стоит выеденного яйца, что это чисто политическое давление. Опубликовали соответствующие материалы. Впервые за десятилетия партийный журнал полемизировал с партийной же газетой! Новому редактору Н. Биккенину с подачи Е. Лигачева лично звонил М. Горбачев, устроил выволочку. Но шум постепенно утих, и колесо репрессий удалось остановить. Я вывел Вадима Туманова на заместителя председателя правительства по строительству Н. Баталина, и тот направил тумановскую артель в Карелию, дал ей возможность строить там дороги.

Второй инцидент был куда более масштабным и касался грандиозного проекта создания нефтегазохимических комплексов Западной Сибири с общим объемом финансирования около 40 миллиардов долларов.

Прежде чем рассказать об этом, хочу вкратце поделиться уже имевшимся у меня к тому времени опытом в области рождения подобных проектов. В Академии наук мне и моим коллегам неоднократно приходилось ввязываться в драку по поводу экспертизы крупномасштабных и на редкость неэффективных проектов, лоббировавшихся тем или другим ведомством. Самыми нашумевшими из них были проекты переброски сибирских рек в Среднюю Азию и северных рек в бассейн Волги. Оба не выдерживали никакой экономической критики. И там, и там нам удалось мобилизовать поддержку экспертов, общественности и затормозить крупномасштабные авантюры.

Для меня лично знакомство с механизмами лоббирования подобного рода проектов было интереснейшим опытом реального осознания системы бюрократической экономики. Именно поэтому меня давно перестало удивлять, что, например, строительство того или иного сооружения сначала обосновывалось резким падением уровня Каспия, а затем — резким его повышением. Я понял, что подобного рода аргументы не имеют никакого значения, что для их авторов важно получить ресурсы на определенный проект и пропустить их через соответствующую ведомственную структуру. В редакции «Коммуниста» мы неоднократно вступали в дискуссии по подобного рода принципиальным вопросам, включая такие, как безумный проект создания Туруханской ГЭС, без малейшего представления о том, куда подавать вырабатываемую энергию, или проект Катунской ГЭС, не выдерживавший никакой критики с точки зрения экономической рациональности и рентабельности.

Наверное, именно поэтому кто-то из сотрудников государственного аппарата, по-настоящему озабоченных эффективным использованием государственных средств, анонимным звонком просил меня обратить внимание на готовящееся беспрецедентное постановление, результатом которого станет сооружение пяти

крупнейших нефтегазохимических комплексов в Западной Сибири.

Проект далеко превосходил все, с чем приходилось сталкиваться. Его объемы в несколько раз превышали средства, затраченные на так и не достроенную Байкало-Амурскую магистраль. Сейчас, при явно вышедшем из-под контроля внешнем долге, в условиях тяжелого финансового кризиса, это было очевидной авантюрой. Коротко упомянул об этом проекте в обзоре российской экономики за 1989 год. И тут же получил гневную отповедь могучего лобби поклонников проекта. Шесть союзных министерств во главе с тогдашним министром газовой промышленности Виктором Черномырдиным подписали письмо в ЦК КПСС с просьбой привлечь к ответственности зарвавшегося кандидата экономических наук, который игнорирует решение партии по развитию Западной Сибири. Копию они направили в журнал «Коммунист», видимо, для соответствующих оргвыводов. Текст был составлен в лучших традициях партийной терминологии, любые экономические обоснования и рассуждения заменялись смачной демагогией и ссылками на решения съезда.

Что же, мы и напечали его в журнале со своим подробным комментарием. Я проанализировал аргументы, привел примеры предшествующих, хотя и меньших по масштабу, проваленных проектов, опубликовал данные о разбросанном по всей стране неиспользованном импортном оборудовании. Наверное, в прежней ситуации остановить подобного рода авантюру не удалось бы. Как неоднократно говорили мне мои друзья, если 40 млрд. долларов решили куда-то перетечь, никакими силами ты их не удержишь. Но система уже явно пошла вразнос, начинался процесс горбачевской демократизации, и история получила резонанс на Первом съезде народных депутатов. В результате в первоначальном авантюрном виде проект был похоронен, реализовались лишь некоторые из его осмысленных деталей. С Виктором Степановичем Черномырдиным в

ходе последующей совместной работы этой истории мы никогда не касались.

Еще одна, пожалуй, наиболее интересная история, связанная с механизмом лоббирования крупных инвестиционных проектов, произошла несколько позже, когда я уже возглавлял Институт экономической политики.

Весной 1991 года в Госэкспертизу Минэкономики поступил проект использования нефтяного месторождения Тенгиз, находящегося на территории Казахстана, с участием крупной американской компании «Шеврон» — одной из семерки «Великих нефтяных сестер». Коллеги-экономисты, ознакомившись с документами, вспомнили историю с «проектом века» и попросили меня возглавить экспертизу. Сразу предупредили: наверху давят, чтобы заключение экспертизы непременно было положительным.

Тенгизское нефтяное месторождение сопоставимо по своим запасам с нашим знаменитым Самотлором, позволявшим в течение целых пятнадцати лет держать на плаву тяжелый, неповоротливый броненосец брежневской экономики. Месторождение разведано, нефть хорошая, правда, с повышенным содержанием серы. Ежегодную добычу можно довести до 30 миллионов тонн и поддерживать на таком уровне долгое время. В отличие от Самотлора, расположено сравнительно близко от транспортных путей. В конце 80-х годов Тенгиз считали козырной картой Советского Союза в борьбе за будущее.

Я понимал, что вступаю в игру слишком поздно. Соглашение, подготовленное в результате переговоров американской и советской делегаций, уже обсудили при встрече президенты США и СССР. Одобрили, подписали бумаги. Проекту дан зеленый свет. По большому счету, экспертиза нужна, чтобы все формально одобрить. Но...

Любая западная корпорация — хищник. Иначе ее бы сразу растерзали другие корпорации. Однако она и

не опереточный злодей. Просто обучена жизнью играть по жестким правилам бизнеса. И когда неожиданно на противоположной стороне стола переговоров вместо привычного партнера-хищника возникает нечто малокомпетентное, да еще имеющее личные интересы, не целиком, мягко говоря, совпадающие с интересами представляемой страны, результат может получиться поразительный.

Я и не обвиняю специалистов «Шеврона», готовивших проект контракта, в каких-либо особых грехах. Отстаивая выгоды своей корпорации, они действовали профессионально. И именно потому выработанное соглашение приобрело поистине фантастическую форму. Множество ловко встроенных в текст юридических закорючек и зацепок давали корпорации существеннейшие односторонние преимущества.

Посмотрев проект, я понял: уйти в сторону, отказаться от экспертизы нельзя. Действовать нужно быстро, считаясь с тем, что соглашение будет без всякой экспертизы подписано не сегодня, так завтра. На Горбачева энергично давили и советские поклонники проекта, и американцы.

Первое, что я сделал — через О. Ожерельева, в то время помощника Президента по экономике, обратился с письмом к Горбачеву, привел очевидные несуразицы из проекта договора, убедительно попросил не спешить, позволить разобраться подробнее. Положительная резолюция Горбачева на записке дала возможность приступить к детальной экспертизе. Работа над представленным проектом документов подтвердила худшие опасения. Становилось все более очевидным: в случае подписания проекта на предложенных условиях, «Шеврон» окажется собственником одного из крупнейших месторождений мира, не приняв на себя никаких четких обязательств по отношению к нашей стране.

Приведу несколько отрывков из подготовленного заключения:

...В случае с Тенгизом, взяв на себя практически

весь риск поисково-разведочных работ, СССР понес крупные производственные затраты и предоставляет совместному предприятию разведанное месторождение, на котором начата добыча нефти, уже пошла прибыль.

...Советская сторона предоставляет совместному предприятию, половина собственности которого принадлежит «Шеврону», исключительное право на разведку, разработку и добычу углеводородов на всей территории, охватывающей Тенгизское и Королевское месторождения. С момента подписания контракта «Шеврон» становится собственником половины скважин, трубопроводов, установок, закупленных в последние годы Советским Союзом для эксплуатации Тенгизского месторождения...

Что касается обязательств компании «Шеврон», получавшей монопольные права на эксплуатацию крупнейшего месторождения, то в представленном проекте Договора они просто отсутствовали. В нем не было сказано ничего определенного, обязывающего относительно объема и сроков инвестиций в развитие совместного предприятия. Все представленные по этим и другим вопросам расчеты и предложения носили ориентировочно-предположительный характер. Разделы соглашения, посвященные этим вопросам, изобиловали словами о необходимости провести переговоры, внимательно изучить и оценить проблемы. Определенность была лишь в одном: «Шеврон», не будучи заинтересованным вкладывать деньги в комплексную переработку сырья, явно ориентировался на экспорт советской сырой нефти.

Даже минимальный размер роялти, до которого в своих предложениях опустилась советская сторона (в среднем за период действия соглашения 7,5 процента совокупной добычи нефти) до сих пор не принят американской компанией.

Единственным исключением, пожалуй, было обещание исправно платить обычные советские налоги. Но и его сводил на нет пункт 13.2. проекта договора, предо-

ставляющий управляющему комитетом «Тенгизшеврой-ла» право своим решением создавать необлагаемые налогом финансовые фонды и расходовать их по своему усмотрению...

Не хочу утомлять читателя перечнем всех пунктов соглашения, дающих односторонние выгоды американцам, их было немало. Заключение же наше заканчивалось выводом: предложенный нам проект соглашения предоставляет беспрецедентные преимущества компании «Шеврон» в ущерб интересам Советского Союза в целом и Казахстана в частности.

Поклонники проекта всполошились. Горбачева начали пугать, что пересмотр подготовленного соглашения не только нанесет ущерб советско-американским отношениям, но и осложнит сотрудничество с деловыми кругами других западных стран, обернется серьезными политическими потерями.

Провели серию переговоров в Москве. С американской стороны их возглавлял Д. Гиффин, президент Американско-Российского консорциума, несущей конструкцией которого был тенгизский проект. Ситуация вполне понятная и, вместе с тем, презабавнейшая. С одной стороны, американцы и наш Миннефтепром, во главе с министром В. Чуриловым, с другой — члены экспертной комиссии, ученые, экономисты, геологи, экологи. Разговор получается странный. Мы задаем конкретные вопросы об отсутствии правовых гарантий, обеспечивающих интересы советской стороны, произвольных допущениях при расчете денежных потоков, аномалиях в механизме расчета себестоимости. Нам в ответ — аргументы об исключительном международном значении проекта, его политической поддержке на высшем уровне.

После встречи в Москве звонят из аппарата М. Горбачева: между ним и Дж. Бушем достигнута договоренность, что члены экспертной комиссии вылетят в Сан-Франциско и проведут переговоры с руководством «Шеврона». Несложно понять — главная задача не

столько учесть наши принципиальные замечания, сколько убедить в нецелесообразности упорствовать.

Звоню В. Щербакову, в то время первому заместителю председателя Кабинета министров СССР, министру экономики. Мы давно и неплохо знакомы, еще со времен его работы на КАМАЗе. Говорю, что согласен провести переговоры с американцами, но считаю необходимым, во-первых, занять жесткую позицию, во-вторых, привлечь к юридической экспертизе проекта международные фирмы, профессионально занимающиеся подобными контрактами, слишком уж в нем много юридически тонких мест, можно допустить серьезную ошибку, нанести ущерб интересам страны. Получив его принципиальное согласие, вылетаю в США.

На аэродроме в Нью-Йорке отклоняю энергичное предложение безмерно гостеприимных американцев немедленно лететь в Сан-Франциско, откланиваюсь и остаюсь на один день для консультаций. Подписав документ о конфиденциальности, показываю проект договора своим друзьям из крупной нью-йоркской юридической фирмы. Их оценки совпадают с моими: в существующем виде соглашение предоставляет бесспорные односторонние преимущества «Шеврону».

На следующий день — переговоры с руководством «Шеврона». С американской стороны их возглавляет Р. Мецке, президент «Шеврон оверсиз компани», с нашей — я. Вначале отношение американцев — покровительственно-снисходительное: понятное дело, советские коллеги навывдумывали ерундовых придилок, сейчас мы им все объясним. Но по ходу переговоров настроение постепенно меняется.

Когда же мы продемонстрировали пункты проекта соглашения, позволяющие «Шеврону», при желании, не платить ни копейки налогов на прибыль и не выделять ни одного цента на инвестиции, сохраняя при этом все свои приобретенные права, возникло ощущение, что американским представителям откровенно неудобно, просто стыдно смотреть нам в глаза. Начались

оправдания: ну вы же понимаете, мы порядочные люди, мы и налоги будем платить, и инвестиционные обязательства собираемся выполнять.

В результате подготовили и подписали документ, фиксирующий согласие «Шеврона» пойти на радикальный пересмотр условий соглашения, с учетом интересов советской стороны. Договорились о продолжении переговоров. Убедился еще раз в том, что знал и ранее: за нас самих никто и нигде не будет отстаивать наши национальные интересы.

Думаю, что эта история была уроком и для высшего руководства страны.

Здесь, наверное, самое время сказать об авторе перестройки, о моем отношении к нему. С самого начала я относился к Горбачеву гораздо теплее, чем многие мои друзья и единомышленники. Когда его слова о гласности стали подкрепляться делами и произошли серьезные подвижки во внутренней и внешней политике, я для себя твердо решил, что буду его поддерживать. И поддерживал намного дольше тех, кто сперва в одночасье подпал под его обаяние, а потом столь же быстро от него откестился. Я понимал, насколько тяжела ноша российских реформаторов, в памяти постоянно возникали образы Сперанского, Витте, Столыпина, участи которых не позавидуешь.

Очень часто на различных совещаниях, которые вел Горбачев, я подмечал его сильные и слабые стороны. Сильные состояли в умении формировать и направлять консенсус, предлагать нестандартные решения, которые были внове для собравшихся и вместе с тем как бы вытекали из выраженных ими же мнений, из их воли. Но в этом была и слабость Горбачева, ибо аккумулируемая им сумма многих воль, в том числе и противоречивых, выливалась в конечном счете в приглаженные решения, в то время как ситуация в стране требовала мер решительных и однозначных. Особенно остро этот порок проявился в постоянной двойственности экономической политики. С одной стороны,

был запущен механизм быстрого развала старой бюрократической системы управления, с другой, — этот процесс не был подкреплён новыми работающими рыночными механизмами.

В 1988 году на фоне обостряющихся бюджетных и финансовых проблем начался так называемый перевод предприятий на полный хозяйственный расчёт, что укрепляло независимость директоров предприятий, расширяло свободу их маневра. Были установлены нормы распределения прибыли без изъятия ее свободных остатков. Но одновременно не вводилась финансовая ответственность предприятия за результаты его хозяйственной деятельности. Общий итог: внесенные в иерархическую экономику разрозненные, не систематические изменения ускорили нарастание экономических диспропорций. Темпы роста номинальных денежных доходов начали выходить из-под контроля. Ничем не обеспеченные деньги выбрасывались на потребительский рынок, стимулируя волны покупательского ажиотажа, быстро сокращая круг товаров, имеющих в свободной торговле. Все большая часть страны садилась на карточки.

Между тем высшее руководство пребывало в уверенности, что в экономике приняты важные, прогрессивные решения и что, несмотря на отдельные трудности, дела скоро пойдут на лад. На мой взгляд, у М. Горбачева это представление было поколеблено лишь летом 88-го, после красноярской поездки, когда в очередной раз выйдя поговорить с людьми о ходе перестройки, он вдруг убедился в полном отсутствии у них оптимизма в оценке происходящего. Ему задавали непривычно жесткий и злой вопрос: куда девались товары, которые еще недавно были в свободной продаже? Вернувшись в Москву, он провел подряд несколько совещаний, явно пытаясь понять, что же не так, в чем ошибка, почему реформы не дают ожидаемых результатов.

Осенью 1988 года, работая по заданию Н. Рыжкова

над одним из правительственных документов, знакомлюсь с закрытым вариантом бюджета, предложенного на 1989 год. Его абсолютно самоубийственный характер очевиден. Дефицит бюджета продолжает неконтролируемо расти, покрывается за счет экспансии денежной массы. Правительство пассивно наблюдает за финансовой разрухой, совершенно не отдавая себе отчета в том, что происходящее чревато бурными социальными катаклизмами, крушением режима. Так было во Франции накануне Великой революции, в России — перед 1917 годом, в Китае — накануне краха Гоминьдана.

Пожалуй, именно тогда отчетливо осознаю, что Советский Союз действительно стоит перед угрозой потрясений революционного характера. Революция в стране, начиненной ядерным оружием, — огромный риск для всего мира. Сколь бы ни был порочен коммунистический режим, вся моя либеральная сущность протестует против его радикальной ломки. Наша важнейшая задача — обеспечить плавный, наименее конфликтный и опасный выход из социализма. Беда в том, что ни политическое руководство, ни общество явно не представляют себе меру реальной опасности, последствия принимаемых экономических решений.

Отчаявшись достучаться со страниц «Коммуниста» до сознания лидеров, вместе с О. Лацисом пишем короткую записку Горбачеву. Пытаемся объяснить ему суть происходящего, прямую связь развала потребительского рынка с финансовыми диспропорциями, предложить набор решений, позволяющих взять ситуацию под контроль: существенное сокращение военных расходов, ограничение централизованных капитальных вложений, маневр в импорте, направленный на увеличение доли наиболее финансово-эффективных потребительских товаров, меры, позволяющие существенно сократить объемы бюджетного дефицита и взять под контроль темп роста денежной массы.

Мы не слишком надеемся на успех. Разных запи-

сок писали немало, делаем это, скорее, для очистки совести. Записку передали через Ивана Фролова, к этому времени он один из помощников Горбачева, сопровождали ее набором опубликованных в «Коммунисте» материалов, подробно разъясняющих динамику финансового и общеэкономического кризиса. К нашему удивлению, записка произвела на Михаила Сергеевича сильное впечатление. Наверное, она в чем-то отвечала его собственным мыслям. Как бы то ни было, он полностью зачитал ее на очередном заседании политбюро, провел подробное обсуждение, дал ряд конкретных поручений правительству. Однако предлагаемые нами рекомендации выглядят слишком радикальными, они явно не в стиле Горбачева. Мелкие изменения в экономическую и финансовую политику были, правда, внесены, но они никак не соответствовали масштабам надвигающегося кризиса. Курс, чреватый финансовым развалом, продолжался.

В 1989—90 годах я неоднократно встречался с Горбачевым на широких, узких и совсем келейных совещаниях, помогал ему в работе над разнообразными документами. Укрепился в своей оценке его личности. Несомненно, реформатор, искренне желавший изменить и страну и социалистическую систему, избавить ее от наиболее очевидных уродливых проявлений. Начиная перемены, он, конечно, не понимал, насколько сложны окажутся задачи, какой титанической силы сопротивление будет оказано даже робким попыткам затронуть каркас тоталитарной советской империи. Столкнувшись с мощными, неуправляемыми процессами, Горбачев растерялся и потерял ориентиры. Выпустив из бутылки джинна политической либерализации, не сумел ни подчинить его, ни загнать обратно в бутылку. И никак не мог решить, чего же он на самом деле хочет. Тут ярко проявилась самая серьезная слабость Горбачева — его неспособность принимать необходимые, хотя и рискованные решения и последовательно проводить их в жизнь.

В это время в мире широко обсуждали наши проблемы, пытались понять, в чем состоит стратегическая линия Горбачева. У меня сложилось твердое убеждение, что такой линии вообще не существует, Горбачев делает мелкие тактические шажки, сталкивается с новыми проблемами, делает новые шажки и явно не представляет себе, куда это приведет. Не удивительно, что в 1989—90 годах «горбомания» либеральной интеллигенции довольно быстро идет на спад. А я все равно испытываю к нему глубокую симпатию как к человеку, взявшему на себя, может быть, не по силам тяжелую ношу российского реформатора.

Летом 1990 года отклоняю предложение Григория Явлинского поработать в российском правительстве. Не в последнем счете и потому, что не хочу оставлять Горбачева в тяжелое для него время. Пожалуй, только крутой политический поворот осени 1990 года, отказ Горбачева от сотрудничества с российскими органами власти, явная ставка его на консервативную часть партийной элиты и силовые структуры, кровавые события в Вильнюсе подвели для меня черту под историей Горбачева-реформатора.

Между тем к этому времени для либеральной интеллигенции политический распад давно стал двуполосным. Если не Горбачев, то Ельцин.

Мое отношение к Ельцину тоже далеко не однозначно. Он мой земляк, бывший первый секретарь Свердловского обкома партии. Свердловские связи у нас в семье, как я уже говорил, всегда были сильными. Мы знали о том, как друзья, знакомые оценивают местных руководителей. К Ельцину относились очень хорошо, по-теплому. Говорили, что это один из руководителей, искренне переживающих за дело, способных нормально говорить с людьми. Были огорчены, когда его забрали из Свердловска в Москву. От тех, кому приходилось общаться с ним в Москве по делам городского комитета партии, отзывы были тоже скорее позитивные. Да, есть проблемы с кадрами, не знает,

кого привлечь, но, по крайней мере, пытается что-то сделать, навести порядок.

Выступление его на Пленуме ЦК КПСС осенью 1987 года, последующее покаяние на Московской городской конференции, выступление летом 1988 года на 19-й партконференции — все вместе производило довольно сложное впечатление. Были хорошо видны сила и политический потенциал, умение ухватить проблемы, которые действительно волнуют людей. И полная неясность в том, куда этот политический потенциал будет направлен. Особенно смутным было все, что связано с экономикой.

Постепенно стало ясно — Ельцин готов использовать против одряхлевшего социалистического режима его собственное, правда, давно затупившееся от времени оружие — энергичный социальный популизм. Когда через открытую Горбачевым дверку гласности пошел поток информации о привилегиях партийной и государственной элиты, когда высветились масштабы социального неравенства, все эти кремлевские пайки, специальные секции ГУМа, спецполиклиники, спецпансионаты, государственные дачи, радикальные противники коммунистического режима использовали критику привилегий в качестве мощнейшей пропаганды, затрагивающей самые глубинные исторические корни общественного сознания людей, их представления о справедливости. Призыв взять все и поделить, который в свое время в полной мере использовали большевики в борьбе за власть, оказался на этот раз обращенным против них самих.

Ельцин, ездивший в трамвае и пошедший в обычную районную поликлинику, буквально взмыл на гребне народной симпатии, после чего мог себе позволить и неудачные выступления в Америке, и загадочные падения в реку. Ничего не могло остановить роста его популярности, а все накладки молва относила на счет «заговора» элиты против народного заступника.

Когда же на выборах в Москве Ельцин с разгром-

ным счетом (90 : 10) победил своего соперника, которого поддерживал партийный аппарат, всем стало очевидно, что мы имеем дело с настоящим политическим лидером. Было неясно другое — как распорядится этот лидер той мощной поддержкой, которую оказал ему народ.

Те, кто, как и я, хотели бы добиться глубоких, но все же постепенных, упорядоченных реформ, возлагали свою надежду на стратегический союз Горбачева, как царя-реформатора, и Ельцина, как народного вождя. Конечно, их нелицеприятная риторика по отношению друг к другу, не слишком ловкие маневры Горбачева, пытавшегося предотвратить избрание Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР, не содействовали такому тандему, но и не исключали его. Особенно реальным подобный союз стал летом 1990 года, когда Ельцин и Горбачев договорились о разработке и реализации экономической реформы, известной как программа «500 дней». Казалось, совместно они смогут остановить неконтролируемый распад социально-экономических структур, повернуть преобразования в более или менее упорядоченное русло.

С Григорием Явлинским, инициатором создания указанной программы, мы познакомились осенью 1988 года. Меня тогда попросили помочь в подготовке доклада Председателя Совета Министров Николая Рыжкова о долгосрочных перспективах развития советской экономики. Наша авторская группа работала в санатории Совмина «Сосны». В ней было несколько моих знакомых, в частности, Яков Уринсон, руководивший главным вычислительным центром Госплана, Владимир Машиц, работавший в Центральном экономико-математическом институте, Татьяна Корягина, профессор из научно-исследовательского экономического института Госплана.

Татьяна Ивановна, приехавшая чуть раньше, выбрала столик в столовой и пригласила за него нас с Григорием Алексеевичем. Он в это время заведовал Управ-

лением социального развития в Госкомитете по труду и социальным вопросам и слыл восходящей звездой на явно не богатом талантами фоне правительства Рыжкова.

В группе я отвечал за разделы доклада, связанные с финансовой политикой и экономической реформой, Явлинский — за разделы, связанные с социальным развитием. За время совместной работы, длившейся около месяца, мы близко познакомились, немало гуляли, беседовали на самые различные темы. Работа шла нелегко. У нас и высокого начальства явно расходились представления о реальных долгосрочных перспективах советской экономики, да и краткосрочных тоже.

Я пытался хотя бы минимально подучить Николая Ивановича Рыжкова в общеэкономических и финансовых вопросах. Надо сказать, на редкость неудачно. Владимир Саваков, близкий помощник Н. Рыжкова, непосредственно руководивший работой группы, регулярно отправлялся с нашими текстами к высокому начальству и возвращался, как правило, расстроенный и разочарованный. Начальству не нравилось, оно не могло понять, как это развал потребительского рынка может быть связан с государственным бюджетом, вникнуть во многие другие экономические премудрости.

От Явлинского требовали четких и точных расчетов бурного повышения уровня жизни советского народа на ближайшее десятилетие, сведений о том, сколько яиц придется на каждую советскую душу в двухтысячном году. Он отбивался, как мог, пытаясь донести до начальства комизм яичных обещаний, впрочем безуспешно. Шутки воспринимались плохо.

Общее ощущение, сложившееся у меня по совместной работе с Явлинским, было довольно определенным. Несомненно талантлив, ярок, безумно честолюбив, скрыто страдает от явных изъянов в своем экономическом образовании, в чем, к его чести, отдает себе отчет. Впоследствии в Москве неоднократно презва-

нивались, встречались. Григорий Алексеевич все чаще жаловался на полную безнадежность попыток пробить совминовские структуры, просил как-нибудь свести его с Горбачевым.

Взлет Явлинского начался осенью 89-го, после вхождения его учителя, Леонида Ивановича Абалкина, в правительство. Тогда Абалкин пригласил Явлинского возглавить сводный отдел Комиссии по экономической реформе. Съезд народных депутатов поручил правительству подготовить программу оздоровления экономики. Непосредственно эта работа легла во многом на комиссию Абалкина, а на уровне ведущих исполнителей — на Явлинского и моего старого знакомого, профессора Евгения Ясина, назначенного руководить еще одним отделом комиссии по реформе. С этого времени и вплоть до лета 91-го года начинается захватывающая история создания примерно десятка программ, которые разрабатывались специалистами, широко обсуждались, принимались на высоком уровне и при этом не оказывали практически никакого влияния на ход хозяйственных процессов, подчинявшихся совсем другой, не предусмотренной в программах реальной логике развала бюрократической экономики.

Эти документы сами по себе интересны, при их сопоставлении видно, как постепенно росло осознание необходимости масштабной программы приватизации и как авторы программ, пытаясь сочетать экономически необходимое с политически возможным, закладывали в прогнозы абсолютно нереальные расчеты. Мне приходилось принимать участие либо в написании, либо в экспертизе многих из них. Изучение этих документов — прелюбопытнейшее занятие для экономического историка.

Явным исключением в ряду этих документов, правда, имевшим не экономический, а политический резонанс, без сомнения, стала программа «500 дней». Набросок ее Григорий Алексеевич показал мне, кажется, в марте 90-го года. Содержательно в ней не было ни-

чего особенно нового. Она в основном повторяла логику предшествующих программных документов, включала стабилизационные мероприятия как базу, предшествующую либерализации цен, структурные реформы, приватизацию. Но одно публицистическое нововведение было, без сомнения, блестящим — раскладка по дням. Разумеется, к экономике это никакого отношения не имело, невозможно по дням расписать такой процесс, как масштабные социально-экономические реформы, особенно в условиях распадающейся экономики. Если беспристрастным глазом специалиста перечитать программу «500 дней», то многие из ее сюжетов невозможно воспринимать без улыбки. Но дело, как я уже говорил, было не в экономике, эта программа поразительно точно накладывалась на политические потребности дня, обещая выбитому из привычной колеи российскому обществу простые рецепты создания рыночного счастья. Притом — малой ценой!

Представление о том, что крушение социализма отнюдь не равнозначно появлению развитой, эффективной рыночной экономики, что родимые пятна социализма придется выводить десятилетиями, что предстоит огромная, тяжелейшая работа для того, чтобы создать хотя бы предпосылки нормально функционирующего рынка — далеко за пределами экономических идей, доминирующих в массовом общественном сознании.

Но в политическом плане рассчитанная на короткий срок и расписанная по дням программа построения в Советском Союзе развитой рыночной экономики — это именно то, что было необходимо Ельцину и той части элиты, которая пошла за ним. Сама по себе реалистичность или нереалистичность программы с экономической точки зрения не имела никакого значения. Но даже ложная идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

И тогда, летом 90-го, и впоследствии мы неоднократно обсуждали и с самим Явлинским, и с другими

соавторами этой программы — Евгением Ясиным, Владимиром Машицем, Борисом Федоровым — их отношение к ней. Нет сомнения, что большинство из них ни в малой степени не сомневалось в ее утопизме. И вместе с тем в политическом ключе программа «500 дней» была в тот момент, безусловно, полезной, ибо она способствовала сближению Горбачева и Ельцина, создавала базу для их возможного союза и проведения согласованной линии. А следовательно — и для предотвращения разрушительной войны законов. Именно это и заставило меня в конце лета 90-го года публично поддержать эту программу, лишь мягко высказав сомнения в реалистичности многих параметров, положенных в ее основу.

Увы, программе Явлинского не суждено было оправдать и свое политическое предназначение. После долгих колебаний, под мощным давлением силовых структур, консервативной части аппарата, Горбачев отказался от соглашения с Ельциным и поддержки программы «500 дней». С этого момента вплоть до осени 91-го года о какой бы то ни было экономически осмысленной политике можно было забыть. Между рушащимся Союзом и Россией началась ожесточенная борьба за власть.

Любому непредвзятому наблюдателю стало ясно, что страна приближается к экономическому краху. Это было очевидно и авторам программы «500 дней», которые записали в ее преамбуле, что в случае отказа руководства Союза и России от согласованных действий по проведению рыночных реформ продолжится процесс дезинтеграции экономической системы, появятся десятки автаркий в границах областей и национально-территориальных образований. Обмен продукцией между ними примет форму бартерных сделок. В результате придется выбирать между гиперинфляцией и прямым изъятием денежных средств у предприятий и населения. Спад производства углубится, многие крупные предприятия останутся из-за нехватки комплек-

тующих изделий. Острый дефицит потребительских товаров и продукции производственного назначения можно будет покрывать только за счет импорта, однако стране, вероятно, будет отказано в новых кредитах. Начнется упадок крупных городских центров и падение товарности наиболее урожайных сельскохозяйственных регионов. Потребительский рынок вытеснится нормированным распределением и черным рынком. Экономический крах усугубится отсутствием единой программы действий. Каждая республика, а затем каждая территория (вплоть до районов) будут пытаться выбраться из кризиса в одиночку, что губительно для интегрирования сверхмонополизированной экономической системы. Политические последствия — окончательный распад Союза, столкновения на национальной почве в этнически неоднородных регионах. Неподчинение закону будет охватывать все сферы общества.

Теперь этот сценарий становился неизбежным. Вопрос состоял только в том, что делать, как жить дальше, когда точно нарисованная картина грядущей катастрофы начнет воплощаться в реальность? Можно ли хоть как-то ограничить экономические и политические тяготы? Как попытаться повлиять на власть на уровне Союза и республик, чтобы использовать все возможности для предотвращения катастрофы или, по меньшей мере — смягчения ее последствий? Многие ждали ответа на эти вопросы от популярного Явлинского. Но он, вопреки призывам и уговорам российского руководства остаться в правительстве и продолжать работу по подготовке рыночной реформы, подал в отставку. Шаг политически выверенный, точный. Конечно, оставаясь в российском правительстве, можно было бы немало сделать для создания фундамента приватизационного процесса, формирования рыночного законодательства, правовой защиты частной собственности и многого другого. Но все это — на фоне нарастающего экономического кризиса, ответственность за который совершенно неизбежно падает на тех, кто стоит у руля.

Контраст со сладкой сказкой программы «500 дней» будет слишком сильным. Политическая цена — высокой.

В день своей отставки Григорий Явлинский заехал на госдачу в Волинское, где мы работали с Евгением Ясиным, Станиславом Шаталиным, Николаем Петраковым, Абелом Аганбегяном. Премьер российского правительства Силаев звонил Ясину, спрашивал, не согласится ли тот занять место Явлинского. Явлинский отговаривал Евгения Григорьевича, да тот и не собирался соглашаться. Позже подъехал Горбачев. Обсуждали эклектичный документ — гибрид программы «500 дней» и правительственной программы, подготовленной Леонидом Абалкиным. Говорили о разном. Горбачеву пришла в голову экзотическая идея — назначить депутата Журавлева из Белоруссии, на мой взгляд, достаточно эмоционального и неуравновешенного, председателем Центрального банка. Мы не рекомендовали. В целом было ощущение, что Горбачев отдает себе отчет, в каком политическом тупике он оказался.

Там же, в Волинском, Абел Аганбегян предложил мне возглавить сформированный в Академии народного хозяйства исследовательский институт. Предполагалось назвать его Институтом хозяйственного механизма. Подумав, я согласился. Тут же договорились с секретарем Отделения экономики Академии наук С. Шаталиным, что Институт будет двойного подчинения: Академии народного хозяйства и Академии наук и получит название «Институт экономической политики». Там попытаемся собрать наиболее динамичных экономистов молодого поколения.

Принял предложение тем более охотно, что стал тяготиться работой в печати. В начале 1990 года по предложению Ивана Фролова возглавил экономический отдел «Правды», опубликовал там несколько больших статей, в том числе, наверное, наиболее известную мою газетную публикацию «Благие намерения», обобщавшую уроки экономической политики

Горбачева и Рыжкова. Однако становилось ясно, что на фоне усиливавшихся консервативных тенденций превратить «Правду» в реформаторский орган не удастся. Мои статьи разительно дисгармонировали с тем, что печаталось по другим разделам.

К этому времени я уже проинформировал Ивана Фролова, что ухожу. Думал о том, чем займусь дальше. Твердо решил вернуться в науку. Предложение возглавить новый молодой институт, не обремененный балластом бездельников-блатников, такой, куда я смогу подбирать людей исключительно по их способностям, было очень привлекательно. Институт предполагалось создать небольшой, около 100 человек. Практически всех сотрудников подбирал лично. Удалось сформировать, как мне кажется, неплохой коллектив. Заместителями директора стали специалист по межотраслевому балансу Андрей Нечаев, пришедший из Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса, и Владимир Машиц — из Центрального экономико-математического института, прекрасный статистик, знаток хозяйственного механизма. Из Института экономики пригласил Владимира Мау, в то время активно работавшего в области истории экономической мысли и начинавшего свои исследования по современной политической экономии. Из Института экономики Госплана — Сергея Синельникова, занимавшегося экономикой природопользования, уговорил его переквалифицироваться на проблемы налоговой системы и бюджета. Пришли и другие талантливые экономисты — Александр Радыгин, Елена Журавская, Вадим Иванов. Ленинградское отделение института возглавил Сергей Васильев. В целом коллектив получился дружный, работающий.

Между собой договорились: никаких грандиозных программ не пишем, экономической политикой не занимаемся, только изучаем ее. Разумеется, мы готовы проводить экспертизу нормативных актов, предложений, программных разработок и российского, и союз-

ного правительства, давать свои оценки, помогать, но главное для нас — изучение механизмов функционирования российской экономики, протекающих в ней процессов, их краткосрочное прогнозирование. Это тем более важно, что реальные возможности органов власти влиять на развитие событий в экономике становятся все более призрачными.

На первом большом семинаре института в январе 1991 года я сделал доклад «Об экономике нестабильности и перспективах развития советского народного хозяйства». С осени 1990 года советская экономика вошла в режим подавленно-открытой инфляции. Быстро растут цены и сохраняется дефицит на всех видах товарных рынков. Прогнозирую три этапа: период подавленно-открытой инфляции, период открытой инфляции и стабилизационные процессы. Мы не можем точно определить даты перехода от первого этапа ко второму и от второго к третьему. Но зато достаточно легко предугадать основные параметры социально-экономического развития на каждом из этих этапов, в частности, темпы роста денежной массы, темпы роста цен, бюджетный дефицит, долю дотаций в валовом внутреннем продукте, реальные и номинальные доходы населения, объем промышленного производства. Нарисовал графики этих параметров для периодов до либерализации цен, после их либерализации и в момент развертывания стабилизационных процессов.

Последующее развитие событий довольно точно подтвердило мой прогноз.

Глава 4

АВГУСТ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО

Мысли о новой книге · ГКЧП · У Белого дома · Геннадий Бурбулис · Паралич после победы · Странная страна · Экономика бартера · Конвульсии СССР

В начале августа 1991 года я взял отпуск и, оторвавшись от рутинной череды институтских забот, отправился в подмосковный дачный поселок Красновидово, чтобы засесть наконец за давно задуманную книгу.

В 1989—1990 годах вся коммунистическая империя, охватывающая территорию СССР и вассальных стран Восточной Европы, вступила в этап тяжелого кризиса и развала. Везде начались серьезные экономические преобразования, носящие системный характер. На повестку дня встал вопрос о радикальной перестройке базовых социально-экономических институтов. Процесс развивался не однообразно, приобретая порой трагическую напряженность, как это случилось, например, в декабре 1989 года в Румынии, или шел более спокойно, сглаженно, как в Чехословакии и Болгарии. Но масштаб экономических трудностей переходного периода повсюду превзошел даже самые пессимистические ожидания.

Конечно, в каждом конкретном случае можно было выявить свои причины трудностей. Так, в Советском Союзе ими стало сокращение добычи нефти и газа, падение мировых цен на это сырье, в ГДР — завышенные надежды населения в связи с объединением с ФРГ, в Польше — неизбежная плата за остановку гиперинфляции... И все же, несмотря на специфику стран, на особенности их реформ, уже вырисовывались некоторые общие тенденции, даже закономерности. Вот об этих закономерностях, о том, почему так тяжок

путь из социалистической экономики к экономике нормальной, хотел я поразмышлять тогда в своей новой книжке.

Преыдушая называлась «Экономические реформы и иерархические структуры» и была посвящена анализу попыток модернизировать социалистическую модель хозяйствования без разрушения ее основ. Попытки таких реформ предпринимались неоднократно, всегда были половинчаты, непоследовательны, встречали мощное сопротивление бюрократии. Но в любом случае к падению производства они еще никогда не приводили. Напротив, подстегивали, хотя и временно, его темпы, позволяли несколько улучшить положение на потребительском рынке, а в некоторых странах способствовали развитию мелкого частного предпринимательства. Теперь картина была иной. Катастрофический крах старой системы управления порождал принципиально новые проблемы, существенно отличные от тех, которые были предметом изучения ранее.

В воскресный вечер 18 августа засиделся особенно поздно. Уже за полночь дописал последний абзац вводной главы: «На этапе трансформации, который переживают СССР и страны Восточной Европы, экономически разумная политика, чаще всего, является одновременно непопулярной. Ее проведение возможно лишь при восстановлении эффективной и сильной государственной власти. Чем дальше продвинулись те или иные посткоммунистические страны в этом направлении, тем увереннее реальная экономическая политика поворачивает на путь, позволяющий заложить фундамент стабильного хозяйственного развития. В СССР, где разумная государственная активность парализована конституционным кризисом и «войной законов», ход событий систематически отклоняется от профессионально-экономического эталона, что толкает страну на путь латиноамериканизации».

Разумеется, в тот момент мне не могло прийти в голову, что всего через два месяца мне придется взять на

себя ответственность за попытку проведения экономически разумной, но заведомо непопулярной политики в России.

Ранним утром разбудил необычно громкий и непривычно встревоженный голос жены: «Егор! Скорее сюда!»

— Что случилось? Пашка?

— Переворот! Военный переворот! Горбачев арестован...

В понедельник от Красновидова ближайший рейсовый автобус до Москвы в 11 утра. Возле маленькой сторожки, где установлен единственный на всех городской телефон, очередь. Звоню в институт, сообщая, что буду примерно в половине первого, прошу собраться к этому времени у меня в кабинете.

Маша звонит Аркадию Натановичу Стругацкому. «Танки, — сообщает она мне, выйдя из сторожки. — Отец сказал, что под окнами по проспекту Вернадского идут колонны танков. К центру...». Потом выходит с детьми проводить меня в Москву. Машет рукой, на глазах слезы, явно не уверена, что вновь встретимся. Масштаб предстоящих событий еще никому не ясен.

По дороге пытаюсь представить себе последствия переворота. В этот момент у меня нет сомнений в том, что он приведет к смене власти. Что на несколько месяцев или даже лет его авторам удастся удержаться на плаву. Ну а дальше? Никакой «просвещенной диктатуры», никакого «российского Пиночета» не предвидится. Кровь, как и при Пиночете, конечно, прольется, куда больше крови. Только будет это все зазря. У заговорщиков нет ни единой разумной идеи, что делать с разваливающейся экономикой. Через год, два, четыре, не больше, — истерзанная страна все равно вывернет на нелегкий путь к рынку. Но шагать ей по этому пути будет в тысячу раз труднее. Да, год, два, ну пусть даже пять. В конце концов, для истории — это мгновение. А для живущих сегодня? И сколько из них через эти годы перешагнет?

Автобус приблизился к Москве, миновал окружную. За Тушином пассажиры разом повернули головы налево. У моста стоял бронетранспортер. Я раскрыл папку, чтобы набросать тезисы выступления в институте. Чистой бумаги не оказалось, и пришлось писать на обороте законченной вчера главы.

Сотрудники уже собрались. Говорю, что никакой дополнительной информации у меня нет, но очевидно: во всей этой затее ГКЧП просвещенным рыночным авторитаризмом в стиле Дэн Сяопина и не пахнет. Если путчисты победят, возникнет мрачная и кровавая мерзость, ну а если потерпят поражение, существующая система власти рассыплется и угроза хаоса и анархии станет предельно реальной. В любом случае есть только один человек, авторитет которого дает шанс избежать катастрофических для страны последствий — Борис Ельцин. Значит, наша задача сделать все, чтобы ему помочь.

Из института ишу по телефону всех, кому можно дозвониться. Звоню помощнику Горбачева, О. Ожерельеву. Спрашиваю: жив ли Михаил Сергеевич и можем ли мы для него что-нибудь сделать. Отвечает крайне уклончиво — разговор не поддерживает. Звоню в Белый дом Сергею Красавченко, Алексею Головкову. Прошу передать начальству, что институт в распоряжении российской власти.

Садимся с коллегами за экспресс-анализ экономической части программы путчистов. Честно говоря, анализ получается скорее злобный, чем профессиональный. Рассылаем текст в демократические газеты и западные агентства.

В истории все произошедшее быстро обретает устойчивую непоколебимость. Так легко убедить себя в том, что иначе и быть не могло. Видимо, отсюда сегодняшние рассуждения об опереточности путча, его очевидной обреченности. Внимательно ознакомившись впоследствии с документами, воспоминаниями участников провалившегося переворота, убежден — стратегически они действительно были обречены, но крови

могли пролить немало и какое-то время способны были удержаться у власти. Большая часть населения отреагировала на путч отрицательно, но пассивно. Республики замерли в ожидании, как повернутся дела в России. Лидер грузинских националистов З. Гамсахурдиа, столь воинственный до этого, явно стушевался, заявил о готовности к сотрудничеству с ГКЧП. В Прибалтике военные действовали достаточно решительно, установив контроль над ключевыми объектами. Все должно было решить развитие событий в столицах, особенно в Москве.

На мой взгляд, тактически поражение путчистов было обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, их глубоким неуважением к собственному народу и особенно к политическим оппонентам. Знаю, в среде тех, кто выступал за силовое решение, была распространена легенда, что все демократы по своей природе трусы, стоит только хорошенько стукнуть кулаком по столу, как они разбегутся по норкам и затихнут. То, что в Москве и Питере ничего подобного не произошло и путч натолкнулся там на массовый протест и сопротивление, было для гэкачепистов неприятнейшим сюрпризом. По состоянию на 19 августа 1991 года ничего в российской или советской истории не давало оснований надеяться, что это сопротивление не будет жестоко подавлено. Заговорщики были явно к этому готовы. Дело оставалось за малым: кто непосредственно возьмет на себя ответственность за масштабное кровопролитие, массовые репрессии, кто организует и заставит действовать войска, посадит самого надежного, доверенного, решительного генерала на передовой танк, поручит ему лично подавить сопротивление. Короче, кто сумеет переломить совершенно естественную инерцию силовых структур, не желающих оставаться крайними. Такого человека среди руководителей переворота не нашлось. Отсюда — колебания, непоследовательность, стремление переложить ответственность друг на друга, пробуксовка военной машины. Да, в этом

есть логика: склероз социалистической системы зашел очень далеко, искусство перекалывания ответственности за все последние годы было доведено до совершенства. И это отнюдь не способствовало появлению решительных людей у силовых рычагов. Но велик и элемент случайности, присутствие в нужный момент в нужном месте какого-нибудь Варенникова или Макашова вполне могло радикально изменить ситуацию.

Во всяком случае десятки тысяч москвичей, собравшихся у Белого дома 20 августа 1991 года, при известии о готовящемся штурме не имели никаких оснований полагать, что все не кончится кровавым месивом. Как это было двумя годами раньше в Пекине на площади Тяньаньмынь, где трупы убирали бульдозерами. И, прекрасно понимая это, — все же пришли. Потому что не захотели быть бессловесными марионетками, потому что ценили и хотели отстоять свою свободу. Пожалуй, впервые с августа 1968 года я почувствовал, что имею полное право гордиться своей страной и своим народом.

Утром 20-го у Белого дома. Людское море залило Рочдельскую улицу, все пространство от здания СЭВ и гостиницы «Мир». Рождается ощущение, что путч обречен, москвичи не запуганы, покоряться не собираются. Однако во второй половине дня, когда я уже вернулся в институт, обстановка снова стала тревожной. Введен комендантский час, поступает информация о передвижении войск. Похоже, все-таки идет подготовка к штурму.

На час приостанавливаю действие своего же приказа о прекращении работы первичной партийной организации института, отданного после недавнего указа Ельцина о департизации. Проводим партийное собрание, на котором ставим два вопроса: первый — о выходе сотрудников института из партии в связи с попыткой государственного переворота, поддержанного ЦК КПСС, второй — о ликвидации в этой связи нашей партийной организации. Только одна сотрудница говорит дрожа-

шим голосом, что это очень тяжелое для нее решение и нужно посоветоваться с мужем. Все остальные, люди разного возраста, с разными биографиями и жизненным опытом, — дружно поддерживают. Таким образом, последнее партийное собрание заканчивается быстро.

Примерно часам к семи вечера мужчины института в полном составе у Белого дома. В тот вечер знакомлюсь с Геннадием Бурбулисом. В его кабинете шумно, за столом председатель Комитета государственной безопасности Российской Федерации Виктор Валентинович Иваненко пытается связаться с генералами, командующими округами. Мы с Геннадием Эдуардовичем посетовали, что давно друг друга знаем понаслышке, а встретиться довелось в такой сложный момент.

Потом неоднократно встречались, особенно часто беседовали осенью 1991 года, когда шел процесс выработки стратегии российского руководства после августовских событий. Именно Бурбулис свел меня с Борисом Николаевичем Ельциным, и он же, наверное, более, чем кто-либо другой, был причастен к тому варианту состава правительства реформ, которое начало свою работу в ноябре 1991 года. Потом работали вместе в составе правительства, неоднократно встречались у Президента, вместе вели предвыборную кампанию 1993 года, штаб которой Бурбулис возглавлял. Несомненно — умный, тонкий аналитик, умеет считать варианты, видеть перспективы, привлекать интересных людей, специалистов. Прекрасно подходит на роль серого кардинала при руководстве. К сожалению, именно эта роль, для которой он явно создан, ему категорически не нравится. Он хочет сам быть первым лицом и принимать самые ответственные решения. Но как раз это ему не дано. Помню совещания под его председательством, всегда интеллектуально насыщенные. Но, как правило, ни к каким конкретным результатам не приводящие. Это тягостно. День расписан по минутам, на очереди колоссальное количество проблем, а тут пусть интересный, но ничем не завершающийся разговор.

Осознание этого пришло много позже. Тогда же обсуждение сосредоточилось на главной теме: если сегодня все не кончится катастрофически, если ситуация «зависнет», что делать, чтобы переломить ее в свою пользу? Какие рычаги в наших руках? Газеты, радио, типографии... Как будут развиваться события в других крупных городах? Найдет ли отклик призыв к забастовке? Вариант быстрой и решительной победы над ГКЧП по-прежнему кажется нереальным и даже не обсуждается. Иваненко непрерывно связывается по телефону с командирами Московского военного округа, внутренних войск, частей КГБ. Говорит примерно одно и то же: звоню по поручению Ельцина, не ввязывайтесь в это дело, держите личный состав и технику в стороне...

Зашел Григорий Явлинский. Мы давно не виделись. Говорим, разумеется, не об экономике. Он считает, что Горбачев в курсе заговора и скрыто его поддерживает, я сомневаюсь — для чего это ему?

Бурбулис возвращается от Ельцина. Президент просит следить за маршрутами, по которым к Белому дому могут выдвинуться танки. Ребята с радиоаппаратурой стараются ухватить переговоры командиров танковых частей со своими подразделениями.

Постепенно, уже за полночь, обстановка начинает накаляться. Танки, кажется, действительно двинулись. Бурбулис набирает по правительственной связи номер председателя КГБ Крючкова. Что-то очень странное: вроде вот-вот убивать будут, и в то же время созвонились, побеседовали...

Максимальное напряжение где-то в половине третьего, потом спад. Примерно в пять утра выхожу из 8-го подъезда, разыскиваю промокших, продрогших коллег. В общем, вроде ничего не случилось, просто долгая, бессонная ночь. А на самом деле — неожиданная, еще недавно казавшаяся столь невероятной, оглушительная победа. Это осознают еще не все.

— Сейчас по домам и спать, — говорю своим со-

трудникам. — В двенадцать собираемся в институте. Нужно вместе продумать, что делать дальше...

21—22 августа неожиданное и полное крушение ГКЧП, коммунистического режима, империи. Руководители переворота арестованы, в Москве восторженные толпы на улицах, активисты Демроссии защищают от толпы сотрудников ЦК КПСС, в здании КГБ срочно жгут архивы. Самоубийство министра внутренних дел Б. Пуго, куда более загадочное самоубийство управляющего делами ЦК КПСС Кручины, отвечавшего за финансы партии. Заискивающие публикации «Правды». Суть их — мы будем хорошими, станем верно служить новой, демократической власти. Полная деморализация КПСС. Те, кто поддерживал переворот, до смерти напуганы, явно опасаются, что демократы поступят с ними так, как они бы поступили с демократами в случае победы ГКЧП. Все напоминает февраль 1917 года, как представлял его себе по книгам, воспоминаниям современников. И именно это не дает покоя. Ведь я-то хорошо знаю, что последовало за эйфорией Февральской революции. Да, счастье, что провалился путч, но что дальше?

Немедленный и полный развал КПСС, организации, соединявшей все колесишки власти в стране, крах всеведущего КГБ, полное банкротство доминирующей политической элиты, ее идеологии, — не открывает ли все это дорогу хаосу, анархии, страшному экономическому развалу и новой диктатуре? Особенно серьезна эта опасность, если иметь в виду, что все экономические отношения строились до сих пор не на системе работающих рынков, а на силе принуждения, приказе.

Завтра по всей стране колхозы и совхозы перестанут сдавать зерно — страх наказания исчез, а рубль не работает. Что делать дальше? Завтра станет ясно, что республики де-факто — суверенные государства, не признающие союзной юрисдикции, а кто будет контролировать ядерный арсенал? Масса неотложных вопросов, на которые нет ответов. Несмотря на разве-

вающиеся трехцветные российские флаги и ликующие толпы, на душе глубокая тревога за будущее страны. То, что случилось, — без сомнения либеральная, антикоммунистическая революция, спровоцированная негибкостью и авантюризмом правящей элиты. Но ведь любая революция — это всегда страшное испытание и огромный риск для переживающей ее страны, именно его и хотелось предотвратить, повернув развитие на путь упорядоченных реформ. Теперь то, что раньше представлялось отдельной, абстрактной угрозой, стало жестоким реальностью.

Характерная черта первых двух месяцев после путча — похожая на внезапный паралич, пугающая пассивность российских органов власти. Хотя понять ее можно. 21 августа могучий противник, для долгой и тяжелой борьбы с которым все было подготовлено, разом исчез. Ельцин оказался как бы тем витязем, который, как в сказке, сокрушил супостата, ворвался в заколдованный замок, но вместо страдающей прекрасной принцессы увидел мрак, запустение, горы мусора. И разбираться со всем этим теперь придется ему. Неожиданная победа, лишив Президента России преимущества оппозиционности, не дала ему в руки волшебной палочки, позволяющей остановить набравший скорость процесс экономического развала, более того, положение только еще больше осложнилось.

Союзные хозяйственные министерства уже ничем не управляют. Их сотрудники заняты поисками работы в частном секторе, созданием коммерческих фирм и переводом в них казенных денег и имущества. Работа партийных органов, до августа 1991 года по традиции еще выполнявших на республиканском, областном, районном уровне посреднические и регулирующие функции в хозяйственных взаимосвязях и распорядительных процессах, теперь официально запрещена. Крайкомы, обкомы, райкомы партии закрыты, опечатаны. Силловые структуры — армия, КГБ, МВД — деморализованы.

Сформированные после провала переворота новые

союзные органы управления даже не пытаются всерьез овладеть ситуацией. Это и понятно: теперь, после августовской победы, вся ответственность за происходящее в России, и в значительной степени на территории всего бывшего Советского Союза, ложится на плечи российских лидеров.

На этом политическом фоне еще оставалась, как мне тогда казалось, единственная возможность сохранить СССР: Горбачев немедленно отрекается от своего поста, передает его Ельцину, как президенту крупнейшей республики Союза. Ельцин легитимно подчиняет себе союзные структуры и, обладая безусловным в ту пору авторитетом общенародного лидера России, обеспечивает слияние двух центров власти, борьба между которыми и служит одной из основных причин развала. Так возникает надежда...

Реально же происходит иное: российское руководство бездействует, процесс дезинтеграции Союза приобретает лавинообразный характер, межреспубликанские таможи задерживают вывоз продукции. Формально Союз существует, но из него вынули душу, осталось тело, и оно перестало функционировать, нет даже конвульсий. Возможно еще попытаться о чем-то с республиками договориться, но давать указания, требовать исполнения, контролировать — это утопия. Нельзя даже вообразить, например, что Горбачев укажет теперь Назарбаеву, как поступить с проектом «Тенгиз-Шеврон». Вопрос отпал.

Союза, как реальной силы, нет, и не удивительно, что на Кавказе оружие советской армии оказывается у кого попало. Силовые структуры пребывают в состоянии коллапса. Каркас власти остался, но нет хозяина. Кто хозяин? Союз? Его законы не действуют ни в одной республике. Везде свои собственные — и они официально выше союзных.

У Ельцина — немалый запас народного доверия, немислимая ответственность и почти никаких рычагов управления. Ведь до сих пор российская государствен-

ность была чистой бутафорией. В ней ничего ни с чем не сцеплялось. Нет ни своей армии, ни КГБ, ни МВД, ни контроля над регионами, власти в которых могут выкинуть неведомо что. Нет своего эффективного центрального банка. Нет контроля за большей частью промышленности. Нет таможни. Да ничего вообще пока нет, кроме названия: Российское государство.

Первая экономическая реакция на августовский путч, как я и ожидал, — уже на следующей неделе четырехкратное сокращение поставок зерна государству. Его просто перестали везти на элеваторы. Это естественно. Теперь-то зачем? Ради бумажек, которые по привычке именуют деньгами? Нет уж, лучше хлеб придержать, обменять при случае на что-нибудь полезное...

Бартер окончательно заменяет денежный оборот, и в особо тяжелом положении оказываются Москва и Санкт-Петербург — еще недавно демонстрационные витрины успехов административной экономики. Социально-экономическая структура этих крупнейших городов (военное производство, наука, культура, управление), мало пригодная для бартера, традиционно высокая зависимость их населения от поставок по импорту делают проблему снабжения двух российских столиц неразрешимой. Никакими аргументами убедить регионы поставлять сюда продовольствие невозможно.

Тревожность обстановки отчетливо осознается обществом. Осень 1991 года полна ожиданий катастрофы, голода, паралича транспорта, систем теплоснабжения. В цене печки-буржуйки. Самая распространенная тема разговоров: как будем выживать. Страшноватая картина Москвы ближайшего будущего, выстроенная в романе А. Кабакова «Невозвращенец», довольно хорошо передает атмосферу ожиданий этого времени. И за все должны нести ответственность первые демократически избранные власти России. Неудивительно, что деятели коммунистического блока, едва оправившись от сокрушительного удара, не без злорадства начали

потирать руки: а вот посмотрим, что у вас получится, хотите — не хотите, а придется снова звать нас на власть.

Используя шахматные аналогии, можно сказать, что осенью 1991 года демократические силы России оказались в сложном, позиционно проигранном положении. Шанс, если продолжить те же аналогии, состоит в подобной ситуации в том, чтобы, резко обострив игру, перевести ее в форсированное, комбинационное русло. План, отнюдь не гарантирующий успеха, но дающий все же надежду уйти от неминуемого поражения. А если без аналогий, то выбор был невелик: либо нарастающий хаос, либо немедленный, без подготовки, запуск рыночного механизма. С тем, чтобы уже потом, на ходу, встраивать обязательные для его нормальной работы детали.

В жестком механизме иерархической экономики руководство свободно могло изъять прибыль у тех, кто ее получал, и передать тем, кому она и не снилась; можно было за какой-либо товар назначать цену, в десятки раз превышающую его себестоимость, а другой — отдать практически за бесценок. Можно было все, но для этого система должна быть целостной, со всеми ее экономическими, идеологическими и властными атрибутами. Вернуться к такому положению мы не могли. Значит, запуск рыночного механизма из благого пожелания превращался в реальный императив. В противном случае — катастрофа.

Напомню, что наиболее острым вопросом, разделявшим тогда экономистов, было отношение к хозяйственной политике России и Центра. И после августа на бумаге оставались еще Центр и Союз, а Григорий Явлинский продолжал работу по подготовке проекта межреспубликанского экономического соглашения. Для моих коллег-единомышленников было очевидным, что подобные соглашения без осмысленной экономической политики России мало продуктивны, что переговоры будут тяжелыми и не приведут к желанным ре-

зультатам, что не может быть дееспособного экономического союза без союза политического. А шансов быстро воссоздать его явно не было.

Единое экономическое пространство требует единого же политического пространства — это аксиома. Наглядный пример — Европейское сообщество. Для того, чтобы всерьез вести разговор о единой валютной системе в Европе, понадобился долгий процесс создания европейских межнациональных институтов. А чтобы она всерьез заработала, этот процесс должен был пройти еще очень и очень долгий путь.

Но то единство, что в Европе постепенно складывалось, у нас, напротив, в одночасье развалилось: ранее экономические связи между республиками Советского Союза базировались на системе адресно-директивного управления. Предприятие в Прибалтике, скажем, получало государственный заказ на производство продукции и поставку на Урал. Уральский завод, в свою очередь, получал задание на производство продукции и поставку ее на казахстанский завод. Последний был связан с сотней четко определенных для него предприятий, находящихся в пятнадцати разных республиках. Каждая из этих связей носила директивный характер.

Вся эта сложная внерыночная система могла жить лишь при одном условии — если весь Союз был связан между собой системой подчиняющихся друг другу начальников, системой, которая пронизывала республики, области, края, районы и доходила до конкретного директора, контролируя, поощряя и наказывая его. Только в таком случае внерыночное пространство могло быть единым.

Но как только создалась ситуация, при которой республиканский начальник получил возможность проигнорировать или отменить распоряжение союзного, а областной начальник мог так же поступить с республиканским и так далее, система развалилась. Катастрофический разрыв союзных связей — следствие разрушения тоталитарной структуры: когда в командной эко-

номике, устроенной именно как командная, ломаются эффективные инструменты политического принуждения, за этим, как карточный домик, начинает рассыпаться вся директивная система. Как следствие, на ее месте неизбежно возникает стихийная экономика натурального обмена.

Район, город, область, республика сталкиваются с тяжелейшими проблемами материально-технического обеспечения. Они уже не могут получить, скажем, мясо по приказу и еще не могут получить его за деньги. Что делать руководителю региона? Предположим, у него есть гвозди, холодильники и подшипники. Он запрещает вывоз этих товаров и говорит: если они кому-то нужны, то пусть будут любезны выложить за них мясо. Ах, такового не имеется? Тогда нас устроят легковые автомобили. Мы их на мясо сами обменяем...

Если перевести этот язык на политический, то можно сказать, что нет фактора, который бы сильнее работал на сепаратизм, на изоляционизм, чем вынужденный экономической бедой бартер. Возникает, иными словами, порочный круг: разрыв союзных политических связей приводит к разрыву экономических, а этот последний становится питательной почвой для раскрутки центробежных сил, разрушающих целостность самого Союза. Такая тенденция прогрессировала на протяжении всего 1991 года и в полной мере проявилась осенью, когда бартерная экономика стала серьезным источником экономического изоляционизма и политического сепаратизма. Многие республики заявили о своей суверенности. Местные власти начали сами выдавать квоты, лицензии, проводить самостоятельную денежную политику. Союзные структуры еще номинально существуют, но уже ничего не контролируют.

Группа Явлинского, готовившая проект межреспубликанского экономического союза, надеялась на то, что все договаривающиеся стороны будут друг с другом взаимно вежливыми, сговорчивыми и уступчивыми. На деле же получилось совсем по-другому. Переговоры по

экономическому союзу шли вяло и мало обнадеживали. Даже когда удавалось собрать часть подписей под общими, декларативными документами, все стопорилось, как только дело доходило до принципиальных вопросов: как контролировать объем денежной массы, каков механизм принятия решений в едином центральном банке, как конкретно будет формироваться и использоваться бюджет экономического союза, кто будет платить армии. И многое, многое другое. Ясно, что обо всем этом можно говорить месяцами, но так ни о чем и не договориться, тем более что за разногласиями — реальные различия интересов. Стала очевидной острая необходимость принятия жестких, непопулярных мер по спасению не только экономики, но и страны в целом.

Вот как виделась в это время (октябрь 1991 года) ситуация академику Л. Абалкину: «Сейчас, например, принимается Договор Явлинского. Только выработка предусмотренного в нем пакета конкретных соглашений потребует нескольких месяцев напряженной работы. Мы же исходили из убеждения в том, что если в течение максимум двух месяцев не будут проведены чрезвычайные меры по стабилизации финансово-денежного положения в стране, то нас ожидает социальный взрыв, по сравнению с которым то, что происходило в августе, это, извините, не более чем вечер балльных танцев... У меня есть записка, подготовленная сотрудником института О. Роговой; из нее вытекает, что нам дается срок два месяца, после чего наступит развал экономики, коллапс. Это же подтверждают и другие расчеты... Можно спорить, насколько правилен этот прогноз в деталях. Но, пока мы будем сопоставлять проекты и концепции, их некому будет читать».

По-моему, из этой цитаты ясно, что в оценке ситуации, сложившейся к концу 1991 года, при всех наших расхождениях в вопросах экономической политики, мы с уважаемым академиком были едины.

Глава 5 НАКАНУНЕ...

В Архангельском · Угроза голода · «За» и «против» реформы · Либерализация цен или приватизация? · На пороге гиперинфляции · Межреспубликанский договор или реформа? · Гости 15-й дачи · Первая беседа с Борисом Ельциным · Портрет Президента · Вхождение в правительство · Ставлю сыну банки

Осенью 1991 года Г. Бурбулис, в то время госсекретарь РСФСР, предложил мне сформировать и возглавить рабочую группу по подготовке предложений о стратегии и тактике российской экономической политики. Это было естественным продолжением нашего разговора в ночь с 20 на 21 августа в Белом доме. В поздний период правления Горбачева бессмысленность программно-творчества определялась отсутствием воли к каким-либо решительным шагам и поступкам. Теперь энергичные действия стали неизбежными, затянувшаяся пауза тревожила, и я считал себя обязанным принять предложение.

В группу первоначально вошли В. Машиц, А. Нечаев, А. Головков, К. Кагаловский, А. Вавилов. Позднее она расширилась. Дни и ночи мы безвыездно находились на даче подмосковного поселка Архангельское. Нужно было срочно проанализировать информацию о состоянии экономики в целом и в ее отраслях, регионах: о товарных запасах, денежных потоках, долгах государства, внешнем и внутреннем. Только так можно было сделать сколько-нибудь достоверные прогнозы, подготовить рекомендации, оформить их в виде законченных проектов и постановлений.

Конечно, многое нам было известно и раньше. Институт экономической политики вплотную занимался именно этими вопросами. Но теперь была предоставлена дополнительная, прежде недоступная нам инфор-

мация. И кроме того, одно дело анализировать экономические процессы, так сказать, академически, со стороны, и совсем другое — готовить программу, которая будет непосредственно влиять на судьбы миллионов людей и коренным образом изменит облик страны.

В конце 1991 года времени для того, чтобы отмерять, если не семь, то хотя бы пару раз, уже не оставалось, предстояло резать по живому. Я это отчетливо сознавал, и это было моей постоянной головной болью. Тогдашняя ситуация выдвигала на повестку дня поистине трагические вопросы: удастся ли избежать экономической катастрофы, появятся ли товары в магазинах, или на фоне летящих вверх цен люди так и будут часами простаивать в бесконечных очередях, бегать с пачками неотоваренных талонов. Стране грозил самый настоящий голод.

Мы понимали: чем ситуация сложнее, тем менее допустима маниловщина, наш анализ должен быть максимально трезвым, решения — взвешенными.

Приступив к работе по подготовке программы реформ, имеющей серьезные шансы быть воплощенной в жизнь, сразу восстановил в памяти Шопронскую экономическую конференцию 1990 года. Этот форум получился во многом уникальным. В день его начала было объявлено о принципиальной договоренности Ельцина и Горбачева объединить работу по подготовке программы радикальных рыночных реформ в России. Возникла надежда на то, что слово «реформа» обретет конкретное содержание наконец. Несколько человек из числа участников конференции — Евгений Ясин, Владимир Машиц, Леонид Григорьев — вошли в созданную совместным распоряжением Ельцина и Горбачева рабочую группу.

Если раньше на Западе изучение происходившего в социалистической экономике было уделом советологов, уровень экономического авторитета которых за редким исключением был, мягко говоря, не высок, теперь начавшиеся преобразования привлекли к анализу про-

блем постсоциалистического перехода элиту мировой экономической науки, действительно первоклассных экономистов, сочетающих широкие теоретические знания, высокий научный авторитет и практический опыт изучения либерализационных и стабилизационных процессов во многих странах мира.

Западным коллегам было страшно интересно узнать, что реально происходит в российской экономике, как выглядит поле допустимых альтернатив. Нас привлекла возможность проверить свои оценки, свои предложения. Возникла не так уж часто встречающаяся на обычных научных конференциях обстановка неподдельного и острого взаимного интереса. Не хотелось расходиться в положенное время. Старались использовать каждую минуту для совместного анализа ситуации, выработки предложений. Для меня, пожалуй, наиболее интересным было обсуждение российских экономических проблем вместе с профессором Уильямом Нортхаузом из Йельского университета и профессором Рудигером Дорнбушем из Массачусетского технологического института. Этих известных экономистов я давным-давно знал по научным работам. Сейчас получил возможность подробно обсудить видение развития ситуации в постсоциалистическом мире.

Руди Дорнбуш сначала был настроен настороженно, почему-то полагал, что мы будем ему доказывать неприменимость стандартных зависимостей между ростом денежной массы, бюджетным дефицитом, динамикой инфляции и валютным курсом в постсоветских условиях. Когда же убедился, что наша базовая гипотеза состоит именно в том, что при всех особенностях структурной трансформации, порожденных доминированием государственного сектора, основные макроэкономические модели могут быть адаптированы к постсоветским реалиям, разговор перешел в русло обсуждения конкретных проблем, возникающих в результате такого подхода.

На мой взгляд, использовать результаты наших дис-

куссий в Шопроне коллегам, причастным к созданию программы «500 дней», не удалось. Она все-таки стала слишком политическим, пропагандистским документом. Но для нас осенью 1991 года результаты Шопронских обсуждений по таким ключевым вопросам, как синхронизация различных мероприятий реформ, открытие экономики, валютная политика, были важными отправными точками.

Необходимость либерализации цен не вызывала сомнений. Но не следует ли попытаться до этого шага сделать рывок в области приватизации? Аргументы в пользу именно такой последовательности приводились неоднократно. Вряд ли надо доказывать, что эффективный рынок требует развитого частного сектора и не сможет нормально работать в условиях огосударствленной экономики. Государственные предприятия слабо реагируют на рыночные стимулы, их финансовая ответственность низка. При формально свободных ценах они будут воспроизводить стереотипы дефицитного распределения. А вот ослабив государственный монополизм, приватизация введет в жизнь элементы конкуренции, без которой настоящих рыночных механизмов тоже не бывает.

Но развитие института частной собственности, гарантии ее неприкосновенности не вырабатываются за считанные недели. Их нельзя получить по властному декрету. Как только вопрос приватизации из теоретических рассуждений переходит в практическую плоскость, неминуемо возникает конфликт интересов.

Коллектив завода убежден, что по праву он — бесспорный его собственник: люди работали здесь годами, отдавали силы, здоровье, и что же — всё дыде? Да и старый лозунг привычен: заводы — рабочим!

Директор предприятия — тоже не чужой человек. Он им руководит, всю душу вкладывает. А за последние перестроечные годы уже привык фактически как частный собственник распоряжаться этим имуществом.

Директор уверен — его права должны быть гарантированы.

Местная администрация представляет население территории, на которой расположено предприятие: уж мы-то у себя лучше знаем, кому, что и как отдавать...

Руководители концернов, корпораций считают, что только им под силу умно распорядиться заводами бывших своих отраслевых министерств.

И, наконец, — служащие, учителя, военные, студенты, пенсионеры, все те, кому так долго объясняли, что «государство — это мы» и что им, как гражданам страны, принадлежат все ее богатства...

И ведь все по-своему правы. Так как же найти справедливое решение, которое было бы экономически эффективным и в то же время всех удовлетворяло? Подобное уже бывало. Перед реформой 1861 года дворяне, вспоминая о своих заслугах перед державой, искренне считали, что естественное, традиционное право на землю принадлежит им, а крестьяне полагали землю исконно своею. И когда царский манифест был подписан, почти не оказалось довольных. Помните, у Некрасова?

«Порвалась цепь великая!
Порвалась, — раскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

Вот и после социализма: как ни дели государственную собственность — всех не удовлетворишь. Именно поэтому здесь так важны не столько экономически оптимальные решения, их нет, сколько социально приемлемые и устойчивые.

Сложность приватизации в России усугубляется двумя обстоятельствами. Во-первых, чрезвычайной слабостью легального частного сектора, который зародился лишь в последние годы перестройки и на первых порах еще тесно связан в сознании людей с бывшей теневой экономикой, а потому в их глазах лишен ис-

тинной легитимности. Во-вторых, надежда на масштабное привлечение в российскую приватизацию иностранных инвесторов, при высокой степени социально-политического риска, ничтожно мала.

Вообще-то и я, и большинство моих коллег, включая А. Чубайса, скептически относились к идее создания специальных платежных знаков, призванных создать спрос на приватизируемое имущество, впоследствии известных как ваучеры. Слишком очевиден был риск, связанный с неизбежным и крупномасштабным спекулятивным перераспределением этих знаков. Разумеется, хотелось обойтись без всей этой экзотики, в максимальной степени используя приватизационные процессы, отработанные в зрелых рыночных экономиках. Однако трезвый анализ заставлял согласиться: выбрать такую стратегию в России — значит просто поставить крест на возможности радикального сокращения доли государственной собственности. Выиграв в эффективности, мы слишком много проиграем в сроках, упустим время, когда прорыв в перестройке структуры собственности возможен.

В конечном итоге выработанная нами стратегия определялась следующими принципиальными положениями:

— закрепление прав всех граждан России на приватизируемое имущество;

— акцент на создание приватизационных коалиций, позволяющих стимулировать массовый приватизационный процесс снизу, учет интересов тех социальных групп и политических сил, которые способны парализовать приватизацию, если не найдут в ней своего места (трудовые коллективы, руководители предприятий, региональные органы власти и т. д.);

— широкое использование универсальных процедур и стандартных правил с тем, чтобы ограничить зависимость процесса приватизации от индивидуальных решений, а значит, и от возможных злоупотреблений со стороны аппарата управления;

— отказ от попыток реструктурирования предприятий до того, как будет изменена форма собственности.

России предстояло пройти через самую большую по масштабам и самую сложную по исполнению приватизационную программу в истории человечества. Не насильственная, а правовая трансформация собственности, учитывающая по возможности интересы всех социальных групп — сложнейшая процедура. Одно только формирование ее юридической и организационной инфраструктуры требует немалого времени. Любая собственность должна быть надлежащим образом закреплена, а где взять столько нотариусов, чтобы все оформить? Если же не оформлено, какая же это собственность?

На первый взгляд, целесообразным казалось провести сразу хотя бы приватизацию в сфере торговли, обслуживания, общественного питания. Но и тут завычка: при тотальном дефиците магазин — вовсе не магазин. Как бы ни был он скуден, грязен и запущен, все равно это некий священный храм распределения благ, а его работники — жрецы, получившие от высшей власти право наделять и лишать, казнить и миловать... Именно так все это и выглядело осенью 1991 года. Приватизация торговли в подобных условиях напоминала бы решение реквизировать в осажденном, голодном городе сбереженные именно на такой случай общественные запасы продовольствия...

И в результате приходится принимать в данной ситуации единственно логичное решение: недостаток времени, паралич командной системы управления экономикой, хилое состояние рыночной инфраструктуры, отсутствие правовой базы для ее развития — все это вынуждает идти на либерализацию немедленно, не дожидаясь результатов фундаментальных структурных реформ. Приватизацию, конечно, постараемся тоже проводить в максимально сжатые сроки и начнем ее как можно раньше, но сдерживать в ожидании ее результатов либерализацию цен не будем.

Но опять вопрос: либерализовать цены сразу или постепенно? Сторонники постепенности аргументировали ее преимущества возможностью придать процессу контролируемый характер. Мы возражали: попытка удержать под контролем цены на достаточно обширную, социально значимую часть товаров не позволит ликвидировать крупные ценовые диспропорции, будет непрерывно повышать дотационную нагрузку на бюджет, воспроизводить дефицит. Неизбежное при этом периодическое повышение фиксированных цен будет раз за разом посылать экономике дополнительные инфляционные импульсы. В результате — не выход из кризиса, а его углубление. Что, кстати, и произошло впоследствии на Украине и в Белоруссии.

Забегая вперед, хочу отметить, что, хотя в Архангельском мы предвидели именно такое развитие событий и приняли решение жестко ограничить перечень товаров с регулируруемыми ценами, позже правительство России вынуждено было пойти на избыточное регулирование. Естественно, это значительно усложнило ход реформ, затягивая без нужды их начальный, самый трудный период. Однако, маневрируя, отступая, правительству все же удалось закрепиться на рубеже, который не позволил проявиться у нас украинско-белорусскому синдрому.

Особая забота — финансы. При острейшем народнохозяйственном кризисе государство продолжало финансировать крупнейшую в мире армию, осуществлять масштабные закупки военной техники, вкладывать деньги в долгострой. Верховный Совет на протяжении многих лет принимал все новые и новые дорогостоящие расходные программы. Положение усугубляла борьба союзных и российских органов, которая существенно расшатала доходную базу бюджета. Российские и союзные власти в 1990—1991 годах наперегонки снижали ставки налога на прибыль. К тому же первые, отдав установление ставок налога с оборота на места, фактически потеряли контроль за важнейшим источ-

ником бюджетных поступлений. Тогда как было предельно важно хотя бы на первые месяцы после либерализации цен, пока не стихнет мощная инфляционная волна, отключить мотор эмиссионного финансирования бюджета.

В денежной системе существуют две фундаментальные неприятнейшие проблемы. Первая — проблема денежного запаса (денежного навеса). Вторая — денежных потоков. Используем бытовую аналогию: у вас беда — затоплена квартира и из крана хлещет вода. Нужно закрыть кран и убрать воду. Но резьба сорвана, а сток засорился! Грозит потоп.

Почти с самого начала перестройки из государственного крана не то чтобы уж неимоверно щедро, но явно превышая возможности государства, била денежная струя. Не найдя стока, то есть нужных товаров, деньги оседали на вкладах в сберегательных кассах... Вот это и есть денежный навес.

Теперь о денежном потоке. Государство уже долгое время тратит больше, чем получает, направляя средства на различные дорогостоящие проекты, на закупку оружия, на дотации убыточным предприятиям... У него огромный дефицит бюджета, дыры в котором латаются тем, что вклады населения почти сразу автоматически изымаются из сберкасс для финансирования тех же бюджетных прорех. Люди, десятилетиями стоящие в очереди на покупку автомашины и выпрашивающие в профкоме талон на телевизор, думают, что у них есть деньги, а они уже давно ничем не обеспечены, разтранжирены государством.

Нет ни одной социалистической экономики, которой удалось бы преодолеть дефицит и при этом сохранить в полном объеме накопленные в условиях дефицита и ничем не обеспеченные сбережения. Разумеется, не потому, что не пытались, а потому, что решить эту задачу столь же реально, как вытащить самого себя из болота за волосы. Впрочем, от этого толпа мюнхга-

узенов, уверяющих, что им-то уж точно известно, как можно это сделать, не убывает.

К концу 1991 года дефицит бюджета приблизился к 30 процентам валового национального продукта. Объем денежного навеса определить невозможно (особенно после павловской «купюрной реформы», окончательно подорвавшей доверие к рублю), но ясно, что он чрезвычайно велик. Между тем, готовясь к освобождению цен, необходимо определить хотя бы приблизительный масштаб первоначального всплеска инфляции, который связан с ликвидацией избыточных денежных средств, не покрытых товарной массой.

Оценка денежного навеса и, соответственно, масштабов первоначального скачка цен основывается обычно на гипотезе о неизменности денежного поведения населения. За основу мы брали период относительной стабильности начала 80-х годов. Затем суммировали аномальные денежные накопления второй половины 80-х — начала 90-х годов, когда доля вынужденных сбережений резко возрастала. Полученные цифры служили в качестве исходных. По такой методике расчета первичный скачок цен, если бы их либерализация была проведена в конце 1990 года, составил бы 60 процентов.

Но 1991 год смешал карты. Январская павловская реформа, апрельское административное повышение цен, рост номинальных денежных доходов, постоянная и все возрастающая нервозность людей, подстегиваемая непрекращающимися слухами о новых денежных реформах, — все это кардинальным образом изменило картину. Было ясно: мы попали в ситуацию, когда теория бессильна, научное прогнозирование невозможно. Оценки колебались уже в пределах 200—250 процентов.

Если проблема денежного навеса состоит в первую очередь в том, кто возьмет на себя политическую смелость сказать правду, что вклады в сберкассах уже разтранжирены государством, то вопрос о денежном потоке, о кране с сорванной резьбой, из которого хлещут

пустые рубли — несколько иного порядка. Важнейшая причина, толкающая на эмиссию — неумение государства вести дела так, чтобы его расходы покрывались доходами и рыночными заимствованиями. Красноречиво название доходов государства от печатания денег — «сеньораж», четко указывающее на его связь с традиционными правами феодального сеньора. Это самый простой и действенный из всех существующих налогов. Для его сбора не нужна налоговая полиция. Он автоматически взимается с граждан с каждым тактом денежного печатного станка. Но это и один из самых разрушительных для экономики налогов. Рано или поздно он обязательно приводит в расстройство национальные деньги — важнейший инструмент деликатного рыночного механизма. И они больно мстят ростом цен, бегством капитала за границу, подрывом стимулов к сбережениям и долгосрочным инвестициям.

Самая страшная денежная катастрофа — гиперинфляция. Она приходит, когда общество, полностью утратив доверие к национальным деньгам, начинает быстро от них избавляться, покупая все, что только возможно. Так бывает, если рост цен начинает приближаться к 50 процентам в месяц. Тогда и государство вдруг обнаруживает, что и его доходы от денежной эмиссии резко идут вниз. Нередко в ответ оно еще сильнее нажимает на печатный станок, и экономика отвечает на это дальнейшим ускорением денежного оборота, вообще выводя национальную валюту из обращения. Россия в своей истории пережила гиперинфляцию один раз — с декабря 1921 по январь 1924 года, при этом среднемесячный рост цен составлял 57, а максимальный — 213 процентов.

Обсуждая контуры программ предстоящих реформ, мы понимали, что один из самых серьезных рисков, связанных с неизбежной либерализацией цен, — это угроза немедленного гиперинфляционного взрыва, детонатором которого послужит денежный навес. В этом случае цены будут стремительно расти, а товары все

равно не появятся. Многолетняя традиция дефицитной экономики просто не допустит слабые, находящиеся на последнем издыхании деньги в хозяйственный оборот.

Вот почему и нужно было сразу после освобождения цен, хотя бы на несколько месяцев, пока не спадет первая инфляционная волна и мнимые сбережения трансформируются в реальные, почти полностью отключить мотор эмиссионного пополнения бюджета. Отсюда — и необходимость предельной скупости государственных трат.

Однако Россия — хотя и огромная часть Союза, примерно 60 процентов его экономики, но все же не весь Союз. В конце 1991 года на его территории действуют российский и еще 14 других, фактически независимых друг от друга центральных банков. Они не печатают наличные рубли, но росчерком пера, через безналичные расчеты, вольны запустить в обращение любую массу денег, и чем меньше республика, тем бóльшую выгоду она получит от этой безналичной эмиссии. Ее последствия — увеличение инфляции распределится на всю территорию рублевой зоны.

Хорошо известный исторический пример подобной проблемы — использование единой валюты государствами, образовавшимися после Первой мировой войны на базе Австро-Венгрии, что привело к гиперинфляционным катастрофам в Австрии и Венгрии. Лишь Чехословакия, быстро введя в оборот свою валюту, смогла избежать этой участи.

Отсюда жесткая необходимость скорейшего введения своей национальной российской валюты. Без этого инфляцию не затормозить. Но ведь речь идет о сложнейшей технической операции. При интенсивных хозяйственных связях между республиками прокламировать с сегодня на завтра отделение денежной системы России от республик — значит просто остановить экономику, породить полный хаос в расчетах. Необходимо подготовить изменение систем расчетов, перенести

центральные банки республик на корреспондентские счета, ввести новый режим учета платежей. В общем, при самой интенсивной работе на введение национальной валюты уйдет не менее полугода.

Отсюда — длительное обсуждение вопроса о возможности провести начальные преобразования в два этапа, как в Польше. Отделить на полгода либерализацию цен, подобную проведенной последним коммунистическим правительством М. Раковского, от мероприятий по стабилизации экономики, начатых первым демократическим правительством Т. Мазовецкого и Л. Бальцеровича.

В российском варианте это выглядело бы так: разморозив в начале января 1992 года цены, можно было внести лишь самые необходимые изменения в налоговую систему, чтобы вместе с ростом инфляции не уменьшились поступления в бюджет, продолжить эмиссионное финансирование и лишь с июня, введя российскую национальную валюту, приступить к финансовой стабилизации.

И все же от этого варианта отказались. Правительство В. Павлова не сделало нам такого подарка, который преподнесло демократам последнее правительство польских коммунистов. Брать политическую ответственность за неизбежно конфликтные решения и по либерализации цен, и по финансовой стабилизации все равно нам. При либерализации цен в январе, не сопровождаемом серьезными стабилизационными усилиями в России, экономика практически неизбежно и сразу входит в режим гиперинфляции.

Нетрудно догадаться, что к тому времени, когда технические предпосылки введения национальной валюты и серьезных стабилизационных усилий будут подготовлены, социальная база поддержки такой политики окажется полностью подорванной. Либерализацию цен нельзя отложить — старая административная система целиком парализована. Ее нельзя проводить без серьезных стабилизационных усилий — в противном случае

экономика войдет в режим гиперинфляции с неработающими деньгами. И, вместе с тем, нельзя всерьез надеяться на успех стабилизационной политики в течение первого полугодия 1992 года, до создания собственного денежного обращения в России. Вот и скажите, что в такой ситуации делать?

В сентябре-октябре 1991 года нам стало абсолютно ясно: ситуация безжалостно диктует выбор предельно конфликтного, рискованного сценария начала преобразований.

Причем можно предвидеть, что существенное влияние на их ход окажут факторы, нарушающие намеченную программу и находящиеся вне контроля правительства.

Программа-минимум состояла в том, чтобы, запустив рыночные механизмы, перевести подавленную инфляцию в открытую, предотвратить развал денежного обращения, преодолеть кризис снабжения городов, начать структурные реформы и формирование рыночных механизмов.

Правительство, либерализовав цены, одновременно резко сокращает субсидии на продовольствие, примерно в 3 раза снижает ассигнования на закупку вооружения, резко сокращает расходы на капиталовложения, особенно в аграрную сферу, ограничивает финансирование социальной сферы реальными доходами бюджета и, в то же время, вместо дезорганизованного налога с оборота вводит предельно высокий налог на добавленную стоимость (28%).

Драконовские эти меры, достаточные, чтобы на первых порах сбалансировать бюджет, дают шанс избежать гиперинфляции, послать импульс для запуска мотора рыночной экономики.

Программа-максимум — сделав все это, обеспечить уровень финансовой и денежной стабильности, достаточной, чтобы преодолеть инфляционную инерцию, создать предпосылки для структурной перестройки

промышленности, сельского хозяйства, заложить основы будущего подъема экономики России.

Нет никаких гарантий того, что удастся реализовать даже программу-минимум. Опаснейшим сопутствующим фактором останется на какое-то время единая рублевая зона, непредсказуемость денежного поведения республик бывшего Союза, грозящая развалом денежной системы. Но иного, более мягкого варианта преодоления кризиса и выхода страны на путь уверенного развития, нет.

Мы работаем над различными документами, направляем их Б. Ельцину, посылаем предложения, получаем отклики. В рабочей группе в Архангельском в то время появлялись практически все, кто потом вошел в правительство: А. Чубайс, В. Данилов-Данильян, П. Авен, Б. Салтыков, С. Глазьев и многие другие. Заходили и те, кто работал в российских структурах власти: Г. Бурбулис, М. Полторанин, В. Махарадзе (в то время начальник контрольного управления), А. Козырев, Н. Федоров, С. Шахрай...

Министр труда А. Шохин оставался с нами постоянно, остальные приезжали, чтобы проинформировать о текущей ситуации, посмотреть документы, просто потолковать по душам... Было ясно, что раздраз в силаевском правительстве достиг апогея, там царят неопределенность, растерянность.

Атмосфера 15-й дачи — все более обостряющееся чувство тревоги за судьбу страны. Приглашаем сотрудников бывших союзных министерств, ведомств. Многие знаем по прежним годам как компетентных специалистов, пытаемся с их помощью понять ситуацию в критически важных сферах деятельности. Валюта, хлеб, горючее, заключение договоров на 1992 год, отношения с кредиторами. Складывающаяся по их информации картина происходящего в стране поистине катастрофична.

Денежная эмиссия растет, валютные резервы тают, потребительский рынок полностью разрушен, заключе-

ние договоров на следующий год практически на нуле. В союзных органах власти — ситуация тягучего безвластия и беспомощности. Никто ничего не хочет решать, делать, брать ответственность на себя. Ельцин, после августовских событий, на юге, в отпуске. Конкурирующие политические силы пытаются перетянуть его на свою сторону.

Неоднократно заходит Евгений Сабуров. В 1991 году, вскоре после отставки Явлинского, он выдвинулся на лидирующие роли в формировании экономической политики российского правительства. В это время — заместитель председателя правительства, министр экономики. Знаю его давно, как и тех, кто пришел с ним работать, его заместителей — Володю Лопухина, Ивана Матерова.

Сабуров рассказывает о критической ситуации с зерном. И вместе с тем ратует за необходимость сначала провести приватизацию, а потом уже браться за размораживание цен. Приватизация не в его ведении, за нее отвечает другой заместитель председателя правительства — Михаил Малей. В ней ничего не стронулось с места. Но так как не идет приватизация, то невозможно проводить и либерализационные мероприятия. Получается замкнутый круг с перекладыванием ответственности друг на друга. Политически удобно, но абсолютно непозволительно в кризисной ситуации.

Сабуров еще верит в возможность заключения работающего экономического договора между республиками, отвечает за соответствующие переговоры в российском правительстве и, вместе с тем, явно сам видит, что фундаментальные проблемы, без решения которых никакой союз работать не будет, обходятся во всех проектах документов. Соглашения подписываются с таким количеством особых мнений и замечаний, что их нежизнеспособность очевидна.

Общее ощущение — очень многое знает, чувствует трагизм и критичность ситуации и, в то же время, не хочет брать на себя ответственность за тяжелые и не-

популярные меры, как будто надеется, что все само собой образуется и удастся избежать самых социально-конфликтных решений.

Для всех участников консультаций очевидно, что в ближайшие месяцы и годы перемены в российском правительстве будут неоднократными. Очень мало желающих взвалить на себя самый тяжелый груз начала преобразований. Именно тогда, после этой серии встреч, начинаем между собой обсуждать вопрос о том, что, возможно, нам придется взять это на себя.

Впервые идею о том, что мне придется взять на себя практическое руководство реформами, мои коллеги обсуждали еще весной 1991 года в кулуарных разговорах после международной экономической конференции в Париже. Но тогда это воспринималось скорее как шутка, продолжение капустника на Змеиной горке. В августе, за несколько дней до путча, ко мне заходил А. Головков, спрашивал, как бы я отнесся к предложению стать государственным советником Ельцина по экономике — только что избранный Президентом, он начал перестраивать под себя структуры российской исполнительной власти. Я сказал, что вопрос предельно прост: все зависит от того, что Ельцин собирается делать с экономикой. Если по общему направлению его намерения совпадают с моими убеждениями, то я готов серьезно рассмотреть это предложение. Тогда нужно встретиться с Президентом и все обсудить.

Утром 19-го августа для себя решил — если Ельцин обратится ко мне с таким предложением, непременно приму его. Думал, что на этом месте действительно могу быть полезен. Все-таки наш институт — самое сильное на сегодняшний день научное подразделение, занимающееся не абстрактно-теоретическими изысканиями или долгосрочным прогнозированием, а текущей хозяйственной конъюнктурой, а потому и способное достаточно точно предугадывать последствия принимаемых решений, готовить практические рекомендации по подготовке и реализации рыночных реформ.

Сентябрьская работа в Архангельском была обусловлена именно такой логикой отношений с властью. Только постепенно, к октябрю, стали накапливаться сомнения в жизнеспособности этой схемы. Ну хорошо, советы мы дадим. А делать-то кто все это будет? Кто решится сесть в пустующее пилотское кресло? Поначалу гоню от себя эту мысль. Прекрасно понимаю, насколько работа советника Президента по экономике спокойней, приятней, да и безопасней поста министра финансов обанкротившегося государства. Очень хотелось бы сохранить за собой приятную привилегию — анализировать, советовать, критиковать, подправлять. И все же постепенно прихожу к убеждению: если не найдется никого, кто взял бы на себя ответственность за начало жизненно необходимых, тяжелых, социально-конфликтных радикальных реформ, придется за это браться. Да, будет нелегко, будет не хватать управленческого опыта. Даже в случае успеха непременно выкинут и вряд ли скажут «спасибо». Уж настолько-то практика постсоциалистической политэкономии для нас очевидна. И все равно невозможно смотреть, как страна катится в пропасть просто потому, что все перебрасывают, словно горячую картофелину с руки на руку, ответственность за непопулярные и конфликтные решения.

Вернувшись из Крыма, где был в отпуске, в Архангельском заехал отец. Я рассказал ему, как вижу экономико-политическую ситуацию, что происходит, что мы предлагаем делать. Отец согласился со мной в том, что предлагаемая стратегия начала реформ в России, видимо, единственно реальная. Когда же он понял, что, возможно, его сыну придется не только советовать все это кому-то, а самому садиться и исполнять, наверное, впервые в жизни я увидел выражение откровенного ужаса на его лице. И мне, и ему было понятно: если такой поворот состоится, вся жизнь, и не только моя, но и нашей семьи, в корне изменится. Разделится на спокойную, размеренную, интеллигентскую — до, и

абсолютно неопределенную, непредсказуемую — после. Отец посмотрел на меня, сказал: «Если уверен, что нет другого выхода, делай как знаешь».

Было желание набрать воздуха, как перед дальним заплывом, оглядеться вокруг, собраться с мыслями. Поколебавшись, решил выполнить старое обещание: слетать ненадолго в Роттердам, прочесть несколько лекций по проблемам постсоциалистической экономики в Университете Эразма Роттердамского. На третий день — звонок из Москвы. Надо вылетать обратно — вызывает Ельцин.

Конец октября. Первый разговор с Борисом Николаевичем Ельциным. Кадровые вопросы не обсуждаются, речь идет об экономической ситуации. Общее впечатление: Ельцин прилично для политика ориентируется в экономике, в целом отдает себе отчет в том, что происходит в стране. Понимает огромный риск, связанный с началом реформ, понимает и то, до какой степени самоубийственны пассивность и выжидание. Кажется, готов взять на себя политическую ответственность за неизбежно тяжелые реформы, хотя знает, что популярности это ему не прибавит.

Я начал разговор с того, что, на мой взгляд, ситуация тяжелая, но не безнадежная, а закончил словами о том, что, по всей видимости, ему придется самому отправить со временем в отставку первое правительство, которое начнет реформы и примет на себя ответственность за самые тяжелые решения. Он скептически улыбнулся, махнул рукой — дескать, не на такого напали.

Потом мы общались бесчисленное количество раз, сходились, расходились, ссорились, мирились. Имею довольно точное представление о его сильных и слабых сторонах. И навсегда сохранил к нему уважение за решимость, проявленную им в предельно трудной ситуации осени 91-го. Тогда он сделал то, на что так и не решился Горбачев.

У Ельцина сложный, противоречивый характер. На

мой взгляд, наиболее сильное его качество — способность интуитивно чувствовать общественное настроение, учитывать его перед принятием самых ответственных решений. Нередко возникало ощущение, что он допускает ошибку в том или ином политическом вопросе, не понимает последствий. Потом выяснялось — это мы сами не просчитываем на несколько ходов вперед.

В принципиальных вопросах он гораздо больше доверяет политическому инстинкту, чем советникам. Иногда при этом принимает абсолютно правильное решение, но иногда и серьезно ошибается. Тут, как правило, виной настроение, которое довольно часто меняется и подводит его.

Сильное качество — умение слушать людей. Убедительно звучащее личное обращение может повлиять на него гораздо больше, чем самая лучшая, прекрасно написанная бумага. Но здесь таится и опасность: тот, кто вошел к нему в доверие и умеет убеждать, имеет возможность и злоупотребить этим доверием, такое случилось не раз, в том числе и при принятии чрезвычайно важных решений.

Нередко я ловил себя на мысли о схожести Ельцина с былинным богатырем Ильей Муромцем, который то отважно громил врагов, то лежал на печи. Ельцин может быть очень решительным, собранным, но когда кажется, что задача решена, противник повержен — способен вдруг впадать в длительные периоды пассивности и депрессии. Несколько раз подобная апатия приводила к утрате важнейших, с трудом завоеванных преимуществ. Так было и в сентябре — октябре 1991 года и, может быть, еще более серьезно — в октябре — декабре 1993-го.

Характерная черта Бориса Ельцина — уважение, которое он питает к людям независимым, и презрение к рабскому поведению. Отсюда — и умение соглашаться с самыми неприятными для него аргументами, если он чувствует их состоятельность. В 1991—1992 годах я на-

много чаще говорил Президенту «нет», чем «да», доказывал ему, почему советы, с которыми к нему приходят и которые ему кажутся убедительными, на самом деле самоубийственны. Почему нельзя делать то, о чем его просят губернаторы, бывшие министры, старые товарищи, и почему нецелесообразны те или иные кадровые перестановки и перемещения.

Абсолютно убежден: никогда не смог бы этого добиться, если бы с осени 1991 года у Президента не сложилось твердого убеждения, что к власти я отношусь сугубо функционально, к ней не стремлюсь и за свое место в правительстве не держусь. Помнится, я предложил Борису Николаевичу принять мою отставку то ли во вторую, то ли в третью нашу встречу после своего назначения в состав правительства. И вот по какому поводу. Тогда Гавриил Попов очень хотел уйти с неудобной в голодном 1991 году должности московского мэра и просил назначить его министром иностранных дел и внешнеэкономических связей, объединив эти министерства. Ельцин готов был согласиться, я категорически возражал. Что касается поста министра иностранных дел, это выходило за сферу моих полномочий, но вот убежденность в том, что внешнеэкономическими отношениями, если мы хотим иметь комплексные реформы, должен руководить кто-то из членов моей команды, была абсолютно четкой. Поэтому я попросил Бориса Николаевича не проводить этого назначения, сказав, что в противном случае не смогу взять на себя ответственность за проведение экономической политики. И он уступил. Впоследствии таких эпизодов в наших отношениях было немало.

Ельцин — человек прямой, иногда прямолинейный. Нетерпим к человеческим слабостям. По-барски может унижить. По отношению ко мне этого никогда не случилось, к другим — бывало, и я, честно говоря, испытывал при этом мучительную неловкость и за избыточно заискивающего слугу, и за барственного господина. Широкая русская душа Бориса Ельцина — не всегда

на пользу государственным делам. Ему, скажем, гораздо легче дается искренняя дружба или жесткая конфронтация, чем тонкие, сложные чувства. То же и в работе: он зачастую рубит сплеча там, где необходимо терпение, тщательное изучение всех аргументов, неторопливость в решениях. В ряде случаев это оборачивалось ущербом национальным интересам.

Хорошо знавшие Бориса Николаевича лидеры зарубежных государств, особенно постсоциалистических, неоднократно пользовались этой его слабостью, выбивая односторонние несбалансированные и вряд ли обеспечивающие интересы России уступки. Особенно часто такое случалось за столом дружеских переговоров с лидерами государств СНГ. Несколько моих непростых разговоров с Президентом было связано именно с этим, с моими вынужденными и достаточно жесткими публичными возражениями против принятия тех или иных обязательств. Борис Николаевич обижался, отводил меня в сторону, говорил, что я должен высказывать ему свои замечания один на один. Я старался делать именно так, но не мог сдерживаться, когда широким жестом он вдруг сводил на нет результаты наших многомесячных усилий. Как это было, например, с выделением российской рублевой зоны.

Но все это позже. Тогда же, в октябре 1991 года, наш первый разговор пришелся мне по душе. Он показал, что Президент думает о реформах всерьез, понимает необходимость срочно переходить от программ к делу, готов к этому, имеет представление о направлении предстоящих преобразований, быстро улавливает суть даже не знакомых ему сложных экономических проблем.

Хотя напрямую в разговоре с Ельциным никакие кадровые вопросы не обсуждались, зато после, в беседах с ближайшими в то время к Президенту людьми — Бурбулисом, Полтораниным, Шахраем — темы, связанные с формированием нового правительства, начинают проговариваться все более предметно. К этому

времени Ельцин, после серий консультаций и отказа ряда видных политиков возглавить правительство, уже принял решение сделать это лично. Широко обсуждался вопрос о том, кто будет его первым заместителем, де-факто отвечающим за каждодневную работу Совета Министров. Называли две наиболее вероятные фигуры — Михаила Полторанина и Геннадия Бурбулиса. И тот, и другой, заходя к нам на 15-ю дачу, советовались, спрашивали о нашей позиции, готовности работать с ними. Позиция эта была предельно простой. Да, готовы. И с тем, и с другим, выбор за Ельциным. Но только в том случае, если, во-первых, принимается наша программа радикальных рыночных преобразований в России, и, во-вторых, наши единомышленники получают контроль над ключевыми экономическими министерствами. Несмотря на эти разговоры, по-прежнему было ощущение нереальности происходящего.

В конце октября Ельцин собрал заседание Госсовета, выступил на нем. Изложил основные тезисы подготовленной нами программы: Россия начинает реформы сама, предлагает другим республикам присоединиться, берет курс на радикальные рыночные преобразования, в ближайшее время готовит и проводит либерализацию цен, начинает структурные реформы, приватизацию, земельную реформу, открытие внешнеэкономической сферы, подготовку к введению российского рубля, обеспечению его конвертируемости. Спрашивал у собравшихся, согласны ли с необходимостью скорейшей либерализации цен. Все как один согласно кивали.

Два дня спустя Ельцин выступает с программной речью на пятом съезде народных депутатов России. Основные тезисы речи подготовлены нами. Обозначены контуры программы реформ. Ельцин говорит о своей готовности лично возглавить правительство, просит дополнительных полномочий, позволяющих регулировать процесс формирования рыночных отношений указами, получает поддержку.

Договариваются о встрече с нашей группой лидеры

Демроссии — в то время главной политической силы, поддерживающей Президента, — Лев Пономарев, Глеб Якунин, Белла Денисенко, еще несколько народных депутатов из демократического стана. Рассказываем суть того, что считаем необходимым сделать.

Ельцин, уже в качестве главы Совета Министров, продолжает консультироваться с нами о его составе. Если не ошибаюсь, 3 ноября из информированных источников приходит новость: принципиальные решения приняты, Явлинский со своими коллегами возвращается в российское правительство, я буду экономическим советником Ельцина.

Не убежден, что Григорий подходит для роли, которую необходимо играть в это время. Боюсь, что будет под разными предлогами уходить от неизбежного решения по либерализации цен. И все же такое чувство, как будто только что выскочил из-под колес мчавшегося на тебя поезда. Самое тяжелое все-таки достанется не нам, за нами куда более спокойная, привычная, комфортная роль советников. На следующее утро выясняется — информация была неверной, Григорий Явлинский отказался.

В этот момент для себя окончательно понимаю: по видимому, работа в правительстве неизбежна, отсидеться в советниках, переждать самое трудное время не удастся. Именно мне в 87—90-м годах, наверное, громче всех предупреждавшему о страшной опасности либерализации цен при расстроенных государственных финансах и хаосе в денежном обращении, теперь придется платить за перебитые горшки.

5 ноября. Телефонный звонок. Президент подписал указ: первый вице-премьер — Г. Бурбулис, вице-премьер, министр экономики и финансов — Е. Гайдар, вице-премьер, министр труда и социальной защиты — А. Шохин. То, что это должно было случиться, я чувствовал, и все же сообщение грянуло, как гром, разом отделив все, что было в жизни до того, от неведомого будущего. Из советника я превратился в человека,

принимающего решения. И теперь тяжесть ответственности за страну, за спасение ее гибнущей экономики, а значит, и за жизнь и судьбы миллионов людей, легла на мои плечи.

Прежде чем отправиться в Архангельское, где меня ждала моя команда — будущие министры и их заместители — заскочил домой. Маша была встревожена, у сына высокая температура, он тяжело дышит, почти задыхается, велено поставить банки, а медсестры нет. Первое, что мне довелось совершить, став министром и вице-премьером, это поставить банки своему годовалому сыну.

Глава 6

ПЕРВЫЙ ШАГ, ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ

*Заседание в Госплане · Формирование правительства ·
Портреты министров · Стиль работы · Мне предлагают
взятку · Проблема импорта зерна · Переговоры с
Парижским клубом · О лицензиях и квотах · Беловежская
Пуца*

Занимаю кабинет прежнего главы российского правительства Силаева. Здесь тихо, чисто, пусто. Просторный письменный стол. На краешке стопка папок с какими-то бумагами. Каре белых телефонов. Они пока отключены. А мысли — не отключить. Нелегкие мысли.

Формально Союз еще существует, но союзного правительства практически нет — все министры в отставке. Российское только формируется и совершенно не готово к неожиданно свалившимся на него задачам реального управления огромной страной.

На заседании Верховного Совета предстоит отмена указа о введении чрезвычайного положения в Чечне. Выполнить его оказалось невозможным. Ельцин подписал указ по инициативе своего вице-Президента Руцкого, который вызвался лично руководить операцией и приказал войскам начать движение. Приказ союзного руководства: войскам оставаться на месте. Министр внутренних дел Баранников мечется между высшим начальством. Какие-то подразделения идут, но не туда, куда нужно, другие — куда нужно, но без оружия. Если до этой истории у меня еще и оставалась доля иллюзии, что в руках правительства есть организованные силовые структуры, то после этой унижительной неудачи она рассеялась окончательно.

Вошла Надежда Петровна, мой секретарь в институте, теперь — в правительстве. Сказала, что телефоны

подключены и что собралась приглашенная мной люди. Пауза кончилась. Первое, что необходимо сделать — как можно скорее взять под контроль, заставить работать союзные структуры, опереться на них. Там опытные кадры, знание ситуации.

Звоню в Госплан Союза. Сообщаю, что скоро приеду, прошу срочно собрать коллегия. Прячу в карман указ Ельцина о своем назначении, постановление правительства РСФСР о назначении Андрея Нечаева первым моим заместителем, и мы вместе с ним, прихватив на всякий случай милиционера из охраны Белого дома, мчимся туда.

Наглость, конечно. Случись такое до 21 августа, не то чтобы по телефонному звонку зампреда правительства РСФСР срочно собрать коллегия большого Госплана, нас бы и на порог могли не пустить. Но сейчас коллегия собрана. Настороженные, растерянные, кое у кого — испуганные лица.

Информирую собравшихся, что принято решение о переводе Госплана под российскую юрисдикцию. Командовать парадом поручено мне, относиться к сотрудникам будем хорошо, все ценные кадры постараемся использовать с максимальной пользой для государства, за меня остается здесь первый заместитель министра экономики Андрей Нечаев. Чувствую, многим явно хочется спросить: с какой стати они должны всему этому подчиняться и выполнять указания какого-то Нечаева, о котором в огромном аппарате мало кто слышал. Но молчат, моя информация встречена без открытых протестов. И через несколько дней Нечаев доложил, что аппарат союзного Госплана работает над программой сокращения производства вооружений в 1992 году...

Следующий шаг — объединение Минфинов Союза и России. Я уже упоминал о бушевавшей между ними «бюджетной войне». Еще работая в Архангельском, мы начали приглашать туда специалистов из союзного аппарата. И для консультаций, уясняя обстановку, и чтобы понять, на кого опереться, когда реформы шаг-

нут в жизнь. Одним из них был Василий Васильевич Барчук, в ту пору заместитель министра финансов СССР по бюджету. Уже при первой встрече он произвел на меня, да и на моих коллег, прекрасное впечатление своей ответственностью, глубоким знанием бюджетных проблем. Он по-настоящему, как личную беду, переживал финансовую неразбериху. Я предложил ему стать первым заместителем в Минфине России, и Барчук сразу согласился, понимая, что именно так можно быстрее прекратить губительное противоборство.

На Союзе по-прежнему лежит финансирование армии, множество других обязательных расходов, а деньги из республик перестали поступать вовсе. Поэтому последний союзный бюджет на IV квартал 1991 года носил чисто эмиссионный характер. Естественно, и армии, и науке, и социальным сферам платить нужно, но так как практически все тяготы союзного бюджета ложатся на плечи России, приходится твердо заявить, что финансирование будет осуществляться только при условии консолидации двух бюджетов и под нашим строгим контролем.

Прошли тяжелые переговоры с участием Б. Ельцина, М. Горбачева, В. Барчука, В. Раевского, исполняющего обязанности министра финансов Союза, В. Герашенко, но наше решение было все же принято. Практически с этого момента союзный и республиканский бюджет стали консолидированными, что соответствовало реальному положению дел.

В тот же день мы с Барчуком пригласили Алексева, председателя Гознака, и дали поручение подготовиться к выпуску денежных купюр более высокого номинала, 200 и 500 рублей. При освобождении цен и размораживании зарплаты объем денежной массы неизбежно возрастет, и нужно не допустить нехватки наличности. Он без лишних слов понял жизненную важность этого дела, сказал, что задание выполнит. На следующий день позвонил, сообщил, что соответствующие распоряжения отданы.

Продолжается формирование правительства. Принимая назначение, я исходил из того, что Президент согласен с выдвинутыми мной условиями, одним из которых было назначение на посты министров, отвечающих за экономику, людей из «команды», то есть тех, кто разделяет мои взгляды на пути осуществления реформ и вывода страны из кризиса.

Мы собирались втроем, первый вице-премьер и два вице-преьера, обговаривали кандидатуры, готовили проекты указов и отправляли их к Президенту. Встречались с ним, обсуждали вместе кандидатуры и другие дела, спорили, но, как правило, взаимоприемлемые решения находили довольно легко.

Правительство получило название команды реформ, но на самом деле по своему составу оно было достаточно разнородным. В нем присутствовали четыре группы людей с существенно разным опытом, навыками, мировоззрением. Первой из них была группа специалистов, профессиональных экономистов, пришедшая из науки. Кроме меня, Шохина, Чубайса в нее входили: министр внешнеэкономических связей Петр Авен, министр науки Борис Салтыков, министр экологии Виктор Данилов-Данильян, председатель Комитета по делам СНГ Владимир Машиц, министр сельского хозяйства Виктор Хлыстун, первый заместитель министра экономики и финансов, а позже министр экономики Андрей Нечаев.

Вторая группа — это те, кто до того работал в республиканском правительстве Силаева: министр связи Владимир Булгак, министр транспорта Виталий Ефимов и председатель «Росхлебопродукта» Леонид Чешинский.

Третья — те, кто пришли из бывших союзных министерств: министр торговли и материальных ресурсов, возглавлявший последним союзный Госснаб, Станислав Анисимов, министр путей сообщения Геннадий Фадеев, первый заместитель министра экономики и финансов, чуть позже министр финансов Василий Барчук.

И, наконец, четвертая — группа министров, пришедшая из политики, из бывших депутатов Верховного Совета: Геннадий Бурбулис, Элла Памфилова и Николай Федоров.

Вопрос состоял в том, смогут ли эти люди, такие разные, наладить взаимодействие, действовать слаженно, как команда. Тем более что некоторые из них не имели ни малейшего опыта работы в бюрократическом аппарате. Может быть, самый яркий пример в этом плане — министр внешнеэкономических связей Петр Олегович Авен. Интеллигентный парень, хорошо разбирающийся в экономике, знаток русской литературы и поэзии, выпускник элитной 2-й математической школы, затем экономического факультета МГУ. До назначения в правительство работал во Всесоюзном институте системных исследований, затем — в Международном институте прикладного системного анализа. Один из организаторов международных конференций, давших возможность познакомиться, а иногда и подружиться будущим реформаторам Восточной Европы и государств СНГ. Никогда не работал чиновником, ничем, кроме своего письменного стола, не заведовал.

Надо признать, что Авен оказался неважным организатором. Ему мешало не только отсутствие опыта, но и нервы, частые перемены настроения. Все это делало его крайне уязвимым, а место главы одного из ведущих министерств было соблазнительным, с весны 1992 года многие его добивались. Вопрос о замене Авена Борис Николаевич Ельцин обсуждал со мной регулярно. Основной аргумент был один и тот же: «Ну, Егор Тимурович, он, может, и хороший специалист, но вы же видите — не министр». Все это так, однако отнюдь не только товарищеские чувства заставляли меня каждый раз защищать Петра Олеговича и категорически выступать против его отставки. Для меня все его недостатки перекрывал тот фундаментальный факт, что он прекрасно понимал общий замысел преобразований и мне не надо было контролировать

его действия по подготовке к введению конвертируемого рубля. Он мог что-то недотянуть, что-то недоделать, но в целом, я был в этом убежден, стратегическая линия будет выдержана. Как мне кажется, я не ошибся. Сегодня я твердо знаю, что никто из руководителей российских министерств не сделал для введения конвертируемости рубля больше, чем Петр Авен. А ведь этот вопрос был одним из ключевых в экономической политике.

В некотором смысле зеркальной противоположностью Авену был министр финансов Василий Васильевич Барчук. Опытнейший чиновник, прошедший путь от районного налогового инспектора в Хабаровском крае до министра финансов, прекрасно знающий свое дело, умеющий четко организовать работу министерства. Думаю, никто лучше него не справился бы с невыносимо сложной задачей консолидации союзного и российского бюджета, изменением всей структуры финансирования. Поручая ему кошелек России, был твердо уверен: он сделает все возможное для того, чтобы деньги из этого кошелька не разбазарили. И вместе с тем он довольно долго не мог понять и принять истину, понятную каждому финансисту, выросшему в условиях работающего рынка: что централизованные внебюджетные кредиты Центрального банка оказывают точно такое же разрушительное воздействие на экономику, как и прямое кредитование дефицита бюджета. А это значит, что по одному из важнейших общеэкономических направлений на точность решений министерства финансов я не мог твердо полагаться. И потому макроэкономическая сторона работы Минфина требовала от меня постоянного внимания и контроля, хотя на это не всегда хватало времени.

Как мне кажется, в нашем правительстве только два человека по-настоящему сочетали в себе мощную административную хватку и глубокое понимание сути необходимых в их сфере деятельности преобразований. Это Анатолий Борисович Чубайс и министр связи Вла-

димир Борисович Булгак. У Булгака, оставшегося работать с нами после силаевского правительства, было уникальное сочетание административной четкости в организации работы подведомственной системы с полным отсутствием стремления сохранить ее в неизменной, жестко управляемой, администрируемой форме. Это тот случай, когда сутью работы отраслевого министерства на деле стало проведение рыночно-ориентируемых преобразований в большой и важнейшей отрасли. Было такое ощущение, что он на лету схватывает те новые проблемы, с которыми сталкивается его министерство в радикально изменившейся ситуации, и не случайно, что именно связь стала той отраслью, которая одной из первых и в крупных масштабах начала получать реальные иностранные инвестиции, что именно здесь удалось добиться практического воплощения в жизнь крупномасштабных высокоэффективных окупаемых проектов с участием иностранного капитала. Еще несколько лет тому назад невозможность дозвониться до Москвы из-за границы была важнейшим препятствием на пути развития любой децентрализованной системы внешней торговли. Сейчас эта проблема ушла в прошлое, как будто ее никогда и не было.

Что касается Чубайса, то только он из всех пришедших из науки, обладал таким же сочетанием административной эффективности с точным пониманием сути задач по реформированию экономики, которые стоят перед ним.

Ну, а я сам? Конечно, организация работы правительства отнюдь не была для меня простой задачей. Ни в малой мере не переоценивал ни свой административный опыт (никогда не доводилось управлять коллективом больше, чем сто человек), ни административные таланты. Главную угрозу для себя видел в текучке, в бездне входящих и исходящих документов, в обязательном протоколе, от которого невозможно уклониться. Если дать себя увлечь всем этим, то очень легко

стать каучуковым штемпелем, просто санкционирующим вырабатываемые аппаратом решения, утратить контроль за развитием событий, видение главных проблем и перспектив. Именно поэтому для меня так важно было, чтобы на ключевых направлениях экономической политики находились люди, которым полностью мог доверять.

С самого начала было очевидно: если не овладеем аппаратом, не заставим его энергично работать над проведением экономических реформ — наше правительство обречено. Так же, как и наши предшественники, просто не сможем перейти от слов и программ к делу. До этого уговаривал Геннадия Милекяна, в то время — заведующего отделом союзного правительства, впоследствии министра труда, согласиться возглавить аппарат. Он не решился.

Вообще надо помнить, желающих в это время прийти работать в правительство было мало. Многие из тех, кого тогда приглашал, звал, уговаривал, под разными предложениями уклонялись, отказывались. Характерен первый анекдот про наше правительство. Звучал он так: новое правительство как картошка: либо зимой съедят, либо весной посадят. Это потом, к концу весны — лету 1992 года, когда стало ясно — самое трудное уже позади, голода не будет, прилавки наполняются, рынок заработал — люди, отказывавшиеся ранее идти в правительство, с удовольствием приняли приглашение в нем работать. Но все это потом. Тогда же, осенью, найти человека, которому доверяешь и знаешь, что он может справиться с очень тяжелым делом, было не просто.

Решил назначить руководителем аппарата правительства Алексея Головкова, одного из активных участников рабочей группы в Архангельском, старого знакомого по ЦЭМИ, в этот период одного из ближайших сотрудников Геннадия Бурбулиса. Конечно, был понятен риск такого неожиданного хода. У Алексея практически не было опыта работы в бюрократических структурах. Сумеет ли он справиться с аппаратом, заставить

его работать так, как нужно? Когда пришел с этой кандидатурой к Президенту, приглашенный им Виктор Илюшин заявил, что ничего хорошего об Алексее Головке сказать не может. Я мягко заметил, что это мне с ним работать и мне нужен именно такой человек, чтобы аппарат не занимался черт-те чем, а готовил необходимые нормативные документы. Президент вздохнул, но согласился, подписал постановление.

Я не был слишком удивлен, когда выяснилось, что постановление затерялось где-то в аппарате. Пришлось еще и еще, все более настойчиво, возвращаться к этому вопросу, используя сам факт постоянной пропажи постановлений за подписью Президента как свидетельство невозможности работать с аппаратом, не взяв его под контроль. Наконец постановление все-таки вышло. Однако любые попытки контроля вызывали яростное сопротивление, постоянно возникали идеи полной интеграции аппарата в структуры администрации Президента, на меня все более настойчиво нажимали с требованием убрать Головкова. Все это лишний раз убеждало, что речь идет о действительно ключевой позиции.

С самого начала мне было понятно: возможность влиять на Президента в условиях кризиса — «шагреновая кожа». Она неизбежно будет сжиматься и в конце концов исчезнет. К тому времени возможность делать что бы то ни было осмысленное в правительстве будет утрачена, надо будет уходить. И что обидно: значительная часть этой «шагреновой кожи» была растратчена на борьбу с аппаратом. Пожалуй, ни по какому другому кадровому вопросу в 1992 году у меня не было столько обоюдно напряженных разговоров с Президентом. Тем не менее, убежден — решение с Головковым было правильным. При всех своих слабостях, Алексей сумел привлечь к работе квалифицированных, опытных сотрудников и из бывшего Совмина Союза, и из структур российского правительства, добиться того,

чтобы они действительно работали на подготовку нормативных актов, обеспечивающих реализацию реформ.

Когда в правительстве ставишь подпись под документами, возникает ощущение прогулки по минному полю. Ни при каких обстоятельствах нельзя всецело полагаться на аппарат. Ведь окончательную ответственность несешь ты. Но в целом, уже из сегодняшнего дня, оценивая 1992 год, надо сказать: ошибки, конечно, были, но подавляющее большинство «мин» Алексею удавалось обезвредить до того, как бумага ложилась на мой письменный стол.

Впоследствии, в 1993 году, снова начав работать в российском правительстве в качестве первого вице-премьера по экономической политике, убедился, как трудно бывает вести дело, если аппарат, который к тому времени уже возглавил г-н Квасов, при всей внешней корректности, по существу к тебе не лоялен. Тогда легко утопить любое полезное дело, оставляя на поверхности лишь кучу разнообразных объяснений. В 1995—1996 годах Алексей Головкин оказался в штабе «Наш дом Россия», потом стал активным участником избирательной кампании Александра Лебеда, но я сохранил к нему глубокую благодарность за работу в правительстве в 1991—1992 годах.

Чтобы не утонуть в неизбежной текучке, не потерять главную линию преобразований, создал рабочий центр экономических реформ правительства во главе с Сергеем Васильевым. Он мой старый друг, убежденный либерал, идеологически даже более строгий, чем я. Важнейшей задачей центра было проведение экспертизы ведомственных документов. Работа этого маленького органа оказалась на редкость полезной. Кроме того, регулярно провожу совещания экономической части команды. Собираемся у меня в кабинете, обычно где-нибудь после двенадцати ночи, обсуждаем свежую статистику, наиболее острые проблемы, межведомственные разногласия, определяем первоочередные задачи.

И все же захлестывает поток бумаг. Не сразу замечаю маленькие аппаратные хитрости: самые рискованные и сложные бумаги тебе подсовывают в тот момент, когда страшно торопишься на какое-нибудь совещание, и при этом дают понять, что они абсолютно не терпят отлагательства. Но в целом навык работы с правительственными документами приходит быстро. Начинаю различать, что из этой текучки чистая формальность, а что действительно требует пристального внимания.

Большинство из представляемых на рассмотрение бумаг тривиальны, малозначимы. Но есть очень важные, даже, как я уже говорил, взрывоопасные. Первый вывод, к которому пришел, начав работать в правительстве: как бы ты ни устал, как бы ни торопили, сколько бы помощники тебе ни говорили, что документ нормальный и безобидный, никогда не подписывай ничего наспех, не прочитав и не разобравшись. Подставка может ожидать тебя в самый неожиданный момент.

Характерный пример: 1992 год, начало осени, лечу в Баку на встречу с премьером и Президентом Азербайджана, предстоит подписать несколько документов, в том числе о взаимодействии в области денежной политики. Документы давно проработаны экспертами, в основном согласованные, чистые, проблем возникнуть не должно. Пока обсуждаю с азербайджанскими руководителями вопросы нашего экономического взаимодействия, пути урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе, мои коллеги, члены делегации, готовят соглашение к подписанию. Выходим с премьером Азербайджана, чтобы в торжественной обстановке подписать документы. Я, по укоренившейся привычке, на публике еще раз, бегло, их просматриваю. С величайшим удивлением обнаруживаю: предложенные мне на подпись соглашения в ключевых вопросах разительно отличаются от того, что согласовывали, над чем работали, полностью противоречат той политике, которую

мы проводим в переговорах с другими республиками. Тихонько, так, чтобы, не дай Бог, не допустить скандала, говорю об этом на ухо премьеру. Азербайджанские коллеги страшно смущаются, ссылаются на техническую накладку, — по ошибке подложили другой вариант документов, — быстро приносят согласованный текст. Все кончается благополучно, поздравляем друг друга, пьем по бокалу шампанского. В самолете устраиваю разборку проведенной работы, выясняю, как могли допустить, чтобы на столе оказался принципиально иной документ. Урок для членов делегации. И для меня тоже.

Или вот еще пример. Начало октября 1993 года. Ко мне, первому вице-премьеру по экономике, заходит ответственный сотрудник аппарата правительства. Наряду с другими документами приносит докладную записку о международном сотрудничестве Комитета по драгоценным металлам и проект резолюции, принципиально одобряющей это сотрудничество. Несмотря на страшный дефицит времени, просматриваю бумагу. Она какая-то странная. Не очень понятно, что это за «Голден Ада», с которой сотрудничает Комдрагмет, каковы условия контракта, какой еще там принц Ботсваны. Вместо заготовленной резолюции накладываю свою: «Евгению Примакову. Прошу конфиденциально проверить представленные данные, проинформировать правительство». Из информации разведки узнаем, что фирма «Голден Ада» в высшей степени сомнительна, а упомянутого принца не существует в природе. Отнюдь не подозреваю тех, кто готовил проект, в каком-либо злом умысле. Просто бездумная бюрократическая исполнимость чревата большими неприятностями.

Впоследствии узнал, что это был уже не первый случай с названной фирмой, «Голден Ада» в свое время нанесла России ущерб, измеряемый десятками миллионов долларов. Естественно, что после информации, полученной мной от разведки, ни о каком одоб-

рении сотрудничества с ней не могло быть и речи. Впоследствии этой историей занялась прокуратура.

Разумеется, стопроцентно застраховаться от ошибок невозможно. Вспоминаю один документ, который подписал в самом начале своей работы в правительстве. Он был связан с работой фирмы «Ди Пи».

Вокруг правительства всегда вьется колоссальное количество авантюристов, предлагающих множество на первый взгляд завлекательных проектов. Нередко их лоббистами выступают и ответственные люди, как правило, мало разбирающиеся в сути дела. Всякий раз, когда слышу о том, что та или другая неизвестная фирма собирается предоставить займ на 5—10—15 миллиардов долларов, убежден — речь идет об авантюристах. Суть интриги предельно проста: никто, разумеется, не собирается предоставлять такие деньги, но, получив бумагу с правительственными гарантиями, ловкий пройдомец может довольно долго по-крупному разыгрывать роль Остапа Бендера и получать гешефты, путешествуя по планете в качестве уполномоченного российского, молдавского, киргизского или какого угодно другого правительства.

С фирмой «Ди Пи» был как раз один из таких случаев. Ее очень настойчиво лоббировал один из народных депутатов, обвиняя Минфин в косности и консерватизме. Фирма предлагала предоставить российскому правительству кредит на весьма выгодных условиях. Учитывая масштабы давления, поручил Леониду Григорьеву, председателю Комитета по иностранным инвестициям, разобраться с этой фирмой. К моему удивлению, он довольно быстро представил мне проект решения правительства, одобряющего такое сотрудничество. Впоследствии, выясняя, как это могло случиться, понял — его просто обвели вокруг пальца, убедили, что решение мной уже принято, а за ним только техническое оформление документов. На всякий случай, я продиктовал крайне осторожный вариант распоряжения: мы готовы принять предложение фирмы, если она

представит соответствующие средства и они будут зачислены на счет Минфина. Если нет — никаких отношений быть не может. Как я и полагал, денег этих мы не увидели, зато получили еще один хороший урок. Впоследствии подобного рода бумаги отфутболивал без тени сомнения.

Когда согласился войти в правительство, разумеется, знал, что коррупция в органах власти получила очень широкое развитие, стала настоящим бичом союзной и российской государственности. Понимал: истоки ее кроются в том, что чиновникам дана возможность принимать индивидуальные решения в пользу того или иного предприятия. Поэтому с самого начала установил у себя в секретариате жесткий порядок: любые подарки, как бы ни были они незначительны, сдавать в службы протокола. Сотрудники тихо потешались, особенно когда речь шла об очевидных пустяках, но я считал, что в данном деле лучше перегнуть палку. Видимо, репутация, а может быть, и фамилия все-таки сработали. Даже мои политические противники, убежденные, что я веду страну по гибельному курсу, не подозревали меня в намерении запустить руку в государственный карман.

Однажды вечером, после совещания премьеров СНГ и последовавшего за ним дружеского ужина, ко мне подошел один из руководителей правительства соседней страны, отвел в сторонку, завел разговор о необходимости развития взаимовыгодного сотрудничества, потом мягко упомянул о возможности учета при этом моих личных интересов. Поблагодарив за желание развивать экономические связи, я сделал вид, что не понял прозрачного намека, но после этого стал относиться к любым контрактам, связанным с этой страной, с особым вниманием и осторожностью.

Пожалуй, главная проблема адаптации к работе в правительстве, особенно в условиях экстремального кризиса, — это радикальное изменение протяженности времени. Ученый планирует свою работу в размерен-

ности лет, месяцев, недель. Советник измеряет время в часах и днях. Руководитель правительства вынужден оперировать временем в секундах, в лучшем случае — в минутах. Спокойно подумать несколько часов, неспешно посоветоваться — почти роскошь. В течение получаса провести важное совещание, за три минуты успеть связаться с Минфином — дать распоряжение, за две минуты пообедать, еще через одну минуту выскочить из кабинета, чтобы мчаться выступать в Верховный Совет — вот это норма, и такая круговерть беспрерывно в течение дня, с раннего утра до поздней ночи. Этот ритм жизни неизбежно создает серьезные препятствия в общении с людьми, друзьями. Нельзя же пригласить близкого друга для хорошего разговора в два тридцать пять ночи, уделив ему семь минут. Так просто не делается. В результате круг общения неизбежно сжимается до тех, с кем видишься только по делу. Времени не хватает даже на самых близких людей. За весь 1992 год, наверное, всего раза три успел выбраться к родителям, и каждый раз уже под утро и смертельно уставший.

Особенно тяжело все происходившее переживала мама. Она — историк, доктор наук, специалист по внешней политике России на Балканах XVIII — начала XIX веков. Ей было четырнадцать лет, когда к деду, Павлу Петровичу Бажову, пришла всесоюзная слава. С тех пор всю жизнь жила в обстановке эмоционального комфорта. Не было серьезных проблем и с детьми. На родительских собраниях в моей школе мама была всего несколько раз в жизни и, как правило, слышала в основном приятные вещи. И вдруг — лавина неприятя, ненависти! В конце 1991 года ее сына костерят в огромных, бесконечных и безнадежных очередях. Стоя в очереди за хлебом, она к своему изумлению слышит рассказы о том, что сами-то Гайдары как сыр в масле катаются и в очередях-то небось не простаивают. А тут еще вдруг выясняется, что и привычный мир друзей, которые десятилетиями бывали у нее

дома, разделился на тех, кто поддержал реформы сына, и тех, кто их категорически не принимает. И все это неожиданно, резко, без всякой подготовки... Понимая это, пытаюсь выкроить свободную минуту, хоть позвонить, успокоить.

...Работая с народными депутатами, я часто вспоминал фразу Томаса Джефферсона, одного из отцов американской демократии. Приведу ее целиком, она стоит того: «Исполнительная власть правительства — не единственная и даже не главная моя головная боль, тирания законодателей в настоящем и, наверное, еще на долгие годы — вот главная и самая страшная опасность. Тирания исполнительной власти придет тоже, но в период, более отдаленный от нас».

Это было сказано в 1789 году при становлении демократии в Америке. Эта закономерность верна и для периода становления нашей отечественной демократии.

Разумеется, среди народных депутатов было немало достойных людей, к которым навсегда сохраню глубочайшее уважение — Борис Золотухин, Михаил Молоствов, Сергей Юшенков, Сергей Ковалев, Олег Басилашвили, Георгий Задонский и многие, многие другие. К сожалению, отнюдь не они настойчиво добиваются встреч, толкуются в приемной. Чаще всего там те, кто пробивает какую-нибудь коммерческую сделку и явно обслуживает интересы нахрапистого проходимца, жадущего то ли экспортной квоты, то ли льготного кредита, а может быть, предлагающего какую-нибудь финансовую аферу. Приходится принимать, отказывать; все это, конечно же, отношений не улучшает.

Самая энергичная, мощная моя поддержка в Верховном совете — Петр Филиппов, председатель подкомитета по приватизации. Он из Питера, мы знакомы давно, года с 1986-го. Одна из колоритнейших личностей российской политики последнего десятилетия. Экономист, юрист, журналист, предприниматель. Человек с неумной, кипучей энергией, в свое время немало сделал, чтобы мобилизовать меня и моих питер-

ских коллег к активному участию в политике. Летом 1989 года мы вместе с ним, Чубайсом, Васильевым и еще десятком экономистов провели вместе неделю на Ладоге, плавали на его двух яхточках, обсуждали экономические и политические перспективы. Петр — трибун, прирожденный публичный политик, в 1990-м был выбран в народные депутаты России. К осени 1991-го — один из самых авторитетных членов Верховного Совета, автор важнейших экономических законопроектов. Сразу после формирования правительства он заехал ко мне договориться о взаимодействии в законотворческой деятельности. Решительно поддержав нашу программу, он в конце 1991 — начале 1992 годов полностью, без остатка вложил весь свой парламентский авторитет в нашу поддержку. Методично, громко, просто объяснял законодателям суть того, что мы делаем, доказывал, почему это необходимо, почему других решений не существует. Но парламентское большинство терпеть не может менторов, объясняющих, к тому же, неприятные, непопулярные вещи. Если осенью 1991 года поддержки Филиппова было достаточно для того, чтобы провести почти любой экономический законопроект, то к концу весны 1992-го стало ясно — его влияние на принимаемые решения свелось к нулю. Больше того, его поддержка — достаточное основание, чтобы законопроект был провален.

Большинство парламентариев обожает задавать вопросы членам правительства. Во-первых, в отличие от законотворчества, это одно из самых интеллектуально необременительных занятий. Один дурак, как известно, может задать столько вопросов, что сто мудрецов не ответят. Во-вторых, это позволяет наглядно продемонстрировать избирателям, как их избранник заботится об их интересах. Особенно в 1991—1993 годах, когда парламентские дебаты в принудительном порядке транслировались на всю страну. Возникавшая по ходу обсуждения того или иного вопроса идея, — а не вызвать ли нам сюда кого-то из членов правительства для

Mois 20
gek

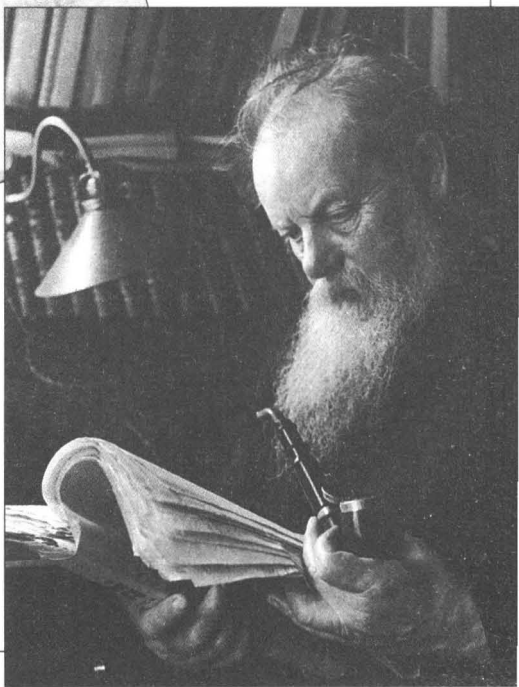


ДНИ поражений и побед

“Если от Аркадия
Петровича Гайдара
в семье осталась страсть к
приключениям...”



“...то от Павла Петровича
Бажова — спокойная
рассудительность
и основательность”.





1962 год. Будущий премьер России с мамой и папой.

На выпускной фотографии — три неразлучных друга:
Витя Васильев, Егор Гайдар и Юра Заполь.
И любимая учительница Ирина Даниловна Войнович (Икрамова).

ШКОЛА № 152



ВАСИЛЬЕВ В.

ГАЙДАР Е.

ЗАПОЛЬ Ю.



ИКРАМОВА И. Д.

10 КЛАСС „А“
1973 ГОД



“Моя первая детская любовь, девочка Маша с огромными загадочными глазами, стала моей женой...”



“...у нас, наверное, самая счастливая семья из всех,
что мне приходилось видеть в жизни”.



“Профессор Виталий
Исаевич Кошкин —
мой научный руководитель.
Мы с ним навсегда
остались друзьями”.



“Август 1986 года.

Семинар на Змеиной горке.

Обсуждаем самые идеологически опасные вопросы.

Рядом, как и годы спустя, верный друг Анатолий Чубайс”.





“Из советника
я превратился
в человека,
принимающего
решения”.
Ноябрь 1991 года.
Архангельское.



Егор Гайдар со товарищи:
в обстановке официальной
(с Анатолием Чубайсом)...

...и неформальной (с Петром Авендом и Александром Шохиним).





Заседание кабинета министров России под председательством Егора Гайдара.



С министром обороны П. Грачевым и министром иностранных дел А. Козыревым.

Москва, декабрь 1991 года. С Лешком Бальцерovichем —
“одним из самых непопулярных и самых выдающихся
экономических реформаторов XX века”.



С министром
социального обеспечения Э. Памфиловой.



1992 год.
Радиостанция
демократических сил
в Доме Правительства РФ.



Вашингтон, 1992 год. С президентом США Джорджем Бушем в Белом доме.



1992 год. "Встреча глав государств СНГ.
Президент России думает о реформах всерьез".

Ташкент, 1992 год.
Егор Гайдар прилетел
на Совет глав
правительств СНГ.



Москва, 1992 год. На переговорах с вице-канцлером,
министром экономики ФРГ Юргеном Меллеманом.

В ночь с 20 на 21 августа 1992 года у мемориального камня
в память защитников Белого дома.

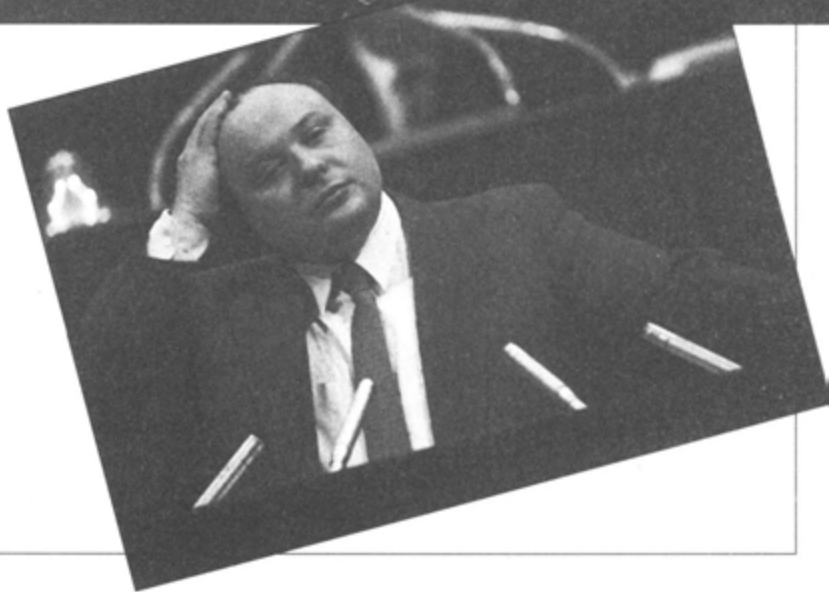


На VII съезде народных депутатов.



“Хочу, чтобы депутаты поняли:
на смену избранного курса мы не пойдем”.

“Если это называется социально ориентированной экономикой, то, прошу прощения, Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу”.



...Окончен бой, а завтра — снова...





Декабрь 1992 года. Егор Гайдар и его команда.
Последний снимок в кабинете премьера.
"Совість наша чиста".

разбирательства — практически всегда принималась на ура. Приспособиться к этому очень трудно. Такие вызовы на ковер происходят, как правило, внезапно, в то время, когда у тебя совершенно другие важные планы. Причем вопрос, вдруг возбудивший страстный интерес, может быть самым неожиданным и, на твой взгляд, скажем, отнюдь не самым важным для работы правительства на сегодняшний день. Помнится, второе или третье мое выступление в условиях наступающего экономического коллапса в конце 1991 года было посвящено животрепещущему вопросу о выполнении правительством решений съезда народных депутатов об экономических санкциях против Грузии в связи с грузино-осетинским конфликтом. Только входил в это время в курс дел, плохо знал детали. Лишь в машине, по дороге в парламент, успел просмотреть подготовленный материал. Словом, на мой взгляд, выступил крайне неудачно. Позже, с опытом, понял — лучше настоять на переносе обсуждаемой темы, и, если уж идешь в Верховный Совет, обязательно надо выкроить хотя бы полчаса, чтобы спокойно собраться с мыслями, подготовиться. Поначалу, когда появлялся в Верховном Совете, депутаты стремились увеличить время ответов на их вопросы до максимума. Но потом сообразили: если задаешь вопрос на темы, связанные с экономикой, желательно хоть что-то понимать в предмете, о котором спрашиваешь. Иначе неизбежно перед всей страной, перед своими же избирателями будешь выглядеть полным идиотом. Конечно, от моей гиперюношеской памяти к этому времени остались жалкие крохи, но в общем, если ты постоянно «варишься» в экономике, суть того, что стоит за той или иной проблемой или цифрой, держать в голове не так уж трудно.

Мне кажется, у коммунистов пропала охота задавать мне слишком много вопросов после того, как в ответ на какое-то вполне демагогическое замечание о состоянии здравоохранения я провел с ходу подробный ана-

лиз динамики заболеваемости по основным группам болезней на протяжении последнего года. А когда лидер думских аграриев Михаил Лапшин был публично уличен в полном непонимании разницы между учетом зерна в амбарном и бункерном весе, стало ясно — оппозиция опозорена. И потом при каждом моем выступлении по рядам коммунистов и их союзников проносился шепоток: «Гайдару вопросов не задавать». Честно говоря, это была одна из маленьких, но приятных побед.

Кроме любознательности парламентариев, было еще одно обстоятельство, предельно затруднявшее планирование времени, нормальную организацию работы. Это протокол. Когда смотришь по телевизору, как какой-нибудь государственный деятель обходит почетный караул, подписывает бумаги, поднимает бокал шампанского на званом обеде, можно подумать, что работка в общем-то не пыльная. Может быть, оно и так, когда государственная машина работает спокойно и размеренно. А в 1991—1992 годах, когда столько всего нужно было успеть, становилось безумно жалко каждой потерянной минуты. Всякий раз, когда выяснялось, что надо ехать кого-то встречать, провожать, принимать и всегда в самое неподходящее время — испытывал бессильное бешенство. Серьезные вопросы обсуждаются не на званых обедах и не на парадах. Вместе с тем, уклониться от этого протокола было абсолютно невозможно.

Довольно быстро понял, что мне в административных делах дается и что — нет. Большая часть работы в правительстве — это постоянная необходимость принятия решений при столкновении противоположных ведомственных позиций. Здесь либо кто-то должен принять ответственность на себя, выслушать аргументы и сказать: будет так; либо бесконечно закручивается все та же, ни к чему не приводящая карусель межведомственных согласований. Наверное, именно потому, что я достаточно хорошо видел стратегические задачи,

стоящие перед нами, проводимые у меня совещания оканчивались, как правило, конкретным решением. Не исключаю, что эти решения не всегда были оптимальными, но убежден — в сложившейся в конце 1991 года ситуации лучше принять неоптимальное решение, чем не принимать никакого. Хуже всего мне давался начальственный рык, к которому многие в аппарате управления по дурной советской традиции привыкли. Генетически отсутствовала способность кричать на подчиненных. Убедился — с теми, на кого следовало бы кричать, мне лучше просто не работать.

Пожалуй, главное достижение осени — зимы 1991 в организации работы правительства — возникшее и окрепшее, при всех различиях человеческих характеров, чувство общности, единой команды. Наверное, основная причина — это реально угрожающая ситуация, осознаваемая всеми тяжесть взятой на себя ответственности, ощущение высокой степени риска. Это создало в первые, самые важные и опасные месяцы реальную, не показную товарищескую обстановку, резко облегчающую координацию усилий. Я понимал, что это не навечно: как только кризис чуть отступит, законы бюрократической организации, увы, начнут брать свое. Но тогда, зимой 1991—1992-го, мы действительно чувствовали себя сыгранной командой.

Разделение компетенции — полезная, более того, необходимая вещь. Но в той ситуации, в которой оказалась страна, экономика вторгалась во все сферы жизни. Я уже упоминал, что союзный Госплан начал работать над сокращением заказа на вооружение. При обсуждении этого вопроса с представителями Министерства обороны кто-то из генералов, услышав, что заказ будет сокращен втрое, после ошеломленной паузы сказал:

— Извините, но это требует политического решения!

— Безусловно, — согласился я. — Вот вы и рассматривайте решение правительства как политическое.

Ведь, насколько мне известно, политбюро больше не существует.

Пожалуй, в это время любая проблема была политической. Взять хотя бы обеспечение населения хлебом. В 1991 году урожай зерновых оказался неважным, но отнюдь не катастрофическим — примерно 85 процентов от среднего уровня урожаев за 1986—1990 годы. Но сразу после путча, о чем я уже говорил, поставки зерна резко сократились. Никто не хотел везти зерно на заготовительные пункты, и больше не существовало власти, которая бы могла взять его силой. На 1 декабря общие хлебные ресурсы государства составили 10,1 миллиона тонн, то есть в два с лишним раза меньше, чем в предыдущем году. Но даже этими скудными запасами распорядиться оказалось чрезвычайно сложно. Богатые зерном области Северного Кавказа, ссылаясь на тысячи причин, отказывались отгружать хлеб нуждающимся Центру, Уралу, Северо-западу...

Между тем расчет показывал, что даже если среднемесячное потребление сократится по сравнению с 1990 годом на 20 процентов (с 5,3 до 4,3 миллиона тонн) и если правительство сможет обеспечить межрегиональный маневр резервами, хлеба хватит только до середины февраля. Пришлось, пригласив министра сельского хозяйства В. Хлыстуна и председателя Комитета по хлебопродуктам Л. Чешинского, дать указание сократить поставку зерна на фураж, начав, при необходимости, сокращение поголовья скота. Но и это проблемы не решало. Продержаться до следующего урожая, избежать продовольственной катастрофы можно было, только обеспечив своевременное поступление зерна по импорту.

Печальная и унижительная зависимость от крупномасштабных импортных закупок зерна, в которую с начала 70-х годов поставило страну советское руководство, проявилась теперь в особо опасной форме. Вот несколько выдержек из затребованной правительством

справки о положении в некоторых регионах на середину ноября 1991 года:

«Продажа мясопродуктов, масла животного, масла растительного, крупы, макаронных изделий, сахара, соли, спичек, табачных изделий, алкогольных напитков, мыла хозяйственного, туалетного и других производится, в основном, по талонам и по мере поступления этих товаров в торговую сеть.

Отпуск хлеба и хлебобулочных изделий ограничен, реализация молокопродуктов — по мере их поступления — при наличии больших очередей и ограниченно-го времени торговли.

Архангельская область. Мясопродукты, которые не обеспечены ресурсами, реализуются из расчета 0,5 кг на человека в месяц. Срывают отгрузку мяса Белоруссия, Ростовская, Ульяновская области... Молоко имеется в продаже в течение не более часа. Масло животное продается по талонам из расчета 200 гр. на человека в месяц. Талоны не обеспечены ресурсами из-за недогруза Вологодской и Смоленской областями. Мукой в рознице не торгуют, она поступает только для хлебопечения. До конца года недостаток фондов на муку 5 тыс. тонн. Хлебом торгуют с перебоями. Сахар отпускают по 1 кг в месяц на человека, талоны на него из-за недогруза заводов Украины с июня не отовариваются.

Нижегородская область. Мясопродуктами торгуют по талонам, на декабрь не хватает ресурсов. Молоком торгуют в течение 1 часа. Масло животное реализуется по талонам — 200 гр. на человека в месяц. Не хватает ресурсов. Растительное масло в продаже отсутствует, так как оно не отгружается поставщиками Краснодарского края, Украины, а также не поставляется по импорту. С перебоями торгуют хлебом, не хватает зерна на хлебопечение до конца года в количестве 20 тыс. тонн.

Пермская область. На декабрь выдано талонов на масло животное по 200 гр. на человека, но ресурсов

под них нет. Отказывают в отгрузке Смоленская, Пензенская, Оренбургская, Тверская, Липецкая области, республика Татарстан. Растительного масла в продаже нет, так как поставщики Волгоградской, Костромской, Саратовской областей и Краснодарского края не отгружают его. Сахар отсутствует в продаже. Срывают его отгрузки заводы Курской и Воронежской областей. Хлебом торгуют с перебоями при наличии больших очередей. Не хватает муки на хлебопечение в объеме 15 тыс. тонн...».

В подавляющем большинстве других индустриальных районов положение было примерно таким же.

Когда в жизни государства наступает критический момент, приходит время пустить в ход накопленные на черный день запасы. В первую очередь твердую валюту и золото. В любом нормальном государстве они бережно хранятся, впустую ни в коем случае не разбрасываются. Напомню, что царское правительство после двух с половиной лет тяжелой войны сохранило к февралю 1917 года и передало Временному правительству 1300 тонн золота.

К сожалению, наши правители такой элементарной предусмотрительности не проявили. За 1989—1991 годы из страны вывезли более 1000 тонн, причем процесс шел с ускорением. Печальный рекорд 1990 года — 478,1 тонны. К концу 1991 года золотой запас бывшего Советского Союза упал до беспрецедентно низкой отметки — 289,6 тонн. Им уже нельзя было покрыть даже самые срочные финансовые обязательства, самые неотложные потребности страны.

Если ничтожное количество золота делало продовольственную ситуацию тяжелой, то состояние валютных резервов и огромный объем внешней задолженности, казалось, ухудшали положение до безнадежности.

Спустя неделю после того, как я приступил к работе в правительстве, заместитель председателя Внешэкономбанка Ю. Полетаев официально сообщил:

«Состояние расчетов СССР в свободно конвертируемой валюте за 9 месяцев 1991 года складывалось следующим образом. Поступление свободно конвертируемой валюты от текущего экспорта составило 26,3 млрд. долларов США. Из них в централизованный фонд для погашения внешнего долга и оплаты центрального импорта поступило 15,9 млрд. долларов США, в валютные фонды экспортеров 10,4 млрд. долларов США. В то же время платежи из централизованных валютных фондов составили 26 млрд. долларов США. При этом ситуация дополнительно осложняется оттоком депозитов и краткосрочных финансовых кредитов, которые с начала года составили на базе нетто 4,1 млрд. долларов США.

Таким образом, недостаток поступлений от экспорта для осуществления платежей по централизованным фондам составил 10,6 миллиарда долларов США. В этой связи на основании принимавшихся в течение года решений руководства страны данный недостаток покрывался за счет проведения операций «своп» с золотом (т. е. займов под залог золота — *Ред.*) и его реализации — 3,4 миллиарда долларов США, привлечения новых финансовых кредитов — 1,7 миллиарда долларов США и использования со счетов Внешэкономбанка СССР средств валютных фондов предприятий, организаций, республик и местных органов власти — 5,5 миллиарда долларов США.

В связи с крайним обострением платежной ситуации страна в течение года неоднократно оказывалась на грани неплатежеспособности ввиду недостатка ликвидных ресурсов в свободно конвертируемой валюте, о чем неоднократно докладывалось руководству страны.

И в конце октября 1991 года ликвидные валютные ресурсы были полностью исчерпаны, в связи с чем Внешэкономбанк СССР был вынужден приостановить все платежи за границу, за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга, о чем было доложено

Комитету по оперативному управлению народным хозяйством СССР.

Недостаток поступлений от текущего экспорта для платежей за границу только за имеющиеся на 1 декабря 1991 года обязательства (даже без учета минимальной потребности в свободно конвертируемой валюте для оплаты импорта, включая перевозки) может составить более 3,5 миллиарда долларов США, в том числе в ноябре — 1,3 миллиарда долларов США. К концу второй декады ноября ликвидных валютных ресурсов ожидается недостаточно даже для выполнения безусловных обязательств государства и страна может быть объявлена неплатежеспособной».

Итак, последний год своего правления коммунисты закончили тем самым, с чего начинали 74 года назад — реквизицией валютных счетов предприятий, организаций и граждан, хранившихся во Внешэкономбанке.

В общем, нет ни хлеба, ни золота. И нет возможности платить по кредитам. А новых ждать неоткуда. Потрясающим сюрпризом для меня это не явилось, и все же до прихода в правительство оставались какие-то иллюзии, надежды, что, может, дела чуть лучше, чем кажется, что есть тайные, подкожные резервы. Но нет, ничего нет!

Знаете, как бывает, когда видишь кошмарный сон? Конечно, страшно, но где-то в подсознании теплится надежда: ничего, стоит сделать усилие, проснуться, и ужасы исчезнут... А здесь делаешь это чертово усилие, открываешь глаза, а кошмар — вот он, рядом.

Рассуждения о «мягких», «социально безболезненных» реформах, при которых можно в одночасье решить проблемы так, что всем станет хорошо и это никому ничего не будет стоить, упреки в наш адрес, заполнившие вскоре страницы газет и зазвучавшие с научных трибун, даже не обижали. Открывшаяся в деталях картина подтвердила печальную истину: ресурсов, позволяющих сгладить социальные издержки запуска

нового механизма хозяйствования, не было. Откладывать либерализацию экономики до тех пор, пока удастся продвинуть медленные структурные реформы, невозможно. Еще два-три месяца пассивности, и мы получим экономическую и политическую катастрофу, распад страны и гражданскую войну. Это мое твердое убеждение.

Даже те, кто с симпатией относились к работе нашего правительства, сопереживали, сочувствовали — даже они очень часто упрекали меня в нежелании и неумении ясно, просто объяснять людям, что мы делаем. Частично принимаю эти упреки. Вероятно, сказывалось отсутствие достаточного опыта общения с непрофессиональными аудиториями. Кроме того, мешала постоянная, непроходящая усталость, особенно в первое время работы правительства, когда навалились огромные перегрузки: голова была забита сотнями забот, тут уж было не до красноречия. Из-за всего этого случались иногда довольно комичные казусы.

Осенью 1992, в очень напряженное время, по личной просьбе Бориса Николаевича вынужден был отложить все дела и на день вылететь в Якутию. Провел там непростые переговоры с руководством республики, выступил на Верховном Совете, потом вместе с президентом М.Е. Николаевым вылетел из Якутска в село Черепча, дальше километров на пятьсот к востоку. Поздно вечером встретился с общественностью. Я рассказывал о работе правительства, о перспективах развития Якутии, их района, о строительстве водовода — важнейшей местной проблеме. Потом — масса вопросов. Кто-то из собравшихся спрашивает меня о моем вероисповедании. Я откровенно отвечаю — агностик. «Это что, секта такая?» — слышится из зала. Объясняю, что это философское учение. Зал изумлен, а сопровождающие меня московские коллеги не могут спрятать улыбки.

И все же, я думаю, не это главное, суть дела в другом: что, собственно, в конце 1991 — начале 1992 года

мы летим на самолете с одним крылом? Что нет никаких гарантий того, что приземлимся? Что невозможно прогнозировать уровень инфляции, потому что мы не обладаем контролем над всей рублевой зоной, что все наши усилия завтра могут быть перечеркнуты неожиданными действиями правительств Казахстана или Украины? Что мы сознательно закрываем на все это глаза, идем по пути жесточайшей сдержанности в собственной бюджетной политике, потому что другого выхода нет, — лишь то, что делаем, дает хоть какие-то шансы вывести страну из пике? Думаю, если бы все это было ясно и просто сказано в декабре 1991 — январе 1992, ничто не спасло бы нас от гиперинфляции и хозяйственного хаоса.

Вообще, невозможность сказать всю правду людям о положении страны, о том, что делаешь — это, к сожалению, приходит вместе с реальной властью. Именно здесь хорошо понимаешь точность кантовского принципа: « Все, что ты говоришь — должно быть правдой, но отсюда не следует, что надо говорить всю правду».

В конце 1991 года, чтобы избежать худшего, необходимо было даже самой дорогой ценой решить две задачи — заставить деньги хоть как-то работать, обеспечив перспективу постепенной нормализации положения на рынке, и добиться такого соглашения с зарубежными кредиторами, которое позволило бы стране дожить до нового урожая.

Отсюда вынужденные меры и решения:

— Опираясь на доминирующую роль экономики России в рублевой зоне, соединить либерализацию цен с резким ужесточением российской бюджетной и денежной политики, компенсировав тем самым последствия вероятных денежных интервенций бывших республик.

— Форсированно вести подготовку к переводу республик на корреспондентские счета, обеспечению контроля Центрального банка России за денежным оборо-

том на ее территории, к введению национальной валюты.

— Одновременно пытаться добиться, хотя бы временно, соглашения с республиками, позволяющего сдержать их эмиссию.

План этот не был застрахован никакими гарантиями, но давал хотя бы надежду на успех. Пожалуй, это было самым трудным из всех решений. Предельно рискованное, опасное, но, как ни ломай голову, альтернативы не было.

Беспощадная круговерть первых дней и недель. Заканчивается формирование правительства. Молодые министры энергичны, решительны, но только еще входят в ситуацию ведомств, налаживают контакт со своим аппаратом, отраслью, предприятиями. У меня с правительственным опытом тоже не богато, а реформы необходимо начинать без малейшего промедления. Идеи должны обрести вид распоряжений, постановлений, указов... Оперативные вопросы требуют немедленного решения... Поток посетителей, лавина телефонных звонков... Ощущение, что ты под струей пожарного брандспойта и обязан не только удержаться на ногах, но сохранить ясную голову и двигаться не туда, куда тебя гонят обстоятельства, а в избранном тобой направлении. И при всем том, днем и ночью, самое тревожное — хлеб.

Вся стратегическая значимость предстоящих реформ не могла заслонить фундаментального факта: к концу ноября, за семь месяцев до нового урожая, в распоряжении государства остался примерно двухмесячный запас зерна. Продовольственные госрезервы — тушенка, масло и сахар, — за счет которых кое-как латали дыры в снабжении крупных городов, на исходе. И, как это ни горько для великой страны, ее возможность выжить до нового урожая зависит от щедрости дальних и близких соседей.

С тех пор не могу спокойно слушать именно от коммунистов их ритуальные митинговые и парламент-

ские рыдания по утраченному имперскому величию страны, которую они, после семи десятилетий своего жестокого правления, поставили перед миром с протянутой рукой.

Ознакомившись с данными о катастрофическом падении золотого запаса и валютных резервов СССР, а также о банкротстве Внешэкономбанка, просмотрев статистику оттока валюты и вывоза золота в 1990—1991 годах, мы задумались: а все ли здесь чисто? Не случилось ли так, что правившая страной политическая элита, осознавая неизбежность краха коммунистического режима, перевела часть валютных ресурсов страны на подконтрольные счета в западных банках?

То, что механизмы для осуществления подобных операций имелись давно, секретом не было. Познакомившись со спецификой многих контрактов, в которых цены на поставляемую Советским Союзом продукцию необъяснимо занижались, а цены закупаемых комплектующих столь же необъяснимо завышались, не трудно было догадаться, что все это служило прикрытием различных форм финансирования нелегальной деятельности или помощи коммунистическим партиям в зарубежных странах. Вопрос был только в том, чтобы выяснить, куда конкретно ушли деньги и золото.

В конце декабря 1991 года два высокопоставленных сотрудника советской разведки обратились к Президенту Ельцину с письмом по этим вопросам. Они предложили привлечь к розыску советских валютных резервов фирму «Кролл», крупную международную организацию, известную своими успехами в решении аналогичных задач. Пожалуй, наиболее значимым из них стало выявление секретных счетов иракского диктатора Саддама Хусейна. Президент поручил мне встретиться с авторами письма, определить позицию. Одного из них я знал лично, он в свое время работал в институте заместителем Д. Гвишиани, вел закрытую тематику. Поговорив с разведчиками, пришел к убеж-

дению: шансов на успех не слишком много, но не попробовать грех.

Поручил организовать мне встречу с руководством фирмы. Встретились в феврале 1992 года в Мадриде во время моего визита в Испанию. Договорились, что фирма начнет розыск, и мы заключим краткосрочный трехмесячный контракт, заплатим 900 тыс. долларов с тем, чтобы определить — есть ли серьезные надежды получить контроль над вывезенными из страны финансовыми ресурсами.

Получив санкцию Президента, позвонил министру безопасности В. Баранникову, попросил обеспечить взаимодействие. Было ясно, что без эффективного сотрудничества с правоохранительными органами работа «Кролла» совершенно неизбежно станет любительством. Фирма активно приступила к работе, по своему характеру напоминающей золотодобычу. Необходимо было просеять колоссальное количество пустой породы, чтобы найти крупницы полезной информации. Были прослежены счета, имеющие русские связи, найдены аномалии в работе внешне-торговых организаций. К маю 1992 года результатом усилий стало множество интересных деталей, но ничего определенного, что дало бы надежду в ближайшее время окупить издержки. Быстро выявилась главная проблема, препятствовавшая успеху начатой работы: несмотря на поддержку Президента и мои просьбы, Министерство безопасности крайне неохотно шло на сотрудничество. А чтобы из намеков и догадок получить доказательства, необходим был серьезный анализ выявленных аномалий. И на его основе — серия уголовных дел, работа со свидетелями. Между тем крепло убеждение, что в руководстве правоохранительных органов кто-то умышленно тормозит эту работу. К маю 1992 года окончательно понял: сил у меня для того, чтобы заставить Министерство безопасности всерьез этим заниматься, не хватит. И тогда работа фирмы «Кролл» — это просто бессмысленное разбазаривание государственных денег. С тяжелым сердцем принял решение не продлевать контракт.

К моменту формирования правительства задолженность Союза в свободно конвертируемой валюте составляла более 83 миллиардов рублей. При том, что платежи страны в конвертируемой валюте только на 1992 год оценивались в 29,4 миллиарда долларов, что было за пределами ее возможностей. Кроме того, так замечательно вели дело, что умудрились задолжать почти 30 миллиардов долларов бывшим партнерам по социалистическому лагерю. Иными словами — Союз оказался банкротом.

Переговоры с основными кредиторами, в сентябре 1991 года начал Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР, образованный вскоре после путча, когда союзное правительство фактически прекратило существование. Председатель — Силаев, его заместители — Явлинский, Вольский, Лужков. Это была весьма странная организация, руководители которой старались показать общественности, что прямого отношения к руководству страной они вроде и не имеют. Вольский в самую напряженную пору укатил за рубеж на какую-то совершенно малозначимую конференцию, Лужков подчеркивал, что его сфера ответственности — Москва. Переговоры велись Силаевым и Явлинским, и надо признать, на редкость беспомощно и неудачно. Для официальных кредиторов, объединенных в Парижском клубе, принципиальным в тот момент было добиться от обретающих независимость республик обязательств за долги Советского Союза, не допустить повторения большевистского прецедента с отказом платить долги царского правительства. С самого начала стало очевидным, что, кроме России, никто платить не хочет, не может и не будет. И потому вся тяжесть ответственности ложилась на плечи России.

Мы подключились к переговорам в ноябре, когда представители Парижского клуба приехали в Москву. К этому моменту советская сторона уже в принципе приняла условия контрагентов, в том числе и обяза-

тельство вывоза 100 тонн золота из остатков золотого запаса страны, в результате чего готовящееся соглашение стало очень смахивать на заключенный большевиками в 1918 году Брест-Литовский договор, иными словами, нечто вроде финансового Бреста 1991 года.

Исходная позиция России на переговорах оказалась предельно неблагоприятной: договор уже был составлен и согласован как с Комитетом по оперативному управлению экономикой, так и с Межреспубликанским экономическим комитетом.

Переговоры шли тяжело, нервно, не без обмена резкостями. Заместитель министра финансов США Дэвид Менфорд угрожал, что если мы немедленно не подпишем уже выработанное соглашение, он остановит поставки американского зерна. Я обещал в этом случае обратиться через голову западных правительств к общественному мнению их стран, с объяснением последствий продовольственной катастрофы на территории бывшего СССР для международной безопасности.

В конце концов пришли к компромиссу. Мы приняли обязательство, взятое на себя нашими предшественниками, о солидарной ответственности бывших советских республик за долги СССР, хотя знали, что кроме России никто ничего не заплатит. Западные партнеры согласились снять требование о вывозе остатков золотого запаса. Кроме того, удалось отстоять от разгрома и немедленного банкротства сеть наших банков за рубежом: «Московского народного банка», «Ост-Вест банка», «Данау», «Эйробанка», которые в соответствии с подготовленным ранее договором были обречены на ликвидацию. Оперативно предоставленная этим банкам Россией посильная помощь позволила нам избежать серьезных потерь, связанных с принудительной распродажей активов, устоять на ногах. Это предотвратило удар по отечественному морскому транспорту, получавшему от банков значительные кредиты под залог судов.

Наиболее неприятным итогом переговоров было сохранение завышенных и заведомо нереальных в условиях 1992 года обязательств по обслуживанию долга. Выполнить их в полном объеме Россия не могла, а это ставило под вопрос зерновой импорт. Между тем, даже незначительные перебои в поставках зерна могли иметь тяжелейшие последствия. Только его бесперебойное поступление из-за рубежа, причем в пределах максимальной пропускной способности наших портов, — 3—3,5 миллиона тонн в месяц, — позволяли России хоть как-то дотянуть до нового урожая.

Вот почему дальнейшие переговоры с кредиторами, целиком теперь лежащие на плечах российского правительства, по-прежнему оставались крайне важной задачей. Но главное — суда с зерном через океан идут. Ежедневно, ранним утром и поздним вечером, поступают сводки о тех, что в пути, о стоящих под погрузкой, и задержка даже одного из них отзывается тревогой. Попытки перехвата нашего судна (бывало и такое), неисправность портового оборудования или недоразумение с оплатой фрахта — все это отныне первоочередные заботы.

Многое зависело от того, в какой мере Запад поверит в серьезность российских реформ, сумеет ли подойти к их перспективам не с позиций бухгалтерских выкладок, а с точки зрения социально-политической стратегии. Ну, а сам ход реформ, как уже сказано, будет в течение ближайших месяцев испытывать на себе сильнейшее воздействие со стороны наших соседей по рублевой зоне. Отсюда — предельная значимость попытки договориться с республиками, если не о сердечном согласии, то хотя бы о соблюдении цивилизованных норм при разводе.

Первое заседание нового органа — Межреспубликанского экономического комитета, которое проводит его председатель И. Силаев, оптимизма в оценке возможностей решить эту проблему не добавляет. Хотя Союз еще формально существует, республики факти-

чески уже абсолютно независимы. Обсуждать вопросы координации бюджетной, денежной политики никто не хочет — это суверенное дело каждой из них. Единственный вопрос, вызывающий по-настоящему практический интерес, — как поделить союзный золотой запас. К информации, что делить почти нечего, отношение скептическое: знаем, не обманете, наверное, припрятали, надо создать комиссию... По большинству остальных вопросов — от цен на энергоносители до раздела Алмазного фонда — образуется широкая коалиция: почти все республики против России. Общее настроение откровеннее других формулирует украинский премьер В. Фокин: союзная собственность на территории его республики, разумеется, принадлежит Украине, а такая же на территории России — всем республикам.

Единственный из республиканских лидеров, на чью поддержку я могу рассчитывать при обсуждении общеэкономических вопросов, — Г. Багратян, тогда первый вице-премьер, впоследствии премьер Армении, убежденный рыночник, мы знакомы еще с восьмидесятых годов, по экономическим семинарам. Но у Армении сейчас столько проблем, что эта поддержка, скорее, только моральная.

Наше положение на переговорах осложняется тем, что огромная, еще плохо поддающаяся управлению, не имеющая своих таможен Россия хуже других приспособлена к бартерной торговле. Более «компактные» республики — проворнее, они уже научились напрямую, через голову российских федеральных властей, договариваться с ее регионами. Что с того, что без среднеазиатского хлопка останавливаются ивановские ткацкие фабрики? Кого волнует, что Москва, Санкт-Петербург и Урал сидят без сахара, если Украина на свой сахар может выменять тюменскую нефть? А Узбекистану нужен лес, и он придет из Красноярска в обмен на овощи и фрукты...

Отношение к провозглашенному Россией курсу на

экономические реформы двойственное. Премьеры понимают, что либерализация цен неизбежна. И вместе с тем, все, за исключением Г. Багратяна, хотят, чтобы всю политическую ответственность за ее проведение в полной мере взяла на себя Россия. Тогда можно будет, вернувшись из Москвы, рассказать недовольным людям, что с такой жесткой, антинародной мерой пришлось смириться, скрепя сердце, под российским диктатом.

Нужно признать, что несмотря на все наши старания, долготерпение и мягкую настойчивость, ни о чем путном договориться на этом совещании не удалось. Разве что показать другим его участникам, что ни о каком разделе собственности на территории России речи быть не может и никакие блоки поколебать ее волю к реформам не в состоянии. Но это слабое утешение. Опасность разрушительного воздействия соседей по рублевой зоне на российскую экономику сохранилась.

Финансовые трудности усугублялись тем, что в 1991—1992 годах, под влиянием международных санкций против Югославии и прекращением в связи с этим экспорта по нефтепроводу «Адрия», а также из-за снижения спроса на нефть в Чехии, Польше, Словакии, Венгрии и неразберихи, которая возникла с вывозом нефти через порты Балтии и Украины, возможности традиционного экспорта российского топлива серьезно снизились.

К тому же, на протяжении последних двух лет, на фоне борьбы и противостояния Союза и России, общей дезорганизации власти, разгула коррупции, которая к тому времени уже получила широчайший размах, количество выданных разными правительственными органами квот и лицензий на вывоз нефти вышло далеко за пределы здравого смысла. Квота стала тогда как бы «философским камнем», позволявшим почти мгновенно превращать обесценивающийся рубль в доллары. Если рыночный курс обмена в конце 1991 года

равнялся 170 рублям за доллар, то, раздобыв официальную квоту, за каждый доллар нужно было заплатить всего один рубль. Таким образом, даже при немалых взятках чиновникам, эффективность квоты уже в момент ее получения составляла более десяти тысяч процентов в день. Причем, обретя эту воистину волшебную бумажку, можно было никакой нефти не покупать и не экспортировать, а тут же перепродать полученное разрешение тем, кто нефтью занимается, — и состояние в кармане.

Мы разом и решительно перекрыли этот денежный кран: выдача индивидуальных квот посредническим структурам прекращалась. Они подлежали распределению между производителями пропорционально уровню добычи. Все ранее выданные квоты и лицензии подлежали проверке и перерегистрации, для чего была создана оперативная комиссия во главе с министром топлива и энергетики Владимиром Лопухиным. Указ об этом был подписан одним из первых.

Именно этот указ еще до начала реформ, до либерализации цен, взметнул первую мощную волну ненависти к правительству. Представители влиятельнейших группировок ринулись в приемные Ельцина, Хасбулатова, к микрофонам зала заседаний Верховного Совета, в редакции газет, на радио и телевидение. Жаловались, угрожали, требовали...

На меня пытались воздействовать и иначе, так сказать, интеллигентным путем. Приходили уважаемые люди, академики, писатели, художники, знаменитые актеры. Излагали суть действительно важных и неотложных проблем: спасение науки, культуры, детское питание, помощь соотечественникам за рубежом... Но к концу разговора, раз за разом, как чертик из коробки, выскакивал из-за их спины выбиватель квот. Посетитель вкрадчиво сообщал: есть фирма (предприятие, общественная организация, фонд и т. д.), которая беретя решить наш вопрос. Денег не надо, деньги есть. И нефти не нужно, тоже у фирмы есть. Нужна лишь

малость — квота на ее вывоз... И дальше, в зависимости от наглости предпринимателя, которому удалось втереться к уважаемому деятелю в доверие, называлась цифра от 100 тыс. до 18 млн. тонн.

Правительство устояло. Но с трудом. За счет непопулярных, но неизбежных мер.

Еще раз напомню: в конце 1991 — начале 1992 годов республики бывшего Союза могли расплачиваться за российские экспортные товары, прежде всего за нефть, просто создавая из воздуха ничем не обеспеченные рубли. Поставить заслон подобной практике и одновременно получить хоть какой-то рычаг воздействия на республики, который бы сдерживал их денежную эмиссию, позволяло, вплоть до введения национальной российской валюты, только одно — регулирование объема направляемых к ним из России топливно-сырьевых товаров. Сделать это нормальным, рыночным путем было невозможно, так как республики, создав пустые рубли, могли заплатить ими любую пошлину, а затем, реэкспортировав нефть, получить за счет России огромную прибыль. Ограничение объема поставляемых им топливно-энергетических ресурсов и форсированное развитие российской таможенной службы давали хоть какую-то возможность уберечь российскую экономику от разрушительных действий соседей по рублевой зоне.

...В замысел встречи в Беловежской Пуще Президент меня не посвящал. Сказал только, что надо лететь с ним в Минск, предстоит обсуждение путей к усилению сотрудничества и координации политики России, Украины и Белоруссии.

К этому времени, после референдума о независимости Украины, от власти и авторитета Союза уже практически ничего не осталось, кроме все более опасного вакуума в управлении силовыми структурами.

Вечером, по прилете, пригласили белорусов и украинцев сесть вместе поработать над документами встречи. Собрались в домике, где поселили меня и Сергея

Шахрая. С нашей стороны были Бурбулис, Козырев, Шахрай и я. От белорусов — первый вице-премьер Мясникович и министр иностранных дел Кравченко. Украинцы подошли к двери, потоптались, чего-то испугались и ушли. Именно тогда Сергей Шахрай предложил юридический механизм выхода из политического тупика — ситуации, при которой Союз как бы легально существует, хотя ничем не управляет и управлять уже не может: формулу Беловежского соглашения, роспуска СССР тремя государствами, которые в 1922 году были его учредителями.

Мне идея показалась разумной, она позволяла разрубить гордиев узел правовой неопределенности, начать отстраивать государственность стран, которые де-факто обрели независимость. Никто из присутствующих не возразил. Начали вместе работать над проектом документа, где излагалась сформулированная идея. Было очень поздно, около 12 ночи, технический персонал решили не беспокоить, я стал сам набрасывать на бумаге текст. В 4 утра закончили работу. Андрей Козырев взял бумаги, понес к машинисткам. Утром паника в технических службах. Выяснилось — Козырев не решился в 4 утра будить машинистку, засунул проект декларации под дверь, по ошибке не под ту. Но когда рано утром хватились — времени для расшифровки уже не оставалось, разобраться в моем, надо сказать, на редкость отвратительном почерке мало кому удается. Пришлось идти самому диктовать текст. Так что если кто-то захочет выяснить, на ком лежит ответственность за Беловежское соглашение, отпираться не буду — оно от начала до конца написано моей рукой.

Несмотря на все комичные недоразумения, общая атмосфера этого дня — чувство глубокой тревоги. Помоему, все участники переговоров прекрасно понимали и неизбежность предлагаемого решения, и огромную ответственность, которую берут на себя те, кому его придется принимать. Больше всех, как мне кажется,

переживал, волновался С. Шушкевич. В его словах звучал лейтмотив: мы маленькая страна, примем любое согласованное решение России и Украины. Но вы-то, большие, все продумали?

Когда я принес напечатанный наконец документ, Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич в ожидании бумаги уже собрались, начали предварительный разговор. Ознакомившись с ней, довольно быстро пришли к согласованному выводу — да, это и есть выход из тупика. Согласившись в принципе, стали обсуждать, что делать дальше. Борис Ельцин связался с Нурсултаном Назарбаевым, Президентом Казахстана, попросил его срочно прилететь. Было важно опереться на поддержку и этого авторитетного лидера. Нурсултан Абишевич обещал, но потом его самолет сел в Москве и он, сославшись на технические причины, сказал, что прилететь не сможет. Напряжение нарастало. Ведь речь шла о ликвидации де-юре распавшейся де-факто ядерной сверхдержавы. Подписав документ, Б. Ельцин в присутствии Л. Кравчука и С. Шушкевича позвонил Е. Шапошникову, сказал о принятом решении, сообщил, что Президенты договорились о его назначении главнокомандующим объединенных вооруженных сил Содружества. Е. Шапошников назначение принял. Потом последовал звонок Джорджу Бушу, тот выслушал, принял информацию к сведению. Наконец звонок М. Горбачеву и тяжелый разговор с ним.

Возвращаясь самолетом в Москву в этот декабрьский вечер 1991 года, я все время думал: а мог ли Горбачев в ответ на подписанное соглашение попытаться применить силу и таким образом сохранить Советский Союз? Разумеется, окончательный ответ так и останется неизвестным. И все-таки, мне кажется, в то время такая попытка была бы абсолютно безнадежной. Авторитет Горбачева, как, впрочем, и авторитет всех союзных органов управления, стал абсолютно призрачным, а армию, которую столь часто подставляли, вряд ли можно было сдвинуть с места. Развилку, на которой,

подписав союзный договор, в той или иной форме удалось бы сохранить Советский Союз, прошли в августе 1991 года. Теперь, в декабре, свершившийся факт был лишь юридически оформлен.

Пока главы государств обсуждали, как быть с Союзом, мы с белорусскими и украинскими коллегами занялись прозаическим делом: попыткой согласовать действия трех государств в области экономики. Разговор был трудный. В конце концов выработали компромисс:

— Россия переносит начало либерализации цен с середины декабря 1991 года на начало января 1992-го с тем, чтобы другие республики смогли лучше подготовиться к этому;

— Россия обязуется в течение 1992 года лишь постепенно повышать цены на энергоносители до уровня мировых, давая возможность государствам Содружества адаптироваться к новым условиям;

— Белоруссия и Украина берут на себя обязательство до тех пор, пока они используют союзный рубль, проводить согласованную с Россией денежную и бюджетную политику, ограничив дефицит бюджета шестью процентами валового внутреннего продукта;

— Белоруссия и Украина, учитывая согласие России отсрочить либерализацию цен, помогут в декабре в снабжении Москвы и Санкт-Петербурга продуктами.

С самого начала реализация этого соглашения нашими оппонентами вызывала у меня большие сомнения. Но нам все равно не было смысла поднимать цены на энергоносители в межреспубликанской торговле и получать взамен наштампованные ими рубли.

Мои опасения подтвердились буквально через несколько дней. В украинском парламенте скандал: с какой стати мы будем давать России мясо, когда самим не хватает? Законы бартерной экономики работали не на интеграцию, а на изоляционизм.

СУРОВАЯ ЗИМА ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО

Декабрьская Москва • Либерализация цен • Истерика прессы • Указ о свободе торговли • Дикий рынок у «Детского мира» • Перемены на селе • Александр Руцкой • Новые денежные купюры • Помощь Запада • Руслан Хасбулатов • Судьба правительства предрешена

После Беловежской Пуши либерализацию цен было решено начать 2 января 1992 года. Эта уступка Украине и Белоруссии не оказала бы столь негативного воздействия, если бы предыдущий срок не объявлялся заранее. Отсрочка, повышая инфляционные ожидания, еще больше тормозила товарооборот. Кто же из производителей или торговцев станет реализовывать продукцию, если известно, что цены вот-вот рванут вверх?

В правительстве шла работа по уточнению списка товаров, цены на которые временно останутся под государственным контролем. Сломать твердо укоренившееся в управленческих структурах и в общественном сознании представление о переходе к рынку прежде всего как о длинном списке товаров с регулируемыми ценами оказалось непросто. Безусловно, в этот список следовало включить товары и услуги наших естественных монополистов: электроэнергия, связь, железнодорожный транспорт, природный газ... Но бессмысленно было делать его обширным. Это неизбежно воспроизвело бы дефицит, и тогда дотации снова легли бы тяжелейшим бременем на бюджет, подстегивая инфляцию и создавая такие ценовые диспропорции, при которых ожидать появления дотируемых товаров в свободной продаже было нереально.

В ходе мучительных межведомственных совещаний и согласований мне все время приходилось список урезать, а он, как феникс из пепла, возрождался и

даже удлинял свой пышный хвост. Особенно острая борьба велась вокруг двух крупных групп товаров — черных и цветных металлов и мясо-молочных продуктов. Сохранение контроля над ними вывело бы из сферы свободного ценообразования большую часть оборота как потребительских товаров, так и производственных ресурсов.

Эту атаку удалось отбить. Но в целом список, окончательно утвержденный на совещании у Президента, все-таки оказался явно избыточным. Наиболее серьезные негативные последствия повлекло за собой сохранение государственного регулирования цен не на потребительские товары (к весне оно стало быстро и сравнительно безболезненно свертываться), а в топливно-энергетическом секторе, в первую очередь — на нефть и нефтепродукты. Если я все же согласился отложить на несколько месяцев решение этого вопроса, то главным образом потому, что надвигалась зима и существовала опасность: пока энергетики и потребители будут спорить о ценах, можно заморозить несколько крупных городов.

Декабрьская Москва 1991 года — одно из самых тяжелых моих воспоминаний. Мрачные, даже без привычных склок и скандалов, очереди. Девственно пустые магазины. Женщины, мечущиеся в поисках хоть каких-нибудь продуктов. На безлюдном Тишинском рынке долларовые цены. Среднемесячная зарплата — 7 долларов в месяц. Всеобщее ожидание катастрофы.

Когда, даже сегодня еще, меня продолжают обвинять в безнравственной и безжалостной политике, больно ударившей по карману трудящихся, в жестких мерах, приведших к обесцениванию и без того «пустых» вкладов в сберкассах, на память мне всякий раз приходит эта страшная картина зимней Москвы. И я убежден, что делом самой высокой нравственности в тот момент было спасение людей от голода и холода.

Поздно вечером 1 января, проверив готовность инструкторов, прейскурантов, организационных структур,

поехал вместе с женой, впервые за несколько месяцев, в гости, на день рождения моего друга, публициста В. Ярошенко. Как обычно, в его крохотной квартирке собралась славная, интеллигентная компания. Спорили о литературе, говорили о кризисе толстых журналов. О политике и экономике старались не вспоминать.

Со 2 января 1992 года цены на подавляющее большинство товаров (за исключением хлеба, молока, спиртного, а также коммунальных услуг, транспорта и энергоносителей) были освобождены, а регулируемые — повышены. Введен 28-процентный налог на добавленную стоимость.

В своих выступлениях накануне либерализации я говорил о предстоящем первоначальном повышении цен на 200—300 процентов. В действительности же в январе 1992 года их рост по сравнению с предыдущим месяцем составил 352 процента. В дальнейшем динамика инфляции определялась уже не накопленным денежным навесом, а денежными потоками, возможностью их регулировать.

Бюджет на первый квартал 1992 года был представлен в Верховный Совет без дефицита. Центральный банк начал постепенный поворот к более сдержанной денежной политике, повысил процентные ставки, ужесточил резервные требования, ввел ограничения на рост объемов кредитования.

Жесткость экономической ситуации, в которой оказалась Россия, требовала порой от правительства принятия весьма необычных мер. Так, учитывая тяжесть давившего на рынок денежного навеса и скудость товарных запасов, мы временно отменили ограничения на импорт, установив нулевой импортный тариф, что позволяло хоть как-то наполнить магазины. Именно свободный импорт в начале 1992 года сыграл роль катализатора в развитии частной рыночной торговли.

Количественные ограничения по экспорту готовой продукции были также сняты, сохранены лишь квоты на вывоз топливно-энергетических и сырьевых ресур-

сов. За их распределением устанавливался жесткий контроль.

Первая реакция прессы на либерализацию цен была истеричной: «Два дня, как цены освобождены, а товары так и не появились...», «Теперь, пять дней спустя, после поспешного и необдуманного шага, уже окончательно ясно, что либерализация не устранит дефицита...»

Умом, конечно, понимаем, что первые видимые результаты могут появиться лишь недели через две-три и все-таки с тревогой и нетерпением ждем признаков улучшения на рынке. Достаточно ли действенными окажутся стабилизационные меры? Позволят ли они преодолеть укоренившиеся десятилетиями в торговле традиции распределения дефицита?

В целом либерализация цен на потребительские товары прошла без ожидавшихся эксцессов и беспорядков. Январский скачок цен, как мы и предвидели, привел к падению объемов товарооборота и постепенному насыщению рынка. Финансовая политика в январе-апреле оставалась достаточно жесткой.

Одновременно указ Президента об утверждении основных положений программы приватизации на 1992 год позволил сдвинуть с мертвой точки и процесс упорядоченной трансформации государственной собственности.

Чтобы воспрепятствовать контрастному наступлению государственной торговли и создать предпосылки для реальной приватизации в этой важнейшей сфере хозяйственной деятельности, каждый магазин, база должны были обрести статус юридического лица, иметь свой счет в банке. Правовые документы, позволяющие развернуть широкую аукционную приватизацию магазинов, могли быть готовы лишь к марту, а государственная торговля уже повела смертельную войну за сохранение дефицита. Именно дефицит при социализме делал положение продавца, товароведа, заведующего секцией величайшим благом, предметом вождельных

мечтаний почти каждой советской семьи. Переход к нормальной денежной экономике с доминирующим положением покупателя означал для государственной торговли крах не только устоявшихся стереотипов, но и социального престижа, положения в обществе. Обсудив ситуацию, по предложению П.С. Филиппова, принимаем решение подготовить указ о свободе торговли — нормативный акт, максимально либерализующий эту сферу деятельности. Президент подписал его в конце января, и он тут же был обнародован в виде указа.

На следующий день, проезжая через Лубянскую площадь, увидел что-то вроде длинной очереди, вытянувшейся вдоль магазина «Детский мир». Все предыдущие дни здесь было довольно безлюдно. «Очередь», — привычно решил я. — «Видимо, какой-то товар выкинули». Каково же было мое изумление, когда узнал, что это вовсе не покупатели! Зажав в руках несколько пачек сигарет или пару банок консервов, шерстяные носки и варежки, бутылку водки или детскую кофточку, прикрепив булавочкой к своей одежде вырезанный из газеты «Указ о свободе торговли», люди предлагали всяческий мелкий товар...

Не эстетично? Не благородно? Не цивилизованно? Пусть так. Но насколько мне известно, младенцы не появляются на свет такими уж раскрасавцами. Пожалуй, только родители видят, какой прекрасный человек может вырасти со временем из этого крошечного орущего существа. Если у меня и были сомнения — выжил ли после семидесяти лет коммунизма дух предпринимательства в российском народе — то с этого дня они исчезли.

Пришлось, конечно, выдержать тяжелейшую борьбу за сохранение режима свободной торговли. Особенно в первые месяцы, пока еще не сложились частные торговые структуры, не появились хорошие приватизированные магазины и не сформировалась сеть торговых палаток. Особенно недовольны указом были некоторые

сотрудники милиции и районных администраций, потерявшие возможность заниматься привычным лихоимством. Подчас они намеренно старались придать местам концентрации частной торговли возможно более неприглядный вид. Однако, как бы там ни было, но стало ясно, что основная задача — ликвидация дефицита и изменение отношения людей к частной торговле — начала успешно осуществляться.

Как следовало ожидать, наиболее серьезные проблемы обозначились с теми продуктами, цены на которые оставались под централизованным контролем, — хлебом, водкой, молоком, подсолнечным маслом, сахаром. Выработать единый порядок их дотирования, который бы устраивал все регионы, не только трудно, но, пожалуй, невозможно. В начале января подписываю распоряжение о передаче решений по контролю большей части этих цен на места. В зависимости от конкретных условий предоставляем право местным властям отказываться от дотирования, давая импульс рыночному ценообразованию, что позволит быстрее расстаться с дефицитом, ликвидировать очереди. Руководство регионов откликается на это по-разному. Челябинск, Нижний Новгород быстро используют предоставленные им права, и положение со снабжением населения начинает там улучшаться. Но были и регионы, упорно проводившие политику «регулируемого вхождения в рынок» с ее талонами, очередями, обильным дотированием и соответствующей всему этому дальнейшей деградацией недофинансированной социальной сферы.

Тяжело продвигается дело с перестройкой сельского хозяйства. Основные направления аграрной реформы определены указом Президента: перерегистрация колхозов и совхозов, позволяющая упорядочить в них отношения собственности, предоставление крестьянам права выхода из них с земельным и имущественным паем, создание федерального фонда перераспределения земли для тех, кто готов вести крестьянское хозяйство,

финансовая помощь в развитии частнохозяйственного уклада.

Фундаментальные трудности в реформировании российского села имеют историко-социальный характер. На протяжении десятилетий колхозного крепостного права почти вся деревенская молодежь мечтала рано или поздно перебраться в город. Официально установленная гражданская «второсортность» — беспаспортность крестьян, пожизненно прикреплявшая их к колхозам, заметно более низкий, чем в городе, уровень жизни, ограниченная возможность выбрать дело по душе, скудость культурно-бытового обеспечения — все это, год за годом, было причиной ухода в город молодых сельчан, особенно тех, кто энергичен, спортивен, уверен в себе.

Отсюда неизбежное — слабость социального слоя, который мог бы подхватить и поддержать преобразования, воспользоваться новыми правами и свободами. Ну, и конечно, сельская элита, коммунистическое дворянство — председатели колхозов, директора совхозов — отнюдь не горели желанием расстаться со своим привилегированным положением и на всю катушку использовали полнейшую зависимость своих односельчан.

И все же, несмотря на сопротивление, перемены начались. Косвенным признаком их стал быстрый рост поголовья скота на личных подворьях при сокращении его в колхозах и совхозах. А вот прямое свидетельство — к маю 1992 года в России насчитывалось более 100 тысяч индивидуальных крестьянских хозяйств, и их число продолжало быстро увеличиваться. Можно было надеяться, что спокойной, упорной, последовательной политикой правительство сломает сопротивление аграрной номенклатуры, сумеет добиться становления рыночно-ориентированного, базирующегося на четко закрепленных отношениях собственности частного сектора в сельском хозяйстве.

К сожалению, эти надежды во многом перечеркнуло

неожиданное назначение А. Руцкого ответственным за проведение аграрной реформы. С Александром Владимировичем Руцким познакомились мы 6 ноября 1991 года. Александр Николаевич Шохин, только что назначенный заместителем председателя правительства Российской Федерации, и я решили протокольно зайти к вице-президенту, представиться и договориться о взаимодействии. Александр Владимирович был явно доволен проявленным уважением, пригласил посмотреть модели техники по переработке сельхозпродукции, разработке которых покровительствовал. По ходу разговора ему принесли завизировать какой-то указ. Руцкой посмотрел, удовлетворенно хмыкнул, поставил размашистую подпись. Насколько догадываюсь задним числом, это был указ «О введении чрезвычайного положения в Чечне».

Руцкой, лишь недавно получивший звание генерала за августовские события, мечтал показать себя видным военачальником, лично по карте намечал направления движения войск. Потом, когда ситуация стала разваливаться на глазах, орал на всех встречных и поперечных, а после провала операции искал виновных, круче всех бранил Баранникова.

В конце октября, когда на заседании Государственного Совета Борис Николаевич Ельцин поставил ребром вопрос о необходимости либерализации цен, он спросил присутствующих о согласии. Все дружно кивнули, в том числе и Руцкой. Однако уже в ноябре он начинает сложно маневрировать, желая снять с себя ответственность за предстоящие непопулярные решения. На заседаниях правительства, которые проводит Ельцин, — он сидит от него по левую руку, — регулярно приводит нам в пример Украину, где президент Кравчук говорит о необходимости введения чрезвычайного экономического положения. Идея о чрезвычайном положении ему явно импонирует — очень хочется сделать нечто такое же и в России.

В конце декабря Руцкой отправляется в турне по

Сибири. Экономическая ситуация тяжелая, жалобы со всех сторон. Он стремится как можно решительнее отмежеваться от нового правительства и его планов. В этот момент впервые говорит о мальчиках в розовых штанишках, которые взялись управлять Россией. По прилете извиняется, кается, рассказывает, что его совершенно неправильно поняли, что он имел в виду не нас, а парламентскую фракцию «Смена — новая политика».

Потом это становится привычным. Регулярно выступая с гневными обличениями в адрес правительства, чуть сдержаннее в адрес Президента, он прилетает на аэродром с ворохом выписок из местной прессы, потрясает ими и рассказывает, как центральная пресса его оболгала, он совсем не то хотел сказать. Впрочем, конфликт между вице-Президентом и правительством довольно быстро из холодного перерастает в горячий. Проблема в том, что вокруг Руцкого, человека, на мой взгляд, крайне ограниченного, постоянно пасется масса энергичных проходимцев, использующих его для того, чтобы лоббировать интересы различных коммерческих структур. Они вешают ему на уши лапшу насчет «пользы для России» и выбивают разнообразные льготы, привилегии, квоты. Любой отказ правительства поощрять подобную самодеятельность его прихлебатели интерпретируют как заговор, направленный на подрыв влияния вице-Президента.

Правда, в феврале 1992 года Руцкой пытается восстановить отношения. Приглашает Бурбулиса и меня подъехать к нему в Кремль, чтобы вместе потолковать. Начинает с того, что надо мириться, попросту называть друг друга на «ты» и быть откровенными. Пользуясь приглашением, говорю на доступном ему языке примерно следующее: Саша, ты ничего не понимаешь в экономике, ну зачем ты в нее лезешь? Но в целом разговор получается скорее мирным. Война никому не нужна.

Именно в это время Геннадия Эдуардовича посеща-

ет, на мой взгляд, на редкость неудачная и опасная идея: поручить Руцкому заняться аграрной реформой. Идея понятная — на сельскохозяйственной политике многие сломали себе шею, всем еще памятен пример брошенного на сельское хозяйство Егора Кузьмича Лигачева. Я с таким назначением категорически не согласен. Во-первых, мы с огромным трудом действительно начинаем разворачивать аграрную реформу. Приняты важнейшие указы Президента. Начинается реорганизация колхозов и совхозов, создаются фонды перераспределения земли, мы поддерживаем формирование фермерского сектора. И вот сейчас всю эту сложнейшую, политически конфликтную работу поручить человеку, который ни уха ни рыла в ней не смыслит и у которого решительность сочетается с дремучим невежеством, — ясно, что наломает дров. Все это слишком большая цена за нейтрализацию его политических амбиций. К тому же не вызывает сомнения — первое, что он сделает, это начнет рассказывать, как все мешают ему работать, и постарается свалить с себя ответственность.

Тем не менее решение Президентом принято, и тяжелые последствия его не замедлили вскоре сказаться. Противоречивый поток указаний, идущих от вице-Президента и из Министерства сельского хозяйства, создал вакуум, позволяющий местной аграрной номенклатуре, ссылаясь именно на эти противоречия между различными центрами власти, практически полностью блокировать земельную реформу, реформу сельскохозяйственных предприятий. Быстро убеждаюсь в том, что вице-Президент, руководящий сельским хозяйством, просто опасен для страны, его решительное и некомпетентное вмешательство может нам очень дорого обойтись. В критические периоды сельскохозяйственного года, особенно в период уборки, специально прошу Андрея Владимировича Козырева срочно подыскать Александру Владимировичу какие-нибудь важные поручения за границами нашей родины, по воз-

возможности, подальше. К счастью, здесь Андрей не подвел, помог. Уборку удалось завершить более или менее организованно.

То, что вице-Президент — человек весьма ограниченный и малообразованный, новостью для меня, разумеется, не было. Но в процессе работы, особенно сталкиваясь с экстремальными ситуациями, требующими принятия быстрого решения, такими как события в Северной Осетии и Ингушетии, Южной Осетии, в Таджикистане, вдруг с недоумением убеждаюсь, что героический летчик, мягко говоря, еще и не слишком храбр. До того момента, когда нужно принимать решение, бездна слов, энергии. Когда же доходит до дела и надо действовать, причем, не дай Бог, Президента нет, а на «хозяйстве» остались мы двое, он — вице-Президент, и я, как исполняющий обязанности премьера, вот тут-то и проявляется его страстное желание переложить принятие решения на кого-нибудь другого.

Поначалу это настолько противоречило его устоявшейся репутации, что я даже не поверил, подумал, что, наверное, ошибаюсь. Потом, когда подобного рода ситуация повторялась неоднократно, убедился — да, за бравой внешностью усатого рубахи-парня скрывается мечущаяся, неуверенная в себе натура. Потом, в октябре 1993 года, отнюдь не геройское поведение Руцкого меня несколько не удивило.

А весной 1992 года обрушившийся на регионы поток телеграмм и указаний вице-Президента был повсеместно и однозначно воспринят как сигнал к переходу от прикрытого саботажа аграрной реформы к активному ей противодействию. Воцарившийся хаос в управлении сельским хозяйством, полная невозможность определить, где кончаются прерогативы правительства и Министерства сельского хозяйства и где начинается сфера вице-Президента и организованного им Центра аграрных реформ, создали максимально благоприятную обстановку для тех, кто хотел сохранить в

неприкосновенности основы советского помещичьего строя.

Пришлось столкнуться с противостоянием реформам и в финансовой сфере. Я уже говорил, что при подготовке реформы мы понимали: резкое изменение масштаба цен и доходов потребует существенной налично-денежной эмиссии, перестройки покупательной структуры денежной массы. Говорил и о том, что распоряжение о срочном печатании купюр более высоких номиналов, данное мной начальнику Гознака Леониду Васильевичу Алексееву, было воспринято им с полным пониманием, хотя формально это ведомство еще подчинялось союзному Минфину.

Оказалось, однако, что почти сразу же после этого Л.В. Алексеева вызвал Хасбулатов и устроил ему жесточайший разнос: «всяких Гайдаров слушаете и инфляцию в стране разводите». В запутанном законодательстве этого времени разобраться, чей приказ главнее, было непросто. Получив нагоняй, начальник Гознака просто затаился. Работа по подготовке новых купюр была остановлена.

Между тем цены росли, зарплаты заметно отставали от цен, но тоже росли. С каждым днем объем находящегося в обращении денежного номинала все больше отставал от потребностей, и злая беседа профессора экономики Хасбулатова с Алексеевым оборачивалась серьезной бедой. Задержка с выдачей заработной платы, пенсий, пособий из-за нехватки наличности становилась массовой. И миллионам людей было вовсе не до того, кто там наверху прав, кто виноват.

Чтобы наверстать бездарно упущенные в начале реформ два месяца, быстрее напечатать новые купюры, правительство вне всякой очереди удовлетворило в полном объеме все валютные потребности Гознака (для закупки запчастей, технологического оборудования), ужесточило контроль за налично-денежным обращением.

А кризис усиливается, особенно с приближением

сезона летних отпусков. В Перми рабочие грозят, если им не выплатят задолженность по зарплате, заблокировать фабрику Гознака, в Москву мчатся ходоки из регионов, заявляют, что просто не могут возвращаться без наличных денег.

В критический момент всерьез обсуждаем вопрос о возможности отчеканить и пустить в обращение для самых взрывоопасных точек золотую монету. С конца июня 1992 года кризис с наличностью сходит на нет. Однако его политический ущерб восполнить трудно.

В безналичном обороте тоже, как говорится, не сахар. О том, что постсоциалистические экономики на либерализацию цен и переход к сдержанной финансовой политике повсеместно откликаются кризисом неплатежей, ростом задолженности предприятий в валовом внутреннем продукте, я как раз писал в незаконченной книге, работу над которой прервало известие об августовском путче. Если разумная политика в денежной сфере выдерживается в течение нужного времени, то положение стабилизируется на уровне, характерном для устойчивых рыночных экономик. Магистральное направление политики для реального ограничения неплатежей — ужесточение финансовой ответственности предприятий, введение действенного законодательства о банкротстве. Любая же попытка бороться с неплатежами, увеличивая объем кредитования, лишь воспроизведет и даже увеличит масштабы задолженности, но уже на новом, более высоком витке инфляции.

Факт сей столь же непреложен, как ежевечерний заход солнца. Но для многих директоров предприятий, их представителей в Верховном Совете, да и для ряда практикующих экономистов, которые их обслуживают, сделать из него правильный вывод так же тяжело, как тяжело было нашим дальним предкам признать вращение Земли.

В России факторы, порождающие платежный кризис, усугублялись слабостью микроэкономической базы

стабилизационной политики: приватизация еще не началась, финансовая ответственность государственных предприятий низкая, законодательство о банкротстве отсутствует. К тому же изменения в системе расчетов, связанные с подготовкой к введению безналичного российского рубля, замедлили сроки прохождения платежных документов, а представление о том, что отгруженная продукция раньше или позже, но неизбежно будет оплачена, пока еще твердо господствует в директорском корпусе.

Если налично-денежный кризис — самая очевидная и самая горячая проблема начала 1992 года, то денежные отношения с государствами Содружества — скрытая, но не менее взрывная. Подавляющее большинство государств Содружества, приняв как неизбежность начало либерализационных мероприятий, выбрали стратегию мягкого, постепенного вхождения в рынок, сохранив контроль цен над широкой номенклатурой потребительских товаров и производственных ресурсов, адресное директивное планирование, масштабные госзаказы, фондовое распределение. В результате получили сочетание быстро растущих цен и сохранения дефицита на всех рынках. Причем, если в начале 1992 года под влиянием административных ограничений темпы роста цен отставали там от российских, то затем быстро пошли вверх, оставляя далеко позади даже весьма высокие российские темпы инфляции. Другим путем, правда, пошли государства Балтии. Они взяли курс на последовательные рыночные реформы и решительную стабилизацию национальной валюты. Но в первом полугодии 1992 года вся эта широкая совокупность стран с резко различающимися курсами еще использует общий союзный рубль, причем по-прежнему все соседи по рублевой зоне имеют практически неограниченные эмиссионные возможности. За пять месяцев 1992 года их общая эмиссия на российском рынке составила 232 миллиарда рублей, в то время как кредиты российского Центрального банка своему правительству

равнялись 90 миллиардам рублей. Предвиденная нами опасность — денежная экспансия других государств СНГ за счет России, — подтверждалась в полной мере.

Стратегия многих государств Содружества — максимальное переключение поставок экспортных товаров на дальнее зарубежье за конвертируемую валюту при всемерном ограничении экспорта в Россию. Это наносит дополнительный удар по российской промышленности, потреблявшей узбекский, таджикский, туркменский хлопок, казахские цветные металлы, продукцию украинских металлургов.

Таможни еще условны, рынок прозрачен и пронизуем. На нем складывается предельно неприятная неустойчивая ситуация. В России, как и в Балтии, ограничительная денежная политика, торможение роста цен, особенно оптовых, начинают давать плоды. Потребители думают о деньгах, отказываются брать продукцию по предельно завышенным, не соответствующим платежеспособному спросу ценам. Зато в республиках, где денежная политика мягкая, податливая, продукцию берут не торгуясь и не скупясь, — денег не жалко, еще напечатаем. Здесь в полную силу действуют стереотипы дефицитной, бартерной экономики. А в результате действенность ограничительной денежной политики в России оказывается подорванной. В такой ситуации ее ужесточение социально конфликтно и бесплодно. Постепенно становится ясно, что пока правительство торгуется за каждую копейку, урезает все виды расходов и создает себе врагов, республики совершенно спокойно и без счета печатают деньги.

Характерный пример — ситуация с финансированием Черноморского флота. Весной 1992 года разворачивается ожесточенная дискуссия между российскими и украинскими властями о его принадлежности. Главный аргумент Украины: пока Москва жмотничает, мы даем деньги на флот и на Крым, не считая. Да и действительно, что их считать, если сколько надо — столько и печатали.

В начале февраля, когда уже стало очевидно, что рынок начинает складываться, на одном из регулярных вечерних совещаний с ближайшими коллегами предложил, воспользовавшись первым импульсом перемен и растерянностью противников, быстро и неожиданно либерализовать цены на нефть и нефтепродукты. В ходе обсуждения возобладало противоположное мнение: лучше все-таки, как и намечалось, дождаться конца отопительного сезона, не суетиться. А в результате — неприятные последствия этого осторожного решения. С конца февраля — начала марта именно борьба против либерализации цен на топливо становится стержнем, вокруг которого постепенно начинается консолидация оппозиции курсу реформ. Просматривая прессу этого периода, причем отнюдь не только коммунистическую, видишь, что истерика по поводу размораживания цен на нефть получила почти всеобщее распространение.

В декабре минувшего года предприятия еще относились к предстоящему размораживанию цен довольно спокойно, а некоторые с надеждой, что впереди их ожидает более легкая жизнь. Многие были уверены, что, повышая раз за разом цены на свою продукцию, они сумеют, ничего не меняя, удержаться на плаву. К концу февраля директора начинают понимать, что к этому же прибегнут и их поставщики, смежники и все в конце концов неизбежно упрется в границу платежеспособного спроса.

Отсюда растущее сопротивление мерам, направленным на либерализацию цен в таком важном секторе, как топливо. Конечно, нефтяники, оказавшиеся в положении крайних, с фиксированными ценами на свою продукцию при свободных — на потребляемые запасные части, комплектующие, оборудование, такой шаг поддерживают. Но против них — почти все остальные. Народ пытаются убедить: если цены на нефть вырастут в 5—6 раз, то все остальные цены тоже вырастут в 5—6 раз. С точки зрения экономики — это глупость, и

через несколько месяцев, уже в июне 1992 года, все убедятся в этом. Но людям, едва оправившимся от январского шока, такое утверждение кажется неоспоримым. На страхе перед новым кризисом выстраивается пропагандистская схема «мирового заговора» с целью удушения российской промышленности путем размо-
раживания цен на нефть и нефтепродукты.

Нарастает мощное давление на Президента. Лавина ходоков ежедневно сообщает ему, какую страшную авантюру, если не предательство, затеяли эти монетаристы. Верховный Совет принимает решение, что правительство не должно производить никаких изменений в ценах на энергоносители без его согласия. Нормальное продвижение реформ в этой важнейшей области оказывается политически взрывоопасным. Начавшиеся как раз в это время переговоры между российским правительством и Международным валютным фондом о предоставлении России значительного кредита позволяют представить главным организатором и вдохновителем заговора МВФ. Нашему правительству отводится роль его «послушного инструмента».

Первоначальное отношение к российским экономическим реформам в западной политико-финансовой элите было весьма настороженным и прохладным. Только что рухнул Советский Союз, исторический противник, но вместе с тем — и гарант стабильности, предсказуемости. Ушел М. Горбачев, которого так любили на Западе. Непонятно, чего ждать от этих новых, непредсказуемых бывших республик. Не начнут ли они воевать друг с другом? Да еще, не приведи Господь, обменяются ядерными ударами, о чем осенью 1991 года уже писали в российских и украинских газетах... Вот все это и волновало тогда западных лидеров. Ну а что касается начатых в России реформ, считали они, то разговоров за последние годы было немало, официальных программ — больше десятка, откуда знать, что и на этот раз дело не кончится болтовней? В общем, надо подождать.

Первыми, быстрее других, поняли, что на этот раз Россия приступает к реформам всерьез, английский посол в СССР Р. Брейтвейт и американский — Р. Страус. Хотя трудно представить двух видных людей, столь несхожих друг с другом. Р. Брейтвейт — дипломат карьеры, интеллеktуал, прекрасный знаток России. Р. Страус — зубастый американский адвокат, известный тем, что никогда не проигрывал в судах, прожженный политик, бывший председатель Демократической партии США, к моменту своего назначения в Москву не знавший о России почти ничего. Однако было между ними и общее: и тот и другой по ряду причин пользовались большим авторитетом у лидеров своих государств. Они оба с разных позиций уже в декабре 1991 года пришли к выводу, что российские реформы нужно решительно поддержать, и сделали многое, чтобы убедить в этом руководство Великобритании и США. Короткий визит Ельцина в конце января в Лондон и Вашингтон, во время которого он провел переговоры с премьер-министром Мейджором и президентом Бушем, а я — с министром финансов Англии Ле Монтом и США — Брейди, пришелся на хорошо подготовленную почву. Разговоры были долгими. Ощущая у собеседников неподдельный интерес к российским делам, я подробно рассказывал, что делаем, что собираемся делать, какие намечены этапы, какие на каждом из них ожидаются трудности. Практика уже подтвердила, что это не только слова: подавляющее большинство цен разморожено, импорт либерализован, бюджетные расходы сокращены, в магазинах впервые за долгое время начали появляться товары. Самое время использовать все возможности для помощи молодой российской демократии, упрочение которой откроет перед человечеством прекрасные перспективы мира, стабильности.

С этого январского визита в Лондон и Вашингтон вопрос о помощи России со стороны Запада всерьез встал в политическую повестку дня. Особенно важным

было, что столь волновавшая меня загрузка в американских портах зерна для России стала практически бесперебойной. В самом начале апреля по поручению президента Буша переговорить со мной прилетел в Москву заместитель министра финансов Д. Малфорд. Он сообщил, что президент США принял политическое решение поддержать экономические реформы в России, и в ближайшие дни Большая Семерка объявит о крупномасштабной финансовой помощи общим объемом в 24 млрд. долларов. Попросил изложить мое мнение об оптимальном комплектовании такого пакета. Конечно, я был очень рад. Если такую помощь Семерка действительно окажет, то существенно окрепнут финансовые и внешнеэкономические позиции России. Будет гарантированно снята проблема снабжения зерном до нового урожая. Можно всерьез поставить и решить вопрос о пересмотре невыгодных условий соглашений с кредиторами — Парижским и Лондонским клубами. Возникнет возможность получить дополнительные льготные и на долгий срок займы от МВФ и Мирового банка. Однако я понимал, что сама по себе зарубежная помощь, при всей ее важности, внутренних проблем России не решит, а когда порожденные этой крупной финансовой поддержкой безбрежные ожидания столкнутся с нашей суровой реальностью, у нас возникнут новые политические трудности.

Зима 1991—92 года для российского правительства, — время максимального напряжения и риска, — вместе с тем, стала периодом наибольшей политической свободы маневра, отпущенной нам временем. Традиционные группы давления еще дезорганизованы. После августа 1991 года лидеры аграрного и военно-промышленного лобби, замешанные в ГКЧП, выключены из игры. И даже те, кто яростно критикуют реформы и надеются вскоре на волне народного недовольства прийти к власти, заинтересованы, чтобы самое неприятное было сделано чужими руками.

Правда, некоторые деятели, из тех, что прорвались

к власти на волне демократического подъема, считают, что им уже пора отмежеваться от реформаторов, сбросить их, как ненужный балласт. В газете «Правда» Руцкой: «Кризисное положение в России, проявившееся с особой ясностью в первую же неделю после либерализации цен, долго терпеться народом не будет...»

И — Хасбулатов. В свое время он поддержал наш проект либерализации цен, но уже в январе 1992 года на встрече с итальянскими сенаторами говорит, что в России «складывается такая ситуация, когда уже можно предложить Президенту сменить практически недееспособное правительство».

Статьи профессора Московского института народного хозяйства Р. Хасбулатова привлекли мое внимание еще в 1988—1989 годах. Напечатанные в «Комсомольской правде», они отражали упрощенное, розовое, в стиле раннего рыночного социализма, видение предстоящих преобразований. Несколько раз я получал его статьи, направленные в журнал «Коммунист», и каждый раз отклонял их из-за банальности. Лично познакомился с ним в 1990 году. Только что избранного народного депутата от Чечни ко мне в экономический отдел привел мой сотрудник, спецкор «Правды» Александр Скрынник.

Снова встретились уже осенью 1991 года после моего назначения в состав правительства. Видел, что вызываю у него антипатию, поначалу не мог понять, почему. Позже от Ельцина узнал — Хасбулатов сам усиленно добивался назначения на должность премьера. И вот теперь он, очевидно, решил, что самая грязная работа позади и можно не без приятности поручивать.

У Хасбулатова, как политического деятеля, было два безусловно сильных качества. Это — прекрасное понимание аппаратной интриги и умение манипулировать людьми. Я с чувством, близким к восхищению, следил за тем, как, жестко распределяя блага, чередуя кнут и пряник, играя на слабостях депутатов, на их мелких

интересах, он день за днем укреплял свой контроль над Верховным Советом. У всех на памяти, как искусно он пользовался силой аппарата для принятия нужных ему решений. Он как будто кожей чувствовал зал, понимал, когда он возбужден и когда, используя это возбуждение, можно провести стремительное голосование, а когда, наоборот, надо дать выговориться, замотать вопрос, утопить его в словопрениях. Пожалуй, мое крайне скептическое отношение к Хасбулатову-экономисту довольно долго заслоняло тот факт, что передо мной недюжинный политический талант, возможно, один из наиболее крупных среди тех, что были порождены бурной эпохой перестройки. Мне кажется, что сам Хасбулатов внутренне ощущал суть сталинской технологии власти, может быть, осознанно или неосознанно, пытался смоделировать и использовать ее. Он проиграл, но надо признать — был недалек от заветной цели.

Итак, зима 1991—92 годов была нашей союзницей, мы много успели сделать. Бросая сегодня ретроспективный взгляд на тот период, вижу: сделанное нами тогда заложило фундамент формирования рыночной экономики в России. Однако к весне общеполитический фон резко ухудшился. Заданная волею обстоятельств социально-конфликтная политика ощутимо задела интересы практически всех социальных групп. Армия и военно-промышленный комплекс были болезненно ущемлены резким сокращением оборонных расходов, агропромышленный комплекс — отменой дотаций на продукты питания, инвестиционный — снижением бюджетных капиталовложений. Жесткая финансовая политика обусловила ограничение зарплаты учителей, врачей, ученых, управленцев. Сформированные в условиях подавленной инфляции вынужденные сбережения обесценились, это больно ударило по старшим возрастным группам, пенсионерам, ветеранам. Промышленники и предприниматели стонали от непомерных налогов, связывая с ними все свои трудности.

Банкротство Внешэкономбанка лишило российские предприятия почти всех валютных сбережений. И во всем этом, разумеется, винили не бывшее союзное правительство В. Павлова, а начатые реформы.

Мы понимали, что никакими маневрами невозможно предотвратить формирование мощной проинфляционной политической коалиции. В Верховном Совете складывалось твердое антиреформаторское большинство. В конце весны, при обсуждении экономико-политических проблем, Президент России все чаще ставил тревожащий его вопрос: где же теперь социальная база проводимой политики? В целом с этого времени отставка правительства предрешена, все дело теперь только в сроках.

Глава 8 СБЫВШИЙСЯ ПРОГНОЗ

*VI съезд народных депутатов • Консолидация оппозиции •
Президент умывает руки • Юрий Фокин и Леонид Кучма •
Мысль об отставке • Начало приватизации • Ваучеры •
Первый миллиард долларов от МВФ • Межнациональные
конфликты • Позитивные итоги года*

Первая фронтальная атака на реформы — апрель 1992 года. VI съезд народных депутатов РСФСР.

Накануне съезда Президент проводит реорганизацию правительства. Г. Бурбулис остается Государственным секретарем, но освобожден от поста первого вице-премьера. Я назначен на его место. В условиях, когда главой правительства является сам Президент, это значит, что на деле ответственность за организацию всей текущей работы и за политическую защиту избранного курса ложится на меня.

Августовский шок преодолен, жестких репрессий после путча не последовало, непосредственная угроза голода и общего экономического краха отступила. Оппозиция оправилась. Теперь, по ее мнению, учитывая тяготы, которые легли на плечи народа в начальный этап преобразований, самое время как можно громче прокричать, что все было сделано против воли съезда и Верховного Совета, сделано не так, как следовало, не так, как договаривались, нужно было мягче или жестче, быстрее или медленнее, во всяком случае по-иному, и необходимо остановиться, а еще лучше — повернуть вспять...

Поток ругани и проклятий в адрес правительства нарастает: монетаристы разорили, продали, погубили Россию... Народный депутат, заламывая руки, оповещает с трибуны съезда, что за три месяца гайдаровских реформ резко пошло на убыль деторождение. Обращаю

внимание собравшихся на то, что в силу непреодолимых физиологических факторов при всем желании мы никак не могли за три месяца подорвать рождаемость в России.

Внутренне большинство депутатов еще не готово взять на себя ответственность за смену курса. Слишком свежи в памяти экономические реалии недавнего прошлого и очевидна опасность, что любое резкое движение может все вернуть в исходное, а скорее, в еще более сложное положение. Но сама атмосфера съезда, непрерывная трансляция его заседаний на всю страну, когда у каждого депутата, поднявшегося на трибуну, есть возможность посоревноваться в публичном выражении любви к народу, а заодно и оповестить избирателей, что он-то лично в их конкретных бедах вовсе не виноват — все это, взвинчивая зал, радикализирует даже умеренную оппозицию.

Практически с голоса, без обсуждения, без анализа материальных возможностей принимаются постановления, которыми правительству предписано снизить налоги, увеличить дотации, повысить зарплаты, ограничить цены. Бессмысленный набор взаимоисключающих мер.

Одновременно все громче и громче звучат требования внести в повестку дня вопрос о доверии правительству — отправить его в отставку. Председательствующий Р. Хасбулатов, умело дирижируя съездом, ведет с помощью его тысячеголосья свою симфонию. Вопрос о доверии в повестку не включает, но делает все возможное, чтобы критика, даже самая демагогическая, постоянно звучала. Судя по всему, он еще не готов к прямой конфронтации с Президентом и еще не считает, что настал момент свалить правительство реформ, но хочет, чтобы оно вышло со съезда предельно ослабленным, деморализованным, покорным Верховному Совету, точнее, лично ему — Хасбулатову. В этом желании напугать, но пока не убивать кроется его слабость.

Президент после первого дня на съезд не ходит, как бы дистанцируясь и от формально возглавляемого им правительства, и от депутатского большинства. У некоторых моих коллег настроение близкое к паническому. И есть от чего: сейчас нас свяжут по рукам и ногам невыполнимыми съездовскими решениями так, что мы не сможем и пошелохнуться.

Угроза, бесспорно, реальная. Здесь же, в Зимнем саду Кремля, собираю правительство на срочное заседание. Предлагаю не ждать пассивно развития событий, а самим предельно обострить ситуацию, чтобы скрытая двойственность позиции съезда стала абсолютно ясной, и тем самым поставить депутатов перед необходимостью однозначного выбора. После короткого обсуждения предложение членами кабинета принято.

Осторожней всех к моему предложению о фактическом ультиматуме с угрозой коллективной отставки отнесся Геннадий Бурбулис. Что-то в этой идее ему не нравилось, хотя контраргументов против моего тезиса о том, что в противном случае мы все равно не сможем осмысленно работать, он не приводил. Может быть, дело в том, что Геннадий Эдуардович, к этому времени намного дольше меня работавший с Борисом Ельциным, лучше его знающий, хорошо понимал: хотя и в неявной форме, но ультиматум ведь обращен не только к съезду, но и к Президенту, подталкивает его к тому, чтобы четко обозначить свою позицию. Действительно, когда зашел к Президенту проинформировать его о принятом решении, было видно — идея ему явно не по душе. До VI съезда правительство было просто командой технических специалистов, приглашенных Ельциным на работу и прикрытых его политическим авторитетом. После принятого решения оно становилось самостоятельным игроком на политической сцене. Борис Николаевич недоволен, с сомнением покачал головой, но все же принял решение членов своего кабинета как данность.

Когда окончился перерыв, я сразу же попросил

слова и заявил: так как правительство не может взять на себя ответственность за проведение политики, вытекающей из принятого съездом постановления, оно в полном составе подает Президенту прошение об отставке. Навсегда запомнил возникшую в огромном зале паузу. Мне она показалась бесконечной. Затем под сводами Кремлевского Дворца съездов прокатился многоголосый гул. Такой поворот для подавляющего большинства делегатов неприемлем. Все что угодно — только не ответственность! А ведь в случае отставки правительства ее, нелегкую, придется брать на себя.

Лидеры депутатского корпуса начинают искать пути компромисса. Они организуют совместное заседание президиума Верховного Совета и правительства без участия Р. Хасбулатова. Решено принять Декларацию съезда, которая будет содержать общее одобрение линии реформ, а предыдущим гневным постановлениям по вопросам экономической политики придаст характер рекомендаций.

После того, как большинство съезда запаниковало, отступило, стало ясно, что одержана пусть тактическая и временная, но несомненная политическая победа. Сергей Шахрай зашел к Президенту с новой идеей — сейчас, воспользовавшись деморализацией съездовского большинства, немедленно поставить на голосование вопрос о моем формальном утверждении в качестве премьера. Все равно Ельцину придется слагать с себя эти полномочия, сегодня идеальный момент. Со мной Сергей Михайлович поделился этой идеей уже после разговора с Президентом. Ельцин выслушал, сказал, что слишком рано, предложение не подготовлено и может провалиться.

Почти сразу после съезда почувствовал: из ближнего окружения Президенту настоятельно советуют окоротить возомнивших о себе реформаторов, создать дополнительные противовесы. Именно в это время начинает, как грибы после дождя, расти число отраслевых заместителей председателя правительства, возникают

экзотические идеи ликвидации правительственного аппарата. Все признаки возросшей дистанции, — не явные, не выраженные, на полутонах. Личные отношения по-прежнему прекрасные, при встречах Президент заверяет в твердой поддержке стратегического курса в экономической политике. Но тонко чувствующая атмосферу в верхних эшелонах власти политическая элита уже знает: правительство реформ могут ждать неприятные неожиданности. Лишь три-четыре месяца спустя, на фоне явного и быстрого ухудшения отношений между Президентом и парламентским большинством, апрельский нарыв постепенно рассасывается.

Несмотря на консолидацию оппозиции, выступающей против либерализации цен на топливо и за увеличение бюджетных расходов по всем направлениям, правительство получает возможность какое-то время продолжить прежний курс. Мы снимаем еще сохранившиеся на федеральном уровне ограничения розничных цен, включая цены на хлеб. Примерно в шесть раз увеличиваем цены на топливо, причем, вопреки паническим прогнозам, на динамике инфляции это особенно не сказывается. Отменяем государственное регулирование цен на спиртное.

В мае Центральный банк по настойчивой просьбе правительства последний раз в 1992 году повышает процентную ставку по кредитам до 80 процентов. С 1 июля унифицируется валютный курс, вводится режим конвертируемости рубля по текущим операциям.

Постепенно набирает темпы приватизация в сфере торговли, бытового обслуживания, общественного питания и в то же время завершается формирование правовых и организационных основ приватизации крупной промышленности. Не сумев в мае провести через Верховный Совет закон о банкротстве, правительство попыталось запустить этот совершенно необходимый для оздоровления экономики механизм указом Президента. К сожалению, не получилось, парламент отверг его.

В июле — августе месячные темпы инфляции держатся на уровне 10 процентов. Столкнувшись с серьезными финансовыми проблемами, многие предприятия переводят партнеров на предоплату, усиливают контроль за их платежеспособностью. На целом ряде предприятий в связи с падением производства — неполная занятость, вынужденные отпуска. Медленно, но неуклонно растет открытая безработица.

По мере продвижения вперед возникают все новые и новые трудности. Странное это движение. Оно не похоже на карабканье вверх, пусть по крутому, опасному, но крепкому склону, когда только от тебя, твоей силы и выдержки зависит достижение поставленной цели. Скорее, это мучительный путь по болотистому торфянику: колышется под ногами тропинка, сечет осока, комарье слепит глаза, и любой неверный шаг может сбросить с тропы в черную жижу...

Самая большая опасность и самая серьезная тревога по-прежнему — финансы. Две проблемы, принципиально разные по своей природе, — неплатежи предприятий и кризис денежной наличности, достигший предельной остроты накануне летних отпусков, — порождают единодушное и все более жесткое требование к органам власти: дайте денег!

В обществе широко распространяется убеждение, что правительственная политика строжайшей денежной экономии проводится не в интересах России, а под диктовку МВФ. Отдельные средства массовой информации, опираясь на мнение некоторых «ученых мужей», настойчиво убеждают население, что отказ от такой политики позволит быстро поправить дела. В конце весны, по данным социологических опросов, поддержка проводимого правительством курса резко идет вниз.

Теперь, когда благодаря экспортным кредитам успешно преодолен острый кризис с зерном, угрожавший стране голодом, и заработавший рынок ограничивает потребности в ввозе продовольствия, финансовая помощь со стороны МВФ приобретает политическую

окраску со знаком «минус». О роли Международного валютного фонда в российских реформах 1992 года сказано и написано много, причем МВФ и его руководству достается на орехи и от тех, кто убежден, что фонд — орудие империалистического заговора против России, и от тех, кто считает, что в начале 1992 года была упущена уникальная возможность сделать с его помощью российские реформы устойчивыми. На мой взгляд, главной бедой подобных рассуждений является непонимание реальных возможностей МВФ.

Фонд — это большая бюрократическая организация с квалифицированным техническим персоналом, способная решать достаточно стандартные задачи, связанные с ликвидацией последствий финансовой дестабилизации, авантюристической, популистской политики. К решению крупномасштабных политических задач он по своей природе совершенно не готов. Между тем, крушение Советского Союза поставило перед ведущими рыночными демократиями действительно гигантскую по масштабам задачу. Противник, на военное противостояние с которым были затрачены триллионы долларов, развалился, переживает острейший экономический и социально-политический кризис, чреватый хаосом на территории, начиненной ядерным оружием. Стратегически в это время для Запада не было ничего важнее, чем помочь как можно быстрее преодолеть этот хаос, создать базу восстановления дееспособных государственных институтов, обеспечить возможности экономической стабилизации, что было вполне сопоставимо с проблемами, рожденными крахом Германии и Японии в мировой войне. Решался вопрос: что же возникнет на обломках социалистической империи? Нечто уродливое, экономически и политически нестабильное, источающее постоянную угрозу миру, или совокупность молодых, но растущих рыночных демократий, способных стать двигателем ускорения глобального экономического роста XXI века, надежным стратегическим партнером Запада?

Не думаю, чтобы руководители ведущих западных держав игнорировали масштабы альтернативы, перед которой они оказались. Главная беда, на мой взгляд, была в том, что не оказалось лидера, способного выполнить организующую, координирующую роль, подобную той, которую в послевоенный период сыграли в восстановлении Европы Г. Трумэн и А. Маршалл. США, на которых, по логике вещей, должно бы лежать бремя координации усилий Запада, именно в это время серьезно парализованы противостоянием республиканской администрации Буша и демократического большинства в Конгрессе, надвигающимися президентскими выборами. Германия, руководство которой во главе с канцлером Г. Колем, наверное, лучше, чем кто-либо другой, понимает масштабы российских проблем, обременена задачами, доставшимися ей в наследство от ГДР. С Японией наши отношения натянуты из-за четырех Курильских островов, да к тому же эта экономически мощная держава явно не готова к политическому лидерству в западном мире. В Англии Дж. Мейджор симпатизирует нашим усилиям, готов бы помочь, но экономические возможности страны явно не позволяют Англии играть заметную координирующую роль. Вот и оказывается, что все вместе лидеры ведущих государств Запада понимают происходящее, готовы действовать, а каждый по отдельности по разным причинам пытается переложить бремя ответственности на другого. Отсюда естественное следствие: добрые намерения, не подкрепленные конкретными механизмами их реализации, заставляют Запад возложить роль координатора помощи России на Международный валютный фонд, — у него серьезные финансовые ресурсы, вот пусть Россией и занимается. Хотя было ясно, что с этой крупномасштабной политической задачей он изначально не мог справиться.

Начиная реформы, мы даже не были членами МВФ, и требовалось время для вступления в него, что является абсолютно необходимым условием любого

финансового взаимодействия. В критические месяцы, с января по апрель 1992 года, даже несколько сот миллионов долларов свободных валютных резервов позволили бы нам серьезно расширить свободу экономического маневра, но и эти суммы были для нас недоступны. А к тому времени, когда бюрократические процедуры наконец завершены, стабилизационная программа уже расплывается на глазах. И предоставленный нам в июле 1992 года миллиардный кредит на пополнение валютных резервов — теперь всего лишь запоздалая поддержка усилий первого полугодия.

За что, пожалуй, действительно можно критиковать МВФ, так это за его политику, направленную на сохранение единой рублевой зоны. Руководство фонда в сложившейся уникальной, абсолютно нестандартной ситуации не знало, что предпринять. А в итоге едва не свело на нет наши усилия по введению российского рубля. Ибо нам приходилось преодолевать не только политическое сопротивление республик, зубами державшихся за доступ к российскому печатному станку, но и сопротивление со стороны МВФ. Лишь в мае — июне 1992 года, когда попытки наладить механизмы межреспубликанского контроля за денежной массой провалились и когда экспансия эмиссионных кредитов с Украины буквально уничтожала любые надежды на стабилизацию в России, руководство МВФ наконец поняло свою ошибку и согласилось со стратегией введения национальных валют. Но драгоценное время было безнадежно упущено.

Со временем МВФ научился гораздо лучше разбираться в постсоциалистических проблемах и приспособил свою организацию к нашим условиям. В 1995 году его взаимодействие с правительством России в реализации программы стабилизации было уже весьма эффективным. Но все это пришло потом.

А тогда, в 1992 году, стабилизация продовольственного положения в стране снижает стимулы, связанные с кредитами международных финансовых организаций.

Простейшая мысль, что обязательства взаимны, что финансовая стабилизация нужна для успеха реформ, а успех реформ необходим самой России, летом 1992 года популярностью в нашем обществе не пользуется. А в результате обе стороны, и Запад и российское общественное мнение, все более недовольны друг другом. Международный валютный фонд недоволен Россией, так как она уже не следует серьезной стабилизационной политике, без чего зарубежная поддержка бюджета теряет смысл. Российская же общественность недовольна МВФ, поскольку обещанные кредиты не поступают.

Расширяются ряды непримиримой оппозиции. И даже молодые энергичные политики, поддерживавшие реформы, начинают отмежевываться от проводимого правительством непопулярного курса. Губернатор Нижнего Новгорода Борис Немцов призывает нас отказаться от намерений либерализовать цены на нефть и зерно. Все это, естественно, не может не сказаться на настроении Президента, очень чуткого к изменениям общественного мнения. Раз за разом во время наших встреч или заседаний правительства он возвращается к вопросу, почему бы не пополнить, пусть даже за счет эмиссии, оборотные средства. Причем заметно, что приводимые нами доводы теперь не кажутся ему достаточно убедительными.

Дополнительная проблема — страны СНГ. Почти все они в это время пытаются сочетать «мягкое» вхождение в рынок с сохранением масштабного государственного регулирования цен и экспортом инфляции в Россию. При обсуждении экономических тем на встречах Президентов СНГ самые популярные — необходимость проведения взаимозачета, эмиссионного накопления оборотных средств, пагубность либерализации цен на топливо, вредность идей разделения рублевой зоны, вынашиваемых российским правительством, необходимость сохранения масштабных соглашений по межгосударственному бартеру. Б. Ельцин на таких со-

вещаниях чувствует себя крайне неуютно, и его можно понять. Он явно раздражается, когда я снова и снова вынужден доказывать сообществу собравшихся для дружеской беседы президентов ошибочность кажущихся им столь убедительными предложений. Впоследствии, столкнувшись с жесткими реальностями рыночной экономики, увидев, как легко подвести свои страны к финансовой катастрофе, многие из президентов — участников этих дебатов радикально пересмотрели свои экономические взгляды, стали твердыми сторонниками решительных реформ, но все это пришло не сразу, а тогда они были едины в том, что именно «доктринерская» монетаристская политика российского правительства — главная преграда экономическому сотрудничеству в СНГ.

С президентами государств Содружества в 1992 году у меня сложились своеобразные отношения. Лучше всех, наверное, их определил президент Киргизии Аскар Акаев, сказав как-то на совещании глав государств СНГ в Бишкеке: «Гайдар у нас на всех один. Он наш общий премьер». Действительно, когда Россия начала реформы, тем самым сделав их неизбежными для государств Содружества, у политиков независимых государств появилась возможность кивать на жестокого, бессердечного Гайдара, который затеял что-то немислимое, и вот теперь они, не желая того, вынуждены, к сожалению, следовать схожим путем, хотя и пытаются облегчить тяготы своим народам. Что особенно удобно — премьер-то ведь не твой, а ельцинский. А потому не в твоих это силах — приказать ему что бы то ни было или отправить его в отставку. Игра в злого Гайдара сначала шла на высоком эмоциональном накале, потом спокойней, а к середине 1992-го уже почти не всерьез. Сами президенты, особенно попозже вечером, после рюмки коньяка, над правилами этой игры подшучивали. И тем не менее правила есть правила, они были заданы, и с ними приходилось считаться. Очень жаль, что страны Содружества не смогли

с самого начала настроиться на единую волну реформ, что каждая из них возжелала извлечь из создавшейся ситуации односторонние преимущества. Как показали последующие события, такая позиция привела к потерям для всех. И для каждой из них в отдельности.

Из стран, опоздавших с реформами, особенно обидно было за Украину. В конце 1991 — начале 1992 года украинская политическая элита твердо взяла курс на так называемый «мягкий вариант» вхождения в рынок, предполагая в максимальной степени использовать неограниченные эмиссионные возможности единой рублевой зоны при 15-ти независимых Центральных банках. Хорошо известны слова украинского премьера того периода Витольда Фокина: «Зачем сдерживать бюджетный дефицит, когда в руках печатный станок». Уже с 1990 года Центральный банк Украины начал предоставлять несанкционированные Центральным госбанком СССР кредиты украинскому правительству и украинским предприятиям.

В начале января 1992 года Украина без предупреждения ввела собственную налично-денежную единицу, сохранив использование общесоюзного рубля в безналичном обороте. Возник чудовищный экономический гибрид: помесь общей безналичной валюты и самостоятельно эмитируемого наличного денежного средства. Именно тогда, после введения купона, твердо понял — да, с Фокиным надо и разговаривать, и пытаться договариваться, нельзя одного: полагаться на то, что принятые обязательства будут выполнены. Разумеется, и другие республики грешили в это время с экспортом инфляции в России, пользовались открывающимися возможностями, но все это — в масштабах, несопоставимых с тем, что делал Фокин. Если нужно было бы назвать одного человека, кто более всех других препятствовал в начале 1992 года стабилизационным усилиям в денежной политике Содружества, то, наверное, Фокин по праву может претендовать здесь на заслуженное первое место.

С июля 1992-го, когда расчеты с республиками были переведены на корреспондентские счета и автоматический экспорт созданной на Украине денежной массы в Россию стал невозможен, тупик проводимой Фокиным политики очень быстро сделался очевидным и отставка его — предрешенной.

Но весной 1992 года, когда Россия еще не успела создать собственную денежную систему, заработная плата, скажем, профессора в Киеве, выплачиваемая в рублях, в несколько раз превышала заработную плату профессора в Москве. В то время, как российское правительство вынужденно проводило предельно жесткую финансовую политику, украинское осуществляло самую податливую. Именно в это время социальную мягкость украинских реформ неоднократно ставили нам в пример люди, совершенно не понимавшие, за счет чего эта мягкость на деле обеспечивается.

Сохранение масштабного контроля цен, реально охватывающего 60—70 процентов номенклатуры продукции, вместе с податливой финансовой политикой так и не позволили украинцам преодолеть дефицит товаров. По существу, экономика работала в режиме подавленно-открытой инфляции. Быстрый рост цен сопровождался сохранением очередей и талонов.

В приватизации был избран, пожалуй, самый бесперспективный путь. Государственные торговые монополии приватизировались на основе аренды с правом выкупа, как единое целое, воспроизводя худшие стереотипы государственной торговли, помноженные теперь еще на полную безответственность.

Не было ни одной безумной экономической идеи, с которой носилась оппозиция в России и которая не была бы многократно опробована на Украине. Здесь регулярно проводили пополнение оборотных средств, взаимозачеты задолженностей, выдавали масштабные эмиссионные кредиты, пытались сохранить многочисленные дотации, привязывали приватизацию к компенсации сбережений населения. И все это, конеч-

но, — под флагом защиты социальных интересов трудящихся.

Самоубийственные последствия такой политики в полной мере сказались, когда России наконец удалось обрести денежную независимость. Замкнутая в границах Украины эмиссия обернулась в 1993 году мощнейшим инфляционным взрывом. Темпы роста цен более чем в 10 раз превысили отнюдь не низкие российские показатели. К осени 1994 года заработная плата на Украине далеко отставала от российской, составляя что-то около двадцати долларов. Неспособная расплачиваться по своим обязательствам молодая страна оказалась на грани государственного банкротства.

Конечно, нельзя сказать, что в украинском правительстве не было людей, пытавшихся проводить осмысленную экономическую политику, но их возможности были предельно ограничены. Хотел бы назвать одного из них — Александра Ланового, молодого экономиста-рыночника, ученого, возглавлявшего в 1991—1992 годах Министерство экономики. Мы встретились с ним в Москве в самом начале 1992 года. Обсуждали проблемы постепенного приближения уровня цен во взаимной торговле к ценам мирового рынка. К величайшему недоумению и неодобрению своей делегации, Лановой сел со мной вместе рисовать графики и анализировать альтернативы. Было видно, что он понимает тупиковость проводимого курса, но не имеет поддержки в украинских верхах. Вести диалог с ним было приятно, интересно, но с самого начала можно было предположить, что ему вряд ли удастся воплотить в жизнь хотя бы часть из того, о чем договоримся.

Позднее встретились с ним на совещании президентов СНГ в Ташкенте. Отношения между российским и украинским правительствами были довольно напряженными, антироссийские настроения в украинской политической элите — сильными. Тем не менее Лановой подошел ко мне, договорился о встрече. Поздно ночью встретились, долго гуляли по парку правитель-

ственной резиденции. Он откровенно рассказывал мне о невозможности сделать что-либо осмысленное для рыночных реформ в сложившейся на Украине политической ситуации. Спрашивал мое мнение о перспективах российской экономической политики по отношению к Украине.

В ноябре 1992-го назначенный взамен отправленного в отставку Фокина Леонид Кучма прилетел в Москву на переговоры с Ельциным и со мной, имея основной целью восстановить взаимопонимание и дружеские отношения. Мы довольно подробно поговорили наедине. Мне показалось, что у него действительно есть желание добиться позитивных перемен, стронуть с места буксующие реформы. Может быть, нет еще достаточного понимания, как это сделать, но, по крайней мере, тупиковость предшествующей политики В. Фокина ему очевидна. Сразу было видно — человек совершенно другой, прямой, не хочет хитрить и лукавить. Сам поставил вопрос о необходимости упорядочения отношений в денежной области, полноценного введения украинской национальной валюты в безналичный оборот, о необходимости покончить с вакханалией в расчетах. Посоветовались. Спрашивал меня о ключевых направлениях преобразований. Не имея, правда, четкой, ясной картины того, что надо делать — мешали рецидивы директорского мышления, — он, вместе с тем, все же явно хотел идти вперед, проводить осмысленную и в целом прореформаторскую политику. Было видно и другое: Кучма действительно не хочет разыгрывать антироссийскую карту, ставшую привычной для украинской политики 1991—1992 годов, и стремится нормализовать экономические и политические отношения с нашей страной, построить их на цивилизованной, культурной, не воровской основе. Впоследствии убедился, что на слово украинского премьера можно рассчитывать. Не все было в его власти и не все у него получалось, но, по крайней мере, сознательного обмана за то короткое время, что довелось

проработать вместе, не было никогда. Именно поэтому всегда пытался его поддерживать.

Тогда, на нашей первой встрече, Кучма сказал, что хотел бы привлечь уже ушедшего в отставку Ланового к работе в своем правительстве, попросил меня позвонить ему, убедить принять предложение вернуться в состав украинского кабинета. Я связался с Лановым, сказал, что, на мой взгляд, при всех трудностях и отсутствии квалифицированных кадров, у Кучмы есть реальное желание что-то сделать, и посоветовал оказать ему помощь. Лановой ответил, что считает правительство Кучмы обреченным и не хочет с ним связываться. В какой-то степени он был прав — Кучма действительно тогда недолго проработал во главе украинского кабинета, мало что успел сделать. И все же, думаю, Лановому следовало тогда согласиться и помочь Кучме. Потом он ушел в политику, в 1994 году участвовал в президентских выборах, получил несколько процентов голосов. Только весной 1996-го вошел в команду Кучмы, став его экономическим советником. При всем различии мне кажется — есть немало черт, сближающих Ланового с Явлинским. И тот, и другой работали в правительстве, не желая проводить реформы, затем ушли в отставку. И тот, и другой потом ринулись в политику. Бросается в глаза даже внешнее их сходство, манера говорить, отношение к людям. Наверное, сходство ситуаций, с которыми сталкиваются Россия и Украина, порождает и сходство личностей.

Моим «двойником», считаю, был Виктор Пинзенник, вошедший осенью 1992 года в правительство Кучмы и ставший почти сразу одним из злейших врагов популистского парламентского большинства. Упорный, жесткий, явно не склонный задумываться о своей популярности и политическом будущем. Тогда он в самом деле попытался вытащить глубоко увязший воз экономических реформ на Украине. Ему удалось многое. После отставки Кучмы его уход был предре-шен. Но вместе с ненавистью парламентского боль-

шинства он заслужил доверие и авторитет среди тех, кто действительно стремился радикально изменить направление экономического развития своей страны. Не случайно Кучма, избранный президентом и начавший в условиях жесточайшего экономического кризиса реализацию программы радикальных рыночных преобразований, позвал В. Пинзенника в правительство и назначил первым вице-премьером. Задачей его была разработка стратегии и тактики преобразований.

Мы вновь встретились весной 1995 года в Киеве. Виктор был законно горд результатами, которых удалось добиться за предшествующие полгода, резко снизившимися темпами инфляции, начавшимися структурными реформами. Был полон планов дальнейших преобразований. Вместе с тем, плата за успех оказалась высока, он стал любимой мишенью политиканов. Было ясно: президенту придется либо пожертвовать им, либо, по меньшей мере, переместить на другое место и урезать полномочия. Несколько месяцев спустя так оно и вышло. С постом первого вице-преьера Виктору пришлось расстаться, полномочия его резко ограничивались. Он думал: принимать ему новое назначение или отклонить. Мой совет был — оставаться. Кадровые маневры по политическим мотивам в столь сложной ситуации, которую переживает Украина, неизбежны. Главное не место, а то, сохранится ли возможность влиять на развитие событий, проводить осмысленную линию. Ясно, Кучма с пути реформ сворачивать не хочет; значит, надо работать.

Рад тому, что при всех колебаниях и отступлениях экономические реформы на Украине в 1995—1996 годах были продолжены: наш сосед начал с трудом наверстывать отставание в проведении реформ, и сегодня идея мягкого вхождения в рынок популярностью на Украине больше не пользуется.

Но все это позже. А в мае 1992-го — совещание в Кремле по проблемам нефтегазового комплекса с приглашением руководителей ведущих предприятий. Пред-

стоит обсудить ход реформ в этой важнейшей сфере, финансовое положение предприятий, работу по реструктурированию нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих объединений. Министр топлива и энергетики В. Лопухин, подготовивший к совещанию несколько важных, основополагающих документов, должен сделать доклад. Но, открывая совещание, Президент сообщает, что принял решение освободить В. Лопухина от должности, а заместителем Председателя правительства по топливно-энергетическому комплексу назначить председателя концерна «Газпром» В. Черномырдина.

Разногласия по кадровым вопросам у нас с Президентом возникали еще в период формирования правительства. Случались они и позже. Мы их обсуждали, и принималось согласованное решение. На этот раз произошло иначе, все было решено за моей спиной. Не скрою, это явилось для меня серьезным ударом. И дело не только в том, что без консультации отправлен в отставку единомышленник и соратник, много сделавший для реформирования важнейшей отрасли народного хозяйства, — я понял, что мои возможности отстаивать перед Президентом свою точку зрения подорваны и что на его поддержку больше рассчитывать не приходится. А это в конкретной политической ситуации неизбежно грозит деформацией реформ.

Сразу после совещания Ельцин позвонил мне, извинился, сказал, что хотел меня предупредить, но, к сожалению, не успел, не смог связаться. Обычная политическая формальность. Первый импульс — немедленно подать в отставку, снять с себя ответственность за неизбежные негативные и болезненные последствия, к которым поведет отступление от реформ или просто их замедление. А что дело идет именно к этому — нетрудно было предвидеть. Шаг естественный и, наверное, политически рентабельный. Во всяком случае впоследствии понимающий толк в таких вопросах Г. Явлинский говорил мне, что именно в этот момент

я упустил свой личный политический шанс. Но я тогда думал не о своей политической карьере, а о деле. Все достигнутое нами было еще предельно непрочное. Российский рубль не введен. Масштабная приватизация подготовлена, но не начата. Короче, реформы еще в высшей степени обратимы. Можно было, конечно, сделать красивый жест, но это напрочь перечеркнуло бы все, чего с таким трудом удалось добиться.

И все же мысль об отставке была. Вечером отменяю несколько встреч и совещаний, освобождаю себе время, чтобы спокойно подумать. Понимаю, остаться — значит вести тяжелые арьергардные бои, наблюдать за тем, как сужается возможность принятия целесообразных решений и, вместе с тем, продолжать нести всю полноту ответственности за неизбежные негативные последствия ослабления финансовой политики, отступления от курса реформ. Но уйти — значит самому сдать еще отнюдь не проигранную позицию, отказаться от борьбы в критической ситуации, когда важнейшие структурные реформы подготовлены и вот-вот должны начаться. После нелегких раздумий принимаю решение остаться и продолжать работу. Решающий аргумент — при всех проблемах, мощные рычаги влияния на проводимую политику еще в моих руках.

Первейшая головная боль — Верховный Совет, где политика реформ — что красная тряпка для быка. Правительство с трудом отбивается от убийственных по своим финансовым последствиям предложений, а поскольку, как я уже сказал, Президент отошел от непосредственного руководства Советом министров, напор отраслевых лоббистов сдерживать приходится мне. Пытаюсь разрушить схему прямого взаимодействия: отраслевые министерства — комитеты и комиссии Верховного Совета — Центральный банк, позволяющую, минуя Председателя правительства, проводить в жизнь опаснейшие для экономики решения.

В целом отступление, ослабление финансовой и денежной политики оказывается политически неизбеж-

ным. В мае-июне вклад бюджетного дефицита в развертывание инфляции еще невелик, но быстро растет.

Апофеоз финансовой безответственности — обсуждение в начале июля в Верховном Совете бюджета на 1992 год. Парламентский контрольно-бюджетный комитет, выполняя заказ руководства Верховного Совета, насчитывает несусветные резервы увеличения во втором полугодии налоговых поступлений. Вопреки протестам и предостережениям правительства, Верховный Совет за два часа с голоса принимает поправки, увеличивающие финансовые обязательства государства и бюджетный дефицит на 8 процентов ВВП.

Отношения между правительством и Центральным банком — одна из самых важных тем экономической политики 1991—1994 годов. К концу 1991 года ЦБ РФ находился в полном подчинении Верховного Совета, практически — его председателя Р. И. Хасбулатова. В кабинете председателя ЦБ стоял телефон прямой связи с Верховным Советом, и телефоном этим, насколько мне известно, активно пользовались. О Григории Матюхине, возглавлявшем в это время банк, знал мало — только то, что он близок к Руслану Хасбулатову (в свое время они вместе работали в Московском институте народного хозяйства) и что принимает активное участие в банковско-бюджетной войне России и Союза. Нарастившая объемы кредитования, предоставляя дешевые кредиты российским предприятиям, тем самым обеспечивает политическую поддержку властей. Большого оптимизма все это не внушало. Начинать сложнейшие преобразования без надежного взаимопонимания и взаимодействия правительства с главным банком страны было опасно.

В ноябре, воспользовавшись предоставленными президенту дополнительными полномочиями, мы попытались сразу решить эту проблему — подготовили указ, переподчиняющий ЦБ президентской власти. Пробный выстрел оказался на редкость неудачным, указ немедленно был заблокирован Верховным Советом, причем

практически единогласно. Поняли, что кавалерийской атакой обеспечить контроль над банком не удастся, надо искать возможности совместной работы. Руководство банка неожиданно для нас оказалось готовым к взаимодействию. Довольно быстро сам Григорий Матюхин предложил назначить одного из ключевых членов нашей команды, Сергея Игнатьева, заместителем председателя ЦБ, дал ему возможность вести работу, направленную на формирование системы корреспондентских счетов с республиками, курировать вопросы, связанные с общеэкономической политикой банка. При подготовке отделения рублевой зоны он оказался очень полезным союзником.

Первые месяцы 1992 года Центральный банк ограничивает объемы прироста кредитов коммерческим банкам. Каждый шаг вперед в повышении процентной ставки дается с боем, работать с Матюхиным непросто. В разгар важных переговоров он может внезапно куда-то исчезнуть, провалиться, как сквозь землю. И тем не менее видно: курс на стабилизацию денежной системы он поддерживает и готов проводить.

В это время главная проблема ЦБ, то, за что ему больше всего достается, — платежный кризис, резкий рост объема неплатежей в народном хозяйстве. Проблема, в общем-то, встречающаяся во всех постсоциалистических странах, но в России она усугублена перестройкой системы расчетов, которая приходится на самые ключевые месяцы реформы. Г. Матюхин попадает под пресс нарастающей критики, а тут еще скандал с чеченскими авизо. Становится ясно — дни его на посту председателя ЦБ сочтены. Надо искать другую кандидатуру, попробовать провести ее через Верховный Совет.

Веду переговоры с нашими сторонниками в Верховном Совете, пытаюсь понять, какие кандидатуры смогут пройти через его сито. Советуюсь с Павлом Медведевым, который руководит банковским подкомитетом. Ответ неутешительный — на его взгляд, кандидатуры

Бориса Федорова и Сергея Игнатъева для депутатов абсолютно неприемлемы. Консультации с другими парламентариями эту оценку подтверждают. Называют, как правило, людей, работа с которыми для нас будет практически невозможна либо крайне сложна. Но одна кандидатура, имеющая серьезные шансы получить поддержку большинства Верховного Совета, заставляет задуматься. Это Виктор Геращенко, последний председатель Госбанка СССР. Знаю его довольно давно как одного из самых квалифицированных банкиров, занимавшихся внешнеэкономической деятельностью. Он много работал в системе заграничных банков и во Внешэкономбанке СССР. Назначенный возглавлять Госбанк Советского Союза в самый разгар бюджетной и банковской войны между республиками и центром, он пытался поддержать банковскую систему на плаву и активно противостоял недопустимой здесь анархии. Приглашаю В. Геращенко поговорить. Общее впечатление: работать готов, хочет, знает, как поправить дело со сроками расчетов, заверяет в том, что будет тесно взаимодействовать с правительством. Принимаю решение поддержать его кандидатуру. Видимо, это самая серьезная из ошибок, которые я допустил в 1992 году.

Утвержденный Верховным Советом, Геращенко действительно довольно быстро показал себя квалифицированным управленцем, сильным организатором. Банк при нем стал работать намного более четко, слаженно, снизились сроки прохождения платежных документов. Но все это перекрывалось одним фундаментальным негативным фактом: Виктор Владимирович категорически не был готов понять аксиомы банковского управления экономикой в условиях инфляционного кризиса. Он был искренне уверен в том, что, увеличивая темпы роста денежной массы с помощью эмиссии, можно поправить положение в экономике. Много раз впоследствии слышал от него примерно следующее рассуждение: ну, смотрите — цены выросли в 4 раза, а денежная масса только в 2, значит, денег в экономике

не хватает, значит, производство падает именно из-за нехватки денег, давайте увеличим темпы роста денежной массы, предоставим кредиты республикам, предприятиям. Спорил с ним, приводил контраргументы, доказывал порочность подобной политики, доказывал общеизвестное — падение спроса на деньги как раз и является естественной реакцией на инфляционный кризис, масштабную денежную эмиссию. Но переубедить человека, у которого сложились твердые, укоренившиеся представления о взаимосвязях в рыночной экономике, очень непросто. Внутренне он не мог принять иную точку зрения. Пример В. Геращенко — одно из ярких свидетельств того, что качества, необходимые для коммерческого банкира и для руководителя Центрального банка, принципиально различны.

Результаты порочной политики ЦБ не заставили себя ждать, темпы роста денежной массы резко пошли вверх, и страна оказалась на грани гиперинфляции. Потом, в сентябре — октябре, когда стало ясно, что реакцией экономики на денежную экспансию стал не подъем производства, а резкое падение курса национальной валюты и ускорение роста цен, эмиссионный энтузиазм Виктора Владимировича пошел на убыль. Нам удалось с большим трудом снова начать мучительный процесс финансовой и денежной консолидации. Но и впоследствии было очевидно, что внутренне Геращенко не верит в эффективность контроля над инфляцией с использованием денежных регуляторов. Проводить же стабилизационную политику с руководителем главного банка страны, который не приемлет самую суть этой политики, — занятие на редкость малопродуктивное.

Серьезные разногласия правительства и ЦБ, просчеты в проводимой денежной политике послужили распространению слухов о том, что Геращенко сознательно вредит Президенту, правительству, играет на руку оппозиции. Честно говоря, никогда во все эти теории заговора не верил, был убежден: он просто не понима-

ет, как связаны друг с другом цены, процентная ставка, валютный курс, денежная масса в условиях рыночной экономики и свободных цен.

Задним числом, зная, какими издержками обернулась несогласованная работа банка и правительства для российской экономики, пытаюсь понять: а что же можно было сделать иначе в мае — июне 1992 года, когда решали вопрос о руководителе Центрального банка? Свобода маневра ведь была минимальной. И все же, наверное, самым разумным было бы поддержать Г. Матюхина, попытаться предотвратить его отставку. Все его организационные промахи с лихвой окупались главным — он понимал основные задачи ЦБ в условиях инфляционного кризиса.

В июле — августе 1992 года Центральный банк начинает операцию по взаимозачету долгов и резко увеличивает объемы кредитования. Темпы роста денежной массы, удерживающиеся в январе — июне на уровне 9—14 процентов в месяц, переваливают за 25 процентов. Как обычно, в подобных ситуациях первый симптом изменения денежной политики — перелом в динамике валютного курса. До середины мая курс доллара снижался. До середины июня сохранить эту тенденцию удается уже лишь ценой все больших валютных интервенций Центрального банка, продолжать которые при скромных валютных резервах и изменившейся финансовой ситуации становится бессмысленным. С середины августа, когда, со стандартным месячным отставанием, созданная в июле рублевая масса обрушивается на валютный рынок, курс доллара по сравнению с рублем резко взмывает вверх.

В конце этого же месяца обозначаются негативные перемены в динамике продовольственных цен. Непосредственным импульсом к этому служит резкое повышение закупочных цен на зерно нового урожая, но фундаментальная причина — перелом денежной политики. Угроза гиперинфляции, развала денежного обра-

щения, утраты всех результатов политики реформ становится очевидной.

Ведя тяжелые арьергардные бои на стезе денежной политики, не упускаю из виду и проблему приватизации, без которой реформы обречены на провал. Осенью 1991 года, формируя предложения по составу правительства, подбирая людей на ключевые министерские посты, я поначалу хотел поручить Анатолию Чубайсу, в то время советнику мэра Санкт-Петербурга А. Собчака, структурную политику: бывший Госплан, Министерство экономики. И все же опыт коллег по реформам в странах Восточной Европы подсказывал — наиболее трудоемким и конфликтным участком станет приватизация, а значит, именно здесь нужен руководитель высокого класса. Чубайс подходил для этого по всем статьям.

Когда поздно вечером в Архангельском я сказал ему, что хочу его видеть во главе Госкомимущества, иначе говоря — чтобы он взял на себя ответственность за разработку и реализацию программы приватизации, обычно невозмутимый Толя тяжело вздохнул и спросил меня, понимаю ли я, что он станет человеком, которого будут всю жизнь обвинять в распродаже России. Я понимал это и все же ответил, что если он со своей энергией и организационной хваткой за это дело возьмется, есть серьезный шанс добиться того, чтобы значительная часть собственности была упорядочена и легально приватизирована. В противном случае процесс будет носить стихийный, а потому и социально-опасный характер. Что же касается упреков, то их горькая чаша не минует никого из нас.

Разговоры о необходимости приватизации активно велись в нашей стране с 1989 года. Начиная с 1990-го тема ее в том или ином виде присутствует во всех программах неосуществленных реформ. Летом 1991-го Верховный Совет РСФСР принимает посвященный ей базовый закон. Однако масштабная и упорядоченная работа так и не началась. По официальным данным,

на 1 января 1992 года в необъятной России было приватизировано всего 107 магазинов, 58 столовых и 56 предприятий службы быта. Вот и все... Скучные эти цифры не отражают, впрочем, реальной картины. В течение 1989—1991 годов широко развернулась приватизация полулегальная, стихийная, нахрапистая. Пользуясь горбачевским законом о предприятиях, давшим неограниченные права их руководителям, многие директора без особого смущения сдавали сами себе или своим родственникам в аренду с правом выкупа лакомые кусочки государственного имущества, а затем быстренько за чисто символическую плату переводили их в частную собственность.

Приняв в середине ноября командование над маленькой конторкой, которая называлась Госимущество РСФСР, А. Чубайс сразу же обнаружил, что там нет ни серьезных нормативных наработок, ни структур, ни людей... Начинать приходилось практически с нуля.

В конце декабря на заседании правительства были обсуждены и приняты основные принципы российской приватизации. Утвержденный Президентом документ направился в Верховный Совет, и началось формирование мощной федеральной структуры, способной справиться с организационными и правовыми задачами. К разработке десятков нормативных документов привлекли многих российских и зарубежных специалистов.

В феврале проходит пробная отработка механизмов аукционной продажи объектов торговли, сферы бытового обслуживания. С марта процесс малой приватизации набирает темп, охватывая российские регионы. Попытки работников государственной торговли поднять народ на протест против аукционной продажи магазинов и торговых точек поддержки со стороны населения не получили.

Центр сопротивления приватизации — в том же Верховном Совете. На одном из его заседаний А. Чубайс докладывает нашу программу. Согласно ей госу-

дарственная собственность может приватизироваться в двух вариантах, выбор которых остается за коллективом предприятия. Но и в первом и во втором учтены:

— интересы трудовых коллективов — право на льготное приобретение части акций по остаточной стоимости;

— интересы директоров — акции для руководителей предприятий;

— интересы местных органов власти — доходы от приватизации направляются, в первую очередь, в региональный бюджет;

— интересы граждан, не занятых в хозрасчетном секторе, — бесплатная приватизация за чеки.

Программа небезупречная, но основана на идее общественного согласия. Это — работающий компромисс, позволяющий добиться упорядоченного распределения собственности и запустить рыночный механизм, который впоследствии должен привести и к экономически эффективному перераспределению.

В ходе обсуждения в Верховном Совете, несмотря на сопротивление правительства, к двум вариантам добавлен еще один, открывающий возможность для трудовых коллективов выкупать по остаточной стоимости 51 процент акций предприятия. За этим шагом — еще не угасшее эхо большевистского: «заводы — рабочим», обернувшегося впоследствии всевластием бюрократии, стремлением спрятаться от суровых реалий рынка за спину трудовых коллективов. И неудивительно, что структура собственности приватизированных по этому варианту предприятий обрела характерные черты промышленных колхозов.

Правительство перед выбором: упорно стоять на страже чистоты замысла, затормозив процесс распределения прав собственности, или согласиться с искажающими план корректировками, понимая, что формирующаяся структура собственности будет далека от оптимальной. Потеря темпа для нас — непозволительная роскошь, и мы идем на уступки, которые разблокиру-

ют движение механизма приватизации, во многом предопределившее дальнейшее развитие экономических реформ в России.

Первоначально законодательство о приватизации не предусматривало введения наличного платежного средства — ваучера. Предполагалось создать систему именных приватизационных счетов и вести операции с этими счетами. Но с самого начала стало ясно: для того, чтобы использовать такой путь, нужно будет или сформировать еще одну, параллельную сберегательным кассам систему, или кардинально перестроить уже существующую, на что потребуются немалое время и колоссальные деньги. В таком случае реальное начало преобразования собственности отсрочилось бы по меньшей мере на год, что могло просто-напросто лишить страну ее исторического шанса.

Бедой многих приватизационных программ, реализованных в государствах Восточной Европы и республиках бывшего Союза, стала неликвидность приватизационных бумаг. Как только люди убеждались, что им дали в руки нечто такое, что никто не покупает и от чего, как говорится, ни тепло, ни холодно, интерес к самой идее приватизации резко падал. Поэтому мы решили, что принципиально важно ввести ликвидный приватизационный чек, который каждый человек волен либо сберечь, либо продать, превратив его в один из инструментов нарождающейся рыночной экономики. Вопрос, какой номинал ставить на чек, вообще-то беспредметен, ибо чек этот имеет только социально-психологическое значение, удостоверяя право на часть приватизируемой собственности. Его цена определяется объемом приватизированного имущества, уровнем финансовой стабильности, теми льготами, которыми обладают трудовые коллективы. В конце концов, из соображений простоты остановились на номинале в 10000 рублей.

Разработанный правительством план приватизации Президент поддержал, но термин «ваучер» вызвал у не-

го решительный протест. Он просто запретил членам правительства употреблять на совещаниях это, по его мнению, неприличное слово, говорить следовало только о приватизационных чеках. Может быть, он был и прав, но язык развивается по своим, не слишком послушным власти законам, внутренне стремится к максимальной лаконичности — термин прижился, и А. Чубайс, видимо, навсегда останется его крестным.

Значительная часть деловой элиты быстро осознала возможности, открывающиеся в ходе приватизации. Если в начале 1992 года образ счастья для директоров российских государственных предприятий еще прочно ассоциировался с социалистическим прошлым, когда им были гарантированы ресурсы, материально-техническое снабжение и, при нужде, государственное финансирование, то теперь многие из них примеряют к себе новый социальный образ акционеров и руководителей крупных частных корпораций.

Конечно, во всем — немалый риск. Начат процесс, в который будет вовлечено 148 миллионов людей. Им раздадут неведомые бумажки с неслыханным названием. Надо еще сделать этот ваучер по-настоящему ликвидным, двинуть ему навстречу масштабный объем государственной собственности — только тогда социальная база реформ расширится. Отсюда важнейшая проблема — создание потока предложений приватизируемого имущества. Для того, чтобы с ним работать, нужны чековые инвестиционные фонды. Госимущество пытается регулировать их работу, но их много, за деятельностью каждого не уследишь. В приватизации, увы, всегда есть элемент лотереи, но преимущество ее в том, что впервые за века государство не отбирает у человека его собственность, а пытается наделить его чем-то.

Мы понимали, что, получив ваучер, все 148 миллионов не изменят разом привычный образ мыслей, приоритеты ценностей, представление о шкале социальных приоритетов. Психология безусловного хозяина своего

имущества будет формироваться постепенно, на протяжении ряда лет, а может, и десятилетий. Ее не создашь по заказу.

И все же главное удалось. Спрос на приватизируемое имущество возник, начал нарастать, вынуждая местные власти относиться к приватизации весьма серьезно. Теперь им приходится решать проблему: куда население их территорий сможет вложить приватизационные чеки. К этому их подталкивает увязка объемов местного бюджета с доходами от малой приватизации, которая становится неизбежностью. И все это уже не фантазия, родившаяся в голове либералов-мечтателей, а социальная реальность, с которой вынуждены считаться даже ее противники.

Приватизация сама создает себе базу политической поддержки, становится трудноостановимой. Наглядное свидетельство тому — позиция большинства в Верховном Совете осенью 1992 года. При всей дикой истерике по поводу августовского указа Президента, введшего ваучер, оно так и не решилось принять, казалось бы, самое простое, однозначное решение: утвержденную программу приватизации отменить, саму приватизацию остановить. С началом выдачи приватизационных чеков это стало уже политически невозможным.

Итак, пользуясь военной терминологией, можно сказать, что в мае — августе 1992 года правительство под натиском превосходящих сил отступало, ведя арьергардные бои и стараясь, по мере возможностей, удерживать важнейшие направления, а на некоторых участках продолжало наступление.

Вскоре после апрельского съезда Ельцин назначает заместителя Председателя Верховного Совета Владимира Филипповича Шумейко первым вице-премьером российского правительства. Теперь, впервые с начала реформ, в правительстве два первых вице-преьера. У меня реальный контроль над ключевыми экономическими министерствами, в правительстве моя команда. И все же возникновение двух центров влияния при

явно колеблющемся, не уверенном в точности избранного курса Президенте — серьезный фактор, ослабляющий возможность вести осмысленную политику. Тем более, что ведь есть и другие центры: правительство не имеет серьезного влияния на Центральный банк, Пенсионный фонд. Отраслевые министерства довольно легко договариваются напрямую с отраслевыми комитетами Верховного Совета. И хотя лично Владимир Филиппович в это время вполне лоялен к проводимому курсу, но сама диффузия центра принятия решений открывает лоббистам слишком широкие возможности маневра.

13 июня, утром, накануне отлета Бориса Николаевича в Вашингтон на встречу с Бушем — звонок:

— Егор Тимурович, что вы скажете об идее назначить вас исполняющим обязанности Председателя правительства?

— Скажу откровенно, что при создавшейся ситуации идея мне кажется разумной. Она позволит добиться большей консолидации в правительстве.

— Должен ли я понять вас так, что вы благодарите меня за доверие? — спросил Ельцин. Я ответил, что да, без сомнения, благодарю.

Встретились на аэродроме. Ельцин проинформировал провожающих о принятом решении, подписанном указе, сказал, что направляет представление о моем утверждении в должности премьера в Верховный Совет.

С начала апреля, после отставки Бурбулиса, я де-факто возглавлял правительство и, как правило, вел его заседания; противники и сторонники проводимой политики уже называли наше правительство — правительством Ельцина — Гайдара. И все же до тех пор круг моих реальных полномочий и обязанностей в полной мере ограничивался хозяйственно-экономическими вопросами. Это в рамках российской традиции.

В России с начала века был набор так называемых царских министерств — Министерство обороны, Ми-

нистерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, охранка. Их руководители имели право прямого всеподданнейшего доклада царю, минуя председателя Совета министров. В ведение Совета министров входили в первую очередь вопросы финансовые, хозяйственные, социальные. Так было при Витте, Столыпине, Коковцове. По существу, эту же систему потом унаследовали большевики, заменив царя генеральным секретарем, затем она досталась демократам, где царские министерства стали Президентскими. И все же по жизни назначение исполняющим обязанности премьера — резкое расширение реальных прав, полномочий, сферы ответственности. В России, особенно предельно нестабильной, беспокойной России 1992 года, постоянно происходит что-то требующее немедленного вмешательства, подключения всех структур государства, в том числе и силовых. Отнюдь не всегда Президент на месте, может обеспечить межведомственное взаимодействие. Значит, приходится влезать в эти проблемы, брать ответственность за принятые решения.

То, с чем сталкиваешься, работая в правительстве, — частые и убедительные демонстрации справедливости знаменитого принципа Питера. Напомню, его суть в том, что в бюрократическом аппарате человек продвигается по ступенькам должностной лестницы до тех пор, пока справляется со своими обязанностями. И вот тогда, когда оказывается на уровне, для него непосильном, его карьера приостанавливается. Именно там он остается надолго. Разумеется, в бурном и хаотичном 1992 году принцип существенно модифицировался, но все же действовал.

Наглядный пример — история вице-премьера Георгия Хижи. Сильный генеральный директор объединения «Светлана». Потом в 1991—1992 — дельный первый заместитель мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака. В трудной ситуации он показал себя прекрасным организатором, способным действовать в сложных условиях. Поэтому, когда стало ясно, что нам придется

вводить должность вице-премьера, курирующего отраслевые министерства, я, по совету Анатолия Чубайса, хорошо знавшего Хижу, предложил Ельцину назначить Георгия Степановича на эту должность. Он энергично взялся за дело. Однако очень быстро выяснилось, что принимая реформы в целом, он совершенно не способен понять фундаментальные принципы управления экономикой в условиях рынка, смотрит на происходящее глазами директора завода. А потому и предлагает решения, которые кажутся ему полезными для предприятий, искренне не понимая их губительности для национальной экономики в целом. Хижа с мая становится главным борцом за увеличение бюджетного дефицита, за эмиссионное пополнение оборотных средств и взаимозачет. Абсолютно неизбежное в условиях такой политики резкое падение курса рубля, ускорение инфляции осенью 1992-го было для него полной неожиданностью. Жесткая, иногда даже резкая по форме полемика Чубайса, наиболее последовательно отстаивавшего реформаторский курс, и Хижи стала неотъемлемым атрибутом в работе правительства второго полугодия 1992-го. Впрочем, зла на Георгия Хижу не держу, не его вина, что он превысил уровень своей компетенции.

Силовые министерства по российской традиции обращаются в Совет министров в основном по хозяйственно-финансовым вопросам. Но в условиях кризисов премьеру постоянно приходится решать и другие проблемы.

Быстро убеждаюсь: важнейшая проблема в российской государственной машине этого времени — страстное нежелание кого бы то ни было принимать решения, стремление застраховаться, снять с себя ответственность. В процессе проводимых совещаний по развитию событий, скажем, на границе с Грузией, в Северной Осетии и Ингушетии, в Таджикистане, если жестко не потребовать действия, не надо удивляться,

что военные будут кивать на МВД, МВД на Министерство безопасности и так дальше до бесконечности.

Отнюдь не переоценивая своего таланта в организации переброски дивизий, очень быстро понимаю: либо в таких ситуациях буду брать ответственность на себя, действовать, докладывая о принятых решениях Президенту, либо в тягучей атмосфере взаимных кивков друг на друга так ничего сделано и не будет. Именно так пришлось действовать, например, в Кабардино-Балкарии, где летом 1992 года пытались повторить чеченский сценарий 1991-го. Необходимо было срочное подкрепление внутренним войскам, а МВД с Минобороны спорили о том, кто это должен делать и есть ли у Минобороны возможность обеспечить авиационный транспорт. Пришлось брать координацию на себя, усаживать вместе руководство МВД и Генштаба, заставлять действовать. В целом ситуацию удалось стабилизировать.

Тяжелая заноза в памяти — 1992 год, ноябрьский ингушско-осетинский конфликт. Хорошо помню, как все это началось. Впервые за несколько месяцев решил в воскресенье выспаться, не ходить на работу. Рано утром звонок. На границе Ингушетии и Осетии масштабные беспорядки. Захвачено вооружение батальона внутренних войск. Идет бой. Министерство безопасности назревающую взрывную ситуацию блестяще прозевало. Узнаем о происшедшем, как о свершившемся факте. Возникает реальная угроза получить новый Карабах с хроническими боевыми действиями, но уже на территории России. Президента нет, он в поездке по стране.

Связываюсь с генштабом, прошу срочно обеспечить переброску десантников. Звоню Виктору Ерину, спрашиваю, в какие сроки он может перебросить туда дополнительные внутренние войска, говорю, что военные в полном объеме помогут авиацией. Поручаю Георгию Хиже срочно вылететь во Владикавказ, возглавить оперативную группу правительства на месте, даю ему в

помощь Сергея Шойгу, председателя Комитета по чрезвычайным ситуациям, превосходно зарекомендовавшего себя в ходе проведения миротворческих операций в Южной Осетии и Грузии, в Молдове. Раскрутив машину, еду на аэродром встречать Бориса Николаевича, докладывать ему ситуацию.

Во Владикавказе крупные беспорядки. Огромные толпы на улицах, люди требуют оружия. Хижа и Шойгу связываются со мной, докладывают: если что-то немедленно не придумать, ситуация выйдет из-под контроля. Склады вооружения просто захватят. Беру на себя нелегкую ответственность, прошу их пообещать выдать оружие, но не сейчас, а утром, и не стихийно, а в организованном порядке — только по представлении документов воинского учета, через военкоматы, в рамках пополнения частей МВД. Толпа успокаивается.

В целом войска действуют достаточно быстро, решительно. Открытые боевые действия удастся притушить, нового Нагорного Карабаха явно не будет. И, вместе с тем, допускаем две серьезные ошибки. Во-первых, размещение нашего представительства во Владикавказе, столице одной из противоборствующих сторон, что вызывает у ингушей подозрение в пристрастии федерального центра к осетинам. Во-вторых, медлительные действия руководства внутренних войск привели к тому, что в ингушские села вошли не федералы, а осетинская милиция. Нетрудно представить, какой бедой это обернулось. В Назрани никто из высокопоставленных сотрудников российского правительства так и не решился появиться. Поэтому принимаю решение немедленно вылететь на место, побывать и в Назрани, и во Владикавказе, повстречаться с военными, разобраться в ситуации.

Первым делом направляюсь в Назрань. Еду на бронетранспортере внутренних войск. Зрелище не для слабоверных. Видны следы настоящего боя, разрушений, в Пригородном районе множество горящих домов. Нетрудно догадаться, что в первую очередь — ингушских.

На границе с Ингушетией встречает Руслан Аушев. Хорошо его знаю как председателя Комитета ветеранов афганской войны государств Содружества. Он только что срочно прилетел в Ингушетию. Пытается как-то стабилизировать обстановку, но, по-моему, сам еще очень слабо понимает, что произошло и что происходит. Руслан говорит, что на бронетранспортере дальше ни в коем случае ехать нельзя — подстрелят. Сажусь в его машину, он — за рулем. Центральная площадь в Назрани запружена беженцами, тысячи несчастных людей, ставших жертвами политиканов, что разыгрывали самую простую и, вместе с тем, самую опасную в политике карту радикального национализма. По дороге Аушев пытается выяснить мое мнение, кто стоит за всей этой страшной кровавой катавасией. К сожалению, ничем не могу ему помочь, доклады Министерства безопасности — по-прежнему свидетельство полнейшей беспомощности.

Потом — переговоры с ингушскими лидерами и с прибывшей в Назрань, чтобы предотвратить распространение боевых действий на территорию Чечни, делегацией чеченского правительства во главе с Яраги Мамадаевым. Тяжелый разговор с людьми на площади. По крайней мере, удастся добиться одного — у ингушей исчезает уверенность, что для российских властей в этом конфликте есть заведомо правая и заведомо неправая стороны.

Во Владикавказе встречаюсь с военными, с руководством республики, Верховным Советом, Временной администрацией по обеспечению чрезвычайного положения. Мы, как российские власти, категорически не можем принять принцип коллективной национальной ответственности. Считаю, что возвращение беженцев-ингушей в Пригородный район — первоочередная задача Временной администрации. Осетинским руководителям все это явно не по душе. Ясно, что процесс пойдет непросто. Тем не менее позиция российских органов власти должна быть четко сформулирована и

помощь Осетии в решении многочисленных проблем, с которыми она сталкивается, — увязана с сотрудничеством руководства республики в возврате беженцев, в создании для них нормальных условий жизни там, где их дом, родина.

К сожалению, после моей отставки российское правительство последовательно провести эту линию не сумело.

Еще одно место, требующее постоянного внимания российских органов власти, — Таджикистан. В 1992 году там нарастает хаос, постепенно переходящий в открытую гражданскую войну. Друг другу противостоят две силы; одну из них с большой долей условности можно назвать коммунистами, другую — исламистами. Исламисты сильнее в Гарме, Нагорном Бадахшане, коммунисты — в Кулябе. Обе стороны пытаются втянуть в конфликт дислоцированную в Таджикистане 201-ю дивизию, по меньшей мере — завладеть ее вооружением. Серьезнейшая проблема состоит в том, что дивизия в основном укомплектована российскими офицерами и местными солдатами. Именно их-то и хотят с разных сторон вовлечь в конфликт.

Русскоязычное население бежит из охваченной хаосом республики. Но доходят сведения, что местные власти этому препятствуют. Поступает информация о готовности наиболее радикального крыла исламистов использовать русских, живущих в республике, в качестве заложников. Беда еще в том, что мы не можем положиться на наши источники информации о положении в Таджикистане. В Министерстве безопасности, как всегда, нет точных данных, у службы внешней разведки данные ненадежны, а от недавно образованного в Душанбе посольства с интервалом в несколько дней поступают полностью противоречащие друг другу сведения. Принимаю решение вылететь в Душанбе, на месте самому разобраться в ситуации и понять, что же нам там делать. После встречи президентов СНГ в Бишкеке, где подробно обсуждалась критическая си-

туация, сложившаяся в Таджикистане, лечу прямо в Душанбе.

В городе атмосфера мрачная, напряженная. У встречающей правительственной охраны такой вид, что не понятно, то ли собираются перестрелять нас, то ли друг друга. Проводим переговоры с правительством Таджикистана, потом — беседы в 201-й дивизии, с ее командиром генерал-майором Ашуровым, с офицерами. Летим на вертолете над горящим Курган-Тюбе, где идет бой, в отряд к пограничникам.

Общий вывод после всех этих бесед: правительство Абдумалика Абдуладжанова ситуацию в стране не контролирует. Если не предпринять решительных действий, 201-я дивизия будет втянута в конфликт. В тот день, когда я был там, один из солдат-кулябцев угнал танк. Повел его на помощь своим. И такое уже не в первый раз. Необходимо срочное усиление дивизии и пограничников российским личным составом. Ясно, что развитие событий в ближайший месяц будет носить чисто силовой характер. Угроза для русскоязычного населения республики реальна.

Прилетев в Москву, доложил ситуацию Президенту. Договорились принять меры по усилению 201-й дивизии, с тем чтобы превратить ее из заложницы противостоящих сил в дееспособную боевую единицу, не допустить втягивания ее боевой техники в войну. Руководить операцией было поручено первому заместителю главнокомандующего сухопутными силами генерал-полковнику Эдуарду Аркадьевичу Воробьеву. Он прекрасно проявил себя до того в качестве руководителя миротворческих сил в Молдове. Этот подчеркнуто интеллигентный генерал с мягким, даже не командным голосом принадлежал к ограниченному кругу тех военачальников, которых почему-то всегда направляют на самые тяжелые, опасные участки. В 1992—93 годах он и заместитель министра обороны генерал-полковник Георгий Григорьевич Кондратьев чаще всего оказывались в таком положении.

Мой опыт общения с военачальниками в условиях кризиса подтверждает, что в армии действует та же закономерность, что и в гражданской жизни — показная решительность и громкий командный голос отнюдь не всегда свидетельство способности четко и организованно действовать в условиях высокого риска.

Параллельно, на крайний случай, создали группу подготовки к реализации мероприятий по экстренной защите и, при необходимости, эвакуации русскоязычного населения из Таджикистана. Возглавил группу заместитель Председателя правительства Валерий Махарадзе. Подключили Госкомитет по чрезвычайным ситуациям, Министерство путей сообщения, подготовили поезд, транспортные маршруты, принципиально договорились с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым о координации действий в экстремальной ситуации.

Обстановка в республике продолжала накаляться, случаи захвата русских заложников, в том числе и детей, из угрозы стали реальностью. Эдуарду Воробьеву, Сергею Шойгу, вылетевшим на место, в расположение 201-й дивизии, приходилось действовать жестко, с предельной решительностью. Проведенная операция по усилению дивизии и погранотряда российским рядовым составом позволила прекратить растаскивание сконцентрированных там вооружений. Несмотря на то, что гражданская война в Таджикистане с тех пор продолжается уже больше четырех лет, крупномасштабную разовую операцию по эвакуации оттуда русского населения проводить не пришлось.

Как опасно могут развиваться события при отсутствии систематических усилий по обеспечению тесного взаимодействия силовых структур, показали в следующем году трагические события в том же Таджикистане, когда при поразительной медлительности и неповоротливости Министерства безопасности там была почти полностью уничтожена одна из российских застав.

Хорошо это понимал, поэтому, при необходимости,

всегда был готов взять ответственность на себя. Но когда экстремальная, кризисная ситуация чуть отступает, задумываюсь о происходящем, понимаю, что сам попадаю под действие принципа Питера. Ну с какой стати, вместо того, чтобы выстраивать финансово-денежную политику, именно я должен заниматься перебросками войск, в которых, право слово, никогда не мнил себя специалистом?

И все же, на фоне всех кризисов, главная забота правительства — угроза гиперинфляции. В борьбе с ней нам пришлось потерпеть серьезные поражения, но сражение не было проиграно.

С 1 июля 1992 года был введен, а к началу осени в масштабах всей рублевой зоны в полном объеме заработал механизм корреспондентских счетов. Теперь мы могли не только получать сведения о денежных потоках, но и оперативно, в ежедневном режиме, их контролировать. Центральный банк России обрел наконец инструмент для регулирования динамики денежной массы в России. Денежные взаимоотношения с другими республиками стали сферой сознательного выбора и политических решений, а не соревнованием в темпах эмиссии.

С июля же после обособления российского денежного оборота, была введена конвертируемость по текущим операциям, отменена принудительная продажа 40 процентов валютной выручки Министерству финансов по заниженному официальному курсу. Завершив переговоры с Международным валютным фондом, Россия получила наконец первый миллиард долларов кредита на пополнение валютных резервов.

Серьезно изменилось продовольственное положение. Приличный, более высокий, чем в 1991 году, урожай, возросший объем госзакупок в сочетании с заработавшим рынком позволили государству снять с себя значительную часть забот о продовольственном обеспечении населения. Безналичный национальный рубль вновь сделал продовольственный экспорт в Россию

привлекательным для государств СНГ. В целом к концу лета стало ясно — угроза продовольственной катастрофы, столь серьезная год назад, перед страной больше не стоит. Нет больше и угрозы налично-денежного кризиса, что снимает крупнейший источник социальной напряженности.

Предприятия начинают постепенно приспосабливаться к радикально изменившимся реальностям, в том числе к резко сократившемуся объему оборонного заказа, новым ценовым пропорциям. Ослабевает шоковое воздействие удара, нанесенного банкротством Внешэкономбанка.

К началу осени определенную дееспособность обретают российские силовые структуры. Формирование Министерства обороны, перевод армии под российскую юрисдикцию — пусть тяжело, с неприятием, сопротивлением — все это меняет к лучшему ту предельно опасную ситуацию, при которой вооруженные силы в конце 1991 — начале 1992 года оказались просто бесхозными. В работе с военными одной из важнейших задач я считал преодоление в их среде сформировавшейся, и не без оснований, психологии «крайнего», когда после Баку, Тбилиси, Вильнюса политическое руководство раз за разом стремилось спрятаться за спины военных от ответственности, переложить ее на них. Именно поэтому, требуя энергичных действий по защите складов оружия, я подписал постановление правительства, дающее армии право в случае нападения без колебаний открывать огонь на поражение.

Миротворческая операция по разведению сил в грузино-осетинском противостоянии в Южной Осетии стала, пожалуй, первым за все эти годы примером успешного смягчения опасного межнационального конфликта.

В системе силовых структур, как мне кажется, наиболее серьезные проблемы для нас возникали в Министерстве безопасности. Неуверенность в надежности его работы ставила правительство в непростое положение.

ние. Я предпринимал постоянные, но, как правило, бесплодные попытки получить от этого ведомства информацию о коррупции в министерствах, аппарате правительства. Кроме лирических рассуждений о том, что с коррупцией надо бороться, добиться ничего не удавалось. Поначалу думал, что более содержательная информация поступает к Президенту. Несколько раз говорил с ним об этом. Объяснял, как трудно правительству работать в потемках, ходить по минному полю без миноискателя. Потом понял, что и у него надежной информации нет. Зато любые закрытые или открытые правительственные и Президентские бумаги немедленно попадали в коммунистические и нацистские газеты. В общем, если МБ и работало, то явно не на нас. К сожалению, в это время Президент еще вполне доверял Виктору Баранникову, полагал, что тому пока просто не удастся овладеть рычагами управления в бывшем КГБ. Нашумевшая история, выявившая собственную причастность министра безопасности к коррупции, стала известна значительно позже. Это уже сюжет из 1993 года.

К лету 1992 года явно обозначился перелом и во внешнеполитическом положении страны. Целиком и полностью зависеть в снабжении хлебом от кредиторов, хорошо знающих о твоей неплатежеспособности, и пытаться при этом на переговорах надувать щеки — не слишком завидная позиция. Теперь нормализация продовольственной ситуации, рост валютных резервов позволили распрячиться и не тянуть так откровенно руку за подаянием.

Уже на встрече Большой семерки в Мюнхене с участием России мы в разговоре переносим акцент с многомиллиардных кредитов, увеличивающих и без того нашу чрезмерную задолженность, на открытие западных рынков для российских товаров. В переговорах с американскими партнерами акцентирую внимание на дискриминационной практике ограничения доступа на их рынок российского урана, космической техники.

С европейцами — на подготовке приемлемого варианта договора между Россией и Европейским сообществом.

Но наиболее разительные изменения происходят в отношениях с государствами Содружества. После введения российского безналичного рубля их замкнутая в свои национальные рамки эмиссионная политика, эксперименты с «мягким вхождением в рынок», с финансовой «поддержкой производства» подхлестывают инфляцию уже не в России, а у них дома и быстро обесценивают национальные валюты по отношению к рублю. И тут выясняется: чтобы расплатиться за поставки из России, нужно сделать такую элементарную вещь, как продать туда свои товары и получить за них российские деньги. Еще недавно оптимальная стратегия всемерного ограничения экспорта в Россию, переключения его на любые другие рынки теперь начинает давать явный сбой. Резко растет интерес к российскому рублю, российскому рынку, экономической кооперации с Россией. Хотя еще предельно неустойчивая, но свободно конвертируемая российская валюта создает наконец новый стержень интеграционных процессов в СНГ, способных заменить распавшуюся принудительную кооперацию.

При решении самых срочных и болезненных проблем в отношениях с соседями по СНГ, таких как проблема Черноморского флота, нарастающая сила конвертируемого рубля и стремительное обесценивание купона заметно сказываются на ходе и результатах переговоров. Реальную почву обретают проекты создания зоны свободной торговли, таможенного союза, координации денежной политики.

Подводя итоги этому сложному году поражений и побед, можно сказать, что правительство, отступившее в мае — августе, затем серьезно укрепило свои позиции, создало основные предпосылки успеха стабилизационной политики. Введена национальная конвертируемая по текущим операциям валюта, начали восста-

навливаясь валютные резервы, достигнуто приемлемое, несравненно более благоприятное, чем год назад, соглашение с кредиторами об отсрочке выплаты по союзному долгу, сложилась система работающих рынков, снята продовольственная проблема, развернута приватизация, быстро растет частный сектор.

Теперь, вроде бы, можно уверенно двинуться по этому пути, снижая темпы инфляции. Но это лишь видимость. Слишком тяжелым был этот год, слишком много было борьбы, со многими пришлось испортить отношения. К тому же забрезживший, как говорится, свет в конце туннеля вызвал у многих желание отнять у нас руль и поручить самим, теперь это уже было не так опасно, как в начале пути.

В одном из своих первых интервью, в ноябре 1991 года, я сказал, что, по всей видимости, вынужден буду уйти в отставку в конце 1992 года, и что вероятным поводом для этого станет бюджетная политика, разногласия с Верховным Советом. Прогноз этот оказался довольно точным.

Глава 9 ОТСТАВКА

*Съезд народных депутатов • Доклад правительства •
Оппозиция предлагает компромисс • Голосование • Холостой
выстрел Президента • Виктор Черномырдин • Дружба или
политика?*

К концу ноября для меня вполне ясно — на предстоящем съезде народных депутатов смена премьера неизбежна. Конечно, то и дело появляются ходяки от оппозиции и так называемых центристов, обещают поддержку, если я возьму в правительство того или иного из их людей, да заодно соглашусь с отставкой некоторых своих единомышленников.

Особенно энергично требуют голов заместителя премьера, курирующего внешнеэкономические связи и отношения с СНГ А. Шохина, министра внешнеэкономических связей П. Авена, министра экономики А. Нечаева. Именно на их места предлагают альтернативные кандидатуры. Чубайса не трогают, видимо, понимают, что обсуждать со мной тему его отставки и вовсе бессмысленно. Особенно активны А. Вольский и его коллеги по Гражданскому союзу, обещают в обмен поддержку директорского корпуса, широко представленного на съезде. Откровенно отвечаю и в кулуарах, и публично: для меня подобный торг — за гранью возможного.

По здравом размышлении, прихожу к выводу: можно, конечно, попытаться сохранить и после съезда положение и. о. премьера с еще более ослабленной позицией, при нелояльном Центральном банке и враждебном Верховном Совете, но для дела полезнее добиться утверждения съездом такого премьера, с которым можно перегруппировать силы и продолжить на-

чатую работу. Предлагаю Президенту выбрать второе. Рекомендую кандидатуру Ю. А. Рыжова, академика, российского посла во Франции.

Президент отвечает: — Подумаем. И посмотрим, как пойдет съезд...

Мощная увертюра съезда — речь Р. Хасбулатова, во многом базирующаяся на тексте доклада отделения экономики АН и фонда «Реформа». Цитаты оттуда включены целыми блоками. Бесспорно, сильное популистское выступление, рисующее простую и понятную для народных депутатов картину: в России идет борьба между двумя путями развития, один — монетаристский, американский, гадкий, по нему нынешнее правительство пытается тащить страну, другой — социально ориентированный, шведский, спасительный для России, милый сердцу большинства людей...

Съезд заморожен. Как все, оказывается, просто и замечательно! И депутаты в зале многозначительно, с гордостью поглядывают друг на друга: выходит, они вовсе не отраслевые лоббисты, выколачивающие из казны ничем не обеспеченные деньги, и не демагоги, раздающие избирателям невыполнимые обещания. Они — последовательные борцы за установление в России хорошей, шведской модели социализма!

Обычно я просыпаюсь очень рано, но на следующий день еще раньше раздался телефонный звонок Президента: Егор Тимурович, надеюсь, дадите отпор этому демагогу?

Утром выступил с итоговым докладом о работе правительства. Но это был не просто итог, а, скорее, осмысление совершенно нового качественного этапа в развитии страны, который начался в августе 1991 года. Поэтому, несколько выбиваясь из стиля книги, все же позволю себе привести стенограмму этого доклада с большими купюрами.

Уважаемый Президент! Уважаемый Председатель! Уважаемые народные депутаты!

Чуть больше года тому назад приступило к работе

наше правительство. Мы с самого начала представляли себе, какой огромный груз ответственности ложится на наши плечи. Можно сколько угодно изучать чужой опыт, строить теоретические модели, проводить социологические исследования, изучать болевые точки своей экономики, и все равно никто, пока не начнутся реальные преобразования, не скажет, как отреагирует огромная страна на принципиально новый механизм социально-экономического регулирования. Не произойдет ли сбоев в основных системах жизнеобеспечения, не возникнут ли неконтролируемые социальные конфликты в сверхмилитаризованной, начиненной ядерным оружием стране?

Именно страх перед этой ответственностью сковал энергию последних союзных правительств, послужил основой их бездеятельности и в конце концов привел к краху Союза. Парализующее влияние страха перед этой ответственностью явно сказывалось и на работе первых демократически сформированных органов власти России в течение полутора лет накануне осени 1991 года...

Именно в этой ситуации, когда все уже устали от бесконечных разговоров о реформах, когда всем ясно, что старая система не работает и разваливается на глазах, и стала возможна атмосфера пятого съезда, решение Президента взять на себя дополнительные полномочия и ответственность за то, чтобы наконец запустить практически процесс реформ.

Придя к рычагам управления в этой ситуации, мы, разумеется, не могли позволить себе и дальше заниматься приятными дискуссиями о том, в какой же последовательности осуществлять преобразования. Тем более что как специалист могу вас заверить: теоретически выверенного ответа на вопрос, что надо делать раньше, чтобы обеспечить успех реформ, не существует.

В основу своей работы мы положили простой принцип: если старая система управления все равно не ра-

ботает, в каждый данный момент надо пытаться делать все для того, чтобы запустить рыночный механизм. Исходя из этого, мы и работали на протяжении последнего года. И сейчас можно подвести некоторые первые итоги, проанализировать, что получилось, посмотреть и оценить собственные ошибки, постараться извлечь из них уроки.

Первое и главное, что все-таки удалось сделать, — сдвинуть реформы с мертвой точки, запустить рыночный механизм. Да, он работает еще далеко не совершенно. Да, наш рынок далек от рынка идеальной конкуренции. Без всякого сомнения, он еще обременен рецидивами традиционной административно-командной системы. И вместе с тем чем дальше, тем более очевидно, что производство начинает реагировать на изменяющийся спрос, что директора начинают в первую очередь заботиться о проблемах сбыта, что деньги выходят на первый план, происходит монетаризация экономики, что при всем несовершенстве нашего потребительского рынка заботы людей о приобретении продуктов в огромных, многочасовых очередях отходят на второй план по сравнению с другими, более серьезными проблемами, которых у них остается достаточно много и которые стали результатом несовершенной, слабой рыночной экономики.

Нашей важнейшей задачей было, запустив этот рыночный механизм, не допустить сбоев в основных принципиальных системах жизнеобеспечения. Вы помните тональность дискуссий осенью прошлого года и здесь, и в прессе, нашей и зарубежной. Ведь обсуждался вопрос не о том, насколько сократится в 1992 году производство танков, минеральных удобрений или даже хлопчатобумажных тканей. Речь шла об угрозе массового голода, холода, паралича транспортных систем, развала государства и общества.

Ничего этого не случилось. Угроза голода и холода не стоит. Мы прошли этот тяжелейший период адаптации к реформам без крупных социальных катаклизмов.

При всех разговорах о массовом недовольстве реформами нам удалось сохранить социальную стабильность в стране.

Парадоксально, но факт: за десять месяцев тяжелейших реформ число потерь времени от забастовок в промышленности сократилось в 6 раз по сравнению с 1991 годом. Все труднее вывести людей на митинги, демонстрации протеста. Если в апреле состоялось 152 забастовки со 154 тысячами участников, то в октябре — лишь четыре с тремя тысячами участников. При всей огромной тяжести преобразований, при всех трудностях того пути, который приходится пройти, российский народ оказался намного умнее и прозорливее, чем о нем думают не слишком уважающие его политики. Он точно понимает необходимость преобразований и готов трудиться, готов работать, а не раскачивать лодку нашего собственного благополучия.

Нашей задачей было обеспечить реальный старт приватизации, перейти от слов к делу. Не всего удалось добиться. Мы немного отстаем от выполнения заданий по программе приватизации на 1992 год, видимо, по объему она не будет выполнена. По тому, как идут дела, ясно, что к концу 1992 года будет приватизировано около 40 тысяч предприятий, то есть мы делаем еще медленные, слабые, но уже реальные шаги к формированию многосекторной экономики.

Проблемой, определяющей то, насколько нам удастся пройти этот год без серьезных, катастрофических катаклизмов, была проблема валюты и взаимодействия с международным финансовым сообществом. Мы вынуждены были начать реформы с нулевыми валютными резервами, с абсолютно неуправляемым союзным долгом, с обязательствами выплатить в 1992 году около 20 миллиардов долларов задолженности, на обеспечение которой не было денег, с острой потребностью в важнейших ресурсах, поступающих по импорту... В результате сложных переговоров нам удалось добиться реальной фактической отсрочки выплаты задолженно-

стей и вместо 20 миллиардов выплатить примерно полтора миллиарда долларов, не остановив вместе с тем ни импорт, ни поток новых кредитов. За год мы получили возможность привлечь примерно 14 миллиардов долларов в виде двусторонних кредитов и кредитов международных финансовых организаций, и на этой основе, особенно весной прошлого года, профинансировать критический импорт, в первую очередь импорт зерна, а также — медикаментов, ряда важнейших комплектующих изделий. Если бы этой возможности не было, нужно вам сказать честно, угроза голода весной 1992 года была бы абсолютно реальной, а падение поголовья крупного рогатого скота сейчас составляло бы не 3 процента, а как минимум 40 процентов.

Что в первую очередь не получилось, по нашему мнению?

Наибольшие неудачи постигли нас в области финансовой стабилизации и в области политики укрепления рубля. Мы надеялись, что меры жесткой финансовой и денежной политики позволят из месяца в месяц снижать темпы инфляции, повысить реальный курс рубля по отношению к доллару, зафиксировать его на реалистичном уровне и перейти к конвертируемости рубля по фиксированному курсу.

В течение первых месяцев казалось, что мы близки к достижению этой цели, темпы увеличения денежной массы росли медленно, бюджет был фактически сбалансированным, темпы инфляции от месяца к месяцу снижались, курс рубля к доллару рос. К сожалению, с июня произошло существенное ослабление и кредитно-денежной, и финансовой политики, резко пошли вверх темпы роста денежной массы. За эти 4 месяца она увеличилась почти в 2,5 раза. Естественно, это немедленно сказалось на валютном курсе, сломало тенденцию к его снижению, а с характерным двухмесячным лагом привело и к перелому динамики цен, резко всплеску их роста, начиная со второй половины августа. Здесь, без всякого сомнения, нас постигла тя-

жая неудача, опасная и в сегодняшней ситуации, и для перспектив реформы...

Как выглядит ситуация сегодня? Она действительно очень и очень тяжелая, я бы сказал — критическая. Реальная тяжесть настолько серьезна, что мне трудно понять, зачем помощникам глубокоуважаемого председателя пришлось для ее демонстрации прибегать к цифрам, которые не совсем точно соответствуют действительности. Скажем, посмотрев в статистический сборник, который, я надеюсь, вам роздан, нетрудно убедиться, что спад жилищного строительства за десять месяцев составляет не две трети, а двадцать семь процентов. Нетрудно заметить и то, что капитальные вложения в народное хозяйство составили не 17 миллиардов, а триллион пятьсот миллионов. На народное образование выделен не 21 миллиард, а 600 миллиардов. И так далее. Я не буду множить список подобного рода недоразумений.

Если необходимо продемонстрировать реальную тяжесть сегодняшнего экономического положения, это можно сделать вполне реальными, соответствующими действительности цифрами. И здесь, пожалуй, самое серьезное — это действительно предельно высокие, очень опасные темпы инфляции. К октябрю, в результате ослабления кредитно-денежной политики, мы вышли на уровень инфляции, соответствующий 25 процентам в месяц. Это уже близко к 50 процентам — технической границе гиперинфляции, когда начинается резкое ускорение обращения денег, нерегулируемое бегство от них, общее разрушение денежного обращения с фатальными последствиями для целостности экономики и государства. Именно поэтому осуществление последовательной антиинфляционной политики по-прежнему остается важнейшим в деятельности любого ответственного правительства.

Можно, разумеется, приводить и другие пугающие цифры. Но можно увидеть и цифры, свидетельствующие о начавшихся слабых, но позитивных сдвигах, об-

ратить внимание на то, что с августа кризис приобретает все более структурный характер, что на протяжении трех месяцев устойчиво идут вверх темпы производства ряда важнейших товаров народного потребления.

Однако, в общем, дело ведь не в том, чтобы пугать себя страшными цифрами катастрофы или утешать наметившимися позитивными сдвигами. Гораздо важнее ответить на вопрос, что же нам делать для того, чтобы стабилизировать ситуацию, взять ее под контроль, для того, чтобы заложить основы оздоровления экономики.

Во вчерашнем выступлении Руслан Имранович Хасбулатов сформулировал свой диагноз тех альтернатив, которые стоят сегодня перед Россией, того экономико-политического выбора, который предстоит сделать. Суть его такова. Есть две модели: монетаристская американская и социально ориентированная европейская (скандинавская). Надо выбрать, в каком обществе мы хотим жить (в скандинавском или американском), и, исходя из этого, строить экономическую политику в России в ближайшее время.

При всем желании, мне пока очень трудно соотнести эту альтернативу с теми тяжелыми практическими проблемами, которые каждый день приходится решать российской экономике...

Конечно, если мы будем очень хорошо и очень успешно работать, сумеем сформировать многосекторную экономику, покончить с всевластием чиновничества, всерьез открыть широкую дорогу предпринимательству, интеграции нашей страны в мировой рынок, то через три-пять лет, может быть, нам действительно придется обсуждать, какой же мы хотим иметь тип общества — американский или скандинавский. Пока, к сожалению, я не могу столь высоко оценить результаты нашей работы.

Попробуем, однако, сосредоточиться на тех практических вопросах, по которым у нас возникают разногласия с Верховным Советом. Естественно, что, во-

первых, они возникают в связи с утверждением бюджета на 1992 год. Верховный Совет принимает и записывает в бюджет дополнительные расходы на 1300 миллиардов рублей. Что это — социально ориентированная политика и рыночная экономика? Результатом является резкое обострение бюджетных проблем практически во всех регионах, кризис региональных бюджетов, резкое увеличение расходов федерального бюджета и его обязательств, резкое увеличение денежной массы с июля — августа и ускорение инфляции, начиная со второй половины августа. Если это называется социально ориентированной рыночной экономикой, то, прошу прощения, Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу. Подобного рода решения, к сожалению, изучают совсем в другом разделе теории, там, где речь идет об экономике популизма, о проблемах хронической бедности и застойной слаборазвитости...

Реальная дилемма, которая стоит сегодня перед нашим обществом, к сожалению, гораздо более тяжела и драматична, чем выбор между американской и скандинавской моделями. Преступное промедление с давно назревшей структурной перестройкой экономики, с проведением назревших экономических реформ тянет, тащит нашу экономику вниз, в пучину слаборазвитости. Мощная, но страшно милитаризованная, обремененная архаичной структурой, экономика пытается выбраться из этого кризиса. Куда мы пойдём? Сумеет ли вытащить нашу страну из слаборазвитости, сумеет ли взять твердый курс на присоединение к сообществу цивилизованных рыночных государств? А потом уже будем выбирать, хотим мы иметь высокие налоги и обильные социальные программы или низкие налоги и «дешевое» государство. Или все-таки инерция спада, инерция развала потащит нас дальше вниз, к хронически нестабильной финансовой системе, и из-за этого — к предельно низким сбережениям и низким инвестициям, к хиреющему за протекционистским барьером собственному промышленному комплексу, к

хронической бедности, а потому — и политической нестабильности, к чередующейся, столь привычной для «третьего мира» плеяде популистских политиков и авторитарных диктаторов. В этом состоит, по моему глубокому убеждению, реальная, гораздо более суровая альтернатива сегодняшней социально-экономической политике в России.

Конечно, очень легко скатиться на первый путь, на путь слаборазвитости. Для этого достаточно втянуться в опасную конфронтацию между различными ветвями власти и замедлить рыночные преобразования. И тогда путь Африки и Латинской Америки будет нам гарантирован.

А вот для того, чтобы уйти с этого опасного пути, требуется гораздо больше. Для этого необходимы точные и четкие ответы на самые острые вопросы, которые стоят сегодня перед нашей экономикой, последовательность и координация действий всех ветвей власти...

Далее в докладе я остановился на самых животрепещущих проблемах текущей политики: на том, что мы делаем для пресечения инфляции и укрепления рубля; на инвестиционных проблемах и вопросах стимулирования коммерческих банков; на задачах агропромышленного комплекса, в том числе — на развитии фермерского сектора. И конечно же, на вопросах приватизации; на отношениях центра с регионами; на внешне-экономической деятельности. И подробнее всего — на нашем видении проблем социальной сферы и мерах, которые необходимо здесь проводить в жизнь.

Закончил я доклад следующими словами:

Уважаемые народные депутаты! За столь короткое время, отпущенное мне регламентом, я, разумеется, не имею возможности детально остановиться на всех направлениях работы правительства, на всем, что мы считаем необходимым делать для стабилизации российской экономики. Но еще раз подчеркну, что реальная ситуация, реальные возможности маневра в огром-

ной степени predeterminedены валютным положением страны, отсутствием резервов, предельно опасной инфляционной ситуацией, деформированной структурой экономики, массой факторов, с которыми придется считаться любым органам власти, хотя бы они этого или нет.

Мы не на широкой площади, где можно спокойно обсуждать, каким путем идти в счастливое будущее. Мы на тоненькой, узенькой тропинке. Только четкое продвижение по ней и может вывести нас из тяжелейшего кризиса, поможет войти в содружество цивилизованных народов. Сорваться с этой тропинки очень просто, если не будет конкретной, конструктивной, созидательной и ответственной работы всех органов власти России. Из этого мы и считаем необходимым исходить в своей работе. Спасибо.

Выступая с докладом, я прежде всего хотел, чтобы депутаты поняли: на смену избранного курса мы не пойдем.

В развернувшейся дискуссии Руслан Хасбулатов выпустил самых сильных ораторов под занавес, именно они должны были доконать правительство. В то время таковыми были Аман Тулеев и Николай Травкин. Председатель Кемеровского облсовета Тулеев выступил с развязной, но яркой речью, рассказал о том, как Гайдар, которого он просил, как отца родного, дать денег на хлеб для Кузбасса, отказал ему в этом, злодей. Речь произвела впечатление. А вот председатель ДПР, глава администрации Шаховского района Н. Травкин, испытанный боец, ключевой оратор оппозиции, на этот раз подкачал. Накануне в одной из газет появились откровения некой дамы, рассказавшей, как она спала с Хасбулатовым, а вот Травкину заполучить ее не удалось. Задетый за живое, он начал оправдываться и объяснять, что ему не очень-то и хотелось, а если бы захотелось, то и получилось бы. Критика в адрес правительства оказалась явно смазана.

Новая схватка разгорается вокруг попыток оппози-

ции протащить через съезд поправки к Конституции, урезающие права Президента. Ее инициаторам кажется, что удача совсем близко, однако не хватает нескольких голосов. Серьезное поражение Р. Хасбулатова, столько шума — и опять ничего. На встрече Президента с Советом фракций один из лидеров оппозиции неожиданно выступает с идеей пакетного соглашения, смысл которого в том, что Президент будет назначать силовых министров по согласованию с Верховным Советом, а оппозиция даст добро на утверждение Гайдара премьером. Идея абсолютно неожиданная, импровизированная, но Президенту она нравится, и он сразу же соглашается.

Перед голосованием по утверждению премьера Президент спросил, сколько по моей оценке получим голосов. Нужно было, кажется, 524; ответил, что, думаю, не более 450—460, что слова своего они не сдержат. Борис Николаевич пожал плечами — этого не может быть, поддержат 540—550 депутатов. После голосования, подтвердившего мою правоту, я поехал к себе в кабинет на Старую площадь. Позвонил Ельцин, было понятно, что он в тяжелом настроении, любой обман Президент переживал очень сильно. Спросил меня: ну что, Егор Тимурович, вы все улыбаетесь? Что теперь будем делать? Ответил, что плакать оснований не вижу, раз они нарушили договоренность, буду пока «исполнять обязанности», а там посмотрим.

На следующий день, в начале восьмого утра — звонок В. Илюшина, первого помощника Президента. Передает его поручение — в 9.30 собрать в малом зале на Старой площади правительство. Ощущение пренеприятнейшее. Провожая меня, Маша вспоминает «Пикник на обочине»: «Что, ступил в ведьмин студень?» Прекрасно понимаю, что моя скромная персона — не причина, а повод для нового витка конфронтации.

Срочно собираю совещание членов правительства. Еще есть надежда убедить на нем Президента не де-

лать непросчитанных ходов. Но нет, сообщают, что он на заседание не приедет, поедет прямо на съезд. Звонит Г. Бурбулис, информирует: сейчас зайдет Сергей Михайлович Шахрай, принесет документ, вы не удивляйтесь — это полезное дело, правильное решение. Убеждение в том, что мы и второй ногой — в ведьмин студень, крепнет. В заявлении Президент предлагает провести референдум по вопросу о доверии. Либо съезду, либо ему самому, и в зависимости от его результата провести досрочные выборы. Заявление вполне конституционное, в рамках закона, но, на мой взгляд, весьма плохо подготовленное, а главное — несвоевременное. Апеллировать к народу из-за того, что не утвердили премьером человека, который разморозил цены и с которым ассоциируется очень тяжелый отрезок в жизни страны, — на редкость неудачная идея.

При всем том, уже хорошо зная Бориса Ельцина, понимаю: пытаться в этот момент удержать его за фалды — абсолютно бесполезно, будет то же самое, но только еще хуже. Собираю министров, информирую их о том, что Президент принял решение обратиться к народу. Призываю всех соблюдать порядок. Суть совещания: в подведомственных системах не допускать каких бы то ни было провокаций, политическая ситуация крайне серьезная. Реакция многих отраслевых министров, как я и ожидал — негативная. В их отраслях и без того кризисное положение, а референдум потребует новых непредусмотренных затрат, и больших. Ясно, что об осмысленной экономической политике в ближайшие месяцы, пока будем готовить и проводить референдум, даже говорить нечего. И каков итог? В экономике — сразу проиграем. Что выиграем в политике — непонятно. Смотрим по телевизору обращение Президента, все угрюмо молчат.

Ельцин обвиняет Р. Хасбулатова в том, что тот стал орудием реакционных сил. И предлагает провести референдум. Хасбулатов выходит из зала. Президент, в свою очередь, призывает покинуть зал своих сторонни-

ков. Они не предупреждены, колеблются, уходит лишь очень малая часть. Все идет не так, как надо.

Первая тактическая победа оппозиции в этот момент — сохранение кворума, съезд легитимен, может работать и принимать решения. Оппозицию укололи, чуть напугали, но больно не сделали и, после минутной растерянности, она консолидируется. В зале подряд появляются: министр безопасности, министр обороны, министр внутренних дел. Выступление В. Баранникова особенно неприятно, он как бы присягает на верность съезду. Министр обороны и министр внутренних дел говорят нечто невнятное, но уже сам факт их появления вселяет в большинство съезда уверенность. Создается ощущение, что за Президентом нет реальной силы, реальной поддержки. Съезд продолжает работать и принимает одну за другой самые неприятные поправки к Конституции.

Тем временем Президент едет на АЗЛК, выступает там перед рабочим коллективом. Мы несколько раз связываемся в течение дня. Сначала у него чувствуется боевой азарт, наступательность. Но он чуткий политик и уже через несколько часов понимает, что выстрел оказался холостым. К нему устремляется поток «доброжелателей», просят его пересмотреть свое обращение.

Ко мне приезжает Валерий Зорькин, уговаривает ради сохранения гражданского мира в России отказаться от поста премьера. Отвечаю, что ради гражданского мира можно отказаться и от большего, но важно быть уверенным, что речь действительно идет о пути к компромиссу, а не о капитуляции. Мой принцип — без крайней нужды никогда не ввязываться в драку, но если уж ввязался — драться до конца, пока есть силы. Если даже сделан очень неудачный шаг, надо постараться исправить его. Главное не дергаться, а действовать последовательно, наращивая свою инициативу. Ясно, что большинство съезда и сам Хасбулатов открыто непопулярны в народе. И значит, можно перевести акцент схватки с крайне неудачного вопроса о

назначении премьера на другие, значительно более существенные и понятные обществу ориентиры. Важно обеспечить поддержку тех групп, которые традиционно выступают за Президента и политику реформ. Поэтому убеждаю Ельцина ни в коем случае не идти на односторонние уступки.

Выступление Зорькина, призывавшего к переговорам исполнительной и законодательной власти при посредничестве Конституционного Суда, казалось, открывает дорогу к приемлемому компромиссу. Из переговоров, которыми с Президентской стороны реально руководил я, а с парламентской — Николай Рябов, вырисовывается формула соглашения. Основные пункты его выглядят так:

— Съезд отменяет наиболее неприятные из принятых поправок к Конституции.

— Будет проведен официально назначенный референдум по вопросу о доверии Президенту и съезду, который позволит разрубить гордиев узел двоевластия и открыть дорогу досрочным выборам.

— Президент после анализа предложений фракций представит съезду несколько кандидатур на пост премьера, из которых мягким рейтинговым голосованием будет выбрано три, получившие наибольшую поддержку. Затем одну из этих кандидатур Президент представит съезду на утверждение. Если она не будет утверждена съездом, Президент назначит «исполняющего обязанности» премьера.

В сложившейся тогда ситуации это был максимум возможного. Президент в полной мере сохранял лицо, не отказывался от референдума, получал широкую свободу маневра в выборе премьера. Б. Ельцин и Р. Хасбулатов на большей части переговоров отсутствовали. Когда же появились, формула уже была в основном выработана и согласована. Я предложил Президенту ее поддержать, он согласился. Р. Хасбулатову проект соглашения явно не понравился, но позволить себе ока-

заться в изоляции и выглядеть противником национального согласия он не мог.

У депутатов из числа наших сторонников соглашение вызвало неподдельный энтузиазм. У оппозиции — уныние. Р. Хасбулатову удалось провести его через съезд лишь благодаря своему таланту манипулятора. Почти сразу после голосования представители оппозиции устроили ему разнос, обвинив в соглашательстве. Он каялся, объяснял, что «бес попутал». Нам же казалось, что удалось превратить поражение, по меньшей мере, в почетную ничью. Оставалось решить вопрос о кандидатуре премьера.

Вечером накануне голосования Борис Николаевич пригласил членов правительства на ужин. Настроение было хорошее, всеми владело ощущение, что страшная гроза неуправляемой конфронтации прошла стороной. Воспользовавшись оживленным разговором коллег, попросил Президента поговорить наедине, сказал, что в создавшейся ситуации, особенно после всего произошедшего, считаю, что попытка удержать меня на посту премьера слишком опасна, она дает дополнительные возможности оппозиции дестабилизировать обстановку. Так как к этому времени Ю. Рыжов, несмотря на мои уговоры, твердо отказался баллотироваться, предложил выдвинуть и поддержать кандидатуру В. Каданникова, в готовность и способность которого вести последовательную политику реформ верил. Добавил, что в случае его назначения я, мои коллеги сможем остаться в правительстве, продолжить работу. Президент пообещал непременно его выдвинуть и сказал, что будет ориентироваться по ходу голосования.

На следующий день в первоначальный список для голосования были включены кандидатуры секретаря Совета безопасности Ю. Скокова, первого вице-премьера В. Шумейко, вице-премьера В. Черномырдина, В. Каданникова и моя. Ряд предложенных фракциями неприемлемых кандидатов Президент отклонил.

По итогам рейтингового голосования больше всего

голосов получил Ю. Скоков, чуть меньше — В. Черномырдин и с заметным отставанием — я. В. Каданников, поддержанный Ельциным, в своем выступлении слишком горячо высказался за реформы, а потому сразу выпал из обоймы.

После голосования — беседа с Президентом. Юрия Скокова я уже неплохо знал по совместной работе и был твердо убежден: поручить ему руководство еще не вышедшей из младенческого возраста российской рыночной экономикой ни в коем случае нельзя. Он вполне может задушить ее в своих энергичных объятиях. Да и, честно говоря, у меня не было уверенности, что в критических ситуациях он твердо встанет на сторону Президента, а не начнет суетиться, маневрировать. Все это я высказал Борису Ельцину. Впоследствии, в апреле 1993 года, мои опасения подтвердились.

К Виктору Степановичу Черномырдину отношение было намного сложнее. С того момента, когда через мою голову Президент назначил его вице-премьером, у нас сложились нормальные рабочие контакты. Он занимался своим комплексом, был человеком исполнительным, в общеэкономические вопросы не встречал и, на мой взгляд, неплохо справлялся со своими обязанностями. В премьеры, расталкивая других руками, не рвался и с самого начала сказал, что если будет необходимо — снимет свою кандидатуру.

Если бы случай возложил на него руководство российским правительством в конце 1991 года, до начала реформ, он, по всей видимости, повторил бы печальный путь Н. Рыжкова в Союзе, И. Силаева — в России, В. Фокина — на Украине, В. Кебича — в Белоруссии, людей, близких ему по опыту работы, по ментальности. Все они так и не смогли разорвать пуповину связей с социалистической экономикой. Конечно, в конце 1992 года ситуация была уже принципиально иной, предстояло продолжать начатое, а не строить новое, и все же... Вспомнилось, с какой жесткостью В. Черномырдин еще в «Газпроме» привел к повинове-

нию вздумавших играть в самостоятельность руководителей газодобывающих объединений. Для монопольной отрасли это был правильный выбор, но не решит ли он повторить его в России?

Сказал Президенту, что в создавшейся ситуации не могу сам снять свою кандидатуру, так как не уверен в том, что политика реформ будет продолжена преемником. Но если он все же остановит свой выбор на другой кандидатуре — прошу его отдать предпочтение В. Черномырдину.

После разговора со мной Президент пригласил к себе Черномырдина, потом Скокова, потом еще раз меня. Сказал, что разрыв между мной и Черномырдиным по числу набранных голосов слишком велик. Он принял решение рекомендовать на пост премьера Виктора Степановича, просит меня самого снять свою кандидатуру. Я ответил, что, к сожалению, не могу этого сделать, не убежден в том, что Черномырдин сможет удержаться на пути последовательного развития экономической реформы. Хотя из двух оставшихся кандидатов считаю этот выбор правильным. На Бориса Николаевича было больно смотреть, видно, что решение далось ему нелегко. Очень не хочется к тому же менять всего несколько дней тому назад заявленную позицию о моей поддержке, тем самым демонстрировать слабость. Еще раз сказал, что готов поддержать назначение Черномырдина, но снять с него бремя выбора, к сожалению, бессилён.

Вернулся в зал на места правительства, сказал собравшимся рядом со мной коллегам, что через несколько минут Борис Николаевич предложит кандидатуру Черномырдина. Депутаты демократических фракций все никак не могли поверить в произошедшее, бросились к Ельцину, уговаривали предложить мою кандидатуру. Он тяжело махнул рукой — решение принято.

После энергичного выступления Черномырдина, где он пообещал построить рынок без базара, провести ре-

форму без обнищания народа, я вышел из зала, поехал готовить передачу дел.

Накануне съезда члены кабинета сделали заявление о том, что будут участвовать в правительстве только в том случае, если я останусь во главе его. То же самое говорили мне в менее формальной обстановке не входившие в состав правительства члены моей команды, те, кто вместе со мной пришли начинать реформы. Однако после того, как моя отставка стала реальностью, я решил, что тащить их за собой из правительства было бы крайне неразумно. Предстоит тяжелая борьба за сохранение и упрочение реформ, а значит, чем сильнее будут позиции рыночников в российских органах власти, тем лучше.

Собрал коллег, сказал, что полностью освобождаю их от всяких обязательств по солидарным отставкам, считаю возможной их работу в кабинете В. Черномырдина, больше того, прошу некоторых из них, особенно А. Чубайса, непременно остаться и продолжить борьбу.

Встретился с В. Черномырдиным, ввел его в курс дел, которыми он раньше не занимался: финансы, деньги, валюта. Он хотел узнать, на чье мнение в решении этих вопросов можно полагаться. Посоветовались по кадровым вопросам. Откровенно рассказал, что думаю о сильных и слабых сторонах своих коллег. Разумеется, теперь ему самому решать, с кем работать, но все-таки он знает нашу команду намного хуже, может ошибиться, а ведь передаю-то я ему не пивной ларек, а российское правительство. В целом рекомендовал не торопиться с масштабными кадровыми изменениями, но подумать о возможности возвращения в правительство Б. Федорова, в это время российского директора Мирового банка.

Серьезная заноза в человеческих отношениях, связанная с отставкой, пожалуй, только одна — А. Шохин. С Александром мы работали вместе в отделе С. Шаталина в соседних комнатах стекляшки на Профсоюзной, входили в число любимых его учени-

ков, долгие годы дружили домами. Он, без сомнения, сильный, профессиональный специалист по социальным проблемам экономики, таким как дифференциация доходов, проблемы бедности, сбережения домашних хозяйств. В 1987—1991 годах министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе пригласил его к себе экономическим советником, затем руководителем экономического управления МИДа. Был очень рад его назначению летом 1991 года министром труда российского правительства. Чуть позже, осенью, он стал одним из основных разработчиков нашей совместной программы.

В первые месяцы работы нашего правительства ему выпала непростая и неблагодарная роль ответственного за социальную политику, с которой, в рамках возможного, как мне казалось, он справлялся неплохо. Для меня было предельно важно, что в самые критические месяцы социальное направление прикрывает квалифицированный человек, хорошо понимающий общий замысел, границы возможного. Но к весне 1992 года его отношения с депутатами Верховного Совета предельно накалились, отставки Шохина добивались энергично, напористо. В начале апреля Александр зашел ко мне, описал ситуацию, сказал, что на этом месте ему вряд ли удастся проводить осмысленную политику, да и, скорее всего, он станет одной из первых кадровых жертв. Я согласился, и в процессе реорганизации кабинета вывел его из-под удара, закрепив за ним внешнеэкономический блок и отношения с государствами Содружества. Работы здесь тоже было сверх головы, но не столь политически конфликтной. Он с благодарностью согласился и потом на этом посту неплохо проявил себя в переговорах с государствами СНГ, при подготовке к либерализации внешнеэкономических отношений и при выработке соглашений с кредиторами. Все же и тут его не оставили окончательно в покое, и мне неоднократно приходилось убеждать Президента, что отставка Шохина серьезно повредит делу.

Все время совместной работы в правительстве мы регулярно встречались, откровенно обсуждали политические и экономические вопросы, выкраивая время, обычно по ночам, ходили друг к другу в гости. Никак не мог себе представить, что наша дружба окажется заложницей политических передряг. Но именно это и случилось. Вечером в день моей отставки он зашел ко мне домой, сказал, что давно собирался высказаться откровенно о том, что я, по его мнению, не так делаю, и вот наконец собрался. В переводе на простой язык — дружба с отставным премьером стала обременительной, связывает руки.

Потом, несколько месяцев спустя, когда прошел слух о моем возвращении в правительство, Александр первым позвонил, поздравил. Впрочем, Бог ему судья. Что же до меня, то я по-прежнему с уважением отношусь к его профессионализму, но друга потерял. Наверное, политика и власть действительно не подспорье добрым человеческим отношениям.

В тот же вечер позвонила очень расстроенная Наина Иосифовна Ельцина. Говорила примерно следующее: вы такие молодые, такие умные, ну придумайте что-нибудь, помогите Борису Николаевичу, он немолодой человек, ему тяжело. Попытался ее успокоить, сказал, как и думал, что ничего не потеряно, все еще впереди.

Утром — звонок от Бориса Николаевича. Он предложил стать его главным экономическим советником. Я ответил, что вынужден отказаться — такое назначение будет слишком стеснять нового премьера, а я очень хорошо понимаю, насколько опасным может быть дублирование в руководстве экономикой, мешать ему не хочу. Помочь же Президенту всегда готов без всяких официальных должностей.

Глава 10 ДВОЕВЛАСТИЕ

Вдали от газет и телефонов · Некоторые теоретические выводы · Лешек Бальцерович · Звонок А. Чубайса · В одну телегу впрячь не можно... · В. Черномырдин и Б. Федоров · Верховный Совет переходит в наступление · На Васильевском спуске · Дуэль с А. Руцким · Дамоклов меч двоевластия · Я принимаю предложение Президента

Подмосковье. Первые трое суток спал, спал, спал. Какое счастье проснуться, глянуть в окно на заснеженные лапы елок и — заснуть снова. Когда выбрался наконец на улицу, услышал, что посвистывает ветер, хрустит снег под ногами, увидел симпатичную дворнягу. Возле запруды на озере парень в тулупчике сидел у лунки, наблюдая за поплавком...

— Как клюет?

— Да так, мелочишка.

Нормальный, живой, просторный мир возвращался ко мне со всеми его запахами, звуками. И вдруг несказанно далеким показался тот длиннющий и узкий, нелепый зал в Кремле, переделанный когда-то по приказу Сталина из целой анфилады, чтобы проводить там партийные съезды... Вот уж воистину чудовищный «коридор власти».

Чувства, которые я испытал сразу после отставки, были очень сложные, противоречивые. Это — и облегчение, и горечь.

Облегчение от того, что с плеч свалилась огромная тяжесть. Не надо больше отвечать за все происходящее в стране. Уже не раздастся тревожный звонок: где-то произошел взрыв на шахте, где-то потерпел крушение поезд. Не надо ни принимать решений, от которых зависит судьба людей, ни отказывать в финансовой поддержке регионам, крупным предприятиям, научным учреждениям, которые жизненно в ней нуждаются. Не

тебе нести ответственность за все несовершенства молодой российской демократии. Теперь за все это должна болеть голова у других. И вместе с тем — тяжелое чувство, что больше не можешь делать то, что считаешь нужным для страны, развитие событий пойдет независимо от тебя, будешь со стороны наблюдать за ошибками, которые ты не в силах поправить. Тревога — а сколько будет этих ошибок? А не перечеркнули они все то, что с таким трудом, такой ценой, но все же удалось сделать в России для становления рыночной экономики?

Вдруг приходит понимание того, насколько сам изменился, постарел. Всего год назад пришел работать в правительство молодым энергичным тридцатипятилетним человеком, а сейчас такое ощущение, что прибавилось по меньшей мере лет пятнадцать. И дело, в первую очередь, даже не в неожиданно открывшихся болячках, просто после этого сумасшедшего года радикально изменилось восприятие жизни, людей. Самое неприятное — стал гораздо жестче, холодней. Вместе с тем, бесконечно лучше знаю теперь, как устроена реальная власть, как принимаются решения, как переводятся стрелки, способные повернуть направление движения тяжелого поезда российской истории. Вообще я заметил, что во многом по-другому, как будто изнутри, начал смотреть на хорошо известные по книгам перипетии событий разных времен, понимать жизнь конкретнее, ярче, чем представлялось раньше. Пришло осознание того, что, принимаешь ты это или нет, но политика почти всегда — не выбор между добром и злом, а выбор между большим и меньшим злом. И начал лучше понимать людей, которые в свое время, стиснув зубы, поддерживали меньшее зло, закрывая глаза на его пороки.

Сразу после ухода от власти практически неизбежно у всех возникает синдром, который для себя называю: «лифт не едет». Основа термина — реальный случай. Как-то один из отправленных в отставку членов

*Novi 20
Gek*



“Март 1993 года. Митинг в поддержку Б. Н. Ельцина.
С отцом в одной шеренге”.



1993 год, Вашингтон.
С вице-президентом США
Альбертом Гором
в Белом доме.



На выставке
образцов новой
сельскохозяйственной
техники
в Ярославской области.

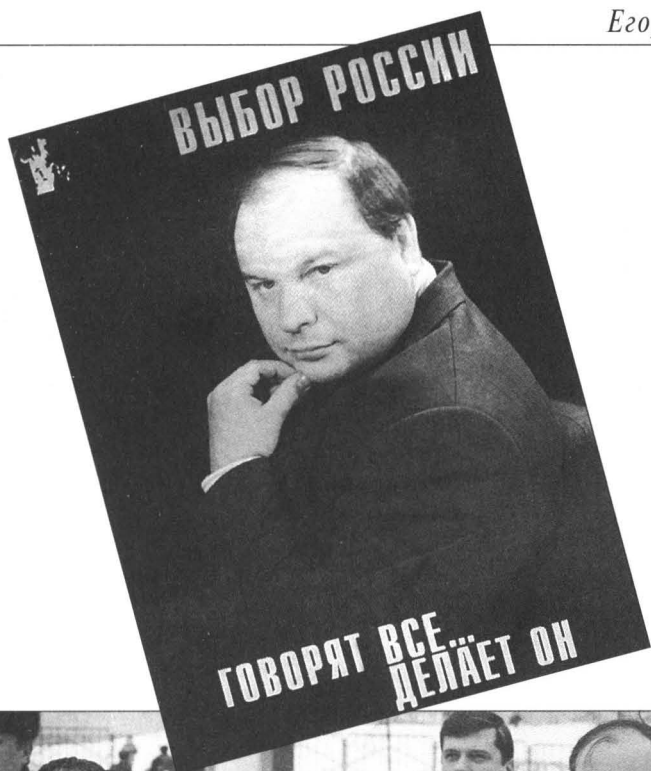




Июнь 1993 года.
Конституционное
совещание.
“Нет, новую
конституцию
этот съезд
не примет!..”

“Вернуться в правительство?
Вновь отвечать
за перебитые кем-то горшки?..
Но в такой момент
отсиживаться в кустах
невозможно”.





12 декабря 1993 года. Все на выборы!

На официальном приеме по случаю визита президента США Билла Клинтона.



Пресс-конференция по поводу создания партии
“Демократический выбор России”.





Убедить
в своей правоте
и взрослых,
и детей —
нелегкая задача...



Июнь 1994 года. Учредительный съезд ДВР.



Есть такая партия!..



...И ее председатель!



На заседаниях
Государственной
Думы.
“Думы мои, думы мои...”



... Горе, думы, с вами..."



В редкие часы отдыха

На брудершафт: Слава — Егору!



На концерте
Геннадия
Хазанова:
за кулисами...



...и в зале.

— Чего тебе надобно, Егор Тимурыч?
— Мне бы, государыня—рыбка, конгломерат
гиперболически превадирующих постулатов!..



— Ну и пусть у Маши грибов больше, зато мои красивее!..



Январь 1995 года.
Митинг протеста
против войны
в Чечне.



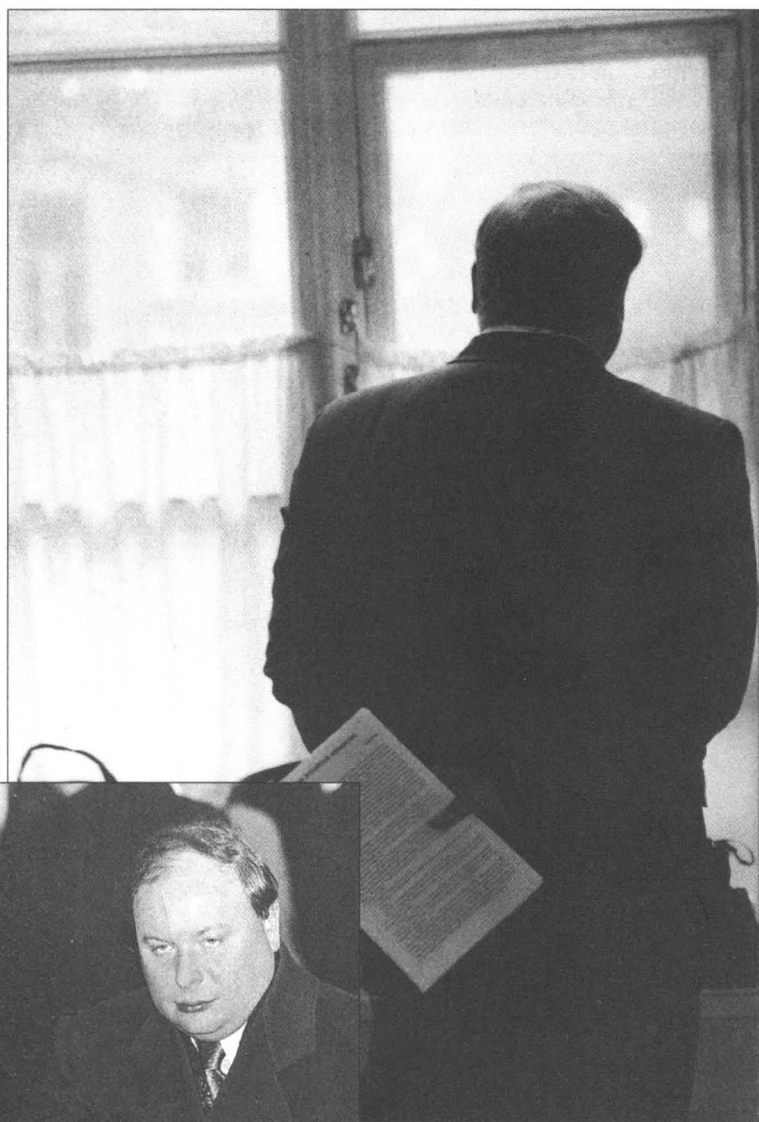
Лето 1995 года.
Карацаево—Черкесия.



— Ребята,
не Москва ль над нами?..

“9 мая 1995 года.
Мы с Явлинским еще рядом...”





Еще не вечер...

Выборы 17 декабря 1995 года.
“Нет единства — нет победы”.

“России жизненно необходим
новый цикл либеральных реформ.
Но это уже другая история.
И для другой книги”.



политбюро ЦК КПСС зашел в здание на Старой площади, сел в начальственный лифт и с удивлением пытался понять, почему же он не едет, напрочь забыв, что для этого полагается нажать кнопку. Сработала привычка, члены политбюро кнопки не нажимали, за них это делала охрана.

Разумеется, у тех, кто пришел во власть на короткое время, этот синдром не приобретает столь анекдотичных форм, но ощущение того, что все вокруг вдруг разом перестает крутиться так, как привычно крутилось, приходит неизбежно. Возникает масса конкретных бытовых проблем, которые еще вчера тебя лично не касались. Одновременно раздвигаются границы времени: ты вновь начинаешь мерить свою жизнь не секундами, а часами и днями. В адаптации к этой новой реальности все зависит от личности того, кто ушел от власти. Те, у кого хватает ума понять, что весь предшествующий гул медных труб к твоей личности не имел никакого отношения, был связан с должностью, которую ты занимал, приспособляются к частной жизни быстро. Но видел людей, поработавших в правительстве, а потом так никогда и не привыкших к жизни нормальной, без внешних атрибутов власти. Их жалко.

В отличие от назначения на высокую должность, отставка — прекрасное время, чтобы разобраться в своих отношениях с окружающими. Для себя ввел специальную условную единицу устойчивости человеческих отношений под названием «один чуб», развернуто «один Чубайс». Как бы ни менялись наши с Чубайсом соотносительные социальные статусы, это никогда и никак не сказывалось на характере наших взаимоотношений. К сожалению, куда чаще эту устойчивость приходится измерять в «сантичубах», «милличубах» и даже в «микрочубах».

Семья восприняла отставку с облегчением. Нервное напряжение, в котором отец, мама, жена, даже дети жили на протяжении последнего года, улеглось. Дохо-

дили до меня разговоры, что многие почему-то уверены, будто я теперь непременно уеду куда-нибудь за рубеж, то ли в Чикаго, то ли в Гарвард — к любимым своим монетаристам. Мне такая идея в голову не приходила. Вообще никогда не имел желания уезжать из России, а уж теперь и подавно.

План для меня был ясен — возвращаюсь в свой Институт экономической политики. Там меня ждали.

Год назад, прежде чем его покинуть, собрал коллектив и сказал, что надеюсь и во время работы в правительстве продолжить сотрудничество, буду заезжать и, может, удастся снова, как прежде, вместе провести очередной мозговой штурм какой-нибудь сложной проблемы... Какой же я был наивный.

Но с частью института я как бы и не расставался. Вместе со мной ушли работать в правительство многие его ведущие сотрудники. А. Нечаев стал министром экономики, В. Машиц — председателем Комитета по сотрудничеству со странами СНГ, С. Васильев возглавил правительственный Центр экономических реформ. Некоторые сотрудники института перешли работать в аппарат. Да и те, кто остались на научной работе, регулярно помогали правительству в проведении экспертиз, в разработке нормативных актов.

Вернувшись к директорским обязанностям, сходу переименовал институт, дав ему чертовски неблагозвучное имя, ИЭППП — Институт экономических проблем переходного периода. Явную неуклюжесть аббревиатуры можно объяснить тем, что после долгого перенапряжения голова какое-то время работала неважно.

Со мной в институт вернулись В. Мау, С. Синельников, А. Улюкаев.

Постепенно усталость прошла, голова просветлела, нахлынула информация об экономической жизни страны, а вместе с этим возникло новое и не слишком приятное чувство водителя, которого внезапно пересадили из-за руля на пассажирское место... Еще чувству-

ешь себя за все ответственным, и, когда видишь ухаб, канаву, бревно поперек дороги, а если без аллегорий — любую экономическую несуразицу, — все время тянет поправить, немедленно дать указание... И вдруг вспоминаешь, что сделать ничего нельзя, ты просто пассажир.

Вспомнил свою встречу с Лешеком Бальцеровичем — министром финансов, исполняющим обязанности премьера Польши, год назад, в декабре 1991-го. Мы раньше лично никогда не встречались. Пару раз разминулись на экономических конференциях. Но было много общих знакомых: его заместитель в польском министерстве финансов Марек Домбровский, советник Яцек Ростовский, наши — Петр Авен, Константин Кагаловский, Сергей Васильев. По-моему, у Петра Авена Бальцерович в конце восьмидесятых ночевал дома — не было денег на гостиницу.

Лешеку выпало первому начинать серьезные реформы после развала социалистической экономики, поэтому ему было особенно тяжело. К концу 1991-го за ним — серьезные преобразования, либерализация экономики, открытие внешней торговли, постепенное становление частного сектора. И, вместе с тем, — крутое падение объема промышленного производства, сохраняющаяся довольно высокая инфляция, рост дифференциации доходов. Общая оценка произошедшего хорошо выражена в названии вышедшей к этому времени книги Г. Колодко «Упущенный шанс». Еще никто не знает, что проведенные в Польше реформы заложат основу динамичного индустриального роста, который начнется в 1993 году. Что в 1996 году Польша, с ее впечатляющим ростом промышленного производства, станет самой быстрорастущей страной в Европе, одной из самых динамичных в мире. Что пройдет не так уж много времени и весь мир заговорит о начинающемся польском экономическом чуде. Но все это потом. А в это время Бальцерович — один из самых непопулярных и ненавидимых в Польше людей, «ограбивший»

народ, — на грани отставки. Она произойдет через несколько недель после нашей встречи. Лешек явно это понимает. Разговариваем, пытаюсь в максимальной степени почерпнуть практический опыт, особенно детали, которые не найдешь ни в каких аналитических материалах, статьях, книжках.

Польша раньше вошла в режим интенсивного финансового кризиса разваливающегося социализма, начала реформы. Давно привык, при всех различиях наших экономик, рассматривать ее как точку отсчета, позволяющую выявить, проанализировать те проблемы, с которыми предстоит столкнуться России в ходе рыночных преобразований.

В декабре 1991 года думаю о происходящем в Польше и с личной точки зрения. Примерно таким будет мое положение, так же будут ненавидеть через пару лет и меня, даже если в неизмеримо более сложных российских условиях сумеем включить рыночные механизмы, не допустим гиперинфляции, введем конвертируемый рубль, наполним рынок, создадим базу экономического роста. Что и говорить, не слишком вдохновляющая перспектива.

Летом 1992-го был с визитом в Польше. К этому времени Лешек уже ушел в отставку, думал, писал. Поздно вечером, после официального протокола, пошли посидеть с ним в один из варшавских кабачков. Говорили об экономике, о сути проблем постсоциалистической трансформации. Казалось, что Польша уже начинает выбираться из кризиса, указывая путь, по которому пойдут другие страны. На жизнь и превратности политической судьбы Бальцерович не жаловался, но глаза были грустные, как у летчика, которого отстранили от полетов. Я думал, что если доживу до отставки, такое же настроение, некоторое время спустя, будет и у меня.

Потом мы не раз встречались, обменивались экономическими материалами, подружились. Бальцерович возглавил польскую либеральную партию «Союз свобо-

ды». Постепенно понимание того, что было им сделано для Польши, в общественном сознании ширилось. И все же никогда не забуду выражение лица одного из самых выдающихся экономических реформаторов двадцатого века через несколько месяцев после его отставки.

В декабре 1992 года решил взять отпуск, уехать подальше от газет, телефонов, поработать спокойно. Ведь начиная с августа 1991-го просматривать экономическую литературу удавалось лишь урывками. Хотелось быстрее восполнить этот пробел.

Из просмотренных материалов складывалась достаточно ясная общая картина. Экономические преобразования начала 90-х годов в Восточной Европе, в республиках бывшего СССР явились реакцией на естественный кризис социалистической модели, на развал обеспечивавших ее функционирование политических, хозяйственных и силовых структур. С этим исторически неизбежным вызовом времени столкнулись страны, существенно различающиеся по своей территории, по структуре экономики, по уровню сохранившихся национальных рыночных механизмов. И если проанализировать, как разные страны попытались, каждая по-своему, ответить на этот вызов и сформировать свою, адекватную ему экономическую политику, то можно сделать некоторые общие выводы. Позволю себе перечислить наиболее существенные из них.

— Резкое падение производства — неизбежный результат кризиса социалистической системы микроэкономического регулирования, ее вынужденной форсированной перестройки. Падение промышленного производства нигде не составляет менее 30 процентов достигнутого максимума и охватывает период не менее трех лет. Отсрочка запуска рыночных механизмов при нарастающей неэффективности традиционных приводит лишь к тому, что падение производства начинается до реформы (СССР, 1990—1991 годы). Страны, первыми начавшие радикальные преобразования, первыми

же восстанавливают экономический рост (Польша, 1993 год).

— Важнейшие факторы, определяющие трудности запуска рыночных механизмов и связанные с ними издержки, производны от масштабов финансовых диспропорций, оставленных в наследство социализмом, и плачевного состояния национального частного сектора. По этим параметрам в наиболее благоприятных условиях к началу реформ находились: Венгрия, с ее масштабным частным сектором, сформированными рынками, отсутствием денежного навеса и ограниченными диспропорциями в денежных потоках; Чехословакия, единственная из социалистических стран, сохранившая до победы революции традиционную финансовую стабильность; Польша, которая и в рамках социализма сохраняла частный сектор. Именно в этих странах прогресс в становлении рыночной экономики был наиболее быстрым, падение производства — наименьшим.

Республики же бывшего Советского Союза унаследовали не только масштабные финансовые диспропорции и неразвитый частный сектор, но и рекордно высокую военную нагрузку на экономику. Отсутствовали к началу реформ и важнейшие рычаги регулирования, включая полноценные центральные банки. Все это и определяло трудность адаптации экономики к принципиально новым условиям. К этому следует добавить и важный психологический фактор: за долгие годы коммунистического правления общество в значительной степени утратило навыки индивидуального труда — основы рыночного хозяйства.

Далее:

— В условиях постсоциалистической экономики инфляция — прежде всего, денежный феномен. Либерализация цен переводит подавленную инфляцию в открытую. Практически повсеместно (кроме Венгрии) первоначальный скачок цен примерно вдвое превышает предварительные оценки. При сдержанной денежной политике темпы их роста, заданные первоначаль-

ным либерализационным импульсом, удастся в течение года свести до уровня, не превышающего 2—3% в месяц, открыть тем самым возможности для инвестиций в национальное производство.

Как следствие сказанного, — а к этому можно было бы добавить и многое другое, — страны, которые выдержали последовательную линию на радикальные реформы, через два-три года после их начала обретают действенные механизмы рыночного микрорегулирования, быстро развивающийся частный сектор, открытую экономику, приемлемый уровень денежной стабильности. На первый взгляд может показаться, что, заплатив падением объема производства за выход из социализма, они могут теперь уверенно двинуться по пути устойчивого роста. Однако реальность гораздо жестче. И после решения самых неотложных задач стабилизации социалистическая модель оставляет в наследство тем, кто пытается вернуться на путь капиталистического развития, непростые долгосрочные проблемы, прежде всего — социально-политического характера.

Запуск несовершенных рыночных механизмов, экспансия легального частного сектора неизбежно вызывают быстрый рост социальной дифференциации, особенно болезненной для стран бывшего социализма с царившей в них психологией уравниловки. И это приводит к серьезным политическим коллизиям. Пауперизация значительных групп населения на фоне вызывающей роскоши нуворишей становится долгосрочной питательной средой политического радикализма.

Как и для традиционного капитализма, главным противоядием против интенсификации социального неравенства может служить динамичный экономический рост, однако сочетание ряда негативных факторов существенно осложняет постсоциалистическим странам прорыв на этом направлении. Социалистическая модель развития опиралась на перераспределение ресурсов через государственный бюджет, который обеспечивал финансирование инвестиционных проектов. Роль

негосударственных источников накопления, в первую очередь сбережений населения, была незначительной, а жесткий политический контроль, позволяя обеспечивать высокий уровень централизации финансовых ресурсов в руках государства, препятствовал посягательству различных социальных, профессиональных, ведомственных групп на перераспределение ресурсов в свою пользу.

А потому первым следствием ослабления политического контроля в странах позднего социализма повсеместно становились подрыв эффективности механизмов государственного финансирования, развал государственного бюджета, инфляционный кризис. Государство, лишенное традиционных механизмов принуждения, но по-прежнему обремененное грузом патерналистской ответственности, было уже не в состоянии финансировать накопление в минимально необходимых масштабах. Попытки же решать проблему за счет дефицитного финансирования лишь усугубляли инфляционный кризис.

Резкое сокращение государственных накоплений становится причиной развития тяжелого кризиса в самом широком круге отраслей. Происходит деградация основных фондов, и в то время, когда отраслям, предприятиям, сталкивающимся с принципиально новыми рыночными условиями, жизненно необходимы инвестиционные ресурсы для обеспечения структурной перестройки, общество не в состоянии их мобилизовать. Именно в этом — корни глубокого кризиса постсоциалистической экономики и суть тех проблем, которые необходимо решить в ближайшие годы. Без этого невозможно динамичное экономическое развитие.

На какой-то период создается патовая ситуация, когда прежние источники финансирования уже не работают, а новые — еще не работают. Недавно легализованная частная собственность не дает на первых порах гарантий стабильности, и это сдерживает стимул

к частным инвестициям, особенно долгосрочным. В то же время уровень добровольных сбережений домашних хозяйств — важнейший источник финансирования рыночного развития — традиционно невысок, что естественно для стран с бедным населением и относительно развитыми социальными программами.

Все вышесказанное позволяет ответить на вопрос о том, что же нужно сделать, чтобы обеспечить динамичный экономический рост, а следовательно, и социальный мир в постсоциалистических странах. Для этого необходимы макроэкономическая стабильность и низкие прогнозируемые темпы инфляции, открытость экономики и доступ к перспективным рынкам, четкие гарантии собственности и солидный уровень финансовой ответственности, высокие частные сбережения и инвестиции, эффективные программы помощи бедным и сохранение политической устойчивости.

Проблема за «малым» — как странам, оказавшимся в постсоциалистической ловушке, осуществить все это?

Есть над чем поломать голову. При всем том, в который раз анализируя действия нашего правительства, прихожу снова и снова к выводу, что избранный нами магистральный путь был верным.

Это поняли, хотя отнюдь не всегда публично признавали, многие из тех, кто был причастен к экономической политике периода краха социализма в России. Приведу здесь только мнение бывшего первого заместителя премьер-министра СССР Владимира Щербакова. Вот что он сказал в интервью газете «Известия»:

«Я никогда не критиковал Гайдара. Я-то знаю, что у него не было иного выбора. Существует внутренняя логика экономических процессов, от которой не может уйти никто. Логика, с которой должно было считаться любое правительство в нашей стране в то время, определялась самой структурой производства, которое складывалось десятилетиями и изменяться могло тоже только в течение немалых сроков... Когда рухнул административный контроль, — а это было неизбежно, —

столь же неизбежными стали и либерализация цен, и обесценение сбережений, сделанных на старой экономической основе. Можно только удивляться, как мало ошибок сделала команда Гайдара в тех условиях. Другая команда могла бы их сделать больше...»

...Сидя далеко от Москвы над грудой статистических сборников, над кипами экономических журналов и стопками рефератов, радио не слушал, телевизор не смотрел, газет не раскрывал, и уж конечно, оставшихся в правительстве коллег не беспокоил. Так мне казалось легче избавиться от «синдрома водителя», который вдруг лишился руля. Но 8 января 1993 года меня разыскал по телефону А. Чубайс, сказал, что правительство решило заморозить цены и на потребительском рынке паника, что он пытается добиться отмены решения, но ему тяжело, срочно нужна помощь.

Что же произошло? Тогда Чубайс объяснил мне ситуацию в нескольких словах, позже вся картина обрела четкость и законченность.

Оппозиция восприняла назначение В. С. Черномырдина как свою крупную победу. Страницы «Правды» и «Советской России» в конце декабря заполнены письмами — обращениями к новому премьеру с призывами положить решительный конец антинародной политике Гайдара. Вот характерный отрывок из материала, опубликованного в газете «Правда» 31 декабря:

«Со всей этой рыночной вакханалией вершится страшное зло — создается самая неэффективная, мелкотоварная, но крупнотратная форма экономики. Это ставит под угрозу все республики бывшего Союза. Ведь как аукнется в России, так откликнется в СНГ. Уже сегодня «реформаторы» выполняют обещание, которое Ельцин дал с телеэкрана: «Мы потянем за собой все республики». Ослепленные ненавистью ко всему, что было достигнуто советским народом, они активно тянут всех в пропасть. Кто остановит их?»

Мы обращаемся к россиянам: на вас надежда! Обращаемся к Черномырдину: не предавайте Россию, буду-

щее ее не в рынке и не в частной собственности, которые разделяют людей, а в разумной организации экономики на прогрессивных принципах социализма, соборности. Обращаемся к ученым, депутатам, оставшимся верными народу: объединяйтесь, чтобы спасти Россию от разрушительных реформ, несущих ей и всем нам гибель».

На нового премьера с первых же дней его деятельности обрушился шквал финансовых запросов и требований. Его слова о рынке «без базара» и реформах без ухудшения жизни народа воодушевили любителей бюджетной кормушки, породили надежды, что В. Черномырдин в монетаризме не тверд и, поднажав на него, деньги выбить можно. Кое-кому это удалось, что в свою очередь породило ажиотаж, ведь принять, скрепя сердце, то, что правительство не дает денег никому, в конце концов можно, но если их вдруг получил разворотливый сосед, а твоя отрасль или возглавляемое тобой крупное предприятие остались ни с чем — это непереносимо.

Находящееся в процессе реорганизации правительство Черномырдина гнется, отстывает. За последние две недели декабря прирост кредитов Центрального банка правительству превышает совокупное эмиссионное финансирование бюджета почти за весь предшествующий год! Одновременно прирост кредитов Центрального банка коммерческим банкам, составлявший в сентябре — ноябре 160 млрд. рублей в месяц, в декабре приближается к 900 млрд. В целом за месяц общий объем кредитов ЦБ возрастает более чем в полтора раза. А это значит, что все результаты осенней ограничительной политики обесценены, страна вновь оказалась на пороге гиперинфляции.

А в министерствах и ведомствах тем временем идет круговерть бумаг — полезных, безвредных, опасных. К числу ведомств, руководители которых профессионально работали в старой системе управления, но с огромным трудом приспосабливаются к новой ситуации,

новым требованиям, относится и Комитет цен. Некогда мощный орган, расположенный в Доме на набережной, он еще в начале 80-х годов был одним из центров борьбы против экономического либерализма. Возглавлявший его когда-то колоритный Н. Глушков предупреждал руководство компартии и правительства о вредных идеях, исповедуемых в Центральном экономико-математическом институте. Именно в этом комитете, в бытность его председателем В. Павлова, была подготовлена окончательно погубившая правительство Н. Рыжкова реформа ценовых преискурантов. В 1992 году Комитет лишили статуса государственного и подчинили Министерству экономики. Его возглавила Лира Ивановна Розенова, добросовестный и высококвалифицированный специалист. Однако при всей компетентности — сердце ее навсегда было отдано системе всеобщего административного контроля цен. Во всякие новомодные идеи управления ценами через совокупный спрос, денежную массу она верила слабо. Из недр Комитета нет-нет, да и прорывались и в наше правительство предложения заморозить цены, ну хотя бы на что-нибудь. Стараясь не обижать милейшую Лиру Ивановну, я тем не менее направлял их обратно, ласково рекомендуя сосредоточиться на контроле цен естественных монополий, с которым Комитет справлялся далеко не лучшим образом, и на сокращение сферы прямого административного регулирования цен там, где она уже явно себя изжила.

Очередное предложение о расширении административного управления ценами поступило ко мне из Комитета в конце ноября 1992 года, и я обычным образом завернул его, снова дав рекомендации, в каком направлении следует работать. Не исключая, что именно это самое предложение и легло на стол новому премьеру. Насколько мне стало известно, это произошло в канун нового, 1993 года. Документ ему отрекомендовали как завещание Гайдара, — якобы давно он к этому шел, да вот только времени не хватило. В. Черномыр-

дин быстро и решительно поставил подпись. Новогодний подарок россиянам!

Сочетание кредитной накачки экономики, роста инфляционных ожиданий, связанных с переменами в правительстве, и попыток приморозить цены принесло результаты немедленно. Российские потребители, на чисто бытовом уровне уже понявшие, к чему все это может привести, бросились раскупать товары, пока они еще имелись в магазинах. Поднялась волна ажиотажного спроса. При высоких недельных темпах инфляции индекс насыщенности потребительского рынка пошел вниз. Вот почему А. Чубайс и разыскал меня, попросив энергичной помощи в отмене этой губительной меры.

Уходя в отставку, я зарекся вмешиваться в текущее управление экономикой. Но это было уже слишком. Допустить, чтобы достигнутое тяжким трудом разом пошло насмарку, чтобы в страну вновь вернулись очереди, а людей посадили на талоны — это уже было чересчур.

Сразу попытался связаться с Черномырдиным, не получилось. Тогда позвонил Президенту, сказал, что крайне обеспокоен, прошу прочитать записку, которую срочно ему направляю, и отменить решение о ценах. Да и вообще — умерить инфляционные аппетиты нового правительства. Через несколько дней узнал, что злополучное постановление отменено.

Проявившиеся с самого начала колебания и двойственность в проводимом правительством курсе были в первой половине 1993 года характерной чертой экономической жизни России. Показательным в этом смысле стал дальневосточный эпизод. Не имея столь уж серьезного экономического значения, он тем не менее ярко высветил тогдашний стиль работы правительства, в котором начала заметно проглядывать наша давняя государственная традиция — сделать народ ну хоть чуточку счастливее путем опубликования очередного высокого указания.

В январе правительство утвердило новые правила эксплуатации автомобилей. Наряду с прочими техническими статьями, разумными и полезными, в них содержалось запрещение использовать в России автомашины с правосторонним расположением руля. Вроде бы логично: безопасность на дорогах повысится. И никто не взял на себя труд сообразить, что резко возросший импорт из Японии на Дальний Восток сделал машины с правосторонним управлением очень распространенным здесь транспортным средством. Буквально весь огромный регион поднялся в борьбе за свои права. Правительству пришлось отменить принятое решение.

По противоречивым шагам было заметно, что правительству очень хочется, чтобы и волки были сыты, и овцы целы, оказать финансовую поддержку промышленности, сельскому хозяйству и вместе с тем — не сломать еще хрупкие, но начавшие работать рыночные регуляторы. Эта двойственность сфокусировалась и в персоналиях: первый заместитель председателя правительства и министр экономики Олег Лобов был решительным сторонником активного государственного регулирования, а министр финансов Борис Федоров — не менее твердым либералом-антиинфляционистом. А в результате правительственная политика получала воплощение в двух разных, зачастую противоположных, курсах.

Под давлением поклонников «поддержки производства», «реформ без обнищания» принимаются решения о новых дотациях: на хлеб, на производство минеральных удобрений, на комбикорма и т. д. Правительство еженедельно рассматривает и одобряет новые федеральные программы, требующие обильных бюджетных ассигнований на увеличение централизованных капиталовложений, на поддержку различных регионов. Общий уровень бюджетных обязательств непрерывно возрастает.

Если бы все принятые правительством в первой по-

ловине 1993 года решения в полной мере финансировались, крах денежной системы, гиперинфляция стали бы неизбежными. Но министерство финансов ничего подобного делать не спешило. Вне зависимости от правительственных обещаний и обязательств оно удерживало финансирование федерального бюджета на уровне, близком к 20 процентам ВВП, покрывая эти расходы налоговыми поступлениями, кредитами Центрального банка, начинающимся заимствованием как на внутреннем рынке, так и у международных финансовых институтов.

Так в классическом детективе работает схема двух следователей. Один добрый, все понимает, стремится всем помочь. Это — премьер В. Черномырдин. Правда, у него беда — никак он не может справиться со злым министром финансов Б. Федоровым.

Горе такой тактики, как и всякого лукавства в экономической, да и в любой другой политике, в том, что, позволяя на время сбить остроту конфликтов, она имеет неприятные последствия. Обязательства государства — это ведь не болтовня досужего обывателя, они сразу включаются в производственную программу предприятий, в их финансовые планы, материализуются заказами на комплектующие материалы. И когда вдруг выясняется, что все это блеф, платить никто не будет, тогда уже само правительство становится источником усугубления платежного кризиса. Больше того, подавая пример необязательности, оно дает индульгенцию предприятиям: если уж государство не платит, с какой стати они должны платить? Трудно придумать тактику, которая бы эффективнее работала в пользу экстремистов, радикальной оппозиции.

Как бы то ни было, но в первом полугодии удается поддерживать темпы роста денежной массы на уровне, близком к 20 процентам. С марта по июнь на том же уровне колеблются и месячные темпы роста потребительских цен. Но все это — на бюджетной бомбе замедленного действия. Откладывать выбор курса, вести

игру в двух следователей нельзя до бесконечности. Все равно придется что-то решать.

Еще одно ключевое направление экономической политики, вокруг которого разворачивается борьба — приватизация. Здесь наше стратегическое преимущество — уже начавшийся процесс, выдача россиянам 148 миллионов ваучеров. Остановить или повернуть все это вспять теперь очень рискованно, а скорее всего — невозможно. Парламентское большинство колеблется между страстным желанием запретить и страхом перед политическими последствиями такого шага. Его тактика — задушить приватизацию чужими руками. Конкретно — руками областных советов. Коммунистический Челябинский областной Совет по явной указке из Москвы принимает решение о приостановке приватизации на территории области. Его примеру следуют в ряде других областей.

А. Чубайс понимает, что если это не пресечь в зародыше, сражение проиграно. Бросает все дела, летит в Челябинск, выступает перед гражданами по областному телевидению, рассказывает, кто и как хочет отнять у них права на собственность, объясняет, убеждает. Бывший первый секретарь областного комитета КПСС, а теперь председатель Челябинского областного Совета П. Сумин, которому через несколько дней баллотироваться на пост главы областной администрации, капитулирует, собирает облсовет, проводит решение об отмене постановления. Приватизация в области продолжается, а за Челябинском отступают и другие.

Разъяренные провалом этой кампании, лидеры парламентского большинства включаются в дело сами. Формально не останавливая приватизацию, они предлагают внести в действующее регулирование ряд поправок, позволяющих полностью парализовать работу. А. Чубайс идет на обострение, играет как бы в поддавки, готовит распоряжение о полном прекращении всех начатых приватизационных процедур, объясняя при этом последствия принятия такого решения. То, что

было задумано Верховным Советом как тихое, позиционное удушение, неожиданно перерастает в генеральную баталию прямо накануне референдума о доверии. В последний момент, испугавшись последствий, оппозиция отступает.

С трудом отбиваясь от нападений со всех сторон, в том числе и со стороны почувствовавших ослабление позиций Госкомимущества отраслевых министерств, приватизацию все же удается двигать вперед, и это, пожалуй, самое главное из того позитивного, что происходит в российской экономике в 1993 году.

Зато в сфере аграрной реформы — полное поражение. Слабые, неустойчивые ростки 1992 года смены правительства не пережили. Достигшее к декабрю 1992 года 180 тысяч, число крестьянских хозяйств в начале 1993 года еще по инерции увеличивается, но к концу весны этот рост останавливается. Местные органы власти возвращают большую часть земель федерального фонда перераспределения реорганизованным колхозам и совхозам. Возможности выйти из колхозов с землей ограничиваются местной администрацией в подавляющем большинстве регионов.

Без какой-либо необходимости сохранены обязательные задания по объемам поставки в госресурсы. Прекрасная возможность для аграрного лобби затормозить развитие рынка сельхозпродукции, взвалить на государство финансирование их заготовок и, взяв за горло правительство, выбить цены, намного превышающие уровень биржевых. Взятые дрогнувшим правительством на себя финансовые обязательства явно невыполнимы, далеко превосходят то, что было намечено на эти цели в бюджете. Никаким урезанием социальных расходов эту брешь не закроешь. Непростая финансовая ситуация становится и вовсе трудноуправляемой. К бюджетной бомбе приставили зажженный фитиль.

После отставки я отклонял предложения вступить в какую-либо политическую организацию, был уверен —

целиком и полностью возвращаюсь в науку. Вынужденное вмешательство в дела правительства в январе 1993 года по поводу отмены решения о замораживании цен и излишней щедрости финансовой политики считал случайным эпизодом, связанным с незавершенностью передачи дел. Но постепенно понял, что отстраниться от политики невозможно. Это мы начали масштабные и тяжелые реформы, которые круто изменили жизнь страны, позволили решить часть старых проблем, но одновременно породили новые. Тем самым, на нас и лично на меня легла моральная ответственность за все их последствия. И, как бы ни развивались события, никакая отставка от этой ответственности освободить не может. Ведь вот уже давно в кресле премьера иной человек, а часть людей по-прежнему яростно клеймит «антинародный гайдаровский курс», другие его защищают. И от этого не убежишь, не спрячешься. Да и сам я, может, даже сильнее, чем когда был у руля, чувствую боль за все просчеты, ошибки.

Замкнуться дома за письменным столом, уйти с головой в институтские дела, заявить, что меня не поняли, не оценили, а потому я умываю руки, считаю непорядочным. Тем более, что политическая ситуация осложняется, рождая сознание нарастающей опасности, предчувствие грядущей схватки, исход которой может стать судьбоносным для России.

Важнейший внутренний источник политической нестабильности 1992—1993 годов — Конституция РСФСР в составе СССР, т. е. конституция государства, не обладавшего реальной самостоятельностью. Она была декоративным фасадом, призванным прикрыть и приукрасить тот простой факт, что никаких реальных законов в России нет, а есть всемогущее политбюро ЦК КПСС. Теперь, когда этот стержень — положение о руководящей и направляющей роли партии — из нее удален, все в этом декларативном тексте стало шатким, неопределенным, двусмысленным. Сколько теперь ни

вчитывайся в этот торопливо латанный-перелатанный текст, не найдешь четких, однозначных ответов: как разграничены прерогативы Президента, правительства, Съезда, Верховного Совета; что могут и что не могут делать власти регионов, городов; как поступить, если они принимают противоречивые решения... Отсюда — постоянные конфликты, правовой хаос.

К примеру, Р. Хасбулатов, еще всего лишь первый заместитель председателя Верховного Совета, подписывает решение о независимости крупнейшего российского предприятия — концерна «Российский никель». Ну хорошо, я поддерживаю независимость этого расположенного на Крайнем Севере уникального гиганта, больше того, стараюсь всемерно этому делу помочь. Но вообще, вот такая бумажка за подписью Хасбулатова кого-нибудь к чему-либо обязывает? Нет ответа...

Или вот еще. По итогам конкурса на разработку участка сахалинского шельфа («Сахалин-2») компетентная правительственная комиссия принимает решение о выдаче прав на выработку технико-экономического обоснования американо-японскому консорциуму. И еще до того, как она закончена, буквально сразу, недовольные конкуренты пробивают в Верховном Совете решение об отмене результатов тендера. И такое — повсюду.

Характерный пример анархии, порождаемой двоевластием — ситуация, сложившаяся к началу осени 1993 года в Челябинской области. Там, по решению областного Совета, были назначены выборы главы администрации. Суд эти выборы, назначенные с процедурными нарушениями, отменил. Тем не менее они были проведены. Верховный Совет признал победившего на них Петра Сумина главой администрации Челябинской области. Правительство и Президент продолжали признавать действующего главу администрации, Вадима Соловьева. Часть глав администраций районов и городов перешла на сторону Сумина, часть остались лояльными Соловьеву.

Дальше больше. Центральный банк и его Челябинское отделение признали власть П. Сумина. Министерство финансов продолжало считать главой администрации В. Соловьева. Начальник областной милиции переметнулся на сторону Сумина, начальник городской — остался верен Соловьеву. Поток противоречивых указаний, полный хаос в финансировании, бесконтрольность. Виктор Черномырдин требует от Герашенко подтвердить полномочия В. Соловьева, Руслан Хасбулатов звонит ему с требованиями поддержки Сумина.

Очевидно: в таком состоянии государственная машина просто не может работать, складывается обстановка безвластия, анархии. Сама слабость государства в решении важнейших задач: обеспечении законности, правопорядка — катализатор роста преступности.

В этой ситуации стабильная хозяйственная деятельность, долгосрочные контракты, крупные инвестиционные проекты вовсе невозможны. Больше того, постоянно расшатывается, не может стабилизироваться вся структура российской государственной власти.

Давным-давно, еще на I съезде народных депутатов России, было решено разработать новую конституцию, вынести ее на референдум. Но руководством Верховного Совета дело сознательно затягивается, ведь оно, это руководство, имеет возможность сколько угодно по своему вкусу переигрывать старую конституцию: переделывать, обстругивать, украшать шипами, набалдашниками, чтобы использовать как дубинку в политической борьбе.

Весь этот период в России действует, пожалуй, один из самых безответственных парламентов в истории демократии. Принятое Верховным Советом решение о приватизации депутатами их служебных московских квартир показывает, что мораль как сдерживающий фактор отключена и большинство депутатов готово приступить к приватизации страны для себя и своих родственников. Проект «Закона о наследственном де-

путатстве», распространенный в Верховном Совете одним из немногих демократических депутатов как пародия на текущее законотворчество, вдруг перестает звучать шуткой.

Положение Президента сложное. Он, всенародно избранное высшее административное лицо государства, гарант его безопасности, видит, что серьезной угрозой России становится неограниченное всевластие безответственного съезда. И вместе с тем у Президента нет зафиксированных конституцией прав, позволяющих защитить граждан от этой угрозы. Он не только не может назначить новые выборы, но даже не имеет права сам объявить по этому вопросу референдум, чтобы опереться на прямое волеизъявление граждан страны.

В этих условиях Борис Ельцин идет на широкий компромисс, делает уступки. Большинство в Верховном Совете расценивает это как признак слабости и только ждет сигнала, чтобы ринуться на ослабевшую жертву.

Замена премьера воспринята оппозицией как поражение Президента. Руслан Хасбулатов снова в седле, декабрьское соглашение ему прощено, а точнее, отнесено на счет его политической прозорливости: просто мудрый вожак вывел оппозицию к желанной цели обходной, безопасной тропой. Зачем же теперь, после победы, выполнять достигнутое на VII съезде соглашение? Оно и аннулируется, никакого референдума не будет. Когда же об этом спрашивают мнение председателя Конституционного Суда Валерия Зорькина, главного инициатора соглашения, его гаранта, тот отвечает, что так для России будет лучше.

И все же лидеры оппозиции снова совершают серьезный просчет, переоценивая свой успех, а главное, опять проявляют непростительное пренебрежение к мнению народа. Уже ближайшее время показывает, что весь ход VIII съезда, демонстративная, неприкрытая наглость депутатского большинства, легко отказываю-

щегося от принародно взятых обязательств, открытое нежелание прислушиваться к голосу народа, спросить его мнение — все это вызывает в России широкую волну протеста.

Когда Президент через голову Верховного Совета напрямую обращается к народу с призывом провести референдум, ситуация отличается от декабрьской уже радикально. Обществу стал понятен смысл происходящего. Теперь призыв Президента встречает широкий отклик.

Правда, перемену в общественном настроении людей поняли далеко не все и не сразу. Вице-президент Руцкой, в очередной раз неверно оценив обстановку, успевает снова переметнуться на сторону Верховного Совета. Р. Хасбулатов, открывая его экстренную сессию, явно доволен, почти не скрывает торжества. Он тоже уверен: Президент сделал роковой, ведущий к неминуемому проигрышу шаг. Конституционный Суд наскоро принимает решение о неконституционности действий Президента, его председатель, миротворец В. Зорькин, роняет пару крокодиловых слез: «Мне жаль вас, Борис Николаевич».

Теперь, считает оппозиция, все! Сейчас дрогнет Черномырдин,¹ которому так дружно аплодировали на съезде и с которым так обходителен и ласков Хасбулатов, дистанцируются от Ельцина министры обороны и внутренних дел и — импичмент гарантирован.

Но время идет. В. Черномырдин отмежевывается от Президента не спешит. Настроение у Р. Хасбулатова портится. Он уже не может скрыть досаду, публично обменивается колкостями с министром обороны. В день, когда срочно созванный Хасбулатовым съезд должен проводить голосование по вопросу отстранения Президента от власти, демократы проводят митинг у Спасской башни Кремля, на Васильевском спуске.

Утро солнечно, ветрено и прохладно. Колонны собираются на Тверской, чтобы, спустившись вниз к Манежной, пройти через Лубянку, а затем по набереж-

ной — к Красной площади, к собору Василия Блаженного.

Первый раз после отставки появляюсь на людях. Идем с отцом в одной шеренге. С радостью вижу и своих соратников, и тех демократических лидеров, с которыми ссорились и спорили в минувший год, и тех сторонников Президента, которые после декабрьских изменений в составе правительства отошли было от него, но сегодня и они в общих рядах. На Манежной площади, оглянувшись, вижу, что вся уходящая вверх Тверская насколько хватает глаз запружена народом, людское море залило центр города. Выходим к набережной — новые колонны спешат по мосту из Замоскворечья...

В колоннах весело. Может, у кого-то и кроется в душе тревога, но сейчас она незаметна. Песни, смех, шутки, подчеркнутая доброжелательность: «Пропустите ветерана!», «Осторожно, здесь выбоина!», «Друзья, спокойнее!». Даже лозунги и плакаты веселы, остроумны, жаль, что не запомнил...

Митинг под стенами древнего храма Василия Блаженного. Иногда оратора, который говорит правильные и нужные вещи и которого слушали с вниманием, вдруг прерывает недовольный гул, он оглядывается в растерянности и, поняв в чем дело, улыбается и продолжает речь. Это за его спиной на цоколе храма возник, наблюдает за митингом кто-то из депутатов.

Вот и моя очередь выступить. Но едва успеваю произнести первые слова, как ощущаю, что внимание огромной аудитории переключилось на кого-то другого. Из Спасских ворот выходит Президент, поднимается на трибуну. Рядом с ним хмурый, озабоченный Черномырдин. Президент сообщает митингу, что начат подсчет голосов, но каков бы ни был результат, он не признает решений съезда, лишаящих его власти, пока народ не выскажется на референдуме по этому вопросу. Овация. Да, видимо, другого выхода нет. Но я мысленно проигрываю худший сценарий возможного

развития событий: съезд голосует за импичмент. Руцкой принимает присягу. В стране два Президента, возможно, два премьер-министра и наверняка по паре министров обороны, внутренних дел. Кто может сказать, как поведут себя силовые министры, не обернется ли все это боями в Москве?

Ельцин и сопровождающие его люди возвращаются в Кремль. Нужно продолжить свою речь. И я говорю то, что думаю. Как бы ни было опасно, как бы ни было трудно, вот так просто, из-за прихоти потерявших связь с народом депутатов, Россия свою свободу, свои надежды не отдаст.

Ораторы, ораторы, ораторы... Стемнело. Не расхочется митинг. Лучи прожекторов скользят по головам. Поздним вечером на трибуне вновь появляется Президент, теперь уже со свитой, многочисленной и веселой. Голосов для импичмента не хватило. Съезд, почувствовав, что зашел слишком далеко и настроение общества не в его пользу, дает согласие на референдум. Теперь надежда Хасбулатова основывается на том, чтобы похитрее сформулировать вопросы, на которые россияне попросят дать ответ. Первый вопрос — доверие к Президенту. Вторым по логике должен быть — доверие к съезду, но вместо него ставится вопрос о поддержке курса экономической политики, начатой 2 января 1992 года.

Ход сильный. Даже мне на такой вопрос честно поставить в бюллетене коротенькое однозначное «да» не просто. Ведь не было единого курса экономической политики в этот период. Была борьба, удачи, отступления... Вот и сейчас отнюдь не все, что делает правительство В. Черномырдина, меня устраивает. Что же тогда говорить о других. Ведь как ни напоминай человеку о прошлых очередях, о всеобщем дефиците, для него важны не печальные воспоминания, а насыщенный день. А день этот пока вовсе не легок. Резко возросшие цены, пропавшие сбережения... И человек не обязан учитывать в своем ответе, что мы расплачиваемся

за семьдесят лет тупикового пути, да еще и за пять лет колебаний горбачевской перестройки.

Таким образом, если даже Президент одержит победу, получив личное доверие, она будет обесценена поражением по вопросу второму. Президента-то, может, и поддерживают, а вот его политику народ не признает. За несколько дней до референдума оппозиция выбрасывает еще одну козырную карту. Вице-Президент А. Руцкой привозит в Верховный Совет свои знаменитые «одиннадцать чемоданов» компромата и требует срочного выступления с прямой обязательной трансляцией по радио и телевидению.

В длинной, патетической речи — разнообразный малосимпатичный набор: от реальных фактов злоупотреблений, материалы по которым он обязан был не хранить на черный день в чемоданах, а давным-давно передать прокуратуре, до слухов и нелепиц, замешанных то на полном непонимании сути дела, то на умышленном искажении. Несколько раз звучит и мое имя. Оказывается, именно я вывез золотой запас и разбазарил изумруды. Да и в целом вся исполнительная власть, кроме кристально чистого вице-Президента, погрязла в воровстве.

Что ни говори, а удар серьезный, и ведь дорого-то яичко как раз ко Христову дню. Пока разберутся, поймут, что к чему, сколько времени нужно, а референдум — вот он! И как же доверять Президенту, если вице-Президент говорит, что у него в правительстве одни жулики.

Пока я был у власти, ритуальные обвинения в коррупции ко мне как-то не прилипали. Но в тот вечер после выступления Руцкого, как давно собирались, отправились с Машей во МХАТ на новый спектакль, и тут-то впервые почувствовал на себе по-особому заинтересованные взгляды: «подумать только, схарчил золотой запас страны и сидит, как ни в чем не бывало...» Положение неприятнейшее. Единственный выход — прямой, подробный, перед миллионами телезрителей

разговор с Руцким, в котором можно показать всю несуразность его обвинений, привести цифры и факты. Но согласится ли он на такой диалог, на прямую дуэль?

Дал очень злое интервью популярной телевизионной передаче «Итоги» в надежде, что это его раззадорит. На следующее утро позвонил Олег Попцов, Президент Российской телерадиокомпании, сказал, что А. Руцкой согласился на встречу в радиопередаче. Я попросил пригласить тогда уж и телевизионщиков. Увидев телекамеры, свита А. Руцкого всполошилась, замахала руками, но он сам, скривясь, согласился телеоператоров не выпроваживать. После разговора я вышел из студии в омерзительном настроении. Хотя и уличил Руцкого в массе передержек, рассказал, как на деле принимаются и реализуются решения об экспорте золота, о золотом запасе, который в 1992 году впервые за долгие годы не сократился, а увеличился, хотя и попытался продемонстрировать полную несостоятельность его примитивных экономических построений, было ощущение, что он буквально утопил все это в бесконечном словесном потоке. Согласно хронометражу времени, Руцкой наговорил в два с половиной раза больше, чем пришлось на мою долю.

Посмотреть передачу не смог, вечером уезжал в Санкт-Петербург. Только там, на встрече, неожиданно для себя узнал, что общественным мнением явная победа присуждена мне, а эффект «чемоданных» выступлений в Верховном Совете во многом нейтрализован.

26 апреля итоги референдума подведены. Они оказались невероятными, неожиданными почти для всех. Президент не только получил общую поддержку, но 52 процента принявших участие в голосовании высказались за продолжение экономической политики, начатой в январе 1992 года. Таким образом, на подразумевавшийся вопрос «хотите ли вы назад, в светлое коммунистическое прошлое?» большинство россиян ответило «нет».

После сокрушительного поражения оппозиции на референдуме, как мне кажется, Б. Ельцин был убежден: политический вопрос решен, страшный дамоклов меч — двоевластие уже не нависает над Россией. Теперь остается уверенно идти к принятию новой конституции и на ее основе проводить выборы. Мнение народа — высшей инстанции демократии — высказано четко.

Поражение Верховного Совета понял и признал ряд прозорливых парламентских лидеров. Сложил депутатские полномочия, начал готовиться к новым выборам Н. Травкин. Один из заместителей Председателя Верховного Совета Н. Рябов, еще недавно надежнейшая опора Р. Хасбулатова, перешел на сторону вероятного победителя.

Очевидно и влияние референдума на поведение Центрального банка России. С осени 1992 года у нас оставались две наиболее серьезные слабости в денежной политике: технические кредиты государствам Содружества и низкие ставки рефинансирования, стимулирующие искусственный спрос на централизованные кредиты и дополнительный рост денежной массы. Проблема технических кредитов, наследованная от автоматического импорта инфляции из государств рублевой зоны, особенно обострилась в связи с тем, что на первой встрече с казахским руководством В. Черномырдин, еще не разобравшись в сути дела, дал согласие на отмену режима межреспубликанских корреспондентских расчетов. В построенном с таким трудом бастионе, ограждавшем пока еще зыбкую прочность российского рубля, вновь образовалась крупная брешь. В нее немедленно устремился поток пустых денег.

К весне Казахстан, оттеснив Украину, прочно занял роль лидера экспорта инфляции в Россию. Попытки Минфина взять под контроль технические кредиты, направлявшиеся Центральным банком из России в другие республики СНГ, стали малопродуктивными. Но с конца апреля, после референдума, ситуация ме-

няется радикально. Дыра в рублевой зоне с Казахстаном ликвидирована, краны щедрых технических кредитов перекрыты. Финансовое сотрудничество с государствами СНГ вступает в русло общепринятых межгосударственных экспортных кредитов. Отделение рублевой зоны в безналичном обороте завершено. В будущее можно смотреть с оптимизмом. Параллельно, именно с этого времени, ЦБ начинает быстро повышать процентную ставку, выводить ее на реальный уровень.

Но если для многих политическое поражение парламентского большинства и необходимость досрочных выборов очевидны, то Р. Хасбулатов и его окружение отнюдь не готовы этот факт признать. Может быть, в первые дни после обнародования результатов референдума, они при энергичных действиях Президента и могли бы смириться с неизбежным. Но пока Президент медлит, ожидая цивилизованной капитуляции политически разгромленных противников, шок у них быстро проходит, действует та же логика: если нас не распускают, значит — боятся. А раз так, то почему мы должны принимать новую конституцию и идти на выборы? Как захотим — так и сделаем! После празднования 1 Мая, когда оппозиция провоцирует кровавые столкновения в Москве, становится ясно — капитуляции не будет, на новые выборы депутаты не пойдут.

Пока Президент работает над новой конституцией, организует ее широкое обсуждение, ведет конституционное совещание, мощный импульс победы на референдуме начинает растворяться в затишье летних отпусков, сезонных забот о дачах и огородах.

В конце июля меня срочно разыскивает по телефону предельно взволнованный первый заместитель министра финансов А. Вавилов. Говорит, что он остался в министерстве за главного, министр Борис Федоров — в США, и что только сейчас объявлено о денежной реформе. Министерство финансов вообще о ней не проинформировано, к ней не готово. Население возмущено. Вавилов сообщает детали: сумма обме-

на установлена на предельно низкой отметке, сроки обмена — сжатые, формальное обоснование — защита от рублевой интервенции республик. Спрашивает: можно ли, по моему мнению, что-то предпринять, поправить.

Все это звучит, мягко говоря, несусветной ерундой. Разумеется, проблема общей наличности при раздельном безналичном обороте реальна и серьезна. Она многократно обсуждалась, и единственно разумный путь ее решения — прекращение безвозмездной, по заявкам государств СНГ, отгрузки туда из России вагонов наличных денег. Если хотят покупать рубли — пожалуйста, Россия их может экспортировать, как мы получаем доллары США, но ведь не за спасибо же!

Безусловно, для окончательного решения проблемы нужны переговоры с республиками, возможно, даже сложные, но это совсем не то, что неожиданно ударить обменом денег, как обухом по голове. Кстати, начать такие переговоры давным-давно предлагал Минфин, еще тогда, когда российская наличность и шла вагонами в республики. Теперь же разом нарушались соглашения, дезорганизовывался хозяйственный оборот. Ну и, естественно, в очередной раз открывался простор для финансовых манипуляций. Ведь можно крупно сыграть на разнице курсов наличного старого, нового наличного и безналичного рублей в России и в республиках. Если хотим помочь спекулянтам, — лучше не придумать!

Совершенно ясно, что неизбежный результат при любых ограничениях вызовет массовый сброс денег в Россию и панические закупки всех товаров, ускорение инфляции, удар по рынку. Ну и ко всему тому — людские нервы, испорченные отпуска, очереди в сберкасы — все до боли напоминает павловскую денежную реформу января 1991 года.

Ломаю голову: можно ли что-то исправить? К сожалению, немного. Остановить уже нельзя, и даже не по политическим, а по финансовым причинам: доверие к

деньгам, подлежащим обмену, подорвано, декретами его не вернешь. Инфляционный импульс послан, действует. Единственное, что еще можно и нужно сделать — снизить социальные издержки. Дозвонился до Президента, сказал, что, на мой взгляд, совершается серьезная ошибка. Чтобы ее как-то сгладить, нужно увеличить сумму, подлежащую обмену, продлить его сроки и сохранить пока в обращении мелкие купюры. Президент согласился сразу, видимо, был готов к такому решению. Но все это, разумеется, уже не могло компенсировать политический и экономический ущерб.

О лучшем подарке оппозиция, пожалуй, не могла и мечтать. К концу лета стало ясно, что экономическая политика правительства разваливается на глазах. Принятые обязательства по объему госзакупок зерна и ценам на него, далеко превосходящие возможности государства, усугубили бюджетный кризис, сделали его неуправляемым. Предложения Минфина по срочному сокращению государственных обязательств, расходных программ без движения лежат в аппарате. Резкая публичная полемика членов правительства, особенно руководителей Минфина и Минэкономики, подчеркивает факт отсутствия единой линии.

В августе, под влиянием денежной реформы, темп роста потребительских цен вновь подскочил до 26 процентов. Верховный Совет готовит финансовую бомбу, которая может взорвать экономику: постановление, обязывающее правительство в VI квартале выплатить все, что оно успело наобещать и что Минфин недофинансировал за три предыдущих квартала. Правительственная тактика щедрых посулов и жестких ассигнований привела-таки на край пропасти. Пришло время выбирать: либо быстрый развал денежного обращения, либо тяжелые меры по сокращению обязательств и честное заявление: что можем, заплатим, а что платить не можем, не будем и обещать.

Политическая ситуация к этому времени также

резко осложнилась. Непопулярная денежная реформа, как и следовало ожидать, вызвала серьезное недовольство в обществе. У оппозиции появился контраргумент: разве такую политику поддержат россияне на референдуме? Стало окончательно ясно, что съезд никакую новую конституцию не примет и досрочные выборы не объявит. Больше того, он пойдет на новое обострение, будет готовиться к отстранению Президента, даже пренебрегая конституционными нормами. Если потребуется — снизит кворум, исключит кого-то из депутатов, сторонников Президента, упростит процедуру импичмента. Импичмент Ельцину на следующем же съезде регулярно из номера в номер предрекает официоз Верховного Совета — «Российская газета».

Все говорит за то, что конституционные ресурсы исчерпаны. У народа на референдуме спросили, однозначный ответ получили, и теперь, вопреки его мнению, коалиция коммунистов, националистов и просто проходимцев требует убрать Президента, которого еще совсем недавно убедительно поддержала Россия. И значит, у Президента выбор невелик: либо капитулировать и тем самым обмануть доверие дважды проголосовавших за него россиян, либо приостановить работу съезда и своей властью назначить новые выборы. Ясно и то, что в ситуации двоевластия исход борьбы будет решать сила, и очень трудно предсказать, в чьих руках в решающий момент ее окажется больше. Как и перед началом реформ, мы оказались перед выбором из двух вариантов: первый — пассивное бездействие и заведомый проигрыш, второй — предельно рискованный, но с перспективой на успех. Вырисовывающееся силовое решение упирается в вопрос: как поведут себя силовые структуры, на чью сторону встанут? Ответа на него тогда никто не знал. Но и теперь, задним числом, когда трагические октябрьские события в Москве стали историей, пытаюсь понять: был ли в то время другой, кроме силового, выход — и не нахожу его. Состояние двоевластия разъедало российскую государст-

венность, обрекало на провал любые усилия, направленные на экономическую, социальную, административную стабилизацию. Огромная страна просто не могла дальше жить в условиях хаоса и фактического паралича всей государственной машины, когда решения одной ветви власти автоматически перечеркивались решениями другой и никто не мог сказать, на чьей же стороне право. Демократические традиции в России не столь прочны, чтобы долго выдерживать такие перегрузки. Как разрешился кризис двоевластия в 1917 году, хорошо известно.

В один из сентябрьских дней, после заседания Президентского совета, ко мне подошел Борис Николаевич и спросил, не соглашусь ли вернуться в правительство первым заместителем премьера. Ответил, что должен подумать. Вскоре меня пригласил В. С. Черномырдин, подтвердил предложение Президента и сказал, что ситуация, как мне наверняка понятно, чрезвычайно сложная, нужна помощь. Политических вопросов мы не обсуждали, а что касается экономики, то премьер заверил, что готов твердо идти по пути реформ.

Чувствовалось, что за истекшие нелегкие месяцы премьерства Виктор Степанович многое понял. Мы обсудили и некоторые кадровые перемещения, необходимость в которых возникнет, если я приму предложение. Принять его мне было непросто. В любом случае вновь придется отвечать за перебитые кем-то горшки, за щедро раздававшиеся весной и летом обещания, которые выполнить нельзя. Все позитивное, что когда-то было сделано нами в 1991—1992 годах — ликвидация угрозы голода, наполнившиеся товарами магазины, практическая конвертируемость рубля и то, что рынок худо-бедно, а заработал — все это уже вошло в жизнь, стало будничным, привычным и мало кого удивляло, радовало.

Теперь, если вернусь, предстоит новая грязная и тяжелая работа по разборке мусора. Ответственность за заведомо нелегкую осеннюю политику вряд ли приба-

вит демократам голосов на предстоящих выборах, больше того, лишит преимуществ оппозиционности. К тому же еще далеко не ясно, чем кончится неизбежное лобовое столкновение Президента и съезда, а ведь и за это, находясь в правительстве, придется отвечать.

Все это очевидно и вместе с тем — не имеет для меня никакого значения. Страна перед опасной схваткой. Исход непредсказуем. И принципиально важен для будущего России. В такой момент отсиживаться в кустах, наблюдая со стороны, чем все кончится, невозможно.

Позвонил Президенту и премьеру. Сказал, что назначение принимаю.

Глава 11

СХВАТКА

Президент принимает решение • Оппозиция идет на обострение • Сергей Глазьев неприятно удивляет • Штурм мэрии и «Останкино» • Призыв к москвичам • Отпор мятежникам

16 сентября 1993 года, буквально сразу после моего звонка о согласии вернуться в правительство, Президент объявил о предстоящем назначении. Вообще-то предполагалось, что он сделает это на запланированной ранее встрече с финансистами, но она по каким-то причинам не состоялась, вместо этого Борис Николаевич поехал в дивизию имени Дзержинского, там и сообщил об этом. Получилось весьма воинственно.

Тем не менее указа еще не было, а я в тот вечер должен был улететь на пару дней в регионы по делам избирательного блока «Выбор России». Решил до официального назначения поездку не отменять. В Ростове и Воронеже уже ждали люди.

18 сентября, когда я уже был в Воронеже, довольно поздно вечером позвонил глава администрации Президента Сергей Александрович Филатов, сообщил, что указ подписан, попросил срочно вернуться в Москву и, по возможности, сразу повидаться: необходимо поговорить, посоветоваться. Часам к двенадцати воскресного утра приехал к нему на дачу и здесь узнал, что Президент принял решение приостановить работу Верховного Совета, объявить новые выборы и провести референдум по конституции. Филатову поручено продумать политический сценарий предстоящих событий. Сергей Александрович сказал, что все это вызывает у него серьезное беспокойство. Спросил, какова моя точка зрения.

После того, как Верховный Совет открыто проигнорировал ясно выраженную апрельским референдумом волю народа к продолжению реформ и отверг, одну за другой, все попытки найти разумный компромисс, подобное решение не было для меня неожиданным. И все-таки одно дело продумывать варианты и альтернативы и совсем другое — видеть, как раскручивается маховик острого силового конфликта с непредсказуемыми последствиями. К тому же выбранный момент в принципе казался на редкость неподходящим. Важный фактор внезапности, неожиданности отсутствовал, именно такого шага лидеры непримиримой оппозиции от Ельцина и ждали, к нему готовились. Более того — явно на него провоцировали. Как еще можно было расценить выходку Хасбулатова, который буквально накануне перед миллионами телезрителей лично оскорбил Президента. Было видно, что он сознательно хочет вывести Ельцина из равновесия.

Я ответил Филатову, что с моей точки зрения полезнее повременить, поддержать команду Хасбулатова в напряжении, заставить нервничать. Вряд ли стоит делать именно то, чего ожидает противоположная сторона, и в тот момент, когда она максимально подготовилась. К тому же ясно, что занять сейчас, сразу здание Белого дома, то есть реально приостановить работу Верховного Совета, что является важнейшей предпосылкой успеха, невозможно. Филатов попросил меня позвонить Борису Николаевичу, встретиться с ним, поговорить на эту тему. По всему было видно, что и он разделяет мои сомнения. Ехал домой с нелегкими мыслями. Прямое столкновение вот-вот станет суровой реальностью.

Очень долго, на протяжении всего 1992 года, я решительно отвергал любые идеи конфронтационного, силового разрешения противоречий с парламентской оппозицией. Но в 1993 году твердо убедился: нынешнее большинство в Верховном Совете беспрекословно подчиняется людям, которые не признают никаких

этических рамок и демократических норм. Иначе говоря, демократически избранный парламент сам становится максимальной угрозой для демократии. Такое, как известно, в истории уже случалось.

Планировавшийся Президентом выход из конституционного тупика вовсе не предполагал отмену демократии. Его ключевая идея, главная цель — новые свободные выборы, незамедлительное проведение которых более чем логично, коль скоро политическая линия парламента столь явно разошлась с выраженной на референдуме волей народа. Конечно, в случае поражения Ельцина исход дела для его соратников будет жестким: коммунисты и националисты миндальничать не станут. А в случае успеха задуманного веса резко качнутся в противоположную сторону. Вместо кризиса двоевластия и желеобразной государственности можем получить резкое, непропорциональное усиление Президентской власти и крах всей системы сдержек и противовесов. Именно поэтому так обидно, что парламентское большинство категорически отвергло путь компромисса. И все же, по опыту общения, был убежден: Ельцин не тот человек, который в случае победы воспользуется ситуацией, поведет наступление на свободу слова, откажется проводить выборы и установит авторитарный режим.

Но вступив на путь прямой, открытой конфронтации, надо быть готовым при необходимости применить силу. А вот поведение силовых структур предсказать непросто. Причем далеко не все зависит от высшего командования. В подобной ситуации многое зависит от случая, судьбоносное для огромной страны значение может получить то, как поведет себя какой-либо неизвестный майор, как воспримет приказ старший лейтенант, что сделают сержанты... Предугадать это было невозможно.

В понедельник, 20 сентября, после оперативного совещания В. Черномырдин попросил меня задержаться и тоже спросил, как я оцениваю ситуацию. Ответил,

что мотивы принятого решения понимаю, вижу высокий уровень мобилизации непримиримых, но выбор момента считаю неудачным. Понял, что наши мнения совпадают. Виктор Степанович осведомился, не говорил ли я уже по этому вопросу с Ельциным, а если нет, то не собираюсь ли? Условились, что сейчас же буду звонить, просить срочного приема.

С Президентом удалось соединиться практически сразу. Он сказал, что готов принять меня в 16.00. Готовясь к встрече, решил лучше ознакомиться с текущими делами. Каковы бы ни были переживания, в любой политической ситуации правительство должно работать. Запросил отчет по реализации плана действий правительства, информацию о нормативных документах, находящихся в работе, и тех, что застряли в аппарате, данные о финансах. Переговорил с некоторыми министрами. Незадолго до назначенного срока мне позвонили от Президента, сказали: наша встреча перенесена на завтрашний день.

Утром 21-го узнал от Виктора Степановича, что он имел вчера долгий, трудный разговор с Президентом, убеждал отложить реализацию плана, ссылаясь на мое мнение. Но Президент принял окончательное решение — указ будет оглашен сегодня вечером. Почти сразу же позвонил Президент, извинился, что не сможет принять меня и сегодня. Мне было ясно, что он знает, о чем я собираюсь вести речь, просто не хочет тратить время на обсуждение уже решенного им вопроса. Все же я счел себя обязанным высказать свое мнение, привести аргументы. В какой-то момент мне показалось, что он заколебался, помолчал, еще раз взвешивая все «за» и «против», потом сказал: «Нет, все. Решение принято. Обратного хода нет».

Итак, до обнародования указа оставались считанные часы, развитие событий вступило в стадию форсажа. Теперь очень многое зависело от организации, координации действий. К сожалению, надежды, что они окажутся на должном уровне, у меня не было. Дело ведь

не только в организаторских способностях того или иного человека. Чрезвычайна сама ситуация, которая неизбежно наложит свой отпечаток на все, в том числе и на людей. Слишком многие захотят уйти от ответственности, избежать необходимости принимать решение, исчезнуть, заболеть, не сделать, не понять и т. д. И это — в самый трудный момент и на всех уровнях.

Приближается время, когда Президент появится на экранах телевизоров. Ясно, что силовыми структурами займется он сам. Есть, однако, множество других вопросов, которые могут оказаться весьма важными. Пригласил В. Шумейко, С. Шахрая, А. Чубайса, А. Козырева, Ю. Ярова. Набрасываем план первоочередных действий. Настроение тревожное, но рабочее. Несколько подавлен С. Шахрай, его мучат тяжелые предчувствия: Верховный Совет останется в Белом доме, значит — продолжит работу, значит — неминуемое поражение.

Общие контуры ситуации на ближайшие часы легко предсказуемы. Верховный Совет отказывается разойтись, Конституционный Суд объявляет указ Президента незаконным. Срочно собирается съезд, кворума, видимо, не будет, но вне зависимости от этого он признает себя правомочным, приведет к присяге А. Руцкого, утвердит нового премьера, силовых министров, попытается перехватить управление, перетянуть на свою сторону регионы.

В ближайшие часы принципиально важно перекрыть созданный еще после августа 1991 года канал прямого, неконтролируемого выхода Белого дома в телеэфир, вообще отрезать Белый дом от мира: отключить связь, воду, электричество. Жестко пресекать любые проявления неповиновения в региональных администрациях, сохранить управляемость в федеральных системах. Стратегия ясна: избегать силовых столкновений, провокаций, сохранить спокойствие и порядок и как можно быстрее развернуть избирательную кампанию: формирование окружных и участковых комиссий,

выдвижение кандидатов. Есть надежда, что многие из изолированных в Белом доме депутатов просто не выдержат, рванутся в свои округа, вступят в предвыборную борьбу. Нетрудно догадаться, что постараются противопоставить такому развитию событий лидеры непримиримой оппозиции. Выборов они боятся как черт ладана, идти на них не хотят. Если Президенту для победы нужны порядок и стабильность, им, наоборот — напряженность, драка, кровь. Значит, главная их надежда — сделать противостояние максимально острым, решение вопроса — чисто силовым. При такой обстановке, заданной реальным раскладом сил, ясно, что в Верховном Совете с каждым днем, точнее, с каждым часом самое крайнее, экстремистское крыло будет получать все больший и больший вес, окончательно подминая остатки умеренных и центристов.

Зашел к Черномырдину, показал набросанный нами план чрезвычайных действий. Он его поддержал, временно отказавшись лишь от отключения связи и других каналов жизнеобеспечения в Белом доме, ведь тогда придется отключить и много жилых домов, находящихся рядом.

Получаем первые сведения о действиях Верховного Совета. Все как прогнозировали. Руцкой — «Президент». Он выступает с горячей речью, принимает на себя ответственность за страну. Им назначены новые министры силовых ведомств: В. Ачалов, А. Дунаев, В. Баранников. Расчет понятен: у всех у них в этих ведомствах свои кадры, десятки или сотни ниточек связывают их с лично преданными им людьми в армии, в МВД, в КГБ. Неожиданно осталась вакантной должность нового премьера. Доходит непроверенная информация, что А. Руцкой хотел предложить ее Ю. Скокову, который в апреле был смещен с поста секретаря Совета безопасности. Однако Скоков, вроде, залег на дно, сказался в нетях.

Узнав о решении Верховного Совета ввести смертную казнь для «особо опасных пособников» Президен-

та, Виктор Степанович, покрывившись, пересматривает свое решение по поводу задержки с отключением в Белом доме телефонов, дает соответствующие распоряжения.

Приносят заявление министра внешнеэкономических связей С. Глазьева, он подает в отставку. Для меня лично — неожиданный удар. Что В. Баранников при случае перейдет на другую сторону, честно говоря, ожидал давно. Даже когда тот считался в окружении Ельцина одним из самых надежных и преданных. В его обращении с Президентом всегда можно было подметить элемент избыточной услужливости, вызывающий инстинктивное недоверие. Но Сергей Глазьев, парень нашего поколения, в общем-то толковый экономист, давний член команды... Правда, по вопросу о роли государства в управлении экономикой он склонялся к дирижерской позиции, в то время, как С. Васильев или А. Илларионов — к более либеральной. Ему нравились, например, идеи активной промышленной политики, государственного отбора победителей, — знаменитый опыт японского Министерства промышленности и торговли, который он надеялся использовать у себя, в Министерстве внешних экономических связей, куда в ноябре 1991 года был назначен первым заместителем министра. После отставки П. Авена в декабре 1992 года, я был рад, что именно Глазьев занял это место. Конечно, уже давно можно было заметить, что А. Руцкой оказывает Глазьеву особое внимание, приглашает с собой чуть ли не во все зарубежные поездки, после которых обязательно хвалит его мне, говоря, что в нашей команде попадают отличные ребята. Совсем недавно, в августе 1993-го, когда развернулся очередной раунд перепалки с взаимным обвинением в коррупции, которое на этот раз коснулось и Глазьева, мы вместе с А. Чубайсом и Б. Федоровым, ни в малой мере не сомневаясь в его личной честности, сделали все, чтобы его защитить. Еще вчера, 21-го, в середине дня приглашал его в ряду

других министров для обсуждения экономического положения. Говорили о проекте нового импортного тарифа, о давно назревшем снижении экспортных пошлин и сокращении списка котируемых товаров. И вот теперь он перешел в другой лагерь.

Вот уж воистину, чужая душа — потемки. Впрочем, если не оправдать, то понять его можно. Здесь, на нашей стороне, немало молодых, умных, образованных специалистов. Неизвестно, как сложится дальнейшая судьба, может, он и останется если не на седьмом, так на четвертом месте. А там, у Руцкого, у Хасбулатова со специалистами ой как не густо. Причем победа их сейчас весьма вероятна. Так кто же, как не он, Глазьев, лучше других подойдет на роль премьера? Хотел бы ошибиться, но, к сожалению, не исключаю, что именно такой немудреный ход мыслей увел его на другую сторону баррикады, а затем, после декабрьских выборов 1993 года, превратил в одного из лидеров коммуно-националистического блока в Думе...

Кроме С. Глазьева, все министры продолжают нормально работать. Контроль за федеральными системами сохранен. Оперативный штаб правительства заседает ежедневно два раза — утром и вечером. Общая картина развития ситуации в первые дни достаточно благоприятна. Указы Руцкого производят скорее комичное впечатление. Попытки вновь назначенных министров «рукой водить» малоэффективны. После дня колебаний подавляющее большинство местных администраций демонстрирует лояльность правительству. Общество в целом воспринимает происходящее без энтузиазма, с определенной тревогой, но и с пониманием: Теперь нужно развивать успех, главное — втягивать оппозицию в процесс новых выборов. К сожалению, спустя несколько дней ясно: ощущение относительного спокойствия — всего лишь кажущееся. Положение начинает быстро осложняться. Белый дом не занят, сохранен как мощный центр оппозиции, и она с максимальной энергией начинает осуществлять свой сцена-

рий. Непрерывными и нарастающими по масштабу провокациями пытается дестабилизировать обстановку, явно ведя дело к крови.

В Белом доме — большое количество оружия. Его раздают щедро, кому попало, но прежде всего, конечно, стягивающимся сюда с разных концов страны боевикам. И вот наконец желанная цель отчасти достигнута, первая кровь пролита. Попытка захвата штаба Объединенных вооруженных сил на Ленинградском проспекте. Двое убитых и раненые.

Правительство принимает контрмеры, усиливает оцепление вокруг Белого дома, подтягивает дополнительные силы ОМОНа и милиции. Но вынужденная днем и ночью мокнуть под дождем в оцеплении милиция — прекрасный объект для работы агитаторов оппозиции и для провокаций. Теперь правительство — в положении обороняющейся стороны, ему приходится менять войска, обеспечивать порядок. Возможность активными действиями переломить ситуацию в свою пользу пока еще не созрела.

На заседаниях правительственного оперативного штаба заместитель министра внутренних дел докладывает, что его люди устали, оппозиция активно ведет среди них агитацию. Необходимы свежие силы. Представители Министерства безопасности, от которых в первую очередь ждем информацию о том, что происходит в Белом доме, о возможных провокациях, рассказывают, как вчера во столько-то часов и минут к кольцу оцепления подошли два агента иностранной разведки, и что один из шведских дипломатов сказал дипломату французскому...

Оппозиция организует митинги, демонстрации. Они не слишком многочисленны, но очень агрессивны.

Во вторник, 28 сентября, возникла идея: представителям Президента и правительства провести на местах межрегиональные совещания глав администрации и председателей Советов. Ознакомиться с обстановкой, настроениями, ободрить, успокоить. Дать ориентиры.

Мне достался дальневосточный регион. 30 августа вылетаю в Хабаровск.

На месте ощущение, что все ждут, чем закончится дело в Москве. Пока считают, что Президент сильнее, и сохраняют по отношению к нему лояльность. Областные советы вряд ли готовы ввязаться в решительное противостояние, они скорее нейтральны. Недавно избранный глава администрации Амурской области, присягнувший на верность Руцкому, кружит возле меня, заглядывает в лицо, говорит, что его оклеветали, клянется в верности.

В целом серьезной поддержки в регионах, на которую могло бы опереться парламентское большинство, нет. Вопреки повторяющемуся почти во всех комментариях утверждению о том, что исход противостояния решится в регионах, укрепляюсь в своем убеждении: в России судьба выборов и войн действительно решается в регионах, но судьба революций и переворотов — в столице. Залетев в Комсомольск-на-Амуре, побывав на оборонных предприятиях, расхлебывающих плоды недальновидной политики нынешнего года. 2-го октября возвращаюсь в Москву. Здесь ситуация продолжает обостряться.

Соглашение о подключении Белому дому воды, электроэнергии и связи в обмен на сдачу находящегося там оружия парламентом сорвано. Но, как уже не раз бывало, сам факт достижения такого соглашения воодушевил оппозицию. Она воспринимает это опять-таки как признак слабости Президентской стороны и наращивает требования. Попытки переговоров при посредничестве Патриарха ни к чему не приводят. На Смоленском бульваре — баррикады.

Все равно не вижу иной разумной тактики, кроме той, которая избрана с самого начала: избегать провокаций, настаивать на выборах. Но заполненное вооруженными боевиками здание Верховного Совета похоже на заложенную в центре гигантскую мину, способную разрушить государство. Из отрывочных сведений скла-

дывается картина, что теперь именно боевики, а не официальные парламентские руководители — ключевая сила в Белом доме.

В воскресенье, 3 октября, утром — совещание у Президента. Присутствуют В. Черномырдин, С. Филатов, В. Шумейко, О. Лобов, С. Шахрай, П. Грачев, В. Ерин, еще несколько человек. Обсуждаем итоги посещения регионов, откуда многие только что вернулись. Разговор довольно спокойный. Примерное резюме: пока контроль над основными федеральными структурами сохранен, масштабных акций неповиновения, беспорядков в регионах не предвидится, региональные власти лояльны, выборы проведут. Ситуация в Москве конкретно не обсуждается. Информацией о том, что оппозиция именно на сегодня запланировала переход к активным действиям, Министерство безопасности или не владеет, или решило с Президентом и правительством не делиться.

После совещания поехал к себе, на Старую площадь. За три дня отсутствия накопилась масса дел, хотел использовать воскресный день для разборки завала. На 15 часов была назначена встреча с профессором В. Стародубровским, которого незадолго перед этим попросил организовать работу по экспертизе принятых в нынешнем году федеральных программ с тем, чтобы вычленил из них принципиально важное. Во время нашей беседы, часов примерно в 16, позвонил Алексей Головков, в 1992 году — моя правая рука, руководитель аппарата правительства, а теперь — один из главных организаторов «Выбора России». Он взволнованно сообщил о крупных беспорядках в Москве, о прорыве оцепления, о разоружении части милиции, о начале штурма мэрии.

Случилось то, чего так опасались. Оппозиции все же удалось перевести ситуацию противостояния в открытую борьбу, в форсированное, чисто силовое русло. Значит, время политических маневров кончилось. Теперь все решат собранность, организованность, воля к

действию, натиск. Сполохи новой гражданской войны, казалось, уже лизали небо над столицей России.

Позвонил В. Брагин, председатель телерадиокомпании «Останкино», сказал, что по его сведениям колонна грузовиков и автобусов с боевиками направилась от Белого дома к телецентру. Просит организовать оборону.

На этот раз моя сфера в правительстве — только экономика. Находящиеся в моем распоряжении вооруженные силы — три охранника, работавшие со мной еще во время премьерства. Четвертый, только что назначенный их новый начальник, уже с середины дня провалился как сквозь землю. Сообразить нетрудно: сегодня даже приказы прямых начальников если и будут выполняться, то в лучшем случае как в замедленной киносъемке.

А между тем телефон буквально раскалился. От меня требуют действий, помощи, защиты. Звоню В. Ерину, передаю просьбу Брагина о поддержке. Виктор Федорович заверяет, что команда уже дана, силы направлены, все будет в порядке. Связываюсь с Президентом, спрашиваю, готов ли Указ о чрезвычайном положении. Президент отвечает — готовится, над текстом работает Сергей Шахрай.

Снова в телефонной трубке тревожный голос Брагина: где же обещанное подкрепление, тех сил, что имеются, явно недостаточно. Выходит на связь О. Попцов, Президент Российской телерадиокомпании: «сейчас возьмутся и за нас, а здесь, возле Белорусского и на Шаболовке, вообще никакой защиты...»

Чтобы иметь независимый канал информации, нахожу Александра Долгалева, одного из руководителей организации защитников Белого дома «Август-91». Его ребята традиционно располагают сведениями обо всем происходящем в Москве. Прошу срочно собрать людей и регулярно, раз в полчаса, докладывать о развитии ситуации.

Из данных, которые теперь начинают поступать по

разным каналам, складывается тяжелая картина. Усилия министра внутренних дел, явно пытающегося сделать все возможное, пока не дают осязаемых результатов. Мэрия сдана, ОМОН деморализован, милиции в городе не видно. Боевики оппозиции действуют нахраписто и решительно, все увереннее овладевая ситуацией.

Приходит информация, что началась атака на здание Министерства обороны. Не могу дозвониться до Грачева, связываюсь с его первым заместителем А. Кошкиным. Общее ощущение хаоса и нерешительности только усиливается. Прекрасно понимаю, насколько трудно в сложившейся ситуации задействовать армию. На протяжении последних лет мы много раз повторяли, что армия вне политики, ее нельзя привлекать для решения внутриполитических конфликтов. Это стало, в некотором смысле, символом веры, убедительно подтвержденным в августе 1991 года. Никто из нас никогда и не обсуждал возможность использовать армию во внутриполитической борьбе. При любых, самых крайних вариантах мог дискутироваться только вопрос о привлечении внутренних войск, милиции, управления охраны. Однако развитие событий 3-го числа показало, что деморализованная милиция и внутренние войска не способны отстоять порядок в Москве, а вооруженные отряды, выставленные оппозицией, вот-вот проложат дорогу к власти в России безответственным и опасным экстремистам. Необходимость срочно поднять армейские части стала очевидной.

Но дойдут ли теперь приказы, будут ли они выполнены, не получится ли, как в августе 1991 года, что армейская машина просто откажется сдвинуться с места, будут лишь рапорты и показная активность? Уверенно ответить на такой вопрос не мог тогда никто, думаю, включая министра обороны и Президента.

Оппозиция метко выбрала точку главного удара. Ее лидеры правильно оценили потенциал телевидения,

самого мощного в складывающейся обстановке средства воздействия на ситуацию. Захват «Останкино», обращение Руцкого с телеэкрана создали бы атмосферу, в которой колеблющиеся и в Москве, и в регионах могли поспешить присягнуть победителю. И от всего страшного, что могло произойти вслед за этим, Россию отделяла лишь горстка бойцов «Витязя».

И вот телеэкран «Останкино» гаснет. Значит, дела совсем плохи...

На 19.30 Черномырдин назначил заседание правительства. Но оно почему-то никак не начнется. Министры переминаются с ноги на ногу около дверей малого зала на пятом этаже, вполголоса обмениваются информацией. Или слухами? Говорят, что вроде бы занят Дом радио возле Смоленской площади. И еще — что-то у Министерства связи захватили. И какой-то объект Министерства топлива и энергетики.

Невольно в памяти возникает знакомая по мемуарам атмосфера последнего заседания Временного правительства. Вспомнил Владимира Набокова: «В зале находились все министры за исключением Н. М. Кишкина... Министры группировались кучками, одни ходили взад и вперед по залу, другие стояли у окна, — С. Н. Третьяков сел рядом со мной и стал с негодованием говорить, что Керенский их бросил и предал, что положение безнадежное. Другие говорили, что стоит только «продержаться» 48 часов — и подоспеют идущие к Петербургу верные правительству войска». Вечером 3 октября на Старой площади было нечто очень похожее.

Больше всего удивился сообщению о захвате Государственного таможенного комитета. Подумал: это зачем? Только позже узнал о «Списке Руцкого». Именно на таможенников он возлагал задачу задержать на границе членов правительства, которые, по его представлению, конечно же, должны были вот-вот ринуться за рубеж. Арестовать и немедленно доставить на суд и расправу в Белый дом. Впрочем, хотя список, начи-

ная с председателя Совета министров, был весьма обширным и включал в себя многих заметных деятелей, фамилии Президента, министра обороны и моя в нем не значились. Видимо, эту троицу везти далеко не предполагалось.

Кажется, заседание еще так и не началось, когда на экране телевизора появился Юрий Лужков. Призвал москвичей к порядку и спокойствию. По-моему, сказал совершенно не то, что требовала ситуация. Кто, собственно говоря, должен соблюдать порядок и спокойствие? Боевики, продолжающие штурм телецентра? Или граждане России, у которых в эту ночь вновь похищают свободу? К порядку и спокойствию можно было бы призывать, будучи уверенными, что верные Президенту войска есть и выполняют приказ. Ну а сейчас, когда в Москве решается судьба страны, посылать мужиков, как малых детишек, в постели было по меньшей мере нелепо. Наоборот, необходимо опереться на поддержку своего народа, уже дважды, в августе 1991-го и в апреле 1993-го, ясно показавшего, что он выбрал свободу.

20 часов. Штурм «Останкино» продолжается, боевики оппозиции захватывают новые объекты. Силы МВД деморализованы, армейские части на помощь не подходят. Оппозиции почти удалось убедить население в масштабности своего движения и в изоляции Президента. Все это дезорганизует тех, кто готов прийти на помощь.

Принимаю решение о необходимости обратиться к москвичам за поддержкой. В первую очередь звоню Сергею Шойгу, председателю Комитета по чрезвычайным ситуациям. Знаю его по совместной работе. Он хорошо себя зарекомендовал в горячих точках — Осетии, Таджикистане, Молдове. Смелый, решительный человек, на которого можно положиться в такую минуту. Прошу доложить, какое оружие в подведомственной ему системе гражданской обороны имеется в районе Москвы и, на случай крайней необходимости, сроч-

но подготовить к выдаче 1000 автоматов с боезапасом. По голосу чувствую: переживает, прекрасно понимает огромную ответственность. Вместе с тем ясно, что поручение правительства выполнит.

Связываюсь с Виктором Ериным. Говорю: если не призовем народ, дело кончится плохо. Он согласен, обещает помочь всем, чем сможет.

Звоню Президенту, говорю, что считаю целесообразным обратиться за поддержкой к народу. Он тоже согласен.

Даю команду А. Долгалеву сосредоточить своих дружинников у Моссовета. Прошу бизнесменов, имеющих свои охранные структуры, по мере сил поддержать обученными людьми.

Иду в кабинет премьера. В коридорах самого начальственного, обычно чинного пятого этажа суетятся растерянные работники аппарата. Один подскакивает ко мне, буквально кричит: «Вы же понимаете, что все кончено! В течение часа нас всех перережут!»

Виктор Степанович спокоен, держится хорошо. Просит на случай блокады здания правительства получить наличные в Центральном банке. Передаю это поручение первому заместителю министра финансов А. Вавилову, а сам информирую премьера, что отправляюсь на Российское телевидение, буду просить москвичей о поддержке, потом поеду к Моссовету. До отъезда успеваю в своем кабинете записать небольшое выступление для «Эха Москвы», беру с собой Аркадия Мурашова, коллегу по «Выбору России», бывшего начальника московской милиции.

Москва пустая — ни милиции, ни войск, ни прохожих. В машине слушаем по радио победные репортажи оппозиции: побеждаем, точнее, уже победили, теперь никаких компромиссов, Россия обойдется без Президента, пришел последний час ельциноидов...

Подъезжаем к Российскому телевидению. Вход забаррикадирован. После долгих и настороженных переговоров моей охраны и охраны телевидения нас нако-

нец пропускают. Попцов очень нервничает. После штурма «Останкино» ждет нападения боевиков. Не может понять, почему не присылают солдат для защиты. Ведь здесь больше нескольких минут не продержаться. Пока разговариваем, проходит информация, что занято здание ИТАР—ТАСС.

Еще раз связываюсь с Ериным, прошу хоть как-то прикрыть Российское телевидение. Теперь и сам вижу, что обороны никакой. Обещает помочь.

Уже перед объективом телекамеры попросил на минутку оставить меня в студии одного. Как-то вдруг схлынула горячка и навалилась на душу тревога за тех, кого вот сейчас позову из тихих квартир на московские улицы. Нетрудно понять, какую страшную ответственность за их жизни беру на себя. И все же выхода нет. Много раз перечитывая документы и мемуары о 1917 годе, ловил себя на мысли о том, что не понимаю, как могли десятки тысяч интеллигентных, честнейших петербуржцев, в том числе многие офицеры, так легко позволить захватить власть не слишком большой группе экстремистов. Почему все ждали спасения от кого-то другого: от Временного правительства, Керенского, Корнилова, Краснова? Чем все это кончилось, известно. Наверное, эта мысль — главное, что перевешивает все сомнения и колебания. И потому выступаю без колебаний, с сознанием полной своей правоты.

После телеобращения едем к Моссовету. Еще недавно, проезжая мимо, видели у подъезда маленькую кучку дружинников. Теперь набухающими людскими ручейками, а вскоре и потоками сверху от Пушкинской, снизу от гостиницы «Москва» площадь заполняется народом. Вот они — здесь! И уже строят баррикады, разжигают костры. Знают, что происходит в городе, только что видели на экранах телевизоров бой у «Останкино». Костерят власть, демократов, наверное — и меня, ругают за то, что не сумели, не подвергая людей опасности, не отрывая их от семьи и тепла,

сами справиться с подонками. Справедливо ругают. Но идут и идут к Моссовету. Да, они готовы потом разбираться, кто в чем виноват, кто чего не сделал или сделал не так, как надо. А сейчас идут, безоружные, прикрыть собой будущее страны, своих детей. Не дать авантюристам опять прорваться к власти.

Офицерские десятки, готовые в случае нужды взять оружие в руки, уже строятся возле памятника Юрию Долгорукому. Но это — на крайний случай. Крепко надеюсь, что оружие не понадобится. Толпа напоминает ту, в которой стоял в августе 1991 года, заслоняя Белый дом. Те же глаза. Добрые, интеллигентные лица. Но, пожалуй, настроение еще более суровое, напряженное. Где-то среди них мой отец, брат, племянник. Наверняка знаю, здесь множество друзей, соратников, однокашников.

Выступаю перед собравшимися, сообщаю, что от «Останкина» боевики отброшены. Призываю оставаться на месте не рассредоточиваясь, начать формирование дружин, быть готовыми при необходимости поддерживать верные Президенту силы.

Главный вход в Моссовет закрыт. С трудом, в обход, перелезая через баррикады, пробираемся в здание. Еще недавно его частично контролировала оппозиция. Группа депутатов Моссовета пыталась организовать здесь один из ее штабов, но теперь здание очищено людьми Ю. Лужкова. Сам он оживлен, возбужден, даже весел. Прошу Мурашова наладить связь между нашими дружинниками и милицией. Созваниваюсь с В. Черномырдиным, рассказываю об обстановке в центре столицы, спрашиваю, что известно о подходе войск. В целом картина неопределенно-тягучая, но порыв оппозиции, кажется, начинает выдыхаться.

Еще раз выступаю у Моссовета и на машине — к Спасской башне. Там еще одно место сбора. Из окна машины вижу, как пробудилась, преобразилась Москва. Множество народа, полыхают костры, кое-где звучат песни, видны шеренги дружин. Собравшись вмес-

те, люди ощутили свою силу, почувствовали уверенность.

У Спасской башни на Красной площади, где люди собрались по своей собственной инициативе, настроение более тревожное, плохо с организацией. Ко мне подходит военный, представляется полковником в отставке, просит указаний, помощи. Там, у Моссовета — сплочение. Здесь — пожалуй, наше уязвимое место.

...У меня в кабинете А. Чубайс, Б. Салтыков, Э. Памфилова, С. Васильев, А. Улюкаев и многие другие. Жадно расспрашиваю их, какие новости, что произошло в мое отсутствие. Информации до обидного мало. Прошу министров отправиться на митинги, выступить, поддержать боевое настроение москвичей. Вообще одна такая ночь может выявить людей лучше, чем долгие годы. Кое-кто из наших неожиданно впал в панику, сбежал. Но остальные вели себя спокойно и даже мужественно. Например, Василий Васильевич Барчук, председатель правления Пенсионного фонда, немолодой, с большим сердцем. В вечер, когда замолкло «Останкино», примчался ко мне с дачи, в свитере, готовый сделать все, что необходимо.

Около полуночи ситуация в городе наконец начала меняться. Иллюзия, что речь идет о восстании против вражеского, не имеющего поддержки режима развеялась. Сторонники Президента выходят из состояния оцепенения и растерянности. К этому времени абсолютно уверен, что власть в России в руки анпиловцев и баркашовцев не отдадим. Даже если к утру руководству МВД не удастся привести в порядок свои силы, а армия останется пассивной. Тогда раздадим оружие дружинникам и будем действовать сами. В том, что сможем это сделать, сомнений нет.

Вспомнилось место из мемуаров Ф. Раскольников «Кронштадт и Питер в 1917 году»: «Если бы Временное правительство нашло в себе достаточно решимости, то, путем установки пары батарей на берегу морского канала, ничего не стоило бы преградить крон-

штадтцам путь в устье Невы... Но, к счастью, эта мысль не пришла в голову никому из членов правительства Керенского, в силу его панической растерянности».

Около двух ночи. Говорим по телефону с Борисом Ельциным. Голос у него усталый, даже охрипший, но гораздо более уверенный, чем раньше: войска будут! Двинулись! Идут к Москве!

Догадываюсь, что ему недешево стоило добиться такого поворота событий. Говорю, что, по моему мнению, Президенту надо бы встретиться с военными, даже еще до вступления их подразделений в Москву. Они должны видеть его и лично от него получить приказ. В противном случае остается риск, что армия так и не начнет действовать. Победа все равно будет наша, но прольется больше крови.

В половине шестого утра Президент перезвонил, сказал, что эту мою просьбу он выполнил.

Тем, кто не пережил вечер третьего октября, не видел нависшей над страной страшной опасности, не звал людей на площадь, не просто понять мои чувства, когда раздался первый танковый выстрел по Белому дому. Первое, о чем подумал: не придется раздавать оружие поверившим мне людям, посылать их в бой.

5 октября. Порядок в Москве восстановлен, регионы демонстрируют подчеркнутую лояльность, угрозы гражданской войны больше нет. Но политические проблемы, конечно же, не решены, кое в чем они даже усугубились.

ВРЕМЯ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Главная жертва — демократия · «Мерседесы» для правительства · Лицом к лицу с популизмом · Непонятная эйфория · В роли лидера · Выборы · Заявление об отставке · Фракция ДВР в Думе · Создание политической партии

Политический итог случившегося: 3-4 октября в Москве состоялась скоротечная гражданская война. Коммунистические и националистические боевые дружины, действуя решительно и напористо, были близки к овладению ключевыми точками Москвы, а значит — России. Войска долго колебались, начали действовать только после явно выраженной обществом поддержки Президентской стороны. Более ста пятидесяти убитых у «Останкино» и Белого дома.

Никто из вождей радикальной оппозиции и депутатов не пострадал. Пожалуй, больше всех опозорился «Президент» А. Руцкой, по очереди призывавший летчиков — бомбить Кремль, иностранных послов — гарантировать его драгоценную жизнь, а затем демонстрировавший свой автомат в смазке, как главное свое алиби. По Белому дому было выпущено 12 танковых снарядов — 10 болванок, 2 зажигательных.

Через некоторое время уйдет напряжение реальной схватки, мучительное беспокойство, охватившее миллионы людей в России и в мире вечером 3 октября, когда исход противоборства был не ясен. Многие из тех, кто этим вечером заклинали Президента действовать самым решительным образом, вскоре начисто отрекутся от своих слов, торопясь возложить на него всю ответственность за случившееся. А образ танков, стреляющих по Белому дому, надолго останется в общественной памяти, порождая сомнение

в стабильности российских демократических институтов.

К сожалению, за неспособность политических элит найти компромисс, избежать силового решения пришлось платить, и тут сразу выясняется, что главная жертва — демократия. Еще утром 3 октября Президент Ельцин — лишь один из многих игроков на российской сцене, первый среди равных, ведущий при посредничестве Патриарха сложные переговоры с целью найти выход из политического тупика. Утром 5 октября у него в руках вся полнота власти в стране. Из киселеобразного двоевластия мы угодили де-факто в авторитарный режим, который немалая часть народа, уставшая от этого двоевластия, от роста преступности и мечтающая о восстановлении нормального порядка, поддержит или, по меньшей мере, не будет ему активно противодействовать.

Внешне это сразу выразилось в изменении положения самого Б. Ельцина, почувствовалось по поведению окружающих его людей, по тому, как с ним общаются лидеры московской и региональных элит, главы государств СНГ. Собственно, в это время и возникают покоробившие многих барские нотки в голосе Президента.

Именно тогда, в октябре 1993 года, от него, более чем когда-либо до или после, зависел выбор пути России. И он его сделал. В радикально изменившейся ситуации на референдум был вынесен уже не относительно сбалансированный компромиссный вариант новой Конституции, выработанный летом на конституционном совещании, а гораздо более жесткий, типично Президентский. И все же Б. Ельцину хватило разума отказаться от резкого поворота в сторону авторитаризма. Чрезвычайное положение вскоре было отменено. Явно оппозиционные «Правда», «Советская Россия» продолжают выходить. Никакая, ни «жесткая», ни «мягкая» цензура не введены. Зато сразу назначен срок

референдума по новой Конституции и выборы нового парламента.

Перспективы демократических сил на предстоящих выборах не выглядят блестящими. До 4 октября в России существовало осознанное обществом двоевластие, а значит, Президент, правительство лишь в ограниченной мере отвечали за ситуацию. Теперь двоевластие ликвидировано, ссылаться на него, как на оправдывающее обстоятельство, не приходится. Между тем, заложенная еще весной и летом 1993 года бомба экономической политики правительства, политики щедрых обещаний и фактического недофинансирования, к осени уже взорвалась. Невыполненные государственные обязательства в оплате военных заказов, расчетов за сданное зерно, гарантированные и не введенные субсидии, задержки в оплате труда врачей, учителей, выдача денежного содержания личному составу армии и флота уже стали острейшей политической проблемой.

Причем оправдываться правительству просто невозможно: ведь это действительно нечестно — пообещать и не сделать. Выполнить же в полном объеме пустые обещания, которые щедро понадавали в предшествующие месяцы — значит подорвать российскую экономику, ее денежную систему, встать на путь финансового развала, результаты которого именно в эти месяцы особенно ярко проявляются у наших ближних соседей — на Украине, в Белоруссии, Казахстане.

Несмотря на мужественное сопротивление министра финансов Б. Федорова, избыточные, превышающие возможности российской экономики деньги все же текут в аграрный сектор, поддерживая на плаву заведомо убыточные, нежизнеспособные предприятия.

В экономике каждой страны существует так называемая лаговая зависимость — временной промежуток, разделяющий момент или период, в который государство резко увеличивает находящуюся в обращении денежную массу, и начало соответствующего повышения

темпов инфляции. Когда мы приступали к реформам, о длительности этого временного лага для России в ее специфических тогдашних условиях можно было лишь догадываться. Теперь, осенью 1993 года, цифра определилась достаточно четко — 5 месяцев. С таким же отставанием по времени происходит и обратное явление: ужесточение денежной политики скажется на снижении инфляции лишь 4-5 месяцев спустя. Отсюда ясно: та жесткая экономия государственных расходов, к которой правительство, видя реальную угрозу гиперинфляции, вернулось с сентября — октября 1993 года, реального влияния на сдерживание роста цен до февраля следующего года оказать не успеет. А выборы назначены на 12 декабря.

Если нет моральных ограничений, если главная цель — власть и эта цель оправдывает средства, создать экономическую базу для обеспечения победы на выборах не составляет особой сложности. Достаточно было именно теперь, когда оппозиция сокрушена, резко взвинтить объемы кредитования бюджета Центральным банком, разом расплатиться со всеми долгами, убедительно, на уровне, понятном каждой семье, показать, каким добрым, щедрым и любвеобильным может быть окрепшее правительство, если оппозиция не ставит ему палки в колеса. Ну, а платить по счетам всплеском инфляции можно потом, когда выборы выиграны...

Такое для себя исключаю сразу. На мой взгляд, это просто бесчестно по отношению к стране. Да и к тому же жизнь не кончается в декабре 1993-го. Как потом расхлебывать последствия финансовых авантюр? Но уже созданная проблема невыполненных обязательств действительно серьезна и легких решений не имеет. Единственно осмысленное, что в этой ситуации нужно делать, это немедленно прекратить дальнейшую раздачу авансов и обещаний, сократить поток государственных обязательств. Все ресурсы текущих налоговых по-

ступлений должны быть сосредоточены на возвращении первоочередных долгов.

Правительство принимает решение об отмене хлебных дотаций, прекращении выдачи предельно обременительных для бюджета льготных кредитов, отказе от индексации государственных капиталовложений на IV квартал, о начале поэтапного повышения платы за жилье, о пересмотре принятых в 1993 году федеральных программ, концентрируя скудные ресурсы лишь на том абсолютно необходимом, что посильно бюджету.

Направление — единственно верное. Но я быстро убеждаюсь, что в изменившемся составе правительства мои возможности эффективно проводить такую политику весьма ограничены. Наглядное свидетельство тому — история с дотациями на комбикорма. Еще летом, выбив из правительства закупочные цены на зерно, заметно превышающие биржевые, аграрное лобби без тени смущения занялось добычей бюджетных дотаций сельхозпредприятиям, которые это дорогое зерно используют для комбикормов. Логика восхитительная: сначала заплатите мне из бюджета поднебесные цены за зерно, а потом добавьте еще, так как это зерно дороговато. Правительство тогда дрогнуло, обещало платить, но, за недостатком денег в бюджете, платить так и не начало.

Твердо убежденный, что если уж явно денег на это не будет, то нужно так прямо и сказать, я сразу поставил этот вопрос и провел решение об официальной ликвидации невыполненных дотаций на комбикорма. Но буквально на следующий день это решение В. Черномырдин отменил, пустые обязательства были пролонгированы.

Все шло чрезвычайно трудно. Поистине предстояло разгрести авгиевы конюшни. Готовые, давно назревшие, опоздавшие по меньшей мере на полгода документы по либерализации внешнеэкономической деятельности, сокращению круга квотируемых товаров,

снижению экспортных пошлин, защите прав акционеров, жилищной реформе лежали в аппарате без движения. Снова и снова убеждался, что заметно изменившийся, безмерно разбухший за минувший год аппарат правительства аморфен, недееспособен. Только если лично заниматься каждым из нормативных актов, не выпускать их из рук при визитах к премьеру, можно добиться хоть какого-то результата. Иначе все как в песок — бесследно.

Заметно изменился стиль работы, вновь возобладала знакомая по прежним годам помпезность, монументальность. В 1992 году я был твердо убежден — обязанное вместе со страной переживать тяжелый кризис, правительство не может позволить себе никаких излишеств. Только в этом случае оно обретает моральное право проводить жесткие, социально-конфликтные меры. Я всегда был готов предложить любому проверить расходную роспись Минфина и подсказать нам — от чего мы еще можем, а следовательно, должны отказаться.

Конечно, скромность нельзя доводить до глупости. Премьер, отправляющийся на работу в трамвае, — может, такое и хорошо для предвыборной пропаганды, но непозволительная роскошь для страны. Весь вопрос в разумности меры, поэтому, слыша то и дело возникавшие предложения о закупке «мерседесов», о запуске в производство серии новых роскошных машин для руководства, которые в народе прозвали «членовозами», категорически их отклонял. Когда в 1992 году вопрос о массовой закупке «мерседесов» для членов правительства поставила служба охраны, я ответил: Президент у нас один, все, что надо для его безопасности, пожалуйста. Но сам я ездил и езджу на «Волге», другим руководителям ничто не мешает следовать этому примеру. Постепенно начал замечать, что такая позиция вызывает раздражение. Допускаю, что многое делалось вовсе не из страсти к роскоши и не из-за нескромности, возможно, кто-то по российской традиции считал,

что именно таким путем вызывается «уважение» к власти. Но мне это было явно не по душе. Подобный же перебор проявился, кстати, и в истории с обустройством Белого дома, и в проекте строительства нового здания парламента. Период, когда скромность правительства считалась нормой, отошел в прошлое.

Видно и то, как изменилась в последнее время обстановка вокруг Б. Ельцина. В 1992 году, когда я возглавлял правительство, вмешательство какого-нибудь Коржакова или Барсукова в экономическую политику было вообще за гранью мыслимого. Они воспринимались исключительно как охранники. Теперь же факт их резко возросшего влияния — секрет Полишинеля.

Вместо четкой и последовательной линии на равные правила игры, унификации налогового и таможенного режима имеем теперь, после октября 1993 года, поток странноватых решений об индивидуальных льготах. Определенный крен в сторону коррумпированного, бюрократического капитализма, с его тесно переплетенными собственностью и властью. А моего влияния и возможностей явно не хватает, чтобы все это остановить.

Вот так и вышло, что вскоре после того, как смолк октябрьский грохот танковой канонады и стало ясно, что политическая ситуация стабилизировалась, я начал задумываться, насколько продолжительной и полезной может быть моя работа в правительстве по «второму призыву».

Тем временем усилия по сокращению ничем не обеспеченных государственных обязательств, регулированию бюджетного кризиса начали приносить результаты. Среднемесячные темпы роста денежной массы в октябре — декабре составили около 10 процентов. Значит, весной 1994 года должны будут опуститься до этого уровня и месячные темпы инфляции. Конечно, по стандартам устойчивых рыночных экономик это еще слишком большая цифра, однако угроза гиперинфляции все же осталась позади.

Но вот незадача: то, что с точки зрения перспектив экономики страны является успехом, в предвыборной кампании может обернуться одной из причин серьезной неудачи. Так уж повелось, что за последствия чужих ошибок отвечают политики, которые у власти сейчас, никто не помнит и помнить не хочет, что пустые обещания раздавались весной-летом, когда и духу твоего в правительстве не было. Позитивные ростки финансовой стабилизации вызреют лишь постепенно, а пока мало популярные решения по отмене хлебных субсидий, льготных кредитов и другие бьют по тебе, и бьют больно. Вот и получается, что мы должны проводить необходимую экономическую линию, грозящую ударить по нам политическим бумерангом. Я имею в виду приближающийся срок выборов.

Надо сказать, что к концу 92-го года, к моменту моей отставки, демократическое движение в России являло собой структурно довольно печальное зрелище. За ним еще по-прежнему оставалась достаточно мощная общественная поддержка, и популярность Ельцина была велика. Демократические митинги при хорошей подготовке собирали десятки тысяч человек. Но все заметнее проявлялась организационная слабость и раздробленность демократов. Самое мощное объединение в нашей части политического спектра — «Демократическая Россия» — находилось в стадии полураспада. Из него выходят все новые и новые политические группировки, само оно аморфно, не имеет ни фиксированного членства, ни своих печатных изданий, ни работающей системы пропаганды, ни денег, ни достаточно авторитетных лидеров. Некоторые выделившиеся из «Демроссии» структуры, в частности, Республиканская партия, основанная на базе бывшей демократической платформы в КПСС, организованы лучше, но крайне малочисленны и еще менее авторитетны. Постоянно возникают все новые и новые маленькие демократические группки, отражающие лишь амбиции своих маленьких лидеров.

Понять причины слабости демократического движения несложно. Интеллигенция, которая была мотором демократических преобразований, по природе своей чужда организованной политической деятельности. Особенно же эта нелюбовь обострилась после десятилетий пребывания в хорошо организованном партийном коммунистическом яре. Но от того, что все это мне было понятно, легче не становилось.

Впервые вопрос о необходимости для реформаторов активно включиться в политическую работу передо мной поставил весной 1992 г., во время моего визита в Прагу, Вацлав Клаус, тогда министр финансов Чехословакии. Мне в ту пору было важно показать, что Восточная и Центральная Европа остается для России одним из важнейших экономических и политических приоритетов, что мы отнюдь не собираемся отсюда уходить, заинтересованы в создании новых рыночных механизмов сотрудничества.

Многие из тех, кому довелось проводить реформы в постсоциалистических странах, относятся к Клаусу с чувством белой зависти. Ему достались два старших козыря на руки. Чешские коммунисты оставили страну в относительно финансовом порядке, с низким внешним долгом и ограниченными финансовыми диспропорциями. Традиционная чешская финансовая респектабельность пересилила деструктивные тенденции разваливающегося позднего социализма. Сыграл свою роль и национальный характер чехов с его устойчивой мелкобуржуазностью, которую так не любил В. И. Ленин.

Надо признать, Клаус сумел на редкость удачно распорядиться своими козырями. Конечно, и здесь было резкое падение промышленного производства в первые три года реформ, рост социального неравенства, скачок цен сразу после их размораживания. И все же создание базы рыночного роста здесь оказалось наименее конфликтным, уровень поддержки начатых преобразований — наибольшим. Не случайно Клаус

оказался единственным, кто остался у руля на протяжении пяти лет нелегких реформ.

Совсем молодым Клаус успел поучаствовать в прерванной попытке чешских реформ 1967—68 годов, работал заместителем председателя Национального банка, потом долгие годы был не у дел, устроился счетоводом. Лишь в конце 80-х, когда под влиянием советской перестройки режим в Чехословакии стал чуть либеральнее, ему разрешили научную работу в Институте прогнозирования (известном к тому времени в Праге как институт диссидентов). Перепады в судьбе сказались на характере, сделали Клауса человеком жестким, упрямым, иногда склонным эпатировать собеседника.

Разговор тогда, весной 1992-го, оказался для меня неожиданным и важным. Я в тот момент весь пребывал во власти преобразований, голова была забита цифрами и графиками, показателями инфляции и процентами роста денежной массы. Мы обсудили эти темы с Клаусом, а потом он вдруг резко повернул разговор на политику. Общий смысл его слов: «Я говорил Бальцеровичу, он меня не слушал, теперь повторяю вам — все эти экономические тонкости интересны и по большому счету нам всем понятны, но если вы не сумеете создать политическую базу поддержки рыночных реформ, то навсегда останетесь заложниками неожиданных маневров тех, кто позвал вас в правительство. Это очень легко может перечеркнуть все, что вы делаете или собираетесь делать. Важнейшая задача — консолидация политических сил, способных стать базой поддержки проводимых реформ. Как часто вы выступаете в аудиториях, перед публикой, объясняете свои взгляды, убеждаете? Редко? А я вот не жалею для этого времени, делаю это несколько раз в неделю».

Конечно, легче всего было отмахнуться от сказанного, возразить, что доказывать необходимость либеральных реформ в насквозь пронизанной буржуазным духом Чехии совсем не то, что пытаться создать им базу поддержки в России. И все же разговор заставил

всерьез задуматься о политическом обеспечении начатых преобразований.

На посту премьера хорошо осознал всю серьезность трудностей, связанных с организационной слабостью, беспомощностью демократического движения. При всей искренней и самоотверженной готовности значительной части демократов поддержать нелегкую политику 92-го года, их раздробленность и слабость резко снижали эффективность такой поддержки.

Лидеры, соревнующиеся между собой за влияние демократических групп, неоднократно предлагали мне включиться в политическую борьбу, просили оказать им содействие. Все подобные предложения я отклонял, ссылаясь на то, что это не мое поле деятельности. Но готов был оказать содействие объединению как можно более широкого круга демократов. Особенно потребность в таком объединении возросла к весне 1993 года, когда началась подготовка к референдуму. Демократическим силам необходимо было добиться на нем победы.

Неоднократно собирались вместе. Иногда у Геннадия Бурбулиса, иногда у Аркадия Мурашова, у меня. Состав разный — Александр Яковлев, Гавриил Попов, Сергей Шахрай, Глеб Якунин, Лев Пономарев, Владимир Лысенко, Сергей Ковалев, Борис Золотухин, Анатолий Собчак, Сергей Юшенков, Михаил Полторанин. Обсуждали складывающееся положение, договаривались о координации действий. И каждый раз возникает тема — что делать после референдума? Есть общее широкое понимание того, что наиболее вероятным результатом кризиса власти неизбежно станут досрочные выборы осенью 93-го или, в крайнем случае, весной 94-го. Идти на такие выборы слабыми, организационно раздробленными предельно опасно. Отсюда постоянные дискуссии о том, как же добиться объединения демократов, как сформировать дееспособную демократическую организацию.

Суть проблемы. Действующие демократические

структуры, и в первую очередь «Демроссия», в силу сложившихся внутри нее сложных отношений, вряд ли могут стать базой объединения. Вместе с тем любая попытка построить новую организацию — это неизбежно кризис организации существующей, новые и совершенно ненужные конфликты. Постепенно выкристаллизовываются два подхода: либо создание широкого предвыборного блока, без внутренней организационной структуры, объединяющего существующие группы, либо — новая организация, призванная заменить собой действующие. Наиболее энергичные сторонники первого варианта — лидеры «Демроссии», Лев Пономарев, Глеб Якунин, Илья Заславский. Последовательные защитники второго — Геннадий Бурбулис, Аркадий Мурашов, Алексей Головков, люди, отношения которых с руководством «Демроссии» не сложились.

До конца весны — начала лета играю в этих переговорах скорее роль посредника, пытаюсь примирить как можно более широкий круг единомышленников, разделяющих общие стратегические программные положения, но отчужденных, на мой взгляд, мелочными, тактическими, иногда просто амбициозными соображениями. Пытаюсь всех со всеми мирить, выработать компромиссные предложения, отводить ультиматумы. Лишь постепенно начинаю понимать, что логика развития событий подводит к совершенно непривычной для меня роли одного из лидеров российского демократического движения.

Работают факторы предшествующей моей политической невовлеченности, отсутствие за мной долгой истории взаимных претензий и обид прошлых лет. Демократы в 1992 году оказали поддержку нашему курсу. В апреле 1993 года на референдуме поддержали Президента. В том числе сказали «да» по наиболее сложному второму вопросу — о поддержке нашей экономической политики. Я, как человек, отождествляющий собой эту политику, неожиданно оказываюсь одной из наименее

конфликтных фигур демократической части политического спектра.

Роль демократического лидера для меня на редкость неудобна, внутренне не моя. Прекрасно отдаю себе отчет в своих слабостях как публичного политика, призванного агитировать, объяснять, выигрывать выборы. И вместе с тем сознаю раздробленность и слабость демократических организаций. Те люди, которые поддерживали нас в 1992 году, имеют моральное право потребовать от меня отдачи. Сейчас им нужно мое имя, которое может помочь их объединению. Довольно долго размышляю над всем этим и в конце концов не решаюсь отказать им. Возможно, совершаю серьезную ошибку, все-таки делать лидером российских демократов человека, с именем которого для многих людей связаны потери и трудности, наверное, опасно.

К осени 1993 года пытаемся примирить демократов. Общий принцип — соединяем всех единомышленников, согласных в главном. И не берем в расчет тех, кто выдвигает ультимативные требования, настаивает на исключении из объединения той или другой демократической организации. В результате формируем включающий десятки демократических организаций широкий предвыборный блок «Выбор России».

В целом, надо признать, конструкция получается на редкость аморфной, лишенной организационной целостности. Конфликты в центре дополняются тяжелыми распрями на местах. Предвыборный штаб вынужден заниматься претензиями кандидатов в депутаты по одному и тому же округу, каждый из которых убежден, что он-то и есть подлинный представитель «Выбора России». Особенно усложняется ситуация после трагических октябрьских событий 1993 года.

При всем том значительная часть политиков демократической ориентации пребывает в состоянии мало понятной для меня эйфории. Сказывается, наверное, влияние апрельской победы на референдуме. Царит общее ощущение неизбежного успеха на предстоящих

выборах. Вопрос только в том, кто из демократов будет первым. На выборы параллельно с «Выбором России» идут ПРЕС Сергея Шахрая, РДДР Анатолия Собчака, «Яблоко» во главе с Григорием Явлинским. Мои призывы к единству всех демократов перед угрозой коммунистического реванша воспринимаются скептически: «Что там еще Гайдар паникует? Какие коммунисты? С ними уже покончено!»

Хорошо понимаю опасность происходящего. Особенно нелепым выглядит то, что даже члены одного правительства идут на выборы под флагами двух разных и соревнующихся блоков — «Выбора России» и ПРЕСа. Убеждаю Шахрая снять свой список, предлагаю ему первое место лидера в списке «Выбора России», сам я мало ценю это место, мечтаю переложить предвыборную суету на кого-нибудь из демократов. Тем более, что в должности первого вице-премьера правительства вынужден решать тяжелейшие стабилизационные проблемы. Назревают шахтерские забастовки. Только что либерализованы цены на хлеб. Мы ведем тяжелую борьбу с аграрным лобби вокруг выбитых им, но не обеспеченных финансовыми ресурсами обещаний.

Сергей Михайлович, однако, предложение мое отклоняет. Может быть, потому, что в «Выборе России» немало людей, чье радикально-демократическое прошлое может ему повредить, на Гайдара ведь зуб имеют многие. Позже, за месяц до выборов, московское правительство в лице Юрия Михайловича Лужкова организует коалиционные переговоры между ведущими демократическими блоками. На рабочем уровне документ обсуждают представители «Выбора России», «Яблока», ПРЕСа, РДДР. Встречаемся у Лужкова: Явлинский, Шахрай, Попов, Бурбулис и я. Лужков настаивает на необходимости объединения усилий. Дальше выявляются позиции каждого. Выясняется, что ни Явлинский, ни Шахрай, ни Попов подписать объединитель-

ный документ не готовы. Я остаюсь в далеко не гордом одиночестве.

Занятый по горло чиновничьими заботами, все больше убеждаюсь, что, как один из создателей «Выбора России», могу худо-бедно сыграть роль посредника в примирении многочисленных демократических организаций, но никак не роль организатора избирательной кампании. Между тем, в «Выборе России» немало опытных талантливых политиков, разбирающихся в выборных коллизиях куда лучше меня. Геннадий Бурбулис, например, возглавляющий наш предвыборный штаб. Или Михаил Полторанин, отвечающий за пропаганду, или Алексей Головков, ответственный секретарь штаба. Я готов лояльно выполнять их указания, появляться там, где мне велено, выступать в теледебатах, но отнюдь не быть стратегом и организатором всей работы.

Принципиальный для нас вопрос — позиция Ельцина. «Выбор России» сформирован как блок людей, поддерживавших и поддерживающих его политику. На деле он и есть наш естественный политический лидер. К концу осени 1993 года за ним еще огромная общественная поддержка. А значит, если на выборы идет четко обозначенный блок Ельцина, то и выбор для избирателей довольно прост и ясен: за или против его политики, начатой в 1991 году. И тогда есть серьезные шансы на успех, возможность заметно укрепить позиции демократов во вновь избранных органах государственной власти. 10 октября вместе с ним летим в Японию, по дороге обсуждаем политическую ситуацию, договариваемся, что 17-го он придет на съезд «Выбора России».

По возвращении узнаю, что Президент изменил решение, не придет. Видимо, некоторые из ближайших помощников убедили его, что он должен выступать в роли отца нации, отказаться от вмешательства в текущую политическую борьбу и парламентские выборы. Думаю, это было политической ошибкой. Его уход от

предвыборной борьбы под демократическим флагом вызвал определенное замешательство в кругу его сторонников, а значит, сыграл на руку коммунистам и националистам.

Избирательная кампания явно не заладилась. Уверенность, под впечатлением октябрьской победы, в легком успехе на выборах, подогреваемая прессой и опросами общественного мнения, оказала демократам медвежью услугу. Легкомыслие и беззаботность способствовали демобилизации демократического электората. А между тем экономическое положение страны было не из простых. Мы, как я уже говорил, с колоссальным напряжением пытались расхлебать последствия летних экономико-политических ошибок и демагогии пустых обещаний. Одно за другим принимали непопулярные решения. И естественно, что «Выбор России» вынужден нести ответственность за все эти шаги правительства.

Естественно и то, что по тактическим соображениям ПРЕС и другие демократические партии и группы стремятся дистанцироваться от правительства и «Выбора России». Противоестественно другое: критикуя нас, они невольно солидаризируются с коммунистами и национал-патриотами. И Президент тоже безмолвствует, воспаря над всеми.

А тут еще возникают и персональные проблемы. Регулярно публикуемые газетами рейтинги влиятельности различных политиков показывают, что я вслед за Президентом оттесняю на третье место Виктора Черномырдина, а потом — и на второе место самого Ельцина. Какой-то бред, смахивающий на провокацию. Ведь у многих на памяти, что в декабре 1992 года назначение Черномырдина было как бы вынужденным компромиссом, уступкой Ельцина оппозиции. А потому распространяются слухи, что в случае успеха демократов на выборах произойдет смена руководства в правительстве и злодей Гайдар опять станет его главой! Все это, скажем прямо, не способствует добрым отношени-

ям в верхних эшелонах российской власти, а также предвыборной работе.

Борис Николаевич ничего мне не говорит, и все же, впервые за долгие месяцы, чувствую холодок и дистанцию. Виктор Степанович, со своей стороны, регулярно заводит разговор о послевыборных перспективах. Перспективы сложные, но успокаиваю его, обещая поддерживать на посту премьера. Чувствуется, он хотел бы более твердых гарантий.

Последняя неделя перед демократическими выборами 1993 года приносит очень тревожные результаты. По данным опросов ВЦИОМа уровень поддержки Жириновского быстро идет вверх, он практически сравнялся с поддержкой «Выбора России». Если такая тенденция продолжится, ЛДПР может набрать больше голосов, чем мы. Анализ, который постоянно осуществляет мой советник Леонид Гозман, подтверждает те же неприятные перемены.

Особенно нелепо в этой ситуации то, что, в соответствии с законодательством, опросы не подлежат открытой публикации. Значительная часть демократических избирателей по-прежнему уверена, что победа «Выбора России» гарантирована и можно не особенно озабочивать себя участием в голосовании.

14 декабря. Опубликованы результаты выборов. Наш блок сможет сформировать крупнейшую фракцию в Государственной Думе общим числом в 75 человек. Следующей по численности будет фракция ЛДПР — 59 депутатов. Два демократических блока наряду с «Выбором России» прошли в Думу, это ПРЕС и «Яблоко». У каждого из них будет фракция чуть меньше 30 человек. В целом получаем разделенную Думу. Соотношение сил между коммунистами и демократами чуть лучше, чем было на съезде народных депутатов. Ничего страшного вроде бы не произошло. И все же огромный разрыв между ожиданиями, порожденными апрельским референдумом, и реальностью воспринимается как поражение демократов.

Сегодня, когда за плечами опыт прошедших пяти лет, думаю: именно период осени — зимы 1993 года был поворотным пунктом, когда ошибки демократической власти оказали наиболее серьезное воздействие на дальнейшее развитие событий. Я не могу согласиться с мнением таких весьма проницательных западных наблюдателей, как Андреас Ослунд или Майкл Макфол, которые полагают, что наиболее серьезную ошибку Борис Ельцин допустил осенью 1991 года, когда не распустил съезд народных депутатов и не провел новые выборы. Убежден — такой возможности в то время просто не было. Тогда, в сентябре — октябре 1991 года, Верховный Совет только что энергично поддержал Ельцина в его противостоянии ГКЧП, он оставался авторитетным демократически избранным органом власти. Союзные органы управления, хотя и потеряли реальное влияние и авторитет, но по-прежнему легально существовали. Российские же оставались еще крайне слабыми, и у Ельцина не было конституционных прав роспуска съезда народных депутатов. В этой ситуации любая попытка двинуться в направлении досрочных выборов была бы абсолютно непонятной обществу, а потому и обреченной на провал.

В анализе деятельности Ельцина периода осени 1991 — осени 1993 годов часто забывают о том, что все это время он действовал в обстановке двоевластия, постоянных противоречивых решений исполнительной и законодательной власти, борьбы, которая распространялась из Москвы на российские регионы. Элементом реальной жизни была полная зависимость таких важнейших структур российской государственной власти, как прокуратура, Центральный банк, Пенсионный фонд, от политизированного большинства Верховного Совета, который с конца 1992 года сознательно стремился ослабить позиции Президента, дестабилизировать положение в стране.

4 октября 1993 года ситуация радикально изменилась. После опаснейших событий в Москве кризис

двоевластия был однозначно разрешен, Президент впервые получил в свои руки огромную реальную власть в России. Вопрос теперь был в том, насколько он сумеет ей распорядиться. Именно 5 октября 1993 года открывалась реальная возможность радикально ускорить преобразования в России по всем направлениям, причем не свертывая демократических свобод и гарантий. Предшествующие события хорошо показали, кто чего стоит из руководителей органов государственной власти и в центре, и на местах. Можно было немедленно и не опасаясь противодействия организованной оппозиции, начать реформу Вооруженных сил, сократить численность армии, сделать ее более компактной, но лучше управляемой, лучше вооруженной. Надо было взять в руки реальные рычаги контроля за бывшим Комитетом государственной безопасности, до этого явно, при всех своих переименованиях, не работавшего на российскую демократию. А также — радикально поменять кадры на местах, выдвинуть людей, доказавших свою приверженность реформам и демократии, всерьез взяться за проведение аграрной реформы, реформы системы социальной поддержки, упорядочить налоговый режим, решительно запретить пропаганду фашизма и коммунизма, действия организаций, разжигающих социальную и национальную рознь.

Осенью 1993 года мы довольно дорого заплатили за жизненно необходимые мероприятия по финансовой стабилизации, но создали немалый задел для решительного перелома во всей экономической конъюнктуре. Продолжив и интенсифицировав продвижение по этому направлению, было возможно уже в 1994 году добиться радикального снижения темпов инфляции, стабилизировать курс национальной валюты, снизить процентную ставку, заплатить за это неизбежную дополнительную политическую цену, но войти в 1995 год со стабильными финансами и серьезными предпосылками экономического роста на рыночных основаниях. Что позволило бы уже тогда запустить механизм по-

вышения благосостояния. А значит — и прийти к следующим парламентским и Президентским выборам с видными, ощутимыми для людей результатами заработавшего рынка.

Обо всем этом я неоднократно в то время говорил Президенту, пытался склонить его к энергичным действиям по всем направлениям. Он слушал, соглашался, но решений не принимал, явно откладывал их до выборов и принятия новой Конституции. Именно здесь особенно отчетливо проявилось уже известное мне качество его характера — склонность к резким переменам настроения, быстрые переходы от энергичных действий к пассивности. Правда, отчасти такое поведение его в тот период можно понять. Когда я вернулся в правительство в сентябре 1993 года, Виктор Степанович в первой же нашей беседе сказал мне, что Президенту нелегко дались последние месяцы противостояния. Начав работать, я быстро в этом убедился и сам. Было ощущение, что Президент смертельно устал от постоянного напряжения, от тяжести, лежащей на плечах, потерял значительную часть энергии, стал медленнее ухватывать главную мысль, стержень любого разговора. Отсюда, я думаю, и его просчеты в тактике во время разрешения кризиса сентября — октября 1993 года, и полоса политической пассивности, выжидания, последовавшая непосредственно за октябрьским кризисом.

Андрей Козырев позже говорил мне, что Президент, на его взгляд, был готов к серьезному политическому прорыву в случае успеха демократов на выборах. Но успеха не случилось. Результаты декабрьских выборов стали для Президента неприятнейшим сюрпризом. Когда появились первые предварительные итоги, он даже позвонил мне и спросил, подтверждают ли наши данные те, что поступают по каналам Центризбиркома. Настроение у него было подавленное, пожалуй, такое же, как в ночь с 3 на 4 октября.

Однако и после того, как результаты выборов стали

известны, я был убежден, что единственно разумной стратегией остается линия на ускорение реформ. Да, у нас не будет большинства в новом составе Федерального Собрания. Но «Выбор России» теперь самая крупная фракция парламента, Конституция предоставила Президенту широчайшие полномочия, а правительству — значительную меру автономии. Кроме того, у Президента — и эффективное право вето, которое очень трудно преодолеть, и широкие возможности нормотворчества.

В целом политическая база для проведения последовательной реформаторской политики стала неизмеримо более благоприятной, чем в 1991—1992 годах. Еще раз пытаюсь убедить Ельцина в своей правоте. Прихожу к твердому убеждению — сейчас это невозможно: неудача на выборах воспринята им как сигнал к отступлению, политическому маневру, частичной смене ориентиров. Значит, проводить тот курс, в верности которого я убежден, не удастся. Тогда в чем смысл дальнейшего пребывания в составе правительства? Выполнять роль символа, обозначающего для Запада, для российских демократов, что реформы продолжают? Это не для меня.

После выборов в правительстве произошли перестановки. Президент предложил мне продолжить работу в качестве первого вице-премьера. Однако к концу декабря — началу января я пришел к твердому убеждению: правительство в его нынешнем составе на новый тур серьезных реформ идти не готово. В нем снова возобладали идеи поиска немонетарных методов борьбы с инфляцией и отказа от экономического романтизма. Мои попытки проводить решения, которые считаю необходимыми, почти всякий раз стопорятся. На протяжении месяцев не могу даже выпустить постановление о давно назревшем сокращении штатов возглавляемого мной Министерства экономики.

Последней каплей стала шокирующая история с решением о строительстве шикарного административного

дворца для парламента, о чем я уже вкратце говорил. Позвонил руководителю аппарата правительства В. Квасову, услышал заверение, что такого решения правительство не принимало. А через два дня получил его готовеньким прямо в руки.

На сей раз раздумывал недолго. Сел за стол, взял ручку:

«Уважаемый Борис Николаевич!

Более двух лет назад Вы оказали мне и моим коллегам огромное доверие, поручив нам осуществлять проводимые под Вашим руководством радикальные экономические реформы. Работая заместителем, первым заместителем и Исполняющим обязанности Председателя правительства Российской Федерации, я старался сделать все для того, чтобы экономика России быстрее встала на ноги, чтобы тяжелый и болезненный для каждого гражданина переходный период был пройден как можно быстрее. Благодаря мужеству и терпению наших сограждан, благодаря Вашей решительности и последовательности нам удалось не только избежать социальных и экономических катаклизмов, подобных тем, что сотрясают сейчас многие республики бывшего СССР, но и заложить основы будущего возрождения страны.

Условия нашей работы в правительстве никогда не были идеальными. Вам прекрасно известно, сколь многого нам не удалось осуществить не из-за объективных обстоятельств, а вследствие непрекращающегося давления консервативных политических кругов. В сентябре 1993 года, соглашаясь вернуться в правительство, я отдавал себе отчет в том, что, отвечая в глазах общества за экономическую реформу, я буду обладать лишь ограниченными рычагами воздействия на экономическую ситуацию. Но я надеялся, что понимание общей ответственности за страну позволит правительству, пусть и состоящему из людей разных воззрений, объединиться вокруг президента и проводить курс, необходимый для стабилизации экономики и предотвращения катастрофы.

К сожалению, в последнее время все чаще принимаются решения, в подготовке которых я не участвовал и с которыми выражал категорическое несогласие. Приведу лишь два новых примера.

Подписано межбанковское соглашение об объединении денежных систем России и Беларуси. Такое объединение возможно, если его тщательно подготовить, отработать все механизмы контроля, защищающие российские национальные интересы. То же, что предусмотрено в подписанных документах — лишь воспроизводство хаоса в денежной области за счет реальных доходов российских граждан. В частности, реализация этого решения приведет к тому, что минимальные зарплата и пенсия в Беларуси будут существенно превышать минимальные зарплату и пенсию в России. Мы не настолько богаты, чтобы приносить благосостояние россиянам в жертву политической конъюнктуре. Я возражал против этого решения, но мои протесты не были услышаны.

Трудно понять и решение о строительстве нового здания Парламента (ориентировочная стоимость — 500 миллионов долларов). Эта сумма значительно превышает средства, которые были с трудом выделены в 1993 году для бюджетного фонда конверсии. Это впятеро больше расходов федерального бюджета по статье культуры и искусства или примерно пятая часть всего финансирования социальной сферы в прошлом году. Такое разрушительное по своим последствиям решение было также подготовлено без моего ведома и принято, несмотря на мои самые решительные возражения. В подобной ситуации лично мне трудно оправдывать политику жесткой экономии в расходах на науку, культуру, образование, экологию. Есть тяжелые, но неизбежные издержки жизненно необходимых преобразований, однако с ними нельзя смешивать плату за поспешные и непродуманные решения.

Уважаемый Борис Николаевич! Я не могу быть одновременно и в правительстве, и в оппозиции к нему. Я не могу отвечать за реформы, не имея возможности пред-

отвращать действия, подобные тем, о которых здесь было сказано, не обладая необходимыми рычагами для последовательного проведения экономической политики, в правильности которой убежден.

Поэтому, к моему глубокому сожалению, я вынужден отказаться от предложенного мне поста первого заместителя Председателя правительства РФ. Вместе с тем заверяю Вас, что буду твердо поддерживать Вас и Вашу политику реформ.

С уважением Егор Гайдар»

Зашел к Борису Николаевичу, объяснил ему свои мотивы. Он сказал, что понимает меня. Попросил его отменить безумное решение по парламентскому центру и быть предельно осторожным с расширением рублевой зоны, слишком дорого в 1992 году мы заплатили за отсутствие российского рубля в начале реформ, чтобы на ровном месте ставить его под угрозу. Борис Николаевич пообещал. В Москве в это время с официальным визитом находился Президент США Б. Клинтон, поэтому мы договорились, что о моей отставке будет сообщено после его отъезда.

Решение о строительстве парламентского центра Президент, как и обещал, отменил. Вопрос о единой рублевой зоне застрял в переговорах до Президентских выборов в Беларуси. А затем и вовсе отодвинулся в неопределенное будущее.

Между тем, с февраля, как и предполагалось, начала давать видимые результаты сдержанность экономической политики осени — зимы 1994 года. Темпы инфляции упали ниже 10 процентов в месяц. Впоследствии, особенно после того как в 1994 году были столь бездарно промотаны результаты стабилизационных усилий осени 1993 года, после «черного вторника» и резкого ускорения инфляции, перечеркнувшего надежды на стабилизацию и экономический рост в 1995 году, неоднократно думал о том, правильное ли решение принял тогда — в январе 1994 года. Один из ува-

жаемых мною политических журналистов-аналитиков Николай Карлович Сванидзе убеждал меня в том, что решение было ошибочным, что в России действует железный принцип — «кто уходит, тот проигрывает». Наверное, в чем-то он прав.

Оставшись в правительстве, я имел бы какую-то возможность влиять на ситуацию, противостоять новой инфляционной накачке экономики, начатой с апреля 1994 года, громче сказать о ее неизбежных разрушительных последствиях, может быть, чуть раньше, до «черного вторника», убедить Президента, премьера и руководство Центробанка в необходимости корректировать опасный курс и предотвратить критическую ситуацию с валютными ресурсами в январе 1995 года.

И все же даже сегодня эти рассуждения кажутся мне крайне абстрактными, умозрительными. По состоянию на январь 1994 года мои возможности влиять на процесс принятия принципиальных экономико-политических решений были практически нулевыми. В этом разительный контраст с маем 1992 года, когда тоже всерьез обдумывал возможность отставки. Тогда, при всей трудности, в руках оставались мощные инструменты борьбы, влияния на развитие событий, теперь — одна бутафория. Согласившись же остаться в правительстве на сугубо декоративной роли, я просто продемонстрировал бы готовность примкнуть к когорте людей, для которых сам факт пребывания у власти или рядом с нею — самоцель. А если уж встал в этот строй, не обессудь, что с твоим мнением можно не считаться — перетопчешься. Борис Николаевич хорошо знал, что я не держусь за высокое положение в государственной иерархии. Согласиться на декоративную роль в политике, которую явно не поддерживаю, значило полностью подорвать, а не сохранить возможность влияния на Президента.

Вместе с тем, я понимал, что и выйдя из правительства, сохраняю в глазах общественного мнения значительную долю ответственности за все, что происходит

в стране. Эта ответственность распространялась и на «Выбор России» в целом, и на его фракцию в Думе.

Сразу после выборов, результаты которых разочаровали многих из наших сторонников, отчетливо выявились внутренние слабости коалиции, каковой был блок «Выбор России». Сама широта, некая, как я уже отмечал, идеологическая аморфность избирательного объединения, присутствие в нем немалого количества людей, ориентированных не столько на демократические ценности, сколько на власть, которую давал статус правящей партии, порождали непростые проблемы. На поверхность они всплыли уже при выборе председателя думской фракции.

На эту роль я предлагал кандидатуру Сергея Адамовича Ковалева, одного из самых авторитетных лидеров российского демократического движения еще с диссидентских правозащитных времен, младшего друга и близкого соратника Андрея Дмитриевича Сахарова. Был убежден — его моральный авторитет будет очень важен для формирования политического лица либеральной фракции в Государственной Думе. Сергей Адамович Ковалев шел вторым в избирательных бюллетенях «Выбора России», и мне казалось, что его избрание будет вполне естественным, понятным нашему избирателю. Неожиданно узнал, что на эту же роль претендует Геннадий Эдуардович Бурбулис, возглавлявший избирательный штаб «Выбора России». Это осложнило ситуацию. При сильных качествах Бурбулиса как аналитика, генератора идей, стратега, отношение к нему даже среди демократических избирателей было очень сложным, нередко негативным. Роль публичного политика ему явно не давалась. Главное — у меня было твердое убеждение, что многие люди, голосовавшие за нас, просто почувствуют себя обманутыми, если лидером «Выбора России» в парламенте станет Геннадий Бурбулис.

С осени 1991 года, с начала совместной работы в правительстве, я сохранил к нему самое глубокое ува-

жение. И потому попытался объяснить, что в «Выборе России» для него зарезервировано любое, самое высокое место, кроме ее председателя, то есть публичного лица фракции. К сожалению, еще раз убедился, что, как это нередко бывает, трезвое видение ситуации отказывает даже тонким аналитикам, когда дело доходит до тебя лично, до твоей роли, твоих возможностей.

На фракции, при обсуждении вопроса о лидерстве, дискуссия приобрела острый и даже не всегда корректный характер. Явно обозначилась опасность раскола. И это еще до начала реальной парламентской работы! Уже по ходу обсуждения в разгар дебатов пришлось для достижения компромисса сделать то, от чего категорически отказывался — дать согласие на мое избрание лидером парламентской фракции. Так, один раз согласившись летом 1993 года, тоже в порядке компромисса, принять на себя роль лидера демократов, вынужден был и дальше расхлебывать последствия этого шага, все теснее связывая публичное лицо демократии со своей весьма противоречивой в общественном сознании персоной.

Наш блок шел на выборы с хорошо проработанной программой законотворческих работ, стержнем которой была защита частной собственности, формирование правовых основ стабильного функционирования рыночных институтов. Надо понять всю сложность этой задачи, особенно после семи десятилетий режима, для которого частное предпринимательство было не просто ругательным словом, но и уголовно наказуемым деянием, а потому дух неприятия частной собственности пронизывал все законодательство, всю правоприменительную деятельность. Сложность же состояла в том, что утвердить статьи, защищающие частную собственность, путем указа или декрета невозможно — тут нужна мощная социальная поддержка снизу, которая, в свою очередь, может появиться только тогда, когда необходимость в защите интересов собственника будет осознана и востребована качественно новым общест-

венным сознанием, влиятельными социальными силами.

Поначалу народившийся частный сектор был подобен младенцу, вышедшему из лона матери, но еще соединенному с ней пуповиной. Предстояло отсоединить его от прошлого, чтобы он задышал собственными легкими. Он все более настоятельно требовал кислорода. Конфликты собственников и директоров предприятий, необходимость защиты прав акционеров, масштабные финансовые спекуляции, влекущие за собой экспроприацию имущества вкладчиков, — все это стало реальностями жизни к концу 1993 — началу 1994 года. Отсюда вполне понятные приоритеты нашей законотворческой работы: Гражданский кодекс, Закон об акционерных обществах, Закон о ценных бумагах, выработка нового Уголовного кодекса, попытки добиться принятия Земельного законодательства, легализующего частный земельный оборот, и многое другое.

Работавшие в нашей фракции авторитетные юристы Михаил Митюков, Борис Золотухин, энергично присоединившийся к ним Виктор Похмелкин, активно работавшие Григорий Томчин, Валентин Татарчук, Александр Починок и многие другие депутаты быстро вывели «Выбор России» в бесспорные лидеры по законотворческой деятельности. В целом, обобщая сделанное за два года работы фракции в Государственной думе, можно сказать, что достигнутые результаты превзошли самые наши оптимистичные ожидания. Сам факт принятия Гражданского кодекса, этой конституции частной собственности, при энергичной оппозиции ему коммунистов, стал бесспорной победой.

Наиболее тяжелое поражение мы потерпели в области земельного законодательства. Здесь любые попытки добиться правового закрепления прав частной собственности на землю, частного земельного оборота сталкивались с мощной оппозицией коммунистов и аграриев. Не только не удалось принять предложенный нами закон о земле, — нам еще пришлось согласиться

на замораживание земельных разделов Гражданского кодекса и Закона об ипотеке. Практически эта сфера была целиком выведена из рыночного законодательства. Однако это, пожалуй, наиболее серьезное исключение. В целом же результаты законотворческой деятельности в V Государственной Думе в области защиты частной собственности показывали: напористая и энергичная работа, эффективное использование механизма Президентского вето позволили добиться немало, вопреки пессимистическим прогнозам начала 1994 года.

Чего нельзя сказать, к сожалению, о политических итогах. Здесь очень быстро выявилась фундаментальная проблема — неопределенность и сложность отношений фракции с правительством. Несмотря на мою отставку, на мне, а следовательно и на моих коллегах, лежала ответственность за последствия экономических преобразований в России. Так или иначе, мы оставались ответчиками за каждый промах, за каждый просчет Ельцина и Черномырдина. Отсюда естественное стремление добиться влияния на практически проводимую политику. На протяжении всей работы Думы фракция обсуждала с правительством все проблемы, связанные с рыночно ориентированным законодательством, защитой прав собственности, поддерживала любые его разумные инициативы в финансовой области, критиковала популистские инициативы, исходившие в Думе прежде всего от фракции КПРФ, аграриев, ЛДПР.

Особенность тактики ЛДПР состояла в том, чтобы, громко понося правительство, одновременно вести с ним закулисный торг, выговаривая себе различные уступки в обмен на поддержку по ключевым голосованиям. От своих друзей в правительстве хорошо знаю, что ЛДПР отнюдь не была монополистом в проведении подобной линии. Таким образом «Выбор России» оказывался в наиболее проигрышном положении. Открыто поддерживая любые разумные, пусть даже непопулярные шаги правительства, мы вместе с тем никог-

да не торговались с ним за эту поддержку. Но и не стеснялись критиковать его, когда считали необходимым.

Мы приветствовали каждый разумный реформаторский шаг Ельцина и Черномырдина и первые выступали против них, когда они делали нечто безответственное, как это было, в частности, с началом чеченской войны. Но, опять же, как только Черномырдин начал переговоры по Буденновску, наша фракция первой выступила на его стороне. Все это время мы проводили одну и ту же линию: поддержку демократии, частной собственности, стабильности и мира. К сожалению, радикально менялась по этим вопросам позиция власти. Многие же избиратели восприняли нашу последовательную политику как непоследовательность курса.

Весной 1994 года, извлекая уроки из выборов 1993 года, приходим к выводу: необходимо сформировать более жесткую, упорядоченную структуру в либеральной части политического спектра. Как бы ни была сильна аллергия на слово «партия», понимаем, что нам действительно нужна организованная партия либерально-демократического направления, способная проводить систематическую пропагандистскую и политическую работу в регионах России. Ее естественная база — движение «Выбор России» и «Демократическая Россия», а также отдельные политические группы, сохранившиеся от широкой коалиции, обеспечившей в свое время победу Ельцина.

Летом 1994 года такая структура возникает. Это — партия «Демократический выбор России». Мы еще не знаем тогда, что уже через несколько месяцев ее ждут тяжелые испытания.

ДЕМОКРАТИЯ НА ФОНЕ ЧЕЧНИ

*Кость в горле России • Переговоры с чеченской делегацией •
 Экскурс в историю • Опасная иллюзия властей • Самолеты
 бомбят Грозный • Андрей Козырев выходит из ДВР •
 Популярность Бориса Ельцина падает • Переговоры о
 единстве • Кульбит Григория Явлинского • Буденновск •
 Вотум недоверия • Парламентские выборы • Первомайск •
 Президентские выборы*

Я уже писал о том, что мое первое вхождение в правительство в 1991 году совпадало по времени с бесславно провалившейся попыткой ввести чрезвычайное положение в Чечне. С тех пор развитие событий в этой республике очень тесно переплелось с судьбой реформ и демократии в России. Сначала, пока Чечня находилась на периферии общественного внимания, эта связь была менее очевидной, но потом, с течением времени, становилась все более и более явной и тревожной.

Как уже говорилось выше, еще в царской империи было заведено, что министр обороны подчиняется непосредственно государю. Конечно, он взаимодействовал с Советом министров по финансовым и хозяйственным вопросам, но на его заседаниях не имел права докладывать о мобилизационном планировании, дислокации войск и т. д. Невозможно было представить, что премьер-министр, скажем, Столыпин или Коковцов, дает прямые указания министру обороны, что ему следует делать с вооружением, как перемещать части... Это просто находилось за гранью его компетенции.

Подобная структура правительства пережила и царя, и советскую власть, и досталась демократической России. А потому собственно военные вопросы, связанные с Чечней, не могли быть сферой забот нашего правительства реформ. То, с чем мы столкнулись в первую очередь, — это проблемы Грозненского нефтеперерабатывающего завода, на продукцию которого было во

многим завязано снабжение нефтепродуктами Северного Кавказа. Общая диспозиция в правительстве по этому вопросу была предельно простой — оказывая экономическое давление, добиваться ограничения и сокращения поставок волжской и сибирской нефти на Грозненский нефтеперерабатывающий завод. Минтопэнерго доказывало, однако, что по чисто технологическим причинам резкое сокращение поставок туда чревато серьезными проблемами. Приводились аргументы, связанные с отсутствием аналогичных мощностей у других заводов, трудностью реорганизации транспортировки на Северный Кавказ, невозможностью остановить поставку парафинистой нефти из Ставрополя без катастрофического ущерба для нефтепроводов и самих скважин. В целом поставки нефти на Грозненский НПЗ сокращались, но умеренно: в 1992 году уменьшились по отношению к 1991 году примерно на 4 млн. тонн.

Вторая проблема, связанная с Чечней, обострилась к весне — началу лета 1992 года. Речь шла о так называемых чеченских авизо, крупномасштабной афере, несанкционированной эмиссии денежных средств. Надо сказать, что вся эта тема вплотную переплеталась с общей проблемой перестройки системы расчетов и отношений в рублевой зоне. С экономической точки зрения не было никакой разницы между чеченскими, казахскими, украинскими или узбекскими авизо. Все они оставались рудиментами продолжающегося фиктивного существования общесоюзной рублевой зоны без эффективного административно-политического контроля над каждым элементом этой структуры. Мы форсированно вели работу по переводу центральных банков бывших союзных республик на корреспондентские счета. Это было абсолютно необходимой предпосылкой наведения порядка и организации жесткого контроля за денежным обращением в России. На этой основе только и можно было надежно перекрыть поток чеченских авизо. Что и было сделано к июлю 1992 года.

Именно летом 1992 года, когда стало ясно, что го-

лода не будет, что российские структуры обрели минимальную устойчивость, а самые острые проблемы, связанные с распадом империи, удалось решить без катастрофических последствий, вопрос о выработке стратегии решения чеченской проблемы встал на повестку дня во весь рост.

В один из летних дней ко мне на прием прибыла делегация чеченского правительства. Общий смысл высказанного ею: «У Чечни есть свои политические проблемы, мы люди дела, хозяйственники, и считаем, что надо серьезно налаживать экономические связи». Я ответил, что без всякого сомнения они люди дела и хозяйственники, но вместе с тем именно как хозяйственники должны подтолкнуть свое руководство к осознанию необходимости политического движения в разумном направлении и без излишней резкости.

Я отдавал себе ясный отчет в опасности попыток решить проблему силой. Чечня — особый уголок России с тяжелейшим наследием, оставшимся от царизма и усугубленным сталинской депортацией. Неудивительно, что тектонические процессы, приведшие к разрушению Советского Союза, дали чеченцам новый импульс к отделению от России. Нужно время, и немалое, для того, чтобы естественная экономическая логика, общие интересы породили интеграционные процессы и привели саму Чечню к осознанию жизненной необходимости существования в рамках единого российского экономического и политического пространства. Против силового решения свидетельствовал и исторический опыт многолетней кавказской войны, которую Россия вела в прошлом веке. Все говорило за то, что новая такая война может быть очень дорогостоящей, тяжелой и затяжной.

Со всей остротой проблема выбора тактики действий государственных органов власти в регионе встала поздней осенью 1992 года, когда вспыхнул кровавый осетино-ингушский конфликт. Тогда пришлось срочно перебрасывать войска, вводить их сначала в Осетию,

потом в Ингушетию. На фоне этих действий у некоторых военных руководителей возникла идея: уж если все равно приходится перебрасывать туда войска, то почему бы мимоходом не решить и проблему Чечни? Одним парашютно-десантным полком за два часа. Тем более, что граница между Ингушетией и Чечней четко не была определена. Где останавливать войска, вводимые в Ингушетию, не ясно. Так почему же не воспользоваться случаем, для того чтобы разом вынуть занозу, которая раздражает весь Северный Кавказ?

Вопрос явно выходил за рамки компетенции правительства, носил Президентский характер, но я все-таки решил вмешаться. Должен признать, что режим Дудаева не вызывал лично у меня ни малейшей симпатии. Но в шапкозакидательские заявления, разговоры о том, что он моментально рухнет — что-то не верилось, уж очень плохо сочетается все это с историей Северного Кавказа, которую я хорошо знаю. Побывав в Назрани, Владикавказе, поговорив с офицерами, генералами, посмотрев ситуацию на месте, пришел к твердому убеждению — никаких двух часов, никакого парашютно-десантного полка не получится. А получится длинная, затяжная, кровавая партизанская война, из которой скоро не выбраться. Я вызвал в Назрань представителей Джохара Дудаева. Приехала делегация во главе с первым вице-премьером Чечни Я. Мамадаевым. Повели переговоры, договорились о линии разграничения российских войск и чеченских формирований вдоль ингушско-чеченской границы. Потом прилетел в Москву, и не без труда добился от Президента и военных согласия отвести войска и не переходить оговоренную черту.

Однако, как я уже неоднократно упоминал, 1993 год в России проходил под знаком двоевластия. Борьба различных властных ветвей практически исключала возможность выработки и реализации четкой и целостной политики, в том числе и на Северном Кавказе. И все же экономические санкции против дудаевского режима мы проводили последовательно, продолжалось

сокращение поставок нефти, транспортная схема была реорганизована. К осени 1993 года остановили подачу нефти с замкнутых ставропольских нефтепромыслов. Перестройка системы расчетов исключила возможность повторения крупномасштабных махинаций с чеченскими авизо. Грозненские нефтепромыслы приходили во все больший упадок, добыча нефти внутри республики быстро падала. Крупные беспорядки, демонстрации в самой Чечне, вынудившие Дудаева применить силу, свидетельствовали о том, что не слишком броская, но последовательно реализуемая тактика экономического давления дает свои результаты. Идея чеченской независимости явно теряла своих сторонников.

После консолидации власти в Москве, преодоления кризиса двоевластия, возможности российских органов проводить осмысленную политику в Чечне расширились. Именно в это время, в конце 1993-го — начале 1994-го, дудаевский режим переживал серьезный кризис. Доходы от реализации нефтепродуктов продолжали падать, нефтеперерабатывающий завод работал менее чем на 20 процентов мощности. Уровень жизни был существенно ниже, чем в других республиках региона. Дудаевский лозунг обеспеченной независимости, основанной на нефтяных доходах, явно терял всякую привлекательность. От Дудаева сбежали ближайшие его сподвижники — Гантемиров и Лабазанов. Он не мог уже навести порядок и установить свой контроль не только в традиционно дистанцировавшемся от него Надтеречном районе, но даже в ранее лояльном к нему Урус-Мартане. Руслан Аушев рассказывал мне, как Дудаев просил его и председателя Верховного Совета Аджарии Аслана Абашидзе помочь наладить диалог с Москвой.

Было ясно, что в сложившейся ситуации, если не хочешь кровопролитной войны на Кавказе, надо воспользоваться ослаблением режима для начала диалога, постепенно подготовить базу реального и эффективно-го включения Чечни в структуры российской государственности. Этот единственно правильный путь не обе-

шал крупных политических дивидендов. Напротив, российские государственные деятели, вставшие на него, немедленно попадали под огонь демагогической критики — как это так, вести переговоры с незаконным режимом Дудаева? На каких правовых основаниях?

И вот в российских органах власти возникает поразительная по своей слепоте иллюзия. Если Дудаев такой слабый, если поддержка его в самой Чечне столь незначительна, зачем вообще вести с ним переговоры? Можно для начала вооружить антидудаевскую оппозицию и помочь ей задушить мятежника. А если с этим не получится, то почему бы не использовать силу напрямую: покажем Дудаеву кулак, и он смирится с поражением. Особенно уместной эта логика казалась на фоне итогов выборов декабря 1993 года, когда необходимо было показать триумфатору Жириновскому с его имперской и провоенной риторикой, что и мы не лыком шиты, тоже умеем бряцать оружием. Все эти рассуждения явно прокладывали дорогу к принятию силового решения по Чечне. Когда я и мои единомышленники из ДВР пытались убедить сторонников такого решения в предельной опасности задуманного, слышали в ответ: «Неужели не понятно, что нам сейчас нужна маленькая победоносная война?» Осознание того, что война будет отнюдь не победоносной, а бессмысленной и кровавой, пришло намного позже.

Ноябрь 1994 года. Провал штурма Грозного. Полное поражение оппозиции, поддержанной танками с российскими экипажами. Власти от них отрешаются. Самолеты без опознавательных знаков бомбят Грозный, Президент ложится в больницу. Вскоре принимается решение начать военную операцию в Чечне.

До того, как решение это было объявлено, пытаюсь связаться с Президентом. Впервые с 1991 года не могу дозвониться. Обычно в таких случаях он мне перезванивал сразу. Потом уже, задним числом, я понял, что Борис Николаевич, догадываясь, о чем я собираюсь с ним говорить, не хотел прямо отказывать. Я знаю, что

и Руслан Аушев пытался предотвратить войну, убедить Ельцина сесть за стол переговоров с Дудаевым, самому разобраться во взаимных претензиях. Он был уверен, что такая личная встреча могла бы помочь избежать беды. Борис Николаевич назначил Аушеву аудиенцию, чтобы выслушать все его доводы на этот счет, но на следующее утро после данного обещания в средствах массовой информации появилось заявление о том, что Президент России никогда не будет говорить с Джохаром Дудаевым.

Не дождавшись звонка от Президента, звоню Черномырдину, говорю о том, что намеченное — страшная угроза для всего, что сделано. Необходимо не допустить войны. Вроде бы соглашается. Созваниваюсь с Олегом Попцовым, говорю, что решение вводить войска — трагическая ошибка. Он присылает телевизионщиков с камерой. Выступаю, делаю заявление, прошу российские власти остановить беду.

9 декабря, за день до того, как информация о военной операции в Чечне стала публичной, срочно собираю Политсовет ДВР. Обговариваем два варианта. Первый: в случае начала военной операции резко и решительно выступить против нее, перейти в оппозицию к Ельцину и действующему правительству. Второе: выступая против бездарных методов реализации принятого решения, сохранить возможность диалога с властью.

Решительный сторонник первой позиции — Сергей Юшенков, второй — председатель московской городской организации ДВР Сергей Благоволин.

Решение для меня лично очень и очень нелегкое. С Ельциным нас связывают три года тяжелейшей борьбы за реформу в России. При всех разногласиях я глубоко уважаю его за то, что он уже успел сделать. Не очень вижу другого кандидата от умеренно демократических сил, который мог бы остановить явно набирающую силу коммунистическую волну. Совсем недавно, летом 1994 года, убеждал его в том, что, нравится ему или не нравится, но придется участвовать в выборах 1996 года.

Я по-прежнему один из немногих людей, к мнению которых, как мне кажется, Президент всерьез прислушивается. Понимаю, что переход в оппозицию нас отдалит, а значит, я утрачу возможность влиять на него, добиваться позитивных сдвигов в решении ключевых вопросов. Переход в оппозицию означает и неизбежное размежевание со значительной частью поддерживающей нас предпринимательской элиты, с теми, кто видит в ДВР партию, близкую к власти. Это и угроза размежевания в парламентской фракции, в самой партии.

Но есть ли другой выход? Война — это пылающий Грозный, десятки тысяч погибших мирных жителей, ответный террор. И все это, на фоне хрупкой, еще не устоявшейся российской демократии, неизбежно будет толкать в сторону полицейского государства. Как может либеральная партия в любой форме поддерживать политику, которая ведет к таким результатам?

Если бы я не работал в правительстве, не знал Павла Грачева, не понимал в каком, далеко не блестящем, положении находятся вооруженные силы, как слаба Федеральная служба контрразведки, у меня могли бы быть иллюзии, что военное решение будет быстрым, эффективным и почти бескровным. Но я-то понимаю, что все это чушь, что обернется все не двумя часами и парашютно-десантным полком, а действительно тяжелой, кровавой, затяжной войной. Прихожу к твердому убеждению: у нас просто нет другого выхода, кроме как жестко и последовательно выступить против военного решения чеченской проблемы.

При этом с самого начала ясно: никаких дивидендов от этой позиции мы сами не получим. Сколько бы мы ни выступали сегодня против начатой авантюры, тот факт, что ответственность за нее ложится на Ельцина, неизбежно отзовется мощным ударом по всем демократам, а следовательно, и по «Выбору России».

Сразу после объявления о начале военной операции пытаемся организовать массовые акции протеста. Проводим митинг на Пушкинской площади, потом на Те-

атральной. Охватывает горькое ощущение: нет необходимой поддержки общества. Да, многим не нравится война, но не нравится и режим Дудаева, нет понимания того, какой огромной бедой, какой страшной кровью все это обернется. Некоторые искренне верят в то, что все будет кончено за несколько дней. Как точно сказал мой коллега по ДВР Сергей Юшенков, общество виновато в том, что не выступило против войны достаточно решительно, а это поощрило власти на авантюрные действия.

Для ДВР чеченская война обернулась тяжелейшим внутренним размежеванием. Партия создавалась как либеральная, близкая к демократической власти. В ней много людей, действительно приверженных демократическим убеждениям, но много и таких, кто пришел поддержать более или менее устраивающую их власть. Понимаю, что события в Чечне — источник неизбежного раскола. Либералы останутся с нами. Те, кто пришел в партию власти, будут искать себе другой политический берег. Выход из «Выбора России» Андрея Козырева сразу после того, как мы выступили против чеченской войны, — наглядное тому подтверждение.

С Андреем Владимировичем познакомился осенью 1991 года, когда работали над программой действий российского правительства. Он неоднократно заходил к нам на огонек, на 15-ю дачу, интересовался нашей работой. Не знаю, в какой степени это было взаимно, но я сразу проникся к нему симпатией. Интеллигентный, умный парень. Можно было посочувствовать его нелегким проблемам. Полная неопределенность статуса. Что такое МИД России при формально сохраняющемся Союзе, никто не понимает. Страна в тяжелейшем положении, не платит по своим долгам. Чтобы избежать голода, срочно нужны новые кредиты. Традиционные претензии на имперское величие находятся в разительном контрасте с реалиями государственного банкротства.

Надо признать, что при всех трудностях и просчетах во внешней политике 1991—1993 годов, Козыреву уда-

лось поразительно легко решить проблемы правопреемства России по отношению к Советскому Союзу и, как будто ничего не случилось, занять прежнее место в Совете безопасности ООН. Постепенно, в очень нелегких условиях, удалось добиться позитивных сдвигов в отношениях с Западом, сделать в октябре 1993 года серьезный шаг к нормализации отношений с Японией. К концу 1993 года на фоне некоторой внутривнутриполитической и экономической стабилизации в России и преодоления кризиса двоевластия можно было говорить о том, что самые острые проблемы, порожденные распадом Советского Союза, российской дипломатией в целом решены. За три года Козырев завоевал немалый международный авторитет, для многих стал символом новой внешнеполитической стратегии России, ориентированной на интеграцию в европейские структуры, систему союзов с рыночными демократиями.

Да, без сомнения, крупные просчеты были допущены в политике на Балканах, в отношениях с государствами, сформировавшимися на базе республик бывшего Советского Союза. Министерство иностранных дел очень медленно осваивалось с этой необычной для него сферой отношений. Но и здесь прогресс был очевиден. Хаос в государственных отношениях, при котором, используя традиционные межведомственные связи, государства Содружества умудрялись выбивать у того или иного российского ведомства односторонние уступки, постепенно уходил в прошлое.

Главной слабостью Андрея Козырева на посту министра иностранных дел, как мне кажется, было то, что он очень хотел быть министром иностранных дел. А это именно то качество, на которое у Бориса Николаевича Ельцина абсолютный нюх: как только он замечает, что высокопоставленный чиновник из его окружения держится руками и ногами за свое кресло, тот немедленно теряет его уважение, а вместе с ним и возможность отстаивать свою личную позицию. И превращается в зависимого исполнителя чужой воли.

Не избежал этой участи и Андрей Козырев, который постепенно начал изменять свои убеждения вместе с изменением генеральной линии властей. Думаю, что именно череда компромиссов и уступок и подвела Андрея Козырева к решению, принятому им в декабре 1994 года, когда в знак солидарности с начатой чеченской войной он демонстративно отмежевался от демократов и вышел из фракции «Выбора России». Отставку свою он таким образом не предотвратил, а лишь отсрочил. А вот репутацию человека, твердо стоящего за определенный стратегический путь России, утратил.

Но вернусь к раскрутке чеченских событий. Поначалу кажется — еще есть шанс избежать войны. Черномырдин принимает чеченских представителей, декларируя готовность к диалогу, есть надежда, что обойдется схемой демонстрации «большого кулака», как базы для конструктивных переговоров. Но вместо этого — неожиданный ультиматум Николая Егорова с предложением Дудаеву срочно прибыть в Моздок для подписания акта о сдаче оружия. Партия войны явно убеждена, что силовое решение — самое быстрое и эффективное. Война! Буксующая военная машина, страшный, кровавый итог новогоднего штурма Грозного, бомбежки по площадям, гибель тысяч мирных, ни в чем не повинных людей. Все так, как мы предполагали, только еще страшнее.

Начало чеченской войны накладывается на тяжелый экономический кризис. Плоды борьбы с «рыночным романтизмом» и «монетаризмом» налицо. Правительство не сумело воспользоваться и созданными осенью — зимой 1993 года предпосылками стабилизации, опасно ослабило бюджетную и денежную политику. К лету 1994 года в полной мере ясно — крупномасштабная денежная эмиссия и быстрое разбухание денежной массы неизбежно взорвут финансовую стабильность осенью. В августе резко возрастает спрос на валюту, Центральный банк делает одну ошибку за другой. К сентябрю вложения в доллары становятся намного эффективней,

чем в рублевые активы. Рост спроса на конвертируемую валюту приобретает взрывной характер. Центральный банк, валютные резервы которого истощены, умывает руки, уходит с рынка. Затем — резкое падение курса рубля, нарастание новой волны инфляции. Все результаты стабилизационных усилий осени 1993 года перечеркнуты. После «черного вторника» Президент снимает председателя Центрального банка Виктора Геращенко, исполняющего обязанности министра финансов Сергея Дубинина и заместителя председателя правительства Александра Шохина. Первым вице-премьером по экономике назначен Анатолий Чубайс.

После начала чеченской войны происходит дальнейшее углубление экономического кризиса. Горящий Грозный — не лучший фон для стабилизационной политики. Рынки явно не верят в то, что вновь пропланированная линия на стабилизацию будет выдержана. Правительство, поставившее своей целью снижение к концу 1995 года инфляции до 1 процента в месяц, в начале этого года занимает деньги под 350-400 процентов годовых.

Уже в ходе чеченской войны несколько раз встречаемся с Анатолием Чубайсом, думаем, что делать — должен ли он оставаться в правительстве? Советуемся с Сергеем Ковалевым, обсуждаем на фракции. Выбор тяжелый: оставаться в правительстве — значит неизбежно нести моральную ответственность за происходящее. Уйти в условиях тяжелейшего финансового кризиса, когда буквально дни отделяют страну от полной утраты валютных резервов — граничит с капитулянтством.

Не знаю, что бы сделал я, если бы в это время еще оставался в правительстве, продолжал бы исполнять обязанности первого вице-преьера, ответственного за экономическую политику? Наверное, все-таки подал бы в отставку. В знак протеста против войны в Чечне. У Анатолия другая роль. К этому времени он в меньшей степени связан с неэкономическими аспектами политики правительства. У него роль специалиста-профессио-

нала, ответственного за определенный важный участок работы. Взвешивая все «за» и «против», приходим к солидарному решению: Чубайс должен остаться и попытаться сделать все возможное для того, чтобы переломить негативную экономическую конъюнктуру, защитить рыночные механизмы, попытаться и в этой ситуации проводить осмысленную экономическую линию.

Между тем в экономике Чечня поставила правительство перед жесткой альтернативой. Ясно, что за эту авантюру придется платить, и платить немало. Есть два пути: перечеркнуть все, что было намечено в конце осени — начале зимы 1994 года в плане осуществления стабилизационной политики, вернуться к крупномасштабным заимствованиям у Центрального банка, использованию печатного станка и тогда смириться с раскруткой инфляции, вынужденным отказом от конвертируемости рубля, пойти по дороге административного регулирования цен, начать в условиях войны формирование военной экономики. Или же — предпринять резкое сокращение расходов по всем статьям, заплатить за войну сжатием бюджетной сферы, дальнейшим сокращением и без того крайне низких доходов россиян, занятых в системе образования, здравоохранения, науки, культуры. Вновь выбор между катастрофическим и плохим вариантом. Правительство выбирает меньшее зло.

Потом становится ясно: стабилизационные усилия дали результат, инфляция к лету идет вниз, валютный курс стабилизируется, валютные резервы начинают расти. Но цена стабилизации в условиях войны очень высока. Падение реальных доходов зимой 1995 года рекордно с начала 1992 года, вся бюджетная сфера в состоянии хронического кризиса. Если неудачи экономической политики 1994 года, осенний всплеск инфляции существенно поколебали базу поддержки Ельцина, то непопулярная и неэффективная чеченская кампания еще более радикально изменила общественное настроение.

По всем социологическим опросам, да и просто по общению с избирателями видно: в 1995 году число тех, кто готов поддержать Ельцина, сокращается на глазах. И это не его личная проблема. Негативная оценка деятельности Президента распространяется на всех демократов, и в первую очередь на наиболее тесно связанную с ним ДВР. Осенью 1993 года мы дорого заплатили за отсутствие четкой и однозначной позиции Президента, лишившее демократов их естественного лидера. Весной 1995 года платим еще дороже за стремительное падение его популярности.

Быстро падающая вместе с популярностью Ельцина привлекательность демократических лозунгов объективно прокладывает коммунистам дорогу к власти. На следующих выборах явно будем идти против течения. Значит, тем важнее сделать все возможное, чтобы добиться единства демократов. Эта проблема, и ранее значимая, становится просто жизненно необходимой для России.

Выше я уже рассказывал о попытке демократов объединить свои усилия в период подготовки к парламентским выборам 1993 года. Тогда ничего путного из этого у нас не получилось. Относительно наших предостережений насчет реальной опасности коммунистической и национал-социалистической угрозы партнеры из «Яблока» отшучивались: где это Гайдар обнаружил коммунистическую угрозу?

Уже после выборов Григорий Явлинский попросил о встрече, по возможности не в здании правительства. Я пару дней собирался отдохнуть в Барвихе. И заказал ему туда пропуск на машину, по его просьбе не называя фамилии. Григорий подъехал ко мне, мы часа полтора гуляли и беседовали. Он объяснял мне свою позицию, — почему должен был в максимальной мере дистанцироваться от власти, — но уверял при этом, что стратегически мы единомышленники и союзники, а значит, должны вместе думать о том, как обустроить Россию. Говорил о тактических выгодах положения,

при котором все убеждены в нашей взаимной неприязни, и что в нужный момент мы сможем удивить своих политических оппонентов, договорившись о совместной деятельности.

Пару недель спустя он опять позвонил, попросил с ним встретиться, и мы договорились, что заедем к моим родителям и там все обсудим. В это время в Думе уже шли межфракционные переговоры по формированию парламентских комитетов. При встрече Григорий Алексеевич продолжал развивать тему совместной работы и очень просил поддержать претензии «Яблока» на стратегически важный для него комитет по бюджету. Я хорошо знал Михаила Задорнова, на мой взгляд, наиболее способного человека в команде Явлинского, считал возможным поддержать его кандидатуру, о чем и сказал. Это обязательство свое мы, разумеется, выполнили.

Объективная трудность для парламентской фракции «Выбора России» состояла в 1994—95 годах в сочетании парламентской ответственности с ограниченными возможностями реально влиять на власть. Мы твердо голосовали против вотума недоверия правительству, убежденные в том, что смена его на пользу не пойдет, противостояли популистским решениям, способным подорвать финансовую стабильность. Короче говоря, мы всячески старались поддержать Президента и правительство в любых разумных начинаниях. По многим проблемам, которые им необходимо было решать, они шли на широкий диалог с другими фракциями, иногда, чего греха таить, откровенно выторговывая за поддержку — решение тех или иных депутатских проблем. На поддержку же «Выбора России» они могли рассчитывать и без торга, кроме тех случаев, когда речь шла о решениях, противоречащих нашим принципиальным программным положениям. В результате мы не получали серьезных политических преимуществ, создаваемых реальной властью, и вынуждены были дорого пла-

тить за поддержку конфликтных решений власти в социально-экономической области.

Небольшая по численности фракция «Яблока» твердо стояла на антиправительственной позиции и голосовала, как правило, за вотум недоверия. Не отягощенная никакими обязательствами, она активно критиковала непопулярные в народе решения правительства, завоевывая себе политические очки. Григорий Явлинский нередко заходил ко мне поговорить не на публике. Нас объективно сблизила начавшаяся чеченская война. Мы оба считали ее опасной и бессмысленной авантюрой, не имеющей военного решения, выступали за прекращение боевых действий. Наши депутаты вместе работали в Чечне, пытались добиться освобождения раненых, обмена военнопленных. Мы совместно выдвинули в Думе ряд законодательных инициатив, совместно их подписали, поддержали ряд общих заявлений. Одновременно чеченская война развела нас и с правительством, и с Президентом.казалось, само развитие событий с неизбежностью подталкивает демократов к тому, чтобы объединиться и совместно выступить на следующих парламентских и Президентских выборах.

Было ясно, что ключ к единству — союз двух крупнейших демократических сил, представленных в парламенте фракциями ДВР и «Яблоко». В случае достижения согласия между ними, для других, малых демократических партий и блоков просто не оставалось иного выбора, как присоединиться к большой коалиции. В этой связи мои коллеги по «Выбору России» предложили такое решение. Мы заключаем с «Яблоком» коалиционное соглашение о сотрудничестве по мажоритарным округам, договариваемся об общих подходах к стратегии и тактике пропагандистской кампании. А также о том, что тот демократический блок из входящих в коалицию, который получает больше голосов, будет иметь и право назвать своего кандидата в Президенты, мы его вместе поддержим. Эта идея в общем не

вызывала у Явлинского возражений, но казалась ему недостаточной. Он неоднократно говорил о том, насколько важно было бы сразу, не дожидаясь результатов выборов, определиться с кандидатом в Президенты, с составом коалиционного правительства и общей платформой.

Соображение не бесспорное, но и не лишенное убедительности. В переводе на простой язык это звучало так: вы хотите добиться единства демократов, я хочу быть кандидатом от демократов в Президенты. Поддержите меня, и мы на этой базе снимем все препятствия к этому единству. Своей идеей Григорий Явлинский делился с некоторыми членами нашей фракции, в частности с моим заместителем Борисом Золотухиным, просил ее поддержать. 9 мая 1995 года, после того как мы возложили цветы к Могиле Неизвестного солдата, он подошел ко мне, предложил еще раз переговорить. Вместе не спеша дошли до дворика моего института в Газетном переулке. Явлинский привел уже знакомые мне аргументы в пользу такого решения, убеждал его принять.

Решение для меня было непростым. Действительно, демократические избиратели настойчиво требовали от нас единства. Им трудно было разобраться в том, кто выступает за него, кто — против. Они видели другое: суета и амбиции демократических лидеров не позволяют им соединить усилия для отпора реальной угрозе коммунистического реванша. На сей раз никто уже не спрашивал, откуда Гайдар выкопал эту угрозу, она — налицо. Было очевидно: если мы договоримся, это придаст нашим избирателям дополнительного оптимизма и уверенности в силе российской демократии. Появятся серьезные шансы усилить свое представительство в Думе, особенно если демократические кандидаты по мажоритарным округам не станут заниматься взаимной грызней, конкурировать друг с другом.

Я понимал, что без моего согласия на это его условие коалиции не будет, а значит, и надежды победить

на парламентских и Президентских выборах практически тоже не будет. Либо мы идем на выборы разрозненными и рискуем потерпеть тяжелое поражение, либо добиваемся единства, но ценой поддержки кандидатуры Григория Явлинского в Президенты.

Взвешиваю все доводы. Да, Явлинский — честолюбец, но ведь интеллигентный человек, умный, не любит ни коммунистов, ни национал-социалистов; противник войны, сторонник частной собственности. Подробно беседую с ним насчет его экстравагантных финансовых идей, реализация которых, по моему убеждению, опасна, способна развалить народное хозяйство. По разговору понимаю — в этом вопросе он отнюдь не собирается отстаивать свою жесткую позицию. Мы договариваемся встретиться на телевидении, в очередных «Итогах», с тем, чтобы подготовить избирателей к возможности нашего сотрудничества.

Снова обдумываю альтернативы. Без единства демократов настоящего либерала в Президенты нам не провести. Наиболее серьезная угроза — коммунисты, в первую очередь Зюганов. Кто может ему противостоять? Ельцин? Черномырдин? На май 1995 года они слишком завязли с чеченской войной. Пока, судя по рейтингам популярности, демократические избиратели, по всей видимости, просто не проголосуют ни за того, ни за другого. И значит, будет Зюганов. Отсюда единственный наш шанс — создать демократический блок, добиться объединения «Яблока» и Демвыбора. Поддержка Григория — необходимая цена. Придется ее заплатить. Еду на телевидение. Чуть позже приезжает Явлинский. Отвожу его в сторону и говорю, что готов принять его предложение. Он буквально преображается, в глазах триумф. Теперь при поддержке ДВР он не один из целой череды претендентов-демократов, а общепризнанный демократический кандидат в Президенты. Меняется вся картина политического мира, открываются новые возможности. Явлинский предлагает тут же в эфире это и обозначить. Я соглашаюсь. Передачу

смотрит практически вся политическая элита страны. Из нее очевидно — мы с Явлинским принципиально договорились о единстве демократов! Впрямую никакие слова не произнесены, но всем мало-мальски осведомленным все и так абсолютно очевидно. После передачи едем ко мне в институт и продолжаем разговор, конкретизируем, что делать дальше. Обсуждаем альтернативу: что лучше — общий блок или два блока, но с согласованными принципиальными позициями и согласованными кандидатами по мажоритарным округам; договариваемся решить этот вопрос в рабочем порядке. Оговариваем принципиальные политические проблемы, не затронутые раньше, вырабатываем план дальнейшей деятельности. Мои помощники раздобыли бутылочку «Метаксы» — выпиваем по рюмке.

На следующее утро назначаю заседание Политсовета ДВР, чтобы проинформировать своих коллег о ходе переговоров, получить их принципиальное одобрение. Общий мандат на проведение переговоров мне предоставил прошлый пленум Совета партии. Утром — восторженные звонки и телеграммы из Москвы, Питера, регионов — ну наконец-то, договорились о единстве, не подвели. Резкий перелом в настроении демократического электората очевиден. Видимо, решение было правильное. Провожу Политсовет, коллеги почти единодушно поддерживают принятое решение. Кто-то, правда, упрекает в том, что мы дали Явлинскому слишком много. Но подавляющее большинство согласно: если это действительно обеспечит единство демократического лагеря на предстоящих выборах, игра стоит свеч.

Сразу после Политсовета подходит кто-то из журналистов, спрашивает, как я прокомментирую заявление Явлинского о том, что блока между нами не будет. Думаю, что это какое-то недоразумение, говорю, что не знаю о таком заявлении. До вечера пребываю в убеждении, что речь идет о какой-то ошибке, ведь еще оставшиеся нерешенными между нами вопросы носят технический характер. Вечером смотрю новости, худшее под-

тверждается. Звоню Явлинскому, прошу завтра подойти ко мне и договориться, как выходить из положения, все еще надеюсь, что речь идет о технических огрехах. Однакостораживает растерянный голос Григория. Условливаемся встретиться в кабинете Сергея Юшенкова. Наутро приходит Явлинский, в глаза не глядит. Я говорю о том, что надо срочно исправить положение, сделать совместное заявление, подтверждающее наше единство и договоренности. Он в ответ произносит что-то маловразумительное. О внутренних трудностях в «Яблоке», о том, что решение не было достаточно тщательно подготовлено и возникли какие-то проблемы. Все дальнейшее просто не понимаю. Кажется, еще что-то о коммунистах, которые, по его мнению, в борьбе с нынешней властью могут стать союзниками.

Чувство после расставания с ним преотвратнейшее, но все-таки в глубине души остаются сомнения: наверное, Явлинский встретил сопротивление внутри «Яблока», и ему придется убеждать некоторых членов фракции, но в конце концов это ему удастся, и он не откажется от заявленных на всю страну, обнародованных всенародно договоренностей. Вечером во вторник смотрю выступление Явлинского по телевизору и с изумлением узнаю, что, оказывается, никакой коалиции между «Яблоком» и ДВР ни при каких обстоятельствах быть не может. Вот так! На первый взгляд — ситуация вернулась к исходной, существовавшей несколько дней назад. На самом деле — трагическое поражение демократов. Как будто из шара, взмывшего вверх, выпустили воздух. Только что была надежда на единство, серьезную борьбу, победу, и вдруг все рухнуло, причем это чувство испытали многие и многие демократические избиратели по всей стране. Им непонятно происходящее, они не вдаются в детали, просто констатируют, что демократические лидеры опять не договорились. Может быть, из-за личных амбиций.

Думаю, что именно в тот момент было predeterminedено поражение демократов на парламентских выборах

1995 года. Разрыв договоренностей между ДВР и «Яблоком» объективно открыл дорогу дальнейшему дроблению сил демократии. Реальных шансов на победу в выборах у них не осталось.

Июнь 1995 года. В Думе поставлен вопрос о вотуме недоверия правительству Черномырдина. Для нас ситуация непростая: если этот вотум поддержит «Выбор России», он непременно пройдет. До меня доходят вполне внятные слухи, что ястребы из окружения Президента, те, что толкали его к силовым решениям, будут в высшей степени довольны устранением Виктора Черномырдина — на его место прочат Олега Сосковца. Поддержав вотум недоверия и вроде бы формально выступив против войны, мы на деле можем помочь именно тем, кто в первую очередь причастен к ее началу. Пока обсуждаем, что делать, неожиданная и страшная новость: отряд Шамиля Басаева напал на Буденновск, захвачена больница, колоссальное количество заложников, в том числе очень много женщин и детей.

Поначалу не поверил, это кажется провокацией. Ведь именно этого ждали сторонники крайних, чисто силовых решений: демонстрации аморальности сторонников чеченской независимости, доказательства, что с ними нельзя иметь дело.

Очень хорошо представил себе дальнейшее развитие событий. Никакая «хирургическая операция», разумеется, не получится, заложников освободить не удастся, будет кровавое месиво. После этого — массовые, стихийные, частично инспирируемые античеченские выступления по всему Северному Кавказу, в других районах России, случаи самосуда, ответные террористические акты и, как неизбежная реакция на них, ужесточение полицейского режима, введение чрезвычайного положения. И прощай демократия.

Со мной связывается Сергей Ковалев. Он в Германии, срочно летит в Москву. Говорит, что надежд практически нет, но попытаться организовать переговоры с террористами мы обязаны. Берет с собой депу-

татов нашей фракции Михаила Молостова, Юлия Рыбакова, Александра Осовцова, Валерия Борщова из «Яблока». Вместе они срочно вылетают в Буденновск.

Утром звонок Ковалева, он в Буденновске, объясняет ситуацию. Идет беспорядочный штурм больницы, стрельба по ней, в том числе из БТР, никакой организованной операции по освобождению заложников не получилось и ясно, что не получится, просто перебьют кучу народа. Ковалеву передали через одного из отпущенных заложников предложение Басаева договориться о временном прекращении огня и, в обмен на него, отпустить часть беременных женщин и женщин с новорожденными из родильного отделения. Сергей Адамович просит меня связаться с кем-нибудь из руководителей, способных принять такое решение, попытаться убедить в его необходимости. Ельцина нет в Москве, он вылетел в Канаду на совещание «семерки». Прямо из дома по городскому звоню Виктору Черномырдину. Практически в ту же минуту соединяют. По опыту знаю, что именно в таких кризисных ситуациях у премьера иногда вдруг неожиданно смолкает телефон, никому не хочется брать на себя ответственность.

Передаю Виктору Степановичу содержание разговора с Ковалевым, убеждаю в необходимости прекратить огонь. Надо спасти хотя бы столько людей, сколько можно спасти. Он соглашается, говорит, что отдаст соответствующее распоряжение. Днем выступаю на съезде ДВР, говорю о том, что наша позиция по вотуму недоверия правительству будет в определяющей степени зависеть от эффективности усилий по разрешению кризиса в Буденновске с минимальными жертвами. Параллельно постоянно держу телефонную связь с Буденновском.

Во второй половине дня еще один звонок Ковалева. Он говорит, что на его взгляд Басаева можно убедить отпустить заложников, снять заведомо невыполнимые требования насчет вывода российских войск с Северного Кавказа, пообещав ему только одно — немедлен-

ное начало мирных переговоров в Чечне. Если Черномырдин будет готов предоставить Сергею Адамовичу полномочия для проведения такого разговора с Басаевым, он готов попробовать это сделать.

Пытаюсь связаться с Черномырдиным, Сосковцом — на этот раз не удается. Тогда прошу дать по телевидению информацию о том, что Гайдар не может выйти на связь с руководством правительства по срочному вопросу, связанному с урегулированием кризиса в Буденновске. Ровно через две минуты после того, как эта информация проходит в «Вестях», перезванивает Сосковец. Объясняю ему свое видение ситуации, говорю, что, на мой взгляд, не воспользоваться таким шансом было бы просто преступно. Обещает немедленно доложить Черномырдину.

Чуть позже Черномырдин связывается с Ковалевым, предоставляет ему полномочия для проведения переговоров. Прогноз Ковалева оправдался, Басаев действительно согласился отпустить заложников, по существу, под одно условие — немедленное начало переговоров о мире в Чечне.

Ночью эти договоренности перед телекамерами были подтверждены Черномырдиным в личном разговоре с Басаевым. Думаю, идея публичности этого разговора носила отнюдь не только политический характер. Сделав произошедшее достоянием гласности, Черномырдин резко ограничил возможности тех, кто был готов перечеркнуть любые достигнутые договоренности и организовать крупномасштабную авантюру со штурмом и непредсказуемыми последствиями.

Следующий день — тягучие переговоры по освобождению заложников. То нет автобусов, то никак не могут подобрать тех, кто согласится ехать вместе с басаевцами, гарантируя их безопасность. ФСБ требует от заложников подписать издевательскую бумагу о том, что они присоединяются к банде Шамиля Басаева добровольно и полностью отдают себе отчет в послед-

ствиях такого решения. К вечеру напряжение ощутимо нарастает.

В двенадцать ночи опять звонок Ковалева. Его только что обманом выманили с территории больницы и не пускают обратно. Он опасается, что именно в ближайшие часы будет предпринята попытка силовой акции. Тогда страшные жертвы, а за ними весьма вероятно кровавая круговерть в других регионах России. Просит сделать все возможное для того, чтобы предотвратить такое развитие событий. В полпервого ночи связываюсь с Черномырдиным. Делюсь с ним информацией, говорю, что если я хоть что-нибудь понимаю в логике наших силовиков, то именно сейчас, ночью, они могут учинить черт знает что, а ответственность за последствия в полной мере ляжет на него. Виктор Степанович отвечает, что этого ни в коем случае не допустит, в убедительных русских выражениях говорит, что он сделает с каждым, кто попытается начать какую-нибудь авантюру.

По информации, которой имею все основания доверять, тогда ночью действительно было принято решение о штурме, и только предельно энергичное вмешательство Черномырдина позволило спасти людей. Я думаю, не только у меня есть основания испытывать благодарность Виктору Степановичу за его действия во время буденновского кризиса.

В результате парадокс: страшный, варварский, кровавый террористический акт действительно послужил импульсом мирным переговорам. Знаю людей, которые именно поэтому оправдывают Басаева. Сам категорически не принадлежу к их числу. Хорошо представляя себе расклад сил в российских верхах этого времени, убежден: то, что удалось спасти жизнь подавляющего большинства заложников, проложить дорогу мирным переговорам — редчайшее стечение обстоятельств, примерно как если бы вы подбросили вверх монетку, а она возьми да и опустилась на ребро. Думаю, буденновский кризис — один из тех ключевых моментов, когда

угроза нависла не только над жизнью сотен людей, но и над самой российской демократией.

Через два дня после разрешения кризиса в Буденновске, уже во время мирных переговоров, мы с легким сердцем проголосовали против вотума недоверия правительству Черномырдина, но за резолюцию с требованием отставки руководства силовых министерств. Тем не менее, широкой коалиции — от коммунистов до «Яблока» — хватило голосов, чтобы провести вотум недоверия. Формально выступая против войны в Чечне, думское большинство проголосовало за отставку человека, усилиями которого трудный поворот к миру только что стал возможным. По действующей конституции, лишь после второго вотума недоверия Президент обязан выбрать, что он сделает: отправит в отставку правительство или распустит Думу. Между тем, через три месяца наступает срок, в течение которого, в период перед выборами, Дума не может быть распущена, а значит, при следующем голосовании отставка правительства Черномырдина предрешена. До этого правительство, которому уже вынесен вотум недоверия, существует полуправомочно. Эта его слабость устраивала и большинство Думы, и значительную часть Президентского окружения.

Правительство решило повторить наш маневр апреля 1992 года, пойти на обострение, и тут же внесло на рассмотрение Думы проект Закона о доверии себе, тем самым поставив и парламент, и Президента перед необходимостью быстрого и жесткого выбора. Если резолюция о доверии не проходит, тогда немедленное решение об отставке правительства или досрочных выборах Думы.

Этот неожиданный поворот событий поверг лидеров оппозиции в состояние, близкое к панике. Только что проголосовав недоверие правительству, тут же радикально поменять свое решение и через неделю проголосовать за вотум доверия ему — страшный удар по собственной репутации. Пойти же на продолжение

конфронтации опасно — а вдруг Президент поддержит премьера и распустит Думу, что же тогда, остаться без своих депутатских привилегий, без мощной базы в Думе, которую коммунисты впоследствии столь эффективно использовали в ходе избирательной кампании?

Никогда не любил ходить в здание в Охотном ряду. Там тяжелая атмосфера, воздух буквально пропитан ненавистью. И вдруг на несколько дней эта атмосфера исчезла, я вдруг оказался популярен среди народных избранников. Эмиссары от оппозиции, особенно от колеблющихся популистских групп один за другим подходят с просьбой помочь найти хоть какой-нибудь выход из сложившегося положения.

Честно говоря, желание наказать политиканов и мелких трусишек было. Но я понимал — поддаваться ему нельзя. Ведь до сих пор ни один парламент после краха социализма в России не дорабатывал положенного срока. И это стало дурной традицией. Допустить такое еще раз было бы просто опасно. Выборы должны состояться точно в намеченные сроки.

Позвонил Виктору Степановичу, Борису Николаевичу, договорился о встрече — впервые после начала чеченской войны. Предложил формулу компромиссного решения: Дума еще раз ставит на голосование вопрос о вотуме недоверия, не набирает необходимого количества голосов. Правительство удовлетворяется этим, считает инцидент исчерпанным и не настаивает на повторном голосовании вотума доверия. В результате парламентское большинство оказывается как бы выпоротым, но не слишком больно. И Ельцин, и Черномырдин согласились с этим предложением.

На следующий день решение было принципиально согласовано на встрече Ельцина с руководством фракций и депутатских групп. Дума с огромным облегчением провалила повторный вотум недоверия. А через несколько дней, придя в Думу, я вновь почувствовал привычную атмосферу ненависти.

Маленькая победа в Думе не могла заслонить боль-

ших забот о предстоящих перспективах с парламентскими выборами. А ситуация для демократов была очень сложная, если не сказать почти безнадежная. То, что декабрьские выборы будут для ДВР тяжелыми, стало очевидным еще после начала чеченских событий. Помимо этой непопулярной самой по себе войны, действовали и другие негативные факторы. Раскол в самой партии на либералов и сторонников власти; образование движения «Наш дом — Россия», неизбежно отнимающего у нас часть наших же голосов; неудача попыток выстроить единую демократическую коалицию; появление десятков махоньких демократических групп, не имевших ни малейшего шанса преодолеть пятипроцентный барьер, но тоже растаскивавших голоса демократических избирателей... Все это вместе взятое низводило ДВР в предвыборном раскладе, по данным социологических опросов, в зону риска. Все решало то, куда качнется колеблющийся демократический избиратель, что перевесит — риск потерять свой голос, если ДВР барьер не преодолеет, или надежда иметь последовательно либеральную политическую силу, представленную в Думе.

Утром 21 декабря позвонил Черномырдин, поздравил: пятипроцентный барьер нами преодолен. За ним поздравил Георгий Сатаров, помощник Президента, занимавшийся выборами. Та же информация — по радио, телевидению. Многочисленные звонки от сторонников, тех, кто нас поддерживал, голосовал за нас. Буквально часа два спустя — волна тревоги, потом разочарование: у Рябова в Центризбиркоме другие данные. Наша партия по-прежнему сохранила сильное положение в столицах — в Москве, в Питере, провела 9 депутатов по одномандатным округам, но проходного барьера не преодолела.

Из-за контраста с предшествующими известиями настроение особенно мерзкое. К тому же удручают общие результаты выборов. Убедительная победа коммунистов, у них явно будет большинство в парламенте,

за ними на втором месте Жириновский, НДР получил меньше 10 процентов голосов, «Яблоко» — меньше 7 процентов. Максимум, что смогут сделать в Думе демократы и умеренные — это не дать коммунистам конституционного большинства. А ведь у нас впереди, через полгода — Президентские выборы. Если умеренные и демократы подойдут к ним столь же раздробленными, вполне может сложиться ситуация, при которой победа коммунистов станет неотвратимой.

Природа постсоциалистического политического цикла довольно ясна. Социализм, как правило, оставляет в наследство финансовую разруху, тяжелейшие бюджетные проблемы, крупный и трудноуправляемый внешний долг. Все это вместе с отсутствием традиций уважения к частной собственности, контрактному праву, ставит непростые задачи перед правительствами, приходящими ему на смену.

Реформы неизбежно несут с собой радикальные изменения стиля жизни, соотношения доходов, социальных статусов. Общество с трудом адаптируется к подобного рода переменам, даже когда они исторически неизбежны и оправданны. Да, конечно, это хорошо, когда не надо больше стоять в очередях или униженно выпрашивать у местного партийного начальника разрешение на поездку в Болгарию, когда имеешь возможность создать собственное дело или выбрать место, где тебе удобно жить. Но ведь одновременно возникают и серьезные трудности: не хватает денег на покупку товаров, в изобилии появившихся на полках магазинов, да и работать надо куда напряженнее, чем раньше. Думать самому о будущем своей семьи. Все это — реальные жизненные проблемы, и именно правительство, по мнению многих, за них в ответе. Отсюда практически повсеместное поражение начинавших реформы политических сил на вторых, после краха социализма, принципиальных выборах, и успех тех, кто апеллирует к чувствам ностальгии по старому порядку.

Пришедшие на этой волне к власти вполне способ-

ны нанести тяжелый удар по хрупким, едва сформированным рыночным механизмам. Так случилось в Болгарии, где реванш социалистов обернулся весной 1996 года хлебными очередями, бензиновым кризисом, резким сокращением валютных резервов, лавинообразным падением национальной валюты. Но это скорее исключение. В подавляющем большинстве случаев через несколько лет после начала реформ посткоммунистические партии уже вполне интегрируются в структуры гражданского общества. Придя к власти на критике реформ, их лидеры, как правило, продолжают проводить примерно тот же курс. Польша, где самые резкие критики либерала Бальцеровича, получив власть, сохранили преемственность в политике, тому наглядный пример.

Подобные примеры рождают опасные иллюзии. Многие россияне думают: если в Восточной Европе с приходом посткоммунистических партий не произошло ничего страшного, так же будет и у нас. На мой взгляд, это опасная ошибка. Именно здесь проявляется принципиальное различие восточноевропейских (вассальных) и российской (имперской) компартий. Восточноевропейские компартии, скажем, польская, венгерская или болгарская, никогда не были, в собственном смысле этого слова, независимыми. По существу, они оставались отделами ЦК КПСС по управлению соответствующими странами-сателлитами. Именно поэтому и для своих народов они всегда были символом национального унижения. И после развала коммунистической империи и дискредитации коммунистической идеологии эволюционировали в сторону социал-демократии.

Совсем другая ситуация в России. Здесь коммунистическая идеология уже давно играла скорее роль мишуры, обертки имперской сущности. Крах социализма в России совпал и с крахом империи. Коммунизм здесь оказался переплетенным с радикальным национализмом, а основная линия эволюции КПРФ пошла не в сторону социал-демократии, а в сторону нацио-

нал-социализма. Вся нацистская риторика 20-х — начала 30-х годов прекрасно приспособилась к постсоветским реальностям: текстовые повторы отдельных пассажей Гитлера в книжках лидера российских коммунистов Геннадия Зюганова, разумеется, далеко не случайность. Конечно, любые аналогии условны, корни КПРФ существенно иные, чем у немецких нацистов, но все же главная тенденция ее эволюции в 1991—1996 годах очевидна. Это партия агрессивного реванша, не принявшая для себя правил игры демократического общества. Ее победа на президентских выборах чревата тяжелым кризисом рыночных и демократических институтов.

В условиях молодой рыночной экономики с развитыми финансовыми рынками реакцию на победу коммунистов нетрудно промоделировать: крах российского фондового рынка, стремление как можно скорее избавиться от акций российских предприятий и перевести вырученные средства в конвертируемую валюту, острейший кризис на рынке государственных заимствований, перераспределение сбережений населения из рублевой формы в валютную, аналогичные действия банков, предприятий.

Уже с осени 1995 года приближение президентских выборов, риск прихода коммунистов к власти начинают сказываться на финансовых рынках, вновь растет доля сбережений населения в валюте.

Нестабильная, молодая налоговая система в России — это не хорошо отлаженный автомат. Ее надо постоянно подправлять, искать противоядие против открывающихся лазеек, просто отказа крупнейших предприятий от уплаты налогов. Именно этим Чубайс энергично занимался в 95-м году. Его отставка в январе 1996 года по предвыборным мотивам — мощный сигнал рынку. Директора понимают: в ближайшие месяцы с налогами можно не торопиться, власть усердствовать не будет. Отсюда резкое падение доходов государства, рост налоговой недоимки. С начала мар-

та — нарастание кризиса на рынке государственных заимствований. Процентная ставка по государственным казначейским обязательствам, срок исполнения которых — до первого тура президентских выборов, втрое меньше, чем ставка по таким же бумагам, но со сроком реализации после начала июля.

Не надо быть великим экономистом, чтобы понять: в случае победы Зюганова, еще до того, как он переступит порог кремлевского кабинета, выстроится очередь к обменным пунктам, начнется масштабное бегство и российского, и иностранного капитала за рубеж. Быстрое истощение валютных резервов, резкое падение курса рубля, вынужденный отказ от его конвертируемости — все это практически неизбежные ступени развития кризиса, который развернется в результате победы коммунистов. А отказ от конвертируемости — это уже начало развала всех, с таким трудом созданных рыночных механизмов. Исчезнет конкуренция импортных товаров, ускорится рост цен, вновь возникнет дефицит на различных рынках. Естественная реакция населения на неконвертируемость рубля и появление дефицита — панические закупки предметов первой необходимости, дальнейшее ускорение роста цен, рост бедности. И практически неизбежные в данной ситуации попытки ввести контроль цен на важнейшие товары. Ну, а контроль цен в условиях финансовой и потребительской паники — прямой путь к восстановлению тотального дефицита.

Откуда возьмется зерно в городах, если рубль вновь перестанет работать? Как тогда взять его у фермеров и сельскохозяйственных предприятий? Посылать на село продотряды?

Короче говоря, экономический анализ показывает: победа коммунистов автоматически разрушит рыночные регуляторы, страна окажется в обстановке экономического хаоса 1991 года, когда не работают ни деньги, ни приказы. Нетрудно представить себе реакцию населения, — рост недовольства, непопулярность ре-

жима, лихорадочный поиск врагов народа. Все это вряд ли надолго. Никакого стабильного тоталитаризма уже не получится, нет для него ни социальной, ни идеологической, ни финансовой базы. Но удар по перспективам развития России в XXI веке будет нанесен мощнейший.

Между тем, возможность победы коммунистов не какая-то аномалия, не историческая случайность. Они просто оседлали ту волну, которая уже привела к власти множество посткоммунистических партий Восточной Европы. Вопрос в том, можно ли в России остановить их и если можно, то как.

Главная надежда на то, что общество все-таки осознает риск, связанный с победой коммунистов именно в России, сработает инстинкт самосохранения. Все-таки одно дело выразить свое недовольство властью на парламентских выборах, зная, что твоя жизнь от этого радикально не изменится, и совсем другое — проголосовать за начало радикальной контрреформации в России.

Победа коммунистов, разумеется, не нужна нам — демократам, тем, кто выступает за продолжение либеральных реформ, упрочение частной собственности, равные правила игры, ускорение аграрной и военной реформы, реформу российской государственной машины. Но она не нужна и партии власти, тем, кто ориентируется на сохранение сложившегося статус-кво, кого вполне устраивает сформировавшийся, далеко не привлекательный номенклатурный капитализм. Им ведь тоже не хочется великих потрясений.

За прошедшие пять лет очень много изменилось в России. То, что было теоретическими конструкциями, проектами, идеями, — развитая система рынков, бездефицитная экономика, конвертируемый рубль, свобода внешнеторговых реформ, масштабный частный сектор, аукцион, акционерные общества, — стало реальностью, жизнью миллионов людей. Сегодня даже та часть элит, которая в начале 1992 года считала наши рыночные

идеи чисто теоретическими, приняла все это как данность и отнюдь не собирается от созданных рыночных механизмов отказываться.

Да, мы и партия власти по-разному видим дальнейшее направление развития России, но сегодня, волею обстоятельств, мы стратегические союзники. Не исключено, что еще весной 1995 года объединенные демократы могли противопоставить коммунистам сравнимый противовес. В начале 1996 года, после сокрушительного поражения на парламентских выборах, это нереально. Значит, стратегический союз демократов и партии власти — необходимая предпосылка, чтобы предотвратить коммунистический реванш.

Необходимая, но вот достаточная ли? Ельцин — естественный претендент на роль лидера такой коалиции. Он олицетворяет собой действующую власть и, вместе с тем, при всех отступлениях и ошибках, остается главным инициатором российских реформ. Однако в последние месяцы он поразительно пассивен, производит впечатление уставшего, больного человека, утратившего присущую ему ранее энергию. Создается впечатление, что им просто манипулирует ближайшее окружение. Уровень его поддержки в обществе близок к нулевой отметке. Связывать с ним надежды на предотвращение коммунистического реванша кажется просто самоубийством. Что может сиднем сидящий Илья Муромец против татарского нашествия?

Кульминация кризиса власти Ельцина — события в Первомайском.

Еще до начала событий я уехал на дачу, решил немного поработать, попросил секретаря без крайней необходимости не звонить. И все же звонок с работы, испуганный голос моего секретаря Леночки: только что по телевизору передали, что террористы в Первомайске предложили освободить заложников, если их согласятся заменить собой Гайдар, Явлинский или Лебедь. Журналисты требуют комментариев. К этому времени мне ясно — отряд Радуева решено уничтожить, не счи-

таясь ни с чем. Тем не менее, если есть хоть какая-то возможность ограничить число жертв, спасти мирных людей, этим надо воспользоваться. Захватываю с собой вещи, мчусь на работу. Пытаюсь дозвониться до Барсукова — не соединяют, прошу ему передать, что, на мой взгляд, предложение боевиков надо принимать вне зависимости от того, что они собираются делать дальше. Звоню руководству генерального штаба, ключевым сотрудникам администрации Президента. По реакции чувствую — заложников уже похоронили.

Операция под руководством директора ФСБ Михаила Барсукова. По действиям властей нетрудно догадаться: дана задача уничтожить террористов, ни в грош не ставя жизни заложников, уже объявленных перебитыми. Провал штурма, уход дудаевцев вместе с заложниками. Своеобразная смесь жестокости и беспомощности. На последующей пресс-конференции генерал Барсуков, с присущим ему тактом, объявляет, что все чеченцы либо убийцы, либо разбойники или, в лучшем случае, воры. Президент перед телекамерами рассказывает о прекрасно спланированной операции с участием 38 снайперов, потом о созданном дудаевцами в Первомайском мощном укрепленном районе. Он выглядит полностью оторванным от реальности. Смотреть невыносимо, мучительно стыдно.

Выступил с предельно резким заявлением, осуждающим действия властей, сказал, что Президент становится игрушкой в руках очень опасных людей, потом направил Борису Николаевичу письмо о своем выходе из состава Президентского совета.

Получаю письмо от Президента.

Е. Т. Гайдару

Егор Тимурович!

Судьба свела нас в один из самых ответственных и опасных для страны моментов. В немалой степени благодаря вашему мужеству удалось начать настоящую эко-

номическую реформу, политические преобразования. Что бы ни говорили сейчас, остаюсь верен этому курсу.

Знаю, что Вы активно заняты политикой не ради корысти. Очень надеюсь, что при решении исключительно сложных политических проблем нынешнего года Вы, как и прежде, во главу угла будете ставить не эмоции, а интересы России, что в самые критические моменты Вы проявите ясное стратегическое видение.

Благодарен Вам за длительную совместную работу. Желаю Вам всего доброго.

Б. Н. Ельцин

Отвечаю ему:

Уважаемый Борис Николаевич!

Спасибо за Ваше письмо от 2 февраля. Как бы ни порочивались потом события, я всегда помню о том мужестве, с которым Вы взяли на себя в 1991 году ответственность за начало жизненно необходимых для страны, но политически столь опасных реформ. Убежден, именно это позволило предотвратить реальную угрозу катастрофы зимой-весной 1992 года. Мы и в 1991 году понимали, что задача реформирования российского общества после 75 лет коммунистического режима очень тяжелая, но все же, наверное, не понимали, насколько она будет мучительна. Именно потому, что хорошо осознаю, какое бремя легло на Ваши плечи, всегда сохраняю глубочайшее уважение к тому, что Вы сделали для становления демократии и рыночной экономики в России. Именно поэтому так тяжело видеть, как люди, которым Вы сегодня доверяете, просто компрометируют Вас своими лживыми донесениями и беспомощными действиями, как это было, например, при разрешении кризиса с заложниками в Первомайском.

Разумеется, для меня главный приоритет во всем, что я делаю сегодня и буду делать в ближайшие месяцы, — не допустить прихода коммунистов к власти, нового кровавого эксперимента, способного перечеркнуть

многое из того, за что мы боролись. Именно это, а не эмоции, будет определять мою позицию. К сожалению, много общаясь с людьми, с избирателями в разных регионах России, прекрасно понимаю, какой груз ответственности в глазах людей за сегодняшние непростые проблемы лежит на тех, кто взял на себя политическое мужество начать преобразования, а значит, в первую очередь, на нас с Вами. Именно поэтому сегодня выдвижение Вашей кандидатуры как центра противостояния коммунистам не кажется мне правильным решением.

Вне зависимости от наших текущих политических разногласий сохраняю к Вам глубокое личное уважение.

Е. Гайдар

Ну хорошо, а что делать дальше? Несколько раз заходит Явлинский, просит поддержать его кандидатуру. Обсуждаю эту возможность на Политсовете в ДВР. Мнение подавляющего большинства коллег — это исключено. После невероятных кульбитов прошлого мая большинство наших единомышленников о поддержке Явлинского и слышать не хочет. К тому же январская история, когда в результате позиции, занятой «Яблоком», коммунисты смогли легко провести своего представителя Геннадия Селезнева на пост председателя Государственной Думы, энтузиазма по поводу такого союза не прибавляет. Сам прекрасно понимаю: выстроить антикоммунистическую коалицию партии власти и партии демократии вокруг Явлинского невозможно. Игра заведомо безнадежна. Даже если мне чудом удастся убедить всех наших сторонников голосовать за Явлинского, он все равно не имеет шансов оказаться во втором туре.

К этому времени вижу лишь две призрачных возможности не допустить победы Зюганова: либо убедить Ельцина не выставлять свою кандидатуру, поддержать Черномырдина, либо, если этого добиться не удастся, попытаться создать демократическую коалицию вокруг нижегородского губернатора Бориса Немцова. Он мо-

лод, энергичен, не причастен к столичным тусовкам, не вызывает отторжения у избирателей ДВР и «Яблока», политически талантлив, умеет разговаривать с народом, очаровывать, вызывать поддержку. За ним реально сделанное дело, он удачливый губернатор, только что с подавляющим преимуществом выигравший выборы в своем непростом регионе. На основе многочисленных консультаций с лидерами демократических партий и движений прихожу к убеждению: для большинства из них — это приемлемый вариант. В отсутствие коалиции партии власти и демократов Немцов, видимо, единственная демократическая фигура, имеющая хотя бы некоторые шансы пробиться во второй тур, выиграть у коммунистов.

Быстро, однако, убедился — оба варианта не пройдут. Ельцин принял твердое решение баллотироваться, Виктор Степанович никогда не пойдет против него. Да это было бы и глупо, еще не хватало раскола в самой партии власти. Убеждаю Явлинского в целесообразности совместной поддержки Немцова, без чего затея с его выдвижением бессмысленна — это лишь разобьет голоса демократических избирателей. Явлинский отказывается. К концу февраля 96-го все варианты, дававшие хотя бы призрачные надежды, отработаны и ни к чему не привели.

Значительная часть окружения Ельцина ни в грош не ставит шансы его победы на демократических выборах. Все громче разговоры о необходимости их отмены или переноса. Всегда категорически выступал против таких вариантов, и не только по принципиальным соображениям, но и по сугубо прагматическим. Конституционных способов добиться переноса выборов — не существует. Это выход в неправовое поле, к тому же предпринятый, в отличие от 1993 года, без каких бы то ни было понятных обществу оснований. В этом случае от легитимности власти Ельцина не останется и следа, судьба страны будет зависеть от позиции силовых министерств. Мне хорошо известно: поддержку в них

действующей власти не надо преувеличивать, армия сама в политику не полезет, но, если ее туда толкнуть, Президента могут ждать неприятнейшие сюрпризы. Затея провалится, а история молодой российской демократии закончится фарсом в стиле ГКЧП. Даже если предположить, что переворот удастся, лишенный легитимности Борис Ельцин окажется игрушкой в руках организаторов и вдохновителей этого переворота, их заложником. По подчеркнутой бестолковости в работе предвыборного штаба Президента в феврале не составляет труда догадаться — Ельцину хотят оставить только силовые альтернативы.

Коллеги по Политсовету ДВР уговаривают меня дать согласие на выдвижение своей кандидатуры в Президенты, доказывают, что это выход. Я прекрасно понимаю, что это никакой не выход. Мое выдвижение ни одной проблемы не решит, лишь вызовет ощущение ненужной суеты в лагере демократов.

Борис Николаевич приглашает для разговора. Еще раз объясняю ему свою позицию, говорю о том, что он, на мой взгляд, должен сделать, если надеется перетянуть на свою сторону голоса демократов. Поговорили о кадровых переменах, о необходимости серьезных усилий по поиску мира в Чечне.

В ходе разговора неожиданно поймал себя на мысли, что вижу перед собой отнюдь не того Ельцина, который буквально месяц тому назад говорил с телеэкрана что-то невнятное о тридцати восьми снайперах и укрепрайоне в Первомайском. Он четок, собран, энергичен, на лету ловит мысль собеседника. Такое ощущение, что не было этих пяти лет, как будто мы снова в октябре 1991 года, на нашей первой встрече, открывшей правительству реформ возможность действовать. После разговора, впервые за месяцы, зарождается надежда, что, может быть, сейчас, в ключевой для России момент, Ельцин сумеет резко измениться, набрать былую энергию и восстановить контакт с избирателями.

И действительно, — в марте 1996 года народ вдруг видит перед собой совершенно другого, уже забытого Президента: Ельцина образца 1991 года, с его уникальным умением разговаривать с людьми, привлекать симпатию энергией, напором. Такое ощущение, что наш Илья Муромец наконец встряхнулся. Первое известие о росте популярности Ельцина воспринимается все же недоверчиво: так просто не может быть. Но быстро приходит понимание — общественное настроение действительно переменялось, и становится ясно: борьба на предстоящих выборах развернется между ним и Зюгановым.

После того, как Ельцину удалось в течение марта сделать предвыборную ситуацию в стране двухполюсной, наша позиция, по существу, стала очевидной. При выборе между Зюгановым и Ельциным мы, как демократическая партия, просто обязаны поддержать Ельцина. Сколько бы у нас ни накопилось серьезных претензий, отказать ему в поддержке — значит встать в глупейшую подростковую позицию: шапку не наде- ну — пусть у меня назло маме уши отмерзнут!

Нетрудно понять — при всех своих прегрешениях Ельцин остается гарантом предотвращения второго пришествия коммунистов, а это дорогого стоит. Это значит, что частная собственность в России гарантирована, что рынки не будут развалены, что созданные молодые институты российского гражданского общества получат возможность жить и развиваться, постепенно дисциплинируя власть, заставляя с собой считаться. Экономический рост создаст ресурсы для решения наиболее жгучих социальных проблем, и мы наконец перестанем заниматься безнадежным делом перераспределения все сокращающегося общественного пирога. Наконец начнет наращивать мускулы, осознавать свои подлинные интересы тот средний класс, который и служит потенциальной опорой либеральных идей, борьбы за ограничение всевластия чиновничества, а значит, и за отделение собственности от власти. Коро-

че говоря, все это означает, что безмерно сложные задачи обеспечения необратимости постсоциалистических изменений в России будут решены. Голосуя за Ельцина, мы поддерживаем не его администрацию, а частную собственность, конвертируемый рубль, гражданское общество в России. Именно исходя из этих аргументов, съезд ДВР подавляющим большинством голосов — 157 за, 1 против — принял решение: энергично поддержать Ельцина в избирательной кампании.

Кое-кто тут же поспешил обвинить Гайдара в беспринципности. Недавно, мол, просил Ельцина отказаться от участия в президентской гонке, весной на всю страну по телевидению заявил, что поддерживать его не будет, и вдруг, нате вам — летом повернул на 180 градусов. Но ведь, — повторяю для непонятливых, — и ситуация с весны изменилась на те же 180 градусов. И надо быть ослом, чтобы из чистого упрямства талдычить старое, так сказать, «не поступаясь принципами».

В канун выборов стало совершенно очевидным, что Ельцин имеет все шансы одержать победу. Но его победа — это, прежде всего, победа курса реформ. Она — свидетельство того, что ребенок жив и дышит, что он будет расти и мужать. И значит — это победа тех, кто стоял у его колыбели, у колыбели реформ. А значит — это и моя личная победа.

Надеюсь, со временем Анатолий Борисович Чубайс, принимавший в президентской кампании куда большее участие, чем я, сможет рассказать откровенно о борьбе в верхних эшелонах власти вокруг силового варианта, о попытке спровоцировать введение чрезвычайного положения, о подготовке союза Ельцина и Лебеда и о драматических событиях, предшествовавших отставкам Коржакова, Барсукова, Сосковца. Пока все это, пожалуй, слишком близко и горячо для откровенного разговора. Для меня же сейчас важно другое — победа Ельцина на президентских выборах 3 июля подвела черту

и под историей русской революции начала девяностых годов, и в целом под историей коммунизма в России.

КПРФ, не прорвавшись к власти в 1996 году, несмотря на боль общества, тяжело приспособляющегося к иной жизни, и упустив волну первого постсоциалистического политического цикла, теперь власть в России не получит никогда. Если, конечно, сама радикально не перестроится.

Мне думается, что это лучший выход и для самой КПРФ. Проиграв на июльских выборах, она тем не менее, остается влиятельной оппозиционной силой, представленной в парламенте, контролирующей значительную часть регионов, притом не несущей непосредственной ответственности за происходящее в стране. Наверняка в ней самой начнется процесс размежевания, выделения тех сил, которые готовы принять как данность институты гражданского общества и социал-демократизироваться.

Как-то в личном разговоре сказал одному из лидеров коммунистов, что их победа была бы опасней всего для них самих. Когда все развалится, а это, в случае их прихода к власти, неизбежно, с ними вряд ли поступят так мягко, как после августа 1991-го. Он мне не возразил. Иногда, глядя на то, как Зюганов ведет предвыборную кампанию, у меня складывалось впечатление, что он и сам боится своей победы, понимает, что не совладает с рычагами, регулирующими сегодня жизнь России. Все-таки, видимо, именно созданные рынки, частный сектор, отношения собственности стали той преградой на пути к власти, перешагнуть которую коммунистам так и не удалось.

Заключение

Теперь молодой, еще очень несимпатичный, несовершенный российский капитализм, только что счастливо избежавший угрозы коммунистической контрреформации, стоит перед новой стратегической дилеммой. Собственность и власть в России еще четко не отделены, переплетены тысячами нитей. Преуспевание банка или предприятия еще больше зависит от тесных отношений с органами власти, чем от эффективности собственной работы. Налоговое и таможенное регулирование, пронизанное льготами, напоминает решето, через которое уходят триллионы рублей. У чиновников широчайшие возможности расходовать государственные средства по собственному усмотрению. Не обеспечены равные правила игры. Создание и перераспределение административной ренты куда более надежный путь к обогащению, чем освоение новой продукции, выход на новые рынки. Источником многих социально-экономических проблем служит само коррумпированное государство, за которым скрываются мощные интересы тех, кто сегодня причастен к перераспределению этой административной ренты, мечтает, чтобы именно такой коррумпированный, бюрократический капитализм упрочился в России. За разговорами о борьбе против рыночного романтизма и усилении контроля государства над экономикой скрываются, как правило, именно эти корыстные интересы. Такого рода капитализм неплохо известен по опыту «третьего мира». Он даже позволяет

обеспечивать экономический рост, но всегда в уродливых формах, при вопиющем социальном неравенстве, порождающем постоянную социально-политическую нестабильность.

Никакой не секрет, что надо сделать, чтобы вывести развитие российского капитализма на иной, цивилизованный путь. Нужно:

— Четко отделить собственность от власти.

— Обеспечить равенство правил игры в экономике.

— Заделать дырки в налоговом и таможенном режиме.

— Ввести в действие закупочный кодекс — инструмент жесткого контроля за расходованием государственных средств.

— Резко ограничить вмешательство бюрократии в управление конкурентными секторами экономики.

Заставить государство делать то, чем оно должно заниматься в условиях рынка — обеспечением порядка, устойчивости национальной валюты, соблюдением контрактов, социальной защитой, регулированием естественных монополий.

Иными словами, России жизненно необходим новый цикл либеральных реформ, позволяющих сделать наш молодой рынок менее криминальным и коррумпированным; власть — более компетентной и честной; распределение результатов экономического роста — более справедливым. Именно борьба вокруг этих альтернативных путей будет определять политическое и экономическое развитие России в ближайшие годы.

Но это уже другая история. И для другой книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 7 ОТ АВТОРА
11 Глава 1
ДЕТСТВО
23 Глава 2
В ПОИСКАХ ТОЧКИ ОПОРЫ
35 Глава 3
ВАРИАНТЫ И ПРОГНОЗЫ
71 Глава 4
АВГУСТ ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО
87 Глава 5
НАКАНУНЕ...
112 Глава 6
ПЕРВЫЙ ШАГ, ОН ТРУДНЫЙ САМЫЙ
152 Глава 7
СУРОВАЯ ЗИМА ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО
174 Глава 8
СБЫВШИЙСЯ ПРОГНОЗ
218 Глава 9
ОТСТАВКА
239 Глава 10
ДВОЕВЛАСТИЕ
274 Глава 11
СХВАТКА
294 Глава 12
ВРЕМЯ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
324 Глава 13
ДЕМОКРАТИЯ НА ФОНЕ ЧЕЧНИ
365 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

**Егор Тимурович Гайдар
Дни поражений и побед**

РЕДАКТОР

А.С. Захаренко

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Т.Н. Костерина

ТЕХНОЛОГ

М.С. Белоусова

ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ

А.А. Павлов

ЗАВ. КОРРЕКТОРСКОЙ

А.Ю. Минаева

ЗАМ. ЗАВ. КОРРЕКТОРСКОЙ

Н.Ш. Таласбаева

КОРРЕКТОРЫ

В.А. Жечков, С.Ф. Лисовский

Издательская лицензия
№ 061053
от 15 апреля 1992 года.
Подписано в печать
25.10.96.
Формат 60 × 90/16.
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.
Объем 23 печ. л.
Тираж 10 000 экз.
Изд. № 355. Заказ № 2969.

Издательство «ВАГРИУС»
103064, Москва, ул. Казакова, 18

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном
ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московском предприятии
«Первая Образцовая типография»
Комитета РФ по печати
113054, Москва, Валовая, 28.

